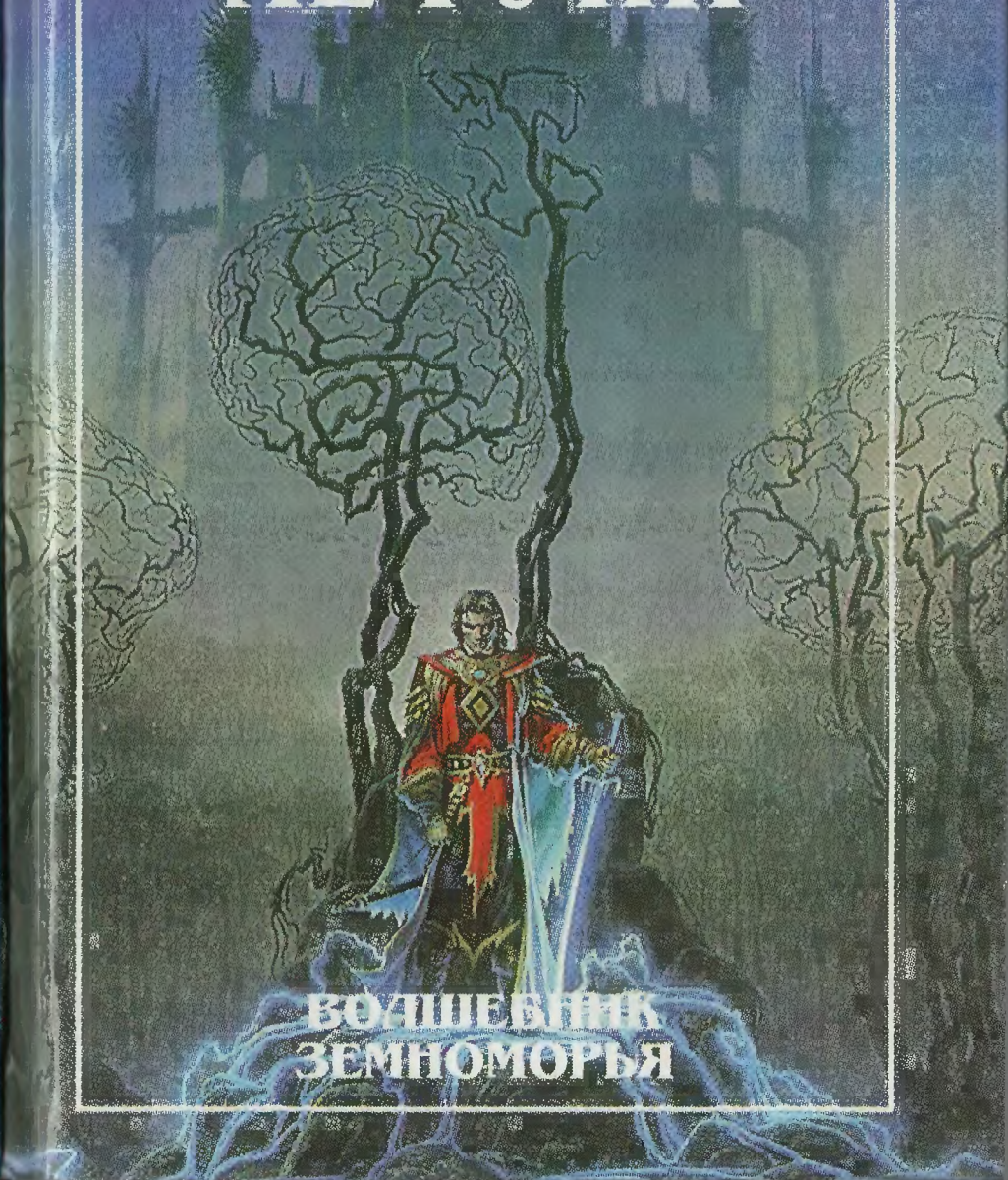

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН ВОЛШЕБНИК ЗЕМНОМОРЬЯ

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

ВОЛШЕБНИК
ЗЕМНОМОРЬЯ

УРСУЛА ДЕ ГУИН

WORLDS OF URSULA LE GUIN

EARTHSEA

A WIZARD OF EARTHSEA

THE TOMBS OF ATUAN

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

ЗЕМНОМОРЬЕ

ВОЛШЕБНИК ЗЕМНОМОРЬЯ

ГРОБНИЦЫ АТУАНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Урсулы ле Гуин. Волшебник Земноморья /
Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1997. — 383 с.

В эту книгу, начинающую собрание сочинений классика «женской фантастики», вошли знаменитые романы «Волшебник Земноморья» и «Гробницы Атуана» из всемирно известной тетралогии «Фэнтези» о вселенной Земноморья, где Истинное Слово правит миром.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Издание осуществлено с разрешения автора, INTER-VIVOS TRUST for the Le Guin Children и литературных агентов: Virginia Kidd (США) и Александра Корженевского (Россия).

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glass Onion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

A Wizard of Earthsea
Copyright © 1968 by Ursula K. Le Guin
The Tombs of Atuan
Copyright © 1971 by Ursula K. Le Guin
Cover Art Illustration
© 1997 by Michael Whelan
© И. Тогосва, перевод, 1992

ISBN 5-88132-295-9

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Открывается собрание сочинений одного из наиболее интересных, своеобразных и именитых авторов современной американской НФ — Урсулы ле Гуин.

На протяжении многих лет научная фантастика традиционно считалась литературой мужской, а скорее — даже юношеской. Не случайно родилась расхожая фраза о том, что «золотые годы» фантастики (по традиции так называют начало сороковых годов, когда впервые заявили о себе классики жанра) — от 13 до 15 лет. И большинство писателей-фантастов тоже были мужчины. А те немногие женщины, которые попадали случайно в их ряды, стыдливо прятались под псевдонимами, как талантливейшая Кэтрин Мур, почти всю свою карьеру писавшая под вымышленными мужскими именами, или сокращали предательские женские имена до ничего не значащих инициалов. Некоторым, правда, «везло» — если не знать, не скажешь, мужчина Ли Брэккетт или женщина.

Так что когда начинающая писательница Урсула ле Гуин принесла в журнал «Fantastic» свой первый рассказ «Апрель в Париже», на нее посмотрели косо и посоветовали сократить имя. Довольно долго ей приходилось публиковаться как У.К. ле Гуин. Впрочем, обмануть это могло разве что слепого. Женская рука чувствовалась в самом слоге, в печальной легкости рассказа. Было это в 1962 году. А десятью годами спустя о ней уже отзывались как об одном из наиболее известных фантастов мира. И именно она стала одним из виднейших борцов против

мужского шовинизма в фантастике. А еще — наиболее признанным в академической среде представителем своего жанра.

Магистр средневековой литературы и поэзии, дочь известного антрополога Альфреда Кребера, Урсула ле Гуин пришла к литературе задолго до того, как уже в сравнительно зрелом возрасте — 33 года — заявила о себе в научной фантастике. Но только в этом жанре она достигла заслуженной славы.

За первым рассказом последовали другие, за ними — романы. На протяжении всей карьеры она была награждена 6 премиями «Хьюго» (последней — в прошлом году) и 4 — «Небьюла». Среди ее работ можно встретить образцы, пожалуй, всех течений современной НФ.

Так называемый «Хайнский цикл», охватывающий большинство ранних ее произведений, конечно, следует отнести к классической, «космической» фантастике, хотя это определение не будет полным — скажем, знаменитый роман «Обездоленные» скорее относится к жанру антиутопии. Тетралогия «Земноморье» стала классикой жанра «фэнтези» вместе с «Властелином колец» Толкиена. А ведь кроме этих произведений из-под пера Урсулы ле Гуин вышли еще и такие романы, как «Порог», «Глаз цапли», «Оселок небес», «Всегда возвращаясь домой», множество рассказов.

Все эти произведения, многие из которых никогда прежде не выходили на русском языке, будут включены в собрание сочинений Урсулы ле Гуин. А откроет его, конечно, знаменитейшее творение писательницы — цикл о Земноморье, мире, где слово, Имя — величайшая сила.

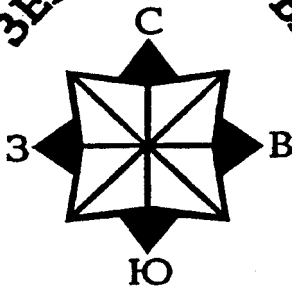
И в этом мире живет герой цикла — волшебник Гед, прозванный Ястребом, знаток Истинных Имен. Первый роман, «Волшебник Земноморья», повествует о становлении его личности и одновременно — волшебного таланта. Чтобы избавиться от ужаса, порожденного самонадеянностью, Геду приходится пересечь весь Архипелаг из конца в конец, чтобы, завершая путь, там, где нет островов, столкнуться с самим собой.

А во втором романе — «Гробницы Атуана» — Гед, Верховный Маг всего Архипелага, сам нуждается в помощи жрицы с Каргадских островов. Ибо только там, где властвуют Безымянные, он может обрести утерянную много лет назад руну Эррет-Акбе — символ единения и гармонии, того «дао», которое в той или иной форме присутствует во всех произведениях ле Гуин.

**ВОЛШЕБНИК
ЗЕМНОМОРЬЯ**

ЗЕМНОМОРЬЕ

Моим братьям — Клифтону, Теду, Карлу

*В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме;
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной
Пустынной, бескрайней...*

Создание Эа

Глава 1

ВОИНЫ В ТУМАНЕ

Остров Гонт — это по сути дела одиноко стоящая гора, вершина которой издали видна над бурными водами Северо-Восточного моря. Гонт славится своими волшебниками. Немало гонтийцев из высокогорных селений и портовых городов, вытянувшихся вдоль узких заливов, отбыло в иные государства служить властителям Архипелага: кто в качестве придворного волшебника, кто просто в поисках приключений, скитаясь по всему Земноморью от острова к острову и зарабатывая на жизнь колдовством.

Говорят, что самым великим из этих волшебников и уж, во всяком случае, величайшим из путешественников был некий гонтиец по прозвищу Ястреб-перепелятник, в конце концов ставший не только Повелителем Драконов, но и Верховным Магом Земноморья. О жизни его повествуется в эпическом сказании «Подвиг Геда» и во многих героических песнях, но эта наша история — о тех временах, когда слава еще не пришла к нему и не были еще сложены о нем песни.

Он родился в уединенной деревушке под названием Десять Ольховин, примостившейся высоко в горах прямо над Северной Долиной. От деревни террасами к морю спускались пастбища и пахотные земли, а по берегам реки Ар, извивавшейся в долине, виднелись крыши других селений: выше был только лес, к вершине он уступал место голым скалам, покрытым снегом.

Имя, которое он носил ребенком, Дьюни, было дано ему матерью; и это единственное, кроме самой жизни, что она успела ему дать, потому что умерла прежде, чем мальчику исполнился год. Его отец, деревенский кузнец, бронзовых дел мастер, был мрачным, неразговорчивым человеком, и поскольку шестеро братьев Дьюни были значительно старше его и один за другим уже покинули родной дом, отправясь работать в другие селения Северной Долины — земледельцами, моряками, кузнецами, — в семье не осталось души, способной дать ребенку хоть каплю тепла.

Он вырос дикарем, словно мощный сорняк, этот высокий, быстрый мальчик, гордый и вспыльчивый. С другими деревенскими мальчишками он пас коз на крутых горных пастбищах у впадающих в реку Ар ручьев, а когда у него достало сил, чтобы раздуть большие кузнечные мехи, отец сделал паренька своим подмастерьем, и наградой ему служили колотушки да розги.

Однако особого толку от Дьюни не было. Он вечно где-то пропадал, скрывался, бродил по дальним лесам, плавал в омутах реки Ар, очень быстрой и холодной, как и все речки Гонта, или забирался по скалам и утесам на такую высоту, где лес кончался и можно было увидеть море — бескрайние северные воды, посреди которых самым ближним островом был Перрегал.

В одной деревне с Дьюни жила сестра его покойной матери. Она присматривала за мальчиком, пока тот был совсем маленьким, однако у нее и своих дел хватало, так что, едва ребенок смог как-то обходиться без помощи взрослых, тетка и вовсе перестала обра-

щать на него внимание. Однажды, когда Дьюни было лет семь и он не успел еще ничего узнать ни о волшебстве, ни о колдовских силах, ни о магии, он услышал, как тетка не то плачет, не то поет, уговаривая своего козла слезть с тростниковой крыши избушки, и не успела она пробормотать какой-то стишок, как упрямое животное тут же спрыгнуло на землю.

На следующий день, когда Дьюни пас коз на лугу возле Верхнего Перевала, он крикнул им те самые слова, которые услышал накануне, совсем не ведая, ни зачем они, ни что они значат:

*Нот хирт мок мэм
хиолк хан мерт хан!*

Он проорал стишок во все горло, и козы подошли к нему. Примчались со всех ног и беззвучно обступили, неотрывно глядя прямо в душу черными зрачками своих желтых глаз.

Дьюни засмеялся и громко повторил стишок, что давал над козами такую власть. Козы придвинулись еще ближе, толкаясь вокруг него.

И тут он почувствовал страх, так близко были их толстые острые рога, странные глаза, такая удивительная тишина висела вокруг. Мальчик попробовал убежать, вырваться из этого кольца, но козы по-прежнему держали его в плену, бежали следом, пока наконец все вместе они не добрались до деревни — плотное кольцо коз, словно связанных одной веревкой, а в середине этого кольца — Дьюни, зареванный и орущий, что было сил. Выбежали соседи и криками попытались разогнать коз, смеясь над незадачливым пастушком. Следом прибежала и тетка Дьюни; она смеяться не стала. Только что-то шепнула козам, и животные вновь принялись как ни в чем не бывало блеять и щипать траву на лугу, освобожденные от заклятия.

— Пойдем-ка со мной, — сказала тетка Дьюни.

И повела его к себе в избушку, где жила совершенно одна. Дети сюда обычно не допускались, да они и боялись этого места.

Избушка была низкой, темной, без окон и вся пропахла травами, которые пучками были развешаны на просушку на центральной балке под крышей: мята, волшебная трава моли*, тимьян, тысячелистник, «куриная слепота», водосбор, какие-то водоросли, «дьявольское копытце», пижма и лавровый лист. Тетка уселась у очага, скрестив ноги и искоса поглядывая на мальчика сквозь косые пряди черных волос, спросила, что именно он сказал козам и знает ли, что это за слова. Обнаружив, что он не понимает ровным счетом ничего, хоть и сумел заколдовать коз, заставив их слушаться и следовать за ним, тетка окончательно уразумела, что в ее племяннике заключена магическая сила.

Пока он был только сыном ее сестры, она не обращала на него внимания, но теперь, сама будучи ведьмой, она смотрела на Дьюни новыми глазами. Тетка похвалила мальчика и сказала, что может научить его другим стишкам-заклинаниям — какие ему больше понравятся: например, можно заставить улитку высунуться из раковины или призвать к себе ястреба из поднебесья.

— О да, научи меня вызывать ястреба! — воскликнул Дьюни, уже совсем позабыв о том страхе, что нагнали на него козы, и с удовольствием слушая похвалы тетки своей сообразительности.

Ведьма сказала:

— Но если я назову тебе подлинное имя ястреба, ты никогда не должен говорить его другим детям.

— Честное слово, не скажу!

Она улыбнулась его невинной горячности:

— Что ж, будь по-твоему. Но раз ты дал мне слово, я тебя на слове и ловлю. Язык твой будет связан до тех пор, пока я не сочту нужным освободить его, но даже и тогда ты, хоть и обретишь снова дар речи, не сможешь произнести при ком-либо то слово, которому я тебя научу. Мы должны хранить тайны своего ремесла.

* Траву моли Одиссей получил от Гермеса и, подмешав в напиток, одержал победу над волшебницей Киркой (Цирцеей). (Примеч. пер.)

— Ладно, — сказал мальчик, ибо не было у него ни малейшего желания делиться какими бы то ни было тайнами с приятелями; наоборот, ему хотелось знать то, чего не знали они, и делать то, чего они сделать не могли.

Дьюни сидел спокойно, а тетка тем временем собрала свои патлы в пучок, застегнула пряжку на талии и снова уселась, скрестив ноги, бросая горстями в очаг какие-то листья, от которых повалил густой дым, заполнивший и без того темную избушку. Потом ведьма запела каким-то странным, переменчивым голосом — то высоким, то низким, словно ее устами пел кто-то другой, и пение это все продолжалось и продолжалось, пока мальчик не перестал понимать, во сне все это происходит или наяву, а рядом с ним безотлучно сидела черная ведьмина собака с красными от дыма глазами, которая ни разу даже не твякнула, потому что не лает никогда. И тут вдруг тетка заговорила с Дьюни на каком-то непонятном языке и заставила его повторять за ней длинные заклинания и отдельные слова, потом наконец колдовство свершилось, и он застыл в полной неподвижности.

— Говори! — приказала ведьма, проверяя силу заклятия.

Говорить он не мог, но засмеялся.

Тут уж сама тетка испугалась заключенной в мальчике магической силы: ведь это было самое сильное из ведомых ей заклятий. Она стремилась не только обрести власть над речью или молчанием Дьюни, но и связать его волю, обязать служить ей одной и помогать во всех ее колдовских деяниях. И все же, хоть заклятие подействовало, он засмеялся. Ведьма не сказала больше ни слова. Лишь обрызгала огонь в очаге чистой водой, чтобы окончательно погасить его, и разогнала дым; потом дала мальчику напиться. Когда же воздух совсем очистился от дыма и Дьюни вновь обрел способность говорить, тетка научила его тому единственно верному, подлинному имени ястреба, на которое лишь и должна отзываться эта птица.

Так Дьюни совершил свой первый шаг по очень долгому пути — длинной в целую жизнь, — которым теперь предстояло ему следовать. Путь этот привел его к погоне за страшной Тенью, и он попал в такие края, что лежат за неведомыми морями и простираются до самых границ темного царства смерти. Но пока что открывшийся перед ним путь казался ему светлой, широкой дорогой.

Когда Дьюни убедился, что стоит ему произнести подлинное имя сокола и тот камнем падает с небес к нему на плечо или садится на запястье, покачивая могучими крыльями, словно ловчая птица во время княжеской охоты, ему до смерти захотелось узнать побольше таких вот настоящих имен, и он явился к тетке и стал молить ее назвать ему имена ястреба-перепелятника, скопы, орла и других хищных птиц. Для того чтобы выучить эти дающие власть слова, он готов был делать все, что ему велела ведьма, хотя далеко не все это было ему по душе.

На острове Гонт есть поговорка: «Слабый, как женские чары», но существует и другая — «Опасный, как женские чары». Обе они справедливы, а потому, если колдунья из деревни Десять Ольховин и не обладала особой магической силой, да и вообще злой не была, но, хоть она и не знала общения с Древними Силами Земли, кое-каким колдовством все же владела и частенько использовала его для разных подозрительных дел и обмана, потому что была женщиной невежественной и жила среди темного, невежественного народа. Тетка Дьюни ничего не знала ни о Равновесии, существующем во Вселенной, ни о Великом Пути, который ведом настоящим волшебникам, преданным своему делу и никогда не произносящим без нужды ни единого слова Истинной Речи, не говоря уж о заклинаниях. У этой же непросвещенной женщины было готово заклинание на любой случай жизни, и вечно она плела какие-то козни. Колдовство ее по большей части, правда, оказывалось сущей ерундой и притворством, да она и не очень-то умела отличать настоящие заклинания от фальшивых. Зато она знала

множество проклятий, и ей, например, гораздо лучше удавалось наслать на кого-то болезнь, чем вылечить ее. Как и все деревенские колдуньи, она умела варить любовное зелье; впрочем, готовила она и другие, весьма, надо сказать, отвратительные напитки, разжигающие в человеке ревность и ненависть. Но об этом она предпочитала помалкивать и учила своего юного племянника честному волшебству — по мере сил, разумеется.

Сначала самым большим удовольствием для Дьюни, который был еще совсем ребенком, оказалась его магическая способность подчинять себе диких птиц и зверей. Честно говоря, этим своим умением он наслаждался всю жизнь. Деревенские дети, которые часто видели его на горных пастбищах в обществе зачарованной им птицы, прозвали его Ястребком или, точнее, Ястребом-перепелятником; так приобрел он ту кличку, которой пользовался потом всегда, даже после того, как узнал свое подлинное имя.

Ведьма вечно твердила ему, что колдун может обрести над людьми неограниченную власть, сулящую славу и богатство, и он стал еще старательнее изучать колдовскую премудрость. И очень в этом преуспел. Тетка нахваливала его, деревенские дети стали его бояться, сам же Дьюни не сомневался, что скоро станет великим колдуном. Так, постепенно запоминая все новые и новые волшебные слова и заклинания, он выучился почти всему, что знала и сама ведьма: не так уж и много знала она, однако вполне достаточно для обыкновенной деревенской колдуньи, и более чем достаточно было этих знаний для мальчика, которому едва минуло двенадцать лет. Тетка рассказала Дьюни все, что знала о травах и траволечении, об умении отыскивать предметы, связывать живые существа волшебным словом и сбивать с пути, научила его раскрывать многие двери и некоторые тайны. Она рассказала ему все, что помнила из легенд о Великих Подвигах, спела ему все известные ей героические песни, назвала все слова Истинной Речи, которые узнала когда-то у одного колдуна. А у предсказателей погоды и бродячих

фокусников, часто посещавших селения Северной Долины и Восточного Леса, мальчик научился всяким трюкам и забавным шуткам, а также созданию иллюзий. При помощи одного из таких несложных заклятий он в трудный для селения час и показал, сколь велика волшебная сила, заключенная в нем от рождения.

В те времена славилась своим могуществом Империя Каргад. Основу ее составляли четыре больших острова, расположенных между Северным и Восточным Пределами: Карего-Ат, Агуан, Гур ат-Гур и Атнини. Говорили там на языке, не похожем ни на один другой язык Архипелага и Пределов. Населяли Каргад белокожие и светловолосые варвары, свирепые любители кровавых битв и запаха сожженных городов. За год до описываемого времени они успешно захватили острова Ториклы и хорошо укрепленное государство на острове Торхевен, явившись туда на своих бесчисленных судах под красными парусами. Известия об этом достигли уже северного побережья Гонта, однако правители острова были заняты собственными пиратскими вылазками, так что им и дела не было до чужих бед. Вскоре под натиском каргов пал остров Спиви, выжженный и превращенный в пустыню; все его жители были увезены и проданы в рабство. Даже и теперь Спиви по-прежнему весь в руинах. Гонимые жаждой завоеваний, карги поплыли на север, к Гонту, и несметное множество их высадилось с тридцати больших галер в Восточном Порту. Сломив сопротивление горожан, они захватили порт, сожгли его, оставили свои корабли под охраной части воинов в устье реки Ар и стали подниматься вверх по течению, разрушая все на своем пути и зверски расправляясь не только со скотиной, но и с людьми. Они двигались по направлению к Северной Долине несколькими отрядами, грабя и убивая. Беженцы из разоренных каргами селений разнесли весть о грядущей беде по высокогорным деревням, и вскоре жители Десяти Ольховин тоже увидели, что горизонт на вос-

токе тонет в черном дыму, а те, кто ночью поднялся к Верхнему Перевалу, ужаснулись: долина внизу сверкала огнями пожаров там, где еще вчера колыхались в полях созревшие хлеба и в садах на деревьях краснели плоды; все теперь пожирало ненасытное пламя, а большая часть домов и амбаров уже лежала в руинах.

Некоторые из жителей деревни поспешили укрыться в оврагах и лесах; остальные приготовились драться не на жизнь, а на смерть, впрочем, некоторые вообще не делали ничего, лишь причитали да плакали. Ведьма была среди тех, кто бежал из деревни, и теперь скрывалась одна в пещере на крутом откосе Каппердинга, заклятиями затворив вход. Отец Дьюни, кузнец, остался; он не мог расстаться со своей плавильней и горном, со своей кузней, где трудился полсотни лет. Всю последнюю перед боем ночь он не покладая рук превращал имевшийся в запасе металл в наконечники для копий, а остальные тут же надевали эти наконечники на рукоятки от мотыг и грабель, потому что не было времени крепить их по-настоящему. В деревне не водилось иного оружия, кроме охотничьих луков да коротких ножей, ибо горные жители Гонта в общем миролюбивы; остров славился отнюдь не воинами, а козлокрадами, морскими пиратами и волшебниками.

С рассветом пришел густой белый туман, как это часто бывает осенним утром высоко в горах. Возле своих избушек и домов, беспорядочно разбросанных по склону горы, стояли жители Десяти Ольховин и ждали, держа в руках свои луки и только что изготовленные копья, не зная, далеко ли, близко ли карги; стояли в полной тишине, вглядываясь в густой туман, скрывавший от их глаз предметы, расстояния и опасности.

Там же был и Дьюни. Он всю ночь проработал в кузне, качая огромные мехи, питавшие воздухом огонь. Теперь усталые руки его так дрожали и болели, что он едва мог держать копье, которое сам себе выбрал. Он не представлял, как будет участвовать в сражении и чем вообще сможет помочь и себе, и односельчанам.

Сердце его екнуло при мысли о том, что он умрет, насаженный на копьё какого-нибудь карга, а ведь он еще так юн. Тогда придется ему отправиться в страну Тьмы, так и не узнав собственного настоящего имени, так и не став мужчиной. Он посмотрел на свои тонкие руки, покрытые холодными капельками осевшего на кожу тумана, и пришел в ярость от собственного бессилия, ибо знал, какое в нем таится могущество, да только не умел выпустить его наружу, не умел им воспользоваться. Дьюни старательно перебирал в памяти самые разнообразные заклинания, пытаясь найти такое, которое могло бы помочь гонтийцам победить каргов или хотя бы дать его односельчанам надежду на спасение. Но одного лишь горячего желания недостаточно, чтобы выпустить волшебную силу на свободу, для этого нужно умение.

Туман начинал рассеиваться под лучами горячего солнца, восходившего прямо над вершиной горы, и уплывать крупными ватными облаками, обрывками дымчатой вуали, и жители деревни увидели, что вверх по склону движется отряд захватчиков. Воины были в бронзовых шлемах, поножах и нагрудниках из толстой кожи, инкрустированных полированным деревом и бронзой. Вооружены карги были мечами и длинными копьями. Поднявшись по обрывистому берегу реки Ар, они подошли уже совсем близко; уже можно было разглядеть их белокожие лица, расслышать отдельные слова их ужасного говора. Этот отряд состоял примерно из ста каргов — не так уж и много, однако сейчас в деревне оставалось всего восемнадцать мужчин и юношей.

Острая потребность что-то немедленно предпринять наконец вызволила знания Дьюни из плена: видя, как рассеивается и тончает завеса тумана, он вспомнил вдруг заклинание, которое могло бы оказаться весьма полезным. Некий старый предсказатель погоды, пытаясь залучить мальчика себе в ученики, кое-чему обучил его. Один из этих трюков назывался «плетение тумана»; здесь применялось заклинание, которое на время как бы собирает весь туман в одно место,

и человек, владеющий искусством иллюзий, может при этом придавать собранному туману самые разнообразные волшебные и загадочные формы, которые, впрочем, весьма недолговечны и почти сразу расплываются и тают. Дьюни, конечно же, таким мастерством не обладал, но у него и намерения были совсем иные. Главное — суметь использовать туман в своих целях. Быстро и громко он сказал вслух, как велика и где кончается деревня Десять Ольховин, затем произнес заклинание, в ткань которого вплел волшебные слова, помогающие скрыть предметы от глаз чужака, а под конец успел выкрикнуть волшебное слово, что связывает зачатое и заставляет волшебство продлиться как можно дольше.

Однако едва он это сделал, как отец влепил ему такую затрепщину, что мальчик упал.

— Тихо ты, дурак! Придержи свой болтливый язык да спрячься, коли не можешь драться!

Дьюни поднялся на ноги. Ему хорошо были слышны голоса каргов где-то у большого тисового дерева на противоположном конце деревни, возле дома дубильщика кож. И не только голоса, но и бряцание доспехов и оружия, однако из-за тумана видно их не было. Туман окутывал деревню настолько плотной пеленой, что стало почти темно, словно наступил вечер; мир вокруг как бы исчез, растворился в тумане, так что с трудом можно было различить очертания собственных рук.

— Я же всех нас спрятал, — упрямо и тихо проговорил Дьюни; голова у него все еще гудела от отцовского подзатыльника, а применение двух заклятий сразу отняло все силы. — Я продержу здесь этот туман так долго, как только смогу. Собери людей и веди их к Верхнему Перевалу.

Кузнец уставился на сына так, словно тот был духом, порожденным этим таинственным сырым туманом. До него не сразу дошел смысл слов Дьюни, однако, осознав сказанное, он тут же бросился собирать остальных. Двигался кузнец совершенно бесшумно — ведь ему были знакомы каждый поворот изгороди.

угол каждого дома родной деревни. Сквозь серый туман стал пробиваться красноватый отсвет: это карги подожгли тростниковую крышу одного из домов. Но в саму деревню пока не входили, а ждали на ее нижнем конце, надеясь, что туман все же рассеется и добыча сама попадет к ним в руки.

Дубильщик — это его дом подожгли карги — послал двух своих мальчишек, и те шныряли у каргов перед самыми носами, дразнили их, улюлюкали, а потом исчезли снова, растворились, как дым за стеной тумана. Между тем старшие мужчины, пробираясь за изгородами, перебегая от дома к дому, подошли к врагам совсем близко, и с тыла на каргов неожиданно посыпался град стрел и копий, поразивший многих, ибо карги стояли кучей. Один из них упал, пронзенный копьем, наконечник которого еще хранил тепло наковальни. Другие были ранены стрелами. Каргов охватила ярость. Они бросились было вперед, чтобы сровнять с землей жалких соперников, но повсюду был один лишь туман. В тумане со всех сторон слышались голоса, и карги, спотыкаясь в белесой мгле, пошли на эти голоса со своими огромными, украшенными перьями и перепачканными кровью копьями. С яростными воплями они прошли всю деревню насквозь, даже не подозревая, что она уже кончилась, потому что хотя время от времени и видели рядом дома, но дома эти тут же снова скрывались в густом сером тумане. Гонимые поднимались в горы поодиночке, большая их часть ушла уже довольно далеко, ведь местность была им хорошо знакома, однако некоторые, в основном дети и старики, двигались медленнее. Догоняя оставшихся, карги пускали в ход копья или мечи и воинственно выкрикивали имена своих белокожих Богов-Близнецов с острова Атуан:

— Вулу! Атва!

Почувствовав, впрочем, что земля под ногами стала уж больно неровной и вовсе не похожа на деревенскую улицу или дорогу, некоторые из каргов начали останавливаться, но большая их часть по-прежнему стремилась вперед, отыскивая призрачную деревню,

преследуя неясные, расплывчатые тени ее жителей, которые ускользали из-под самого носа. Туман вокруг, казалось, ожил, задвигался, фигуры людей в нем то возникали, то исчезали вновь. Часть отряда каргов преследовала призраков-гонтийцев до самого Верхнего Перевала, где склон круто обрывался над одним из притоков реки Ар; там призраки вдруг как бы растаяли в тумане, а их преследователи попадали прямо в невидимую пропасть. В пронизанном солнечными лучами тумане стало видно, как они один за другим летят с тридцатиметровой высоты в мелкие заводи прямо на острые камни. А те, кто отстал и лишь потому остался в живых, остановились на самом краю обрыва и долго стояли, прислушиваясь.

И тут в сердца каргов вошел ужас, ибо они в густом тумане натыкались лишь друг на друга, не обнаруживая рядом ни одного жителя деревни. Наконец воины собрались вместе на склоне холма и стали спускаться, но откуда-то из тумана то и дело появлялись проклятые призраки и наносили каргам удары ножами и копьями. Карги бросились бежать и беспорядочной толпой, спотыкаясь и не говоря ни слова, бежали вниз до тех пор, пока не вылетели вдруг из-под густого слепящего облака и не увидели прямо перед собой реку, расположенные куда ниже деревни овраги, и все это было залито солнцем, нигде ни клочка тумана. Они остановились, собрались в кучу и дружно оглянулись назад. Стена волнистого влажного серого тумана подступала к тропе вплотную, скрывая все, что лежало за ней. Из этой стены вывалились еще двое или трое каргов, загнанных и спотыкающихся, с длинными копьями на плечах. Ни один из захватчиков в ту сторону больше даже не посмотрел. Все разом двинулись по склону горы вниз, спеша прочь от этого заколдованного места.

Однако в селениях, расположенных в самой Северной Долине, карги утолили-таки свою жажду битвы. Жители Восточного Леса, от Оварка до самого побережья, послали своих мужчин на битву с захватчиками. Отряд за отрядом спускались гонтийцы с гор,

преследуя стремительно отступавших к побережью каргов. Достигнув пляжей чуть выше Восточного Порта, захватчики обнаружили, что корабли их сожжены; им пришлось биться с хозяевами Гонта у самой кромки воды, и битва шла до тех пор, пока не осталось в живых ни одного карга, а пески устья Ар не стали бурыми от крови. Потом кровь смыл прилив.

Утром, после битвы в деревне Десять Ольховин и у Верхнего Перевала, сырой серый туман еще повисел немного, потом вдруг поднялся, рассеялся, растворился и уплыл куда-то вдаль, словно его и не бывало. Люди растерянно озирались, стоя на ветерке под утренними лучами солнца. Повсюду валялись тела мертвых каргов; их длинные спутанные светлые волосы были в крови. Неподалеку лежал и деревенский дубильщик, принявший благородную смерть в бою.

В нижнем конце деревни все еще догорал дом, подожженный каргами. Люди бросились тушить пожар, потому что сражение уже закончилось и они победили. На деревенской улице у высокого тиса они обнаружили одиноко стоявшего Дьюни, сына кузнеца; он не был ранен, но не произносил ни слова и явно был не в себе, словно его заколдовали. Односельчане прекрасно понимали, что этот мальчик сделал для них. Они отвели его домой и бросились искать ведьму, нашли ее и стали умолять выйти из пещеры и спасти парнишку, который отвел от них смертельную опасность, ведь живыми остались все, кроме четверых убитых каргами, и уцелело все имущество, если не считать все еще догоравшего дома.

Тетка не обнаружила на теле Дьюни ни одной раны, однако мальчик по-прежнему не говорил ни слова и, похоже, не слышал, когда к нему обращались; он не спал и не мог принимать пищу. И не было рядом волшебника, у которого достало бы могущества снять с него эти чары. Тетка его, ведьма, была бессильна. Она лишь сказала: «Он истратил все свои силы».

Пока Дьюни лежал вот так, в тихом беспмятстве, история о мальчике, что заколдовал туман и насмерть

перепугал каргов толпой волшебных теней, стала известна по всей Северной Долине, ее слышали жители Восточного Леса и дальних горных селений, она достигла даже противоположной стороны острова — главного порта. Морских ворот Гонта. И вот на пятый день после битвы в устье реки Ар в деревню Десять Ольховин явился чужеземец, не молодой и не старый, закутанный в плащ, но с непокрытой головой. В руке он легко сжимал толстый дубовый посох ростом с него самого. Человек этот спустился не от верховий реки Ар, откуда чаще всего приходили в деревню люди, а, напротив, поднялся по крутому, поросшему лесом берегу ее откуда-то снизу. Деревенские кумушки сразу решили, что это волшебник, а когда он еще и сказал им, что умеет лечить, то они прямо-таки потащили его к дому кузнеца. Отослав прочь всех, кроме отца мальчика и его тетки, незнакомец склонился над постелью, возложил руку на лоб Дьюни, потом легонько коснулся его губ.

Дьюни медленно сел, озираясь по сторонам. Через некоторое время он заговорил, и к нему постепенно начали возвращаться силы и аппетит. Его немного покормили, напоили, и он снова лег, не сводя темных пытливых глаз с незнакомца.

— Не простой ты, видно, человек, — проговорил кузнец, обращаясь к пришельцу.

— Этот мальчик тоже будет не простым человеком, — ответил тот. — История о том, что проделал он с туманом ради спасения своей деревни, достигла Ре Альби, моей родины. И я пришел сюда для того, чтобы дать ему настоящее имя, если верно то, что он еще не прошел обряда имяположения и посвящения в мужчины.

Ведьма шепнула кузнецу на ухо:

— Братец, так ведь это точно великий чародей из Ре Альби, Огион Молчаливый, тот самый, что остановил землетрясение!..

— Господин, — сказал кузнец, нисколько этими словами не обескураженный, — моему сыну через

месяц исполнится тринадцать, но мы хотели отложить его посвящение до праздника Солнцеворота.

— Пусть имя будет ему положено как можно скорее, — настаивал волшебник, — ибо оно ему необходимо. У меня пока есть здесь и другие дела, однако я вернусь к тому дню, который вы сами выберете. А захотите, я потом возьму мальчика с собой и, если он окажется достаточно смышленным, сделаю своим учеником или по крайней мере позабочусь о том, чтобы он получил образование, соответствующее тому дару, которым обладает. Держать в неведении душу и ум прирожденного мага очень, очень опасно.

Мягок был голос Огиона, но такая в нем чувствовалась уверенность, что даже искушенный в жизни кузнец согласился с каждым его словом.

В день, когда Дьюни исполнилось тринадцать, а случилось это ранней осенью, той чудесной порой, когда деревья еще не сбросили своего яркого лиственного наряда, в деревню из своих странствий по острову Гонт вернулся Огион и состоялась церемония имяположения. Тетка-колдунья «взяла» у Дьюни его прежнее имя, то, которым во младенчестве нарекла его мать. Безымянным и нагим вошел он в холодные струи реки Ар там, где среди валунов, под нависшими утесами кружит темный омут. В этот миг солнце закрыли облака и вода подернулась рябью. Выбравшись из омута, мальчик двинулся к противоположному берегу, дрожа от холода в ледяной воде, но ступал медленно, выпрямившись во весь рост, как подобает. Когда он вышел на берег, ждавший там Огион протянул мальчику руку, крепко сжал ее в своей и шепнул ему длинное его имя: Гед.

Так с помощью великого волшебника Огиона свершилось имяположение Гед.

Празднество еще далеко не закончилось, и деревенские жители веселились вовсю, еще полно было всяких угощений и выпивки, а приглашенный из Долины певец распевал песнь за песнью о подвигах Повелителя Драконов, когда маг Огион тихонько сказал Геду:

— Довольно, мальчик. Попрощайся со своими, и пусть праздник продолжается.

Гед быстро собрался в дорогу: он взял прекрасный, выкованный отцом специально для него бронзовый нож, кожаную куртку, которую вдова погибшего дубильщика подогнала ему по росту, и ольховый посох, заколдованный для него теткой. Это, собственно, было все, чем он владел, кроме надетых на него рубашки да штанов. Простившись с отцом и теткой — единственными близкими ему на всем свете людьми, — Гед еще раз поглядел на привольно раскинувшуюся на горном склоне деревню, на берега быстрой реки и двинулся в путь со своим новым другом и Учителем, вверх по крутой тропе, по опавшей листве, среди ярких красок и теней ранней осени.

Глава 2

ТЕНЬ

Раньше Гед думал, что, став учеником великого волшебника, он сразу же овладеет его ремеслом и тайнами магии, станет понимать язык диких зверей, лесных растений и листьев на деревьях и, произнеся одно лишь нужное слово, сможет повелевать ветрами и превращаться во что угодно. Например, они с Учителем могли бы превратиться в оленей или орлов и быстрее ветра домчаться от Десяти Ольховин до Ре Альби.

Но все оказалось совсем не так. Они с Огионом шли и шли: сначала спустились в Долину, потом двинулись на юго-запад вокруг горы, ночуя в маленьких деревушках или прямо под открытым небом, словно жалкие бродячие фокусники или какие-нибудь лудильщики посуды, а то и просто как нищие. Никаких волшебных мест они не видели, ничего особенного не происходило. Дубовый посох волшебника, на который Гед сначала взирал с ужасом и любопытством, оказался самым обыкновенным тяжелым посохом, на который Огион опирался при ходьбе. Прошло

три дня, потом еще четыре, а ни одного волшебного слова так и не было произнесено, во всяком случае Гед их от Огиона не слышал. И он пока не узнал ни одного нового имени, ни единой руны, ни одного заклинания.

Хотя Огион и был на редкость молчаливым, но он так мягко и спокойно обращался с Гедом, что тот вскоре утратил весь свой благоговейный страх перед волшебником и как-то, набравшись храбрости, дерзко спросил:

— Когда же начнется мое обучение, сударь?

— Оно уже началось, — сказал Огион. Повисло молчание: Гед очень старался удержать в себе то, что ему хотелось выпалить немедленно. И все-таки не удержал:

— Но я же совсем ничему не выучился!

— Потому что еще не понял, чему я тебя учу, — ответил волшебник, продолжая двигаться по тропе своим спокойным размеренным шагом. Они были как раз где-то между Оварком и Уиссом.

У Огиона, как и у большинства гонтийцев, была смуглая, с медным отливом кожа, седая голова, тело сухое и поджарое, как у гончей, и он был совершенно неутомим. Он редко говорил что-нибудь, мало ел, а спал еще меньше. У него были удивительно острые зрение и слух, и часто на лице его появлялось такое выражение, словно он к чему-то прислушивается.

Гед ему не ответил. Не всегда просто ответить волшебнику.

— Ты, конечно, хочешь узнать как можно больше заклинаний, чтобы пользоваться ими, — сказал Огион, продолжая уверенно идти вперед. — Но из этого колодца ты и так вычерпал уже слишком много воды. Подожди. Хочешь стать взрослым — терпи. Хочешь стать настоящим волшебником — в десять раз больше терпи. Это что за травка у тропы?

— Земляничный лист.

— А вон то?

— Не знаю.

— Его называют острец. — Огион остановился и указал концом своего посоха на небольшое растеньице, чтобы Гед повнимательнее пригляделся к нему. Мальчик сорвал сухой стебелек и спросил, потому что Огион так больше ничего и не прибавил:

— Учитель, а какой в нем прок?

— Никакого, насколько я знаю.

Гед некоторое время продолжал держать растение в руке, шагая рядом с Огионом, потом отбросил его в сторону.

— Когда ты познаешь этот острец во всех его сезонных ипостасях, станешь различать его корни, листья, цветы, запах и форму семян, тогда сможешь узнать и его настоящее имя: ведь понять сущность предмета гораздо важнее, чем выяснить, какая от него польза. А какова, например, польза от тебя самого? Или от меня? Приносит ли пользу гора Гонт или Открытое море? — Огион умолк и прошагал еще минут двадцать, пока наконец не договорил: — Чтобы слышать других, самому нужно молчать.

Мальчик нахмурился. Неприятно сознавать собственную глупость. Однако он сдержал свои чувства и решил отныне быть терпеливым и послушным, чтобы Огион в конце концов согласился научить его хоть чему-нибудь. Он жаждал знаний, жаждал обрести могущество! Порой, однако, ему начинало казаться, что он мог бы узнать куда больше у любого травника или деревенского колдуна, и, по мере того как они с Огионом все дальше и дальше входили на запад, в дикие леса, расположенные за Уиссом, Гед все больше дивился, отчего Огиона считают таким уж великим чудодеем. Ведь когда шел дождь, Огион даже не пытался произнести заклятие, известное любому предсказателю погоды, и послать тучу в другую сторону. В странах, где колдуны встречаются буквально на каждом шагу, — а таковы, например, Гонт или Энлад, — можно видеть, как грозовое облако порой прямо-таки слоняется по небу с места на место из-за того, чье заклятие оказалось сильнее, пока наконец не разражается ливнем над морем, где дождь может спокойно идти

себе сколько угодно. Но Огион позволял дождю пролиться именно там, где собирались тучи. Он просто находил ель погуще и укладывался под ней на ночлег. Геду тоже ничего не оставалось, как свернуться калачиком среди веток, с которых капала вода, и, промокнув насквозь, мрачно удивляться, что за польза в необычайном могуществе Огиона, если какая-то там «высшая мудрость» не позволяет ему этим могуществом воспользоваться; он порой даже жалел, что не пошел в ученики к старому предсказателю погоды из Северной Долины; там он, по крайней мере, спал бы в сухом месте. Вслух он, разумеется, ничего этого не говорил. Ни единого слова не произнес. А Учитель его, улыбнувшись, засыпал под проливным дождем.

Приближалось зимнее солнцестояние, и в горах начались первые обильные снегопады. К этому времени Гед с Огионом добрались наконец до Ре Альби. Этот город был расположен почти у голых скал на вершине Гонта, высоко, у самого Большого Перевала. Ре Альби и значило «гнездо ястреба». Отсюда видно было далеко вокруг, не только залив и башни Главного порта острова, но и корабли, проплывающие между Сторожевыми Утесами, а еще дальше, на западе можно было различить голубые горы Оранеи, самого дальнего из островов Внутреннего моря.

Дом волшебника, хотя и был достаточно просторным и прочным, сложенным из бревен, с настоящим очагом и каменным камином, а не какой-то ямой в земляном полу, все же очень походил на хижину в Десяти Ольховинах: в нем была одна-единственная жилая комната, к которой был пристроен хлев для коз. У западной стены имелось некое подобие алькова, где спал Гед. Над его жесткой постелью было окно, выходящее на море, но большую часть времени ставни приходилось держать закрытыми из-за свирепых северо-западных ветров, которые дули всю зиму. В теплом сумраке этого дома провел Гед долгие месяцы, слушая, как снаружи хлещет дождь или завывает ветер, или тихо-тихо падает густой снег; он изучал знаменитые Шестьсот Ардических Рун и был очень

доволен этим, ибо лишь знание рун дает настоящее владение мастерством волшебника, без них заучивание наизусть заклинаний и заговоров — пустая трата времени. Ардический язык, распространенный на Архипелаге, обладал теперь не большей магической силой, чем все остальные современные языки, но корнями своими он уходил в Истинную Речь, где все существа и предметы были названы своими подлинными именами. Понимание Истинной Речи и начинается с изучения рун, созданных еще в те времена, когда острова Земноморья только поднимались из глубин океана.

И все-таки по-прежнему не происходило вокруг ничего чудесного или колдовского. Всю зиму — только тяжелые страницы Книги Рун, стук дождя по крыше, падающий за окном снег; Огион, вдоволь набродившись по обледелым склонам и заснеженным лесам или навозившись в сарае, где обитали его козы, входил в дом, стучал башмаками, сбивая снег, и до вечера сидел в тишине у камина. Долгое, сторожкое молчание волшебника как бы заполняло собой комнату, все пространство вокруг и внутри Геда, и порой ему казалось, что он совсем забыл, как звучат обыкновенные слова; поэтому, когда Огион наконец говорил что-нибудь, это выглядело так, словно именно он впервые изобрел человеческую речь. Хотя слова его были самыми обыкновенными и обозначали очень простые вещи — хлеб, воду, погоду, сон.

Когда наступила весна — скоротечная и солнечная, — Огион часто посылал Геда за травами с горных лугов и позволял ему гулять сколько душе угодно; Гед бродил по берегам напоенных весенними дождями ручьев, по лесам, по влажным зеленеющим на солнце полям. Он был счастлив и возвращался домой лишь к ночи, но о травах, впрочем, не забывал. Все время высматривал нужные растения, карабкаясь по кручам, блуждая по лесам и полям, переходя вброд речки и болотца, обследуя окрестности Ре Альби, он каждый раз приносил домой что-нибудь новое. Как-то раз он вышел на лужайку меж двух ручьев, где в изо-

билии росли белые цветы под названием «всесвятка», которые встречаются редко и очень ценятся лекарями. Поэтому он и на следующий день отправился туда же, но на этот раз его опередили; девочку, собиравшую цветы на лужайке, он знал: она была единственной дочерью старого Лорда Ре Альби. Он бы с ней и заговаривать не стал, но девочка сама подошла к нему и весело поздоровалась:

— А я тебя знаю! Ты — Ястребок, ученик нашего волшебника. Расскажи мне что-нибудь о колдовстве. Пожалуйста!

Он смотрел вниз, на цветы «всесвятки», которые касались подола ее белоснежной юбки; он очень смутился, нахмурился и еле слышно что-то буркнул в ответ. Но она продолжала непринужденно болтать, сама нимало не смущаясь, не таясь, и он постепенно оттаял. Девочка была высокой и хрупкой, примерно его лет, с очень светлой, почти белой кожей; в деревне говорили, что мать ее родом то ли с самого Осскила, то ли откуда-то из тех, далеких краев. Волосы девочки, длинные и прямые, падали черным водопадом ей на спину. Геду она показалась страшно некрасивой, но все же доставить ей удовольствие хотелось, хотелось вызвать ее восхищение, даже восторг. Она упростила его рассказать всю историю с туманом, заставившим отступить воинов-каргов, и слушала так, будто была потрясена до глубины души. Однако не сказала ни слова похвалы. И скоро свернула разговор на другое.

— А ты можешь призывать к себе птиц и зверей? — спросила она.

— Могу, — ответил Гед.

Он знал, что в скалах над лугом есть гнездо сокола, и призвал птицу ее подлинным именем. Сокол прилетел, но не сел на руку Геду: девочка пугала его. Потом сокол пронзительно вскрикнул, взмахнул широкими крылами и поднялся ввысь вместе с восходящим потоком воздуха.

— Как называется колдовство, что заставляет сокола прилетать по твоему зову?

— Заклятие дружбы.

— А ты можешь призвать, например, душу умершего?

Он решил, что девчонка насмехается над ним: ведь сокол не совсем подчинился его заклинию. Смеяться над собой он ей позволить не мог.

— Смогу, если захочу, — спокойно сказал он.

— А разве не трудно и не опасно это — вызывать духа?

— Да, это, конечно, непросто, но совсем не опасно. — Он даже плечами пожал.

На этот раз он был почти уверен, что в глазах ее светится восхищение.

— А изготовить любовное зелье ты можешь?

— Для этого особого мастерства не требуется.

— Да, правда, — согласилась она. — Это любая деревенская колдунья умеет. А заклинание Превращений ты знаешь? Умеешь сам во что-нибудь превращаться? Говорят, все волшебники это могут.

И опять он не был уверен, что она над ним не издевается, а потому и на этот раз ответил:

— Сумею, если захочу.

Она тут же начала просить его превратиться во что-нибудь — в ястреба, быка, огонь, дерево. Он на какое-то время отвлек ее, сказав потихоньку тайные слова, которыми пользовался в таких случаях Огион; но потом, когда она стала прямо-таки умолять его, не сумел отказать наотрез; кроме того, ему и самому захотелось проверить, не напрасно ли он так расхвастался. В тот день он быстро ушел, сказав, что Учитель давно ждет его дома, и на следующий день на лужок не ходил. Но через день пришел снова, угваривая себя, что совершенно необходимо собрать как можно больше колдовских белых цветов. Девочка была уже там. Они вместе бродили босиком по болотистому лугу, срывая тяжелые белые соцветия. Светило весеннее солнышко, и она щебетала так же весело, как любая девочка-пастушка из его родной деревни. Снова расспрашивала его о колдовстве и, широко раскрыв глаза, слушала все, что бы он ни говорил, и он, конечно, снова начал

хвалиться. Когда же она опять попросила его превратиться во что-нибудь, а он снова попробовал отшутиться, она посмотрела на него, откинув черные волосы с лица, и прямо спросила:

— Ты что, боишься?

— Нет, не боюсь.

Она улыбнулась чуть презрительно и заключила:

— Ты, должно быть, просто слишком молод.

Этого он стерпеть не мог. Лишних слов говорить не стал, но решил непременно доказать девчонке, на что способен. Он пригласил ее снова прийти сюда завтра, если ей так уж хочется превращений, и, пока от нее отделившись, вернулся домой. Огиона нигде видно не было, наверно, где-то бродил. Гед прошел прямо к книжной полке и снял с нее те две волшебные Книги, которые Учитель еще никогда в его присутствии даже не открывал.

Гед искал заклинания Превращений, но он разбирал руны еще очень медленно, да и понимал из прочитанного маловато, так что найти нужного никак не мог. Это были очень древние Книги; Огион получил их от своего учителя Гелета Прозорливого, а Гелет — от Великого Мага из Перрегала, и цепочка эта уходила к самому началу времен, когда слагались первые мифы. Письмена были странными, почерк мелкий, со многими исправлениями и вставками, сделанными разными людьми между строк, и все эти люди теперь давно уже стали прахом. Но тем не менее кое-что из прочитанного Геду все-таки удавалось понять, к тому же он ни на минуту не забывал о насмешливых вопросах той девчонки. В итоге он впился глазами в страницу, где было начертано заклинание, вызывающее мертвых из могил.

Он читал эти магические слова, выбираясь из головоломки рун и иных символов, и ужас овладевал им. Теперь глаза его были словно прикованы к тексту; он не смог бы поднять их, не произнеся заклятие целиком.

Когда же наконец он поднял голову, то увидел, что в доме совсем темно. Все это время он читал без света

совершенно неразличимые теперь слова. Его все сильнее охватывал ужас, он будто прирос к стулу и страшно замерз. Потом, оглянувшись, заметил, что возле закрытой двери скорчилось нечто темное, бесформенное, похожее на обрывок чьей-то черной тени, своей чернотой выделяющейся даже в окружающей ее тьме. Казалось, что нечто тянется к нему, что-то шепчет, зовет его, но понять смысл произносимых им слов Гед не мог.

Дверь внезапно распахнулась настежь. Вошел кто-то высокий, окруженный ярким белым сиянием. Громко и яростно зазвучал его голос, и черная тень исчезла, шепот ее затих, заклятие было снято.

Темный ужас улетучился из души Геда, но новый страх охватил его, ибо это Огион, Великий Маг, стоял в распахнутых дверях, объятый светом, а на конце его дубового посоха горел белый огонь.

Волшебник молча прошел мимо Геда, зажег лампы и убрал Книги на полку. Потом обернулся к мальчику и сказал:

— Никогда не произноси больше этого заклятия — лишь в тех случаях пользуются им, если жизни твоей угрожает смертельная опасность. Ты открыл Книги, чтобы найти именно это заклинание?

— Нет, Учитель, — прошептал Гед, сгорая от стыда, и рассказал Огиону, что именно искал он там и почему.

— Разве ты забыл? Ведь я уже как-то говорил тебе: мать этой девочки, жена Лорда Ре Альби, — известная чаровница.

И правда, Огион однажды говорил об этом, но Гед пропустил его слова мимо ушей, зато теперь убедился, что его Учитель никогда и ничего не говорит просто так.

— Сама эта девушка уже наполовину ведьма. Возможно, именно ее мать сделала так, что вы встретились и заговорили друг с другом. Возможно, именно она раскрыла Книгу на нужной ей странице, которую ты и прочел. Она служит совсем не тем силам, которым служу я. Мне не ведомы ее намерения, но я знаю,

что мы с ней враги. А теперь, Гед, слушай меня внимательно. Неужели ты ни разу не задумывался о том, что всякая сила окружена опасностью точно так же, как источник света — тьмой? Колдовство — вовсе не игра, оно не предназначено для забав или удовлетворения простого тщеславия. Подумай об этом, ибо каждое слово, каждое действие, связанное с нашим искусством, с волшебством, говорится и совершается либо во имя Добра, либо во имя Зла. Прежде чем что-то сказать или совершить, ты непременно должен узнать цену, которую за это заплатишь!

Мучительный стыд заставил Геда воскликнуть:

— Но откуда же мне знать обо всем этом, Учитель, если ты ничему меня не учишь? Я уже сколько живу у тебя, а все еще ничего особенного не сделал, ничего особенного не видел...

— Зато теперь ты видел кое-что особенное, — ответил ему волшебник. — Там, в темноте возле двери. Хорошо, что я вовремя вошел.

Гед молчал.

Огион опустился на колени, положил в камин дров и разжег огонь, потому что в доме было холодно. Потом, по-прежнему стоя на коленях, спокойно проговорил:

— Гед, юный мой сокол, ты ведь здесь не на привязи и не в услужении у меня. Ты не пришел ко мне — я к тебе. Ты еще слишком молод, чтобы сделать свой выбор, но я за тебя его сделать не могу. Если хочешь, я отправлю тебя на остров Рок, где изучают Высокие Искусства. Любым из них ты сможешь овладеть в совершенстве, ибо велика заключенная в тебе сила. Надеюсь, она сильнее твоей гордыни. Я бы, пожалуй, оставил тебя здесь, при себе, потому что обладаю именно тем, чего тебе самому недостает, но против твоей воли я не пойду. А теперь выбирай: Ре Альби или Рок.

Гед стоял молча; в душе его царило смятение. Он успел уже полюбить этого человека, который некогда излечил его одним лишь своим прикосновением, и не имел в душе ни капли зла; он любил Огиона, но узнал

об этом лишь сейчас. Гед взглянул на дубовый посох волшебника, прислоненный к каминной полке, и вспомнил тот светлый огонь, что выжиг, изгнал зло, притаившееся во тьме, и ему страшно захотелось остаться с Огионом, бродить с ним по лесам, уходить далеко и надолго, учась быть молчаливым. Но в душе кипели иные страсти, усмирить которые было Геду не под силу, — стремление к славе, жажда деятельности. Путь Огиона к подлинному Мастерству казался ему каким-то чересчур долгим, окольным, тогда как уже сейчас можно было бы раскрыть свой парус навстречу морским ветрам и плыть прямо в Открытое море, плыть к острову Мудрецов, где воздух пронизан волшебством, где в толпе почитателей ходит по земле сам Верховный Маг Земноморья.

— Учитель, — сказал он, — я поеду на остров Рок.

Итак, через несколько дней, солнечным весенним утром они с Огионом спустились по крутой тропе, ведущей от Перевала к главному порту Гонта, находившемуся в четырех часах ходьбы от Ре Альби. У городских ворот, украшенных резными фигурами драконов, стражники, завидев мага, преклонили перед ним колена и обнажили шпаги в почтительном приветствии. Они узнали его и оказывали ему эту честь не столько по приказу короля, сколько по собственной доброй воле, ибо десять лет назад Огион спас город от страшного землетрясения, которое до основания разрушило бы богатые, украшенные башнями дома, завалило бы камнями узкий пролив между Сторожевыми Утесами. Тогда словами Истинной Речи Огион успокоил гору, как успокаивают испуганного зверя, и дрожь в ее теле прошла. Гед уже кое-что слышал об этом и сейчас, с изумлением увидев, как вооруженная стража преклоняет колена перед его тихим Учителем, снова вспомнил эту историю с землетрясением. Он почтительно, едва ли не со страхом взглянул на Огиона, но лицо волшебника оставалось, как всегда, спокойным.

Они спустились к причалам, где начальник порта уже спешил навстречу Огиону — поздороваться и спро-

сильнее, чем может ему служить. Тот ответил, что им требуется попасть на остров Рок, и тут же был назван корабль, готовый взять Геда пассажиром и направляющийся дальше, в Открытое море.

— Они охотно наймут вашего ученика как заклинателя погоды, если он этим мастерством владеет, — предложил начальник порта. — У них на борту такого человека нет.

— Он немного умеет управляться с туманом и облаками, но только не с морскими ветрами, — сказал Огион, легко сжав рукой плечо Геда. — Не пытайся колдовать над морем и штормами, Ястребок, ты пока еще совсем к ним не привык. Господин начальник, а как называется это судно?

— «Тень». Они с Андрадских островов. Направляются в Хорт, везут меха и слоновую кость. Корабль хороший, Мастер Огион.

Лицо мага потемнело, когда он услышал название корабля.

— Что ж, так тому и быть, — сказал он. — Передай это письмо Ректору Школы, Ястребок. И попутного тебе ветра! Прощай!

И все. Огион повернулся и быстро пошел вверх по улице от причалов. Гед оторопело смотрел, как он уходит — его Учитель.

— Ну, парень, пошли, — окликнул его начальник порта и повел к дальнему пирсу, где «Тень» уже поднимала свои паруса, готовясь к отплытию.

Трудно поверить, чтобы на небольшом острове, на утесах, нависающих прямо над бескрайним морем, мог вырасти человек, который ни разу за всю жизнь не ступил в лодку и не обмакнул даже палец в соленую воду, однако на Гонте это часто случалось. Земледельцы, пастухи, охотники или ремесленники — в общем, сухопутные жители — воспринимают океан как спокойное царство соленой воды, совершенно им чуждое. Для них деревня, расположенная в двух днях ходьбы от дома, — уже чужая земля, а остров на расстоянии одного дня плавания — вообще нечто почти нереальное, покрытое дымкой и существующее где-то

за горизонтом, то есть не имеющее ничего общего с той твердой землей, по которой ступают они сами.

Вот и у Геда, который никогда раньше не спускался на побережье, порт Гонт одновременно вызывал и ужас и восхищение: большие дома и башни из камня, причалы и пирсы, волноломы и доки, и сама гавань, где скопилось не менее полусотни разных судов; где на берегу вверх килем лежали лодки и стояли галеры, ожидая ремонта; где далеко на рейде стояли, подняв весла и спустив паруса, большие корабли; где матросы перекликались между собой на самых различных и странных наречиях, а портовые грузчики с тяжелым грузом на спине ловко лавировали между бочками, ящиками, кольцами каната и штабелями весел; где бородатые купцы в отороченных мехом одеждах тихо переговаривались друг с другом, пробираясь по скользким камням у самой воды; где рыбаки разгружали корзины с уловом, а бондари спешно обивали обручами бочки для рыбы; где корабелы, не переставая, стучали своими молотками; где нараспев предлагали свой товар продавцы моллюсков; где капитаны зычными голосами перекрывали любой шум, отдавая приказания команде, — и за всем этим просторный молчаливый залитый солнцем залив! Вид и звуки огромного порта ошеломили Геда; со смятенной душой шел он за своим провожатым к широкой пристани, где была пришвартована «Тень». Наконец он был представлен капитану.

Тот перебросился несколькими словами с начальником порта и согласился взять Геда пассажиром до острова Рок, ведь просил за него сам Великий Маг Огион. Начальник порта ушел, оставив мальчика на попечение капитана «Тени», высокого толстого человека в красном плаще, отороченном мехом зверька пеллави, какие обычно носят купцы с Андрадских островов. На Геда шкипер даже не взглянул, только буркнул:

— Парень, а ты заклинать погоду умеешь?

— Умею.

— И ветер вызвать можешь?

Гед вынужден был сказать «нет», поэтому шкипер велел ему пристроиться где-нибудь подальше и не путаться под ногами.

Вдоль бортов уже рассаживались гребцы; судно нужно было вывести на рейд до наступления ночи и отплыть с отливом — перед рассветом. Не путаться у других под ногами оказалось довольно-таки трудно, но Гед устроился вполне удачно, вскарабкавшись на кучу связанных вместе и прикрытых шкурами тюков на корме. Оттуда он и наблюдал за приготовлениями к отплытию. Гребцы перепрыгивали на борт судна прямо с причала — сильные, крепкие, с огромными кулаками, — а грузчики тем временем с грохотом вкатывали на судно бочки с водой и устанавливали их под скамьями для гребцов. Осанистое, хоть и тяжело груженное, судно словно пританцовывало от нетерпения на мелкой зыби у причала, и кормчий уже занял свое место справа от ахтерштевня, ожидая приказаний шкипера, стоявшего на мостике. Форштевень судна был украшен изображением Древнего Змея Андрада.

Наконец шкипер что-то рявкнул и «Тень» отошла от причала; две гребные шлюпки должны были теперь отбуксировать судно на рейд.

— Весла на воду! — снова проревел шкипер, и огромные весла взметнулись в воздух — по пятнадцать с каждой стороны. Гребцы склоняли могучие спины в такт ритму, который отбивал на барабане парень, стоявший рядом со шкипером.

Судно понеслось по волнам легко, словно чайка, шум и суматоха большого города внезапно остались где-то позади. Они вышли в тишину залива и увидели за кормой острый пик горы Гонт, которая, казалось, нависла над всем морем. В узком проливе под защитой южного из Сторожевых Утесов был брошен якорь. Здесь нужно было ждать рассвета.

В команде корабля было человек семьдесят, некоторые почти такие же юные, как Гед, но все уже прошедшие обряд посвящения. Молодые матросы часто звали его поесть и выпить вместе с ними и, в общем,

были добры к нему, хотя и грубоваты. И очень любили всякие шутки и подначки. Конечно же, они стали звать его Козьим Пастырем, потому что родом он был с Гонта, но больше никаких шуток в его адрес себе не позволяли. Он был таким же высоким и сильным, как эти пятнадцати-шестнадцатилетние подростки, за словом в карман не лез, за добро платил добром, на насмешки отвечал тем же, так что он вполне пришелся ко двору и с первого же вечера стал жить по морским законам и учиться искусству мореплавания. Капитана это вполне устраивало — для пассажиров-бездельников на борту просто не было места.

Там и для команды-то места было маловато на этой неудобной для людей беспалубной галере, и матросы теснились вперемишку с оснасткой и грузом. Впрочем, Гед в особых удобствах не нуждался. Первую ночь он провел на принайтованных, завернутых в шкуры тюках палубного груза с северных островов, любясь весенними звездами над заливом и далекими желтоватыми огоньками далекого города за кормой; он засыпал, просыпался, и радость переполняла его. Перед рассветом начался отлив. Подняли якорь, и судно плавно вышло в открытое море меж Сторожевыми Утесами. Когда восходящее солнце окрасило пурпуром вершину горы за кормой, они подняли дополнительный верхний парус и взяли курс на юго-запад через Гонтийское море.

Легкий ветерок играл в парусах, когда они прошли меж островами Барниск и Торхевен, и на второй день вдали завиднелся остров Хавнор — Великий Остров, сердце всего огромного Архипелага. Три дня они плыли вдоль его зеленых берегов, но ни разу не причаливали, и прошло еще много лет, прежде чем Геду удалось впервые ступить на эту землю, увидеть белые башни столицы Хавнора — главного порта и центрального города их мира.

Одну ночь они простояли на рейде в гавани Кембермаута, северного порта на острове Уэй, а следующую — вблизи маленького городка у самого выхода из залива Фелкуэй. Потом обогнули самый северный

мыс острова Они и вошли в узкие проливы Эбавнора. Здесь пришлось спустить паруса и взяться за весла; берега островов были совсем близко то с одной, то с другой стороны, и постоянно с «Тенью» обменивались приветствиями встречные суда, большие и маленькие, грузовые и торговые. Некоторые из этих судов прибыли из Дальних Пределов и везли странные товары, пробыв в плавании несколько лет; некоторые, напротив, перепархивали, словно воробы, с одного острова на другой. Двигаясь по-прежнему к югу, «Тень» выбралась наконец из густонаселенных проливов Эбавнора, оставила далеко за кормой остров Хавнор, миновала живописные острова Арк и Илиен, чьи украшенные башнями города террасами спускались к морю, и навстречу дождю и все усиливающемуся ветру стала пробиваться через Внутреннее море к острову Рок.

Ночью, поскольку ветер крепчал и стад почти штормовым, убрали паруса и мачту и весь следующий день шли на веслах. Длинное судно было устойчивым на волне, легко и изящно разрезая нарастающие валы, однако кормчему у длинного рулевого весла не было видно ничего, кроме сплошной стены дождя. Они шли на юг, ориентируясь лишь по компасу и совершенно не представляя себе, мимо каких земель в данный момент проплывают. Гед слышал, как матросы поговаривают о мелях к северу от Рока и об опасных Борильских Скалах к востоку от него; кое-кто вообще считал, что они уже давно отклонились от курса и вышли в Открытое море, южнее острова Камери. А ветер все крепчал, и верхушки высоких волн под его порывами взлетали вверх пенистыми гривами, но судно упрямо держало курс на юг, по ветру. Гребцы все чаще сменяли друг друга, самые молодые садились за одно весло по двое; Гед греб с остальными на равных — он делал это с тех пор, как «Тень» покинула порт Гонта. Отдыхая от гребли, они вычерпывали воду, потому что волны постоянно захлестывали судно. Все трудились не покладая рук, пытаясь одолеть валы, в порывах ветра подобные курящимся вулканам, а

дождь изо всех сил хлестал своими ледяными струями по спинам людей, и голос барабана, отбивающего ритм, доносился сквозь шум бури, словно глухие удары сердца.

Кто-то сменил Геда у весла, сказав, что его зовет шкипер. Дождь потоками стекал с капюшона капитанского плаща, но он продолжал невозмутимо стоять на своем мостике, как пузатый винный бочонок. Глядя на подошедшего Геда сверху вниз, шкипер спросил его:

— Можешь утихомирить этот ветер, парень?

— Нет, капитан.

— А в железе толк знаешь?

Шкипер имел в виду, не может ли Гед заставить стрелку компаса точно показать им путь к острову Рок, независимо от того, где в данный момент находится север. Это умение — одна из тайн морских волшебников; и снова Гед вынужден был сказать «нет».

— Что ж, — проревел, перекрывая шум бури, шкипер, — тогда придется тебе подыскать судно, которое отвезет тебя обратно на Рок из Хорта. Рок сейчас, должно быть, где-то к западу от нас, а развернуться при такой волне можно только с помощью волшебства. Так что придется идти к югу.

Геду не слишком-то все это пришлось по душе: он уже наслушался всяких историй о городе Хорте, в котором закон никому не писан и полно подозрительных кораблей, которые крадут людей и продают их в рабство где-то на островах Южного Предела. Снова сев к веслу со своим напарником, крепким пареньком с Андрада, Гед едва различил в шуме ветра рокот барабана и увидел, как жалостно мотается и мигает под порывами бури фонарь на корме — жалкие вспышки света на фоне сплошной темной стены дождя. Он неотрывно смотрел на запад, напряженно работая веслом, и вдруг, когда судно в очередной раз взлетело на гребень волны, на мгновение увидел меж облаков проблеск света над темной, словно дымящейся водой. Ему показалось, что это последний луч заката, вот

только свет был не красный, закатный, а светлый и яркий.

Его напарник сам света увидеть не успел, зато заорал на все судно. Кормчий тоже стал всматриваться вдаль и, когда Гед увидел свет снова, тоже заметил его, однако крикнул, что это всего лишь закатный луч. Тогда Гед попросил одного из парней, черпавших воду из трюма, подменить его на минутку и пошел на нос корабля, с трудом удерживаясь на ногах и каждую минуту рискуя быть смытым за борт. Пробравшись между скамьями для гребцов и грузами, загромаждавшими корабль, Гед уцепился за резную фигуру на носу и крикнул шкиперу:

— Капитан! Держите на свет! Это остров Рок!

— Никакого света я не вижу! — проревел шкипер, но не успел закрыть рот, как увидел там, куда указывал Гед, ясный спокойный свет над беснующимся морем. Свет увидели и все остальные.

Вовсе не ради своего пассажира, а единственно желая спасти судно от шторма, шкипер тут же отдал команду взять курс на свет. Однако Геду сказал:

— Ты, парень, уверенно говоришь, словно морской волшебник, но вот тебе мое слово: если ты да еще в такой шторм заведешь нас не туда, я тебя собственными руками в море брошу, и плыви тогда к Року сам!

Теперь они вынуждены были выгребать против волны. Это было нелегко: волны, бьющие в борт судна, упорно сталкивали его к югу, качка была ужасной, вычерпывать воду приходилось не разгибая спины, гребцы внимательно следили, чтобы весла от качки не вылетели из уключин и не посшибали их за борт. Под мчащимися по небу грозowymi тучами было темно, как ночью, но теперь все постоянно видели мелькающий на западе свет, и этого было достаточно, чтобы держать курс, пусть медленно, но все же продвигаться к цели. Наконец ветер стал понемногу слабеть, а свет впереди, напротив, все ширился. Гребцы еще сильнее налегли на весла, и судно вдруг вынырнуло из-под завесы дождя, буквально одним взмахом преодолев границу между бурей и покоем чистого неба, на

котором догорал закат, отражаясь в тихой воде залива. За пеной прибоя поднимался высокий округлый зеленый холм, а у его подножия на берегу раскинулся город, где в небольшой гавани мирно покачивались суда.

Кормчий, опираясь на свое длинное весло, крикнул:

— Эй, капитан! Это настоящая земля или колдовство?

— Держись за нее покрепче да смотри не упусти, чурбан ты безмозглый! Гребите, гребите скорей, жалкие потомки рабов! Это же гавань Твила, а над ней ихний Холм — каждому дураку ясно! А ну, навались!

Под рокот барабана они, слаженно работая веслами, вошли в залив. Там вода была гладкой, как зеркало, и можно было услышать голоса людей наверху, в городе, звон колокола, а издалика доносились свист и шипение морской бури. Темные тучи клубились в небе на востоке, на севере и на юге километрах в полутора от острова. Но над самым Роком в ясном и тихом небе одна за другой появлялись первые звезды.

Глава 3

ШКОЛА ВОЛШЕБНИКОВ

Эту ночь Гед провел на судне, а рано поутру, простившись со своими первыми среди моряков друзьями, пошел в город: вслед ему летели самые добрые пожелания. Город Твил был невелик, его высокие дома теснились вдоль нескольких круто поднимающихся в гору узеньких улиц. Геду, однако, Твил показался настоящим большим городом, и, не зная дороги, он спросил первого встречного, где можно найти Ректора Школы Волшебников. Человек искоса посмотрел на него, но ответил не сразу. Потом сказал:

— Мудрым спрашивать ни к чему, а глупцам и расспросы не помогут.

С этими словами он удалился, а Гед продолжал подниматься по одной из улочек вверх, пока не вышел на площадь, с трех сторон окруженную обычными домами с остроконечными крышами, крытыми черепицей; с четвертой стороны там была стена какого-то большого строения, и первый ряд маленьких

окошек в ней располагался выше каминных труб всех остальных домов. Это была то ли какая-то крепость, то ли замок со стенами из мощных каменных глыб. На площади расположился небольшой рынок, между прилавками ходили люди, а Гед снова задал свой вопрос, но теперь уже какой-то старухе с корзиной мидий. Та ему ответила:

— Не всегда можно обнаружить Ректора Школы там, где он есть, но иногда встречаешься с ним, где его и быть-то не может.

И пошла себе дальше, зазывая покупателей.

В углу могучей стены строения виднелась маленькая дверка. Гед подошел к ней и громко постучался. Старику, открывшему дверь, он сказал:

— У меня письмо от волшебника Огиона с острова Гонт, мне нужно найти Ректора здешней Школы, но никаких загадок и насмешек я больше слушать не желаю!

— Это здесь, — мягко ответил старик. — А я здешний Привратник. Входи, если сможешь.

Гед шагнул, и ему показалось, что он переступил порог, однако так и остался на площади перед дверью.

Он еще раз шагнул и снова оказался стоящим снаружи. Привратник с той стороны порога наблюдал за ним добрыми глазами.

Гед не столько растерялся, сколько рассердился: ему показалось, что шутки над ним продолжают. Голосом и рукой он сотворил заклинание, открывающее двери, которому давным-давно научила его тетка; это, можно сказать, была жемчужина в известном ей наборе заклятий, и Гед владел им хорошо. Но здесь орудие из арсенала деревенской ведьмы не действовало: слишком могущественные силы не давали ему войти.

Потерпев поражение, Гед продолжал стоять возле двери. Потом взглянул на старика, который терпеливо ждал за порогом.

— Я не могу войти, — нехотя проговорил наконец Гед. — Может быть, ты поможешь мне?

Привратник ответил:

— Назови свое имя.

И снова Гед застыл в молчании, ибо человеку не подобает просто так произносить вслух свое подлинное имя — только в случае смертельной опасности.

— Меня зовут Гед, — громко сказал он. И перешагнул через порог открытой двери. И тут ему показалось, что, хотя площадь позади вся была залита солнечным светом, некая тень скользнула оттуда следом за ним.

А еще он увидел, обернувшись, что дверь, в которую он только что вошел, сделана вовсе не из дерева, как ему показалось, а из слоновой кости, причем без единого шва или трещинки: как он узнал позже, дверь была вырезана из зуба Великого Дракона. Она была великолепно отполирована, и сквозь нее слабо просвечивал снаружи солнечный свет; на ее внутренней стороне было вырезано Древо Жизни с тысячью листьев.

— Добро пожаловать, сынок, — сказал Привратник, закрывая за ним дверь, и, не говоря больше ни слова, провел его по бесконечным залам и коридорам во внутренний дворик, где-то в глубине гигантского строения. Над двориком ясно сияло открытое небо, по краям дворик был выложен мраморными плитами, а на маленькой зеленой лужайке под юными деревцами, в солнечном свете взлетала ввысь струйка фонтана. Здесь Геду пришлось некоторое время подождать в одиночестве. Он стоял неподвижно, и сердце его беспокойно билось: он как бы ощущал чье-то невидимое присутствие, воздействие неких неведомых сил и все глубже осознавал, что дворец этот построен не только из могучих каменных глыб, но и скреплен волшебством, куда более прочным, чем камень. Гед находился сейчас в самом сердце этого Дома Мудрецов, хотя прямо над ним было открытое небо. Вдруг он почувствовал, что рядом с ним стоит какой-то человек: незнакомец, одетый в белое, наблюдал за ним сквозь падающие струи фонтана.

Когда глаза их встретились, в ветвях дерева громко пропела какая-то птица. И в эти мгновения Гед понимал и язык этой птицы, и слова, которые шептала

вода в фонтане, и значение меняющихся форм облаков в небесах; он знал, откуда прилетел и где уляжется ветерок, кольнувший листву; ему даже показалось, что и сам он — всего лишь слово, которое обронил солнечный свет.

Миг этот пролетел, и Гед, как и мир вокруг него, стали прежними или почти прежними. Он сделал несколько шагов, преклонил колена пред Верховным Магом и протянул ему письмо, написанное Огионом.

Верховный Маг Неммерль, Хранитель острова Рок, был очень стар; говорили, что он старше всех в Земноморье. Голос его дрожал и немного напоминал птичий, во всем облике сквозила доброжелательность. Волосы, борода и одежда Неммерля — все было белым; казалось, медленное течение времени вымыло из его души и тела все темное и тяжелое, и он стал похож на белый легкий кусок плавника, сотню лет носившийся по морским волнам.

— Глаза мои стары, — сказал он дрожащим своим голосом. — Прочти-ка мне это письмо, сынок.

Гед взял письмо и начал громко читать вслух. Оно было написано ардическими рунами, и в нем сообщалось немногое:

Лорд Неммерль! Посылаю вам того, кто станет величайшим из волшебников Гонта, если ветер у него будет попутный.

Письмо было подписано не подлинным именем Огиона, которого Гед пока что не знал, а его собственной руной, обозначавшей сомкнутые уста: Молчаливый.

— Добро пожаловать, коли тебя посылает к нам тот, кто держит на привязи землетрясения! Я всегда любил, когда молодой Огион приезжал сюда с Гонта. А теперь, сынок, расскажи мне о морях и чудесах, которые видел за время путешествия.

— Это действительно было чудесное путешествие, господин мой! Вот только вчера шторм разразился.

— Что за корабль привез тебя сюда?

— «Тень», торговое судно с Андрадских островов.

— Кто послал тебя сюда?

— Я приехал по своей воле.

Верховный Маг посмотрел на Геда, отвернулся и начал что-то приговаривать на непонятном языке себе под нос, словно дряхлый старец, погрузившийся в воспоминания об иных временах и землях. Но среди этого невнятного бормотания Геду слышались те слова, что пропела тогда на дереве птица и прошептала вода в фонтане. Неммерль не ворожил и не произносил заклинаний, но некая сила в его голосе перевернула всю душу Геда, и он в растерянности ощутил, что как бы перенесся в таинственную бескрайнюю пустыню и стоит там один среди движущихся вокруг теней. И тем не менее он явственно сознавал, что одновременно находится посреди залитого солнцем двора и слушает журчание воды в фонтане.

Большая черная птица подошла к ним по траве со стороны каменной террасы. Это был ворон с острова Оскил. Он почти касался края одежды Верховного Мага, остановившись с ним рядом и искоса поглядывая на Геда. Ворон был абсолютно черный, клюв как кинжал, а глаза как самоцветы. Он три раза стукнул клювом по белому посоху, на который опирался Неммерль, и старый волшебник перестал наконец бормотать и улыбнулся.

— Беги, сынок, играй, — сказал он Геду, словно малому ребенку.

Гед еще раз преклонил колена, а когда поднялся, то Верховного Мага уже нигде не было. Только черный ворон стоял и смотрел на Геда, подняв клюв так, словно собирался еще раз клюнуть исчезнувший посох.

Потом он сказал на том языке, который, как полагал Гед, вполне мог быть языком острова Оскил.

— Терренон уссбук! — прокаркал ворон. — Терренон уссбук оррек! — И удалился столь же важно, как и пришел.

Гед повернулся, намереваясь покинуть дворик и размышляя, куда бы ему пойти, но тут из-под арки

навстречу ему вышел высокий юноша и весьма церемонно приветствовал его, склонив перед ним голову.

— Меня зовут Джаспер, я сын Энвита, Лорда Эолга с острова Хавнор. Сегодня я в вашем полном распоряжении, готов показать Большой Дом и ответить на все вопросы, насколько смогу, разумеется. Как мне называть вас, господин мой?

Геду, жителю глухой горной деревушки, еще не бывавшему в компании сынков знатных и богатых людей, тут же показалось, что парень просто над ним издевается: все эти «в вашем полном распоряжении» и «господин мой»! Все эти поклоны и расшаркивания! Он коротко буркнул в ответ:

— Ястребом меня называют.

Незнакомец выждал какое-то время, словно полагал, что последуют более вежливые пояснения, однако, не получив таковых, выпрямился и чуть отвернулся. Он был двумя-тремя годами старше Геды, очень высокий, движения и осанка исполнены строгого изящества. «Ишь, словно на танцах, воображала», — подумал Гед. Джаспер, одетый в серый плащ с отброшенным на спину капюшоном, прежде всего повел новичка в гардеробную, где тот, являясь уже учеником Школы, смог бы подобрать себе такой же плащ по росту и любую другую одежду. Гед выбрал темно-серый плащ, надел его, и Джаспер сказал:

— Ну вот, теперь ты один из нас.

У Джаспера была привычка слегка улыбаться, обращаясь к другим, и Геду казалось, что за каждым его вежливым словом кроется насмешка. А потому он мрачно возразил:

— Разве одежда делает волшебника волшебником?

— Нет, — ответил спокойно Джаспер. — Зато я слышал, что мужчину делает мужчиной умение вести себя. Ну а теперь куда?

— Куда хочешь. Я этого дома не знаю.

Джаспер провел его по коридорам, показал открытые внутренние дворики и обширные закрытые залы Большого Дома, библиотеку — комнату с тысячью полок, где хранились полные всякой премудрости книги

и инкунабулы с рунической письменностью, показал Зал Большого Камина, где вся Школа отмечает обычно праздники; потом отвел наверх, в башни и мансарды, где размещались маленькие комнатки-спальни для учеников и Учителей. Комната Геда была в Южной башне, из ее окна виднелись островерхие крыши Твила, а за ними море. Как и во всех остальных комнатах, мебели в ней не было никакой, если не считать набитого соломой тюфяка в углу.

— Мы здесь живем очень просто, — сказал Джаспер. — Но я надеюсь, ты возражать не станешь?

— Я к такому привык. — И, стараясь показать, что он не менее вежлив, чем этот заносчивый парень, Гед прибавил: — Но мне кажется, самому тебе сначала было трудновато.

Джаспер посмотрел на него, и выразительный взгляд его сказал куда больше слов: «Что, собственно, ты можешь знать о том, к чему я, княжеский сын из Хавнора, привык?» Однако вслух он всего лишь предложил:

— Ну, теперь пойдем дальше, вот сюда.

Внизу ударили в гонг, и они спустились в трапезную к обеду. За общим Длинным Столом они сидели вместе с сотней остальных мальчиков и юношей. Каждый сам приносил себе еду, обмениваясь шутками с поварами через кухонные окошки, возле которых в тарелки нагружали неимоверное количество съестного, испускавшего аппетитный парок. Каждый садился за Длинный Стол, где хотел.

— Говорят, — пояснил Джаспер Геду, — что не имеет значения, сколько бы человек одновременно ни село за этот стол: места всегда хватит для всех.

И точно, места хватало как для многочисленных стоек младших учеников, с веселой болтовней поглощавших огромные порции еды, так и для старших, в серых плащах, застегнутых у горла серебряными пряжками; старшие сидели значительно тише, парами или поодиночке, с мрачными сосредоточенными лицами, словно обремененные тяжкими думами и заботами. Джаспер и Гед сели рядом с плотно сбитым парнем по

имени Ветч, который в основном отмалчивался и с энтузиазмом поглощал яства. Он говорил с акцентом, свойственным жителям островов Восточного Предела, и был очень темнокожим, почти черно-коричневым, а не медно-смуглым, как Гед и Джаспер, а также большинство жителей Архипелага. Ветч был прост в обращении, и манеры его не отличались изысканностью. Покончив с обедом, он что-то проворчал по поводу его качества и, повернувшись к Геду, сказал:

— По крайней мере, это не иллюзия, которых здесь слишком много. Годится, чтобы брюхо набить.

Гед не совсем его понял, но почувствовал к новому знакомцу некоторую симпатию и был доволен, когда после обеда парень присоединился к ним.

Втроем они спустились в город, чтобы Гед хоть немного освоился. Улиц в Твиле было маловато, да и те недлинные, и юноши свернули и стали бродить прямо между островерхими домами, петляя так, что заблудиться ничего не стоило. Странный это был город, и странные люди жили в нем — рыбаки, рабочие, ремесленники, как и везде, но настолько привыкшие к колдовству, которое постоянно было в ходу на острове Мудрецов, что и сами казались наполовину колдунами. Они разговаривали (как уже успел убедиться Гед) загадками, и ни один из них и глазом не моргнул бы, если бы у него перед носом юноша превратился, например, в рыбу или полетел по воздуху, словно птица, какой-нибудь дом; они прекрасно знали, что это всего лишь проделки учеников Школы, и продолжали тачать сапоги или разделывать очередную баранью тушу.

Выйдя через дверь в задней стене Школы, трое юношей поднялись по склону Холма, сделали круг по садам и по деревянному мосту перебрались на другой берег чистой речки Твилберн. Потом, не сговариваясь, побрели по лесам и лугам на север. Тропа, петляя, вела их вверх. Они проходили по дубовым рощам, где на земле лежали густые тени: несмотря на то что день был очень ясный, солнце сюда не проникало. Одну из этих рощ, слева от тропы, Гед все не мог

как следует рассмотреть. Она неизменно оставалась на некотором отдалении, хотя все казалось, что тропинка вот-вот нырнет туда. Гед даже не смог разобрать, что за деревья в этой роще. Ветч, поймав его недоуменный взгляд, мягко пояснил:

— Это Имманентная Роща. Мы туда пока войти не можем...

На жарких, залитых солнцем пастбищах цвели желтые цветы.

— Это горицвет, — сказал Джаспер. — Растет там, где ветер уронил золу от сожженных селений Илиена, когда Эррет-Акбе защищал Внутренние Острова от Повелителя Огня.

Он сорвал подсохшее соцветие, подул на него, и золотистые семена легко отделились и разлетелись во все стороны, сверкая, как искры, в лучах солнца.

Тропа по-прежнему шла вверх, огибая основание зеленого Холма правильной округлой формы, поросшего одной лишь травой, того самого, который Гед увидел с палубы корабля, когда «Тень» плыла в зачарованные тихие воды залива Рок. Здесь, на склоне Холма, Джаспер остановился.

— Дома, в Хавноре, я много слышал о гонтских колдунах, которые якобы славятся своим мастерством, и мне давно уже хотелось узнать, на самом ли деле они такие замечательные мастера. Вот теперь среди нас есть настоящий гонтиец, и стоим мы на волшебном Холме Рок, чьи корни уходят глубоко, к самому центру земли. Здесь обретает силу любое заклятие. Покажи нам что-нибудь, Ястребок. Как вы там делаете свои фокусы?

Гед, смущенный и застигнутый врасплох, молчал.

— Да не торопись ты, Джаспер, — сразу попытался вмешаться Ветч. — Пусть немного пообвыкнет.

— Он уже обладает либо мастерством, либо врожденной магической силой, иначе Привратник не впустил бы его. Почему бы ему не изобразить что-нибудь прямо сейчас, а не потом? А, Ястребок?

— У меня есть и мастерство, и сила, — сказал Гед. — Но объясни, чего именно хочешь ты от меня.

— Иллюзий, конечно, фокусов, миражей. Вот смотри.

Подняв палец, Джаспер произнес несколько странных слов, и там, куда он указал пальцем, среди зеленой травы заблестела тонкая струйка воды, потом стала шире, превращаясь в быстрый ручей, который ринулся по склону вниз. Гед опустил в воду руку — рука стала мокрой; он выпил несколько глотков — вода была холодной. И все же ничьей жажды вода эта не утолила бы: то была всего лишь иллюзия. Еще одним словом Джаспер остановил воду, и травы под солнцем тут же высохли.

— Теперь твоя очередь, Ветч, — сказал он, как всегда холодно улыбаясь.

Ветч поскреб в затылке, но все же взял в руки немного земли и начал над ней напевать что-то невнятное, разминая ее своими пальцами, придавая ей какую-то форму, сжимая ее и поглаживая; и вдруг появилось маленькое существо, похожее на шмеля или мохнатую муху, которое с гудением облетело Холм, вернулось обратно и растаяло в воздухе.

Гед, глядя на это, совсем упал духом. А что умеет он, кроме самого примитивного деревенского колдовства, вроде заклинаний, сзывающих домой коз, да изготовления зелья от бородавок? Ну еще какие-то слова, передвигающие с места на место тяжелые мешки или заделывающие треснувшие горшки.

— Я таких фокусов, как вы, не делаю, — сказал он.

Для Ветча этих слов вполне достаточно, и он хотел было уже идти дальше, но Джаспер вскинулся:

— Это почему же?

— Колдовство — не игра. Мы, гонтийцы, не развлекаемся колдовством — ни для удовольствия, ни для похвалы, — высокомерно ответил Гед.

— А для чего же вы им пользуетесь? — продолжал мучить его Джаспер. — Для денег?

— Нет!.. — Но придумать в ответ что-то еще и скрыть собственное незнание, спасая гордость, он не сумел. Джаспер засмеялся, впрочем довольно беззлобно, и повел их дальше вокруг Холма. Гед тащился

сзади, надувшись и вконец расстроившись: он понимал, что вел себя как последний дурак, и винил в этом Джаспера.

Ночью, когда он, закутавшись в плащ, улегся на тюфяке в своей холодной каменной келье, среди мрачного безмолвия Большого Дома, мысли об этом загадочном месте, о бесконечных заклинаниях, о вечном колдовстве, творившемся здесь, обволокли его тяжелым облаком. Вокруг царила непроницаемая тьма, и душу Геда обьял ужас. Теперь он мечтал о том, чтобы в данную минуту оказаться где угодно, только не на острове Рок. Но тут дверь его комнаты отворилась и вошел Ветч, над головой которого, покачиваясь, плыл маленький голубоватый шарик — волшебный огонек, освещавший ему путь вместо свечи. Ветч спросил, нельзя ли ему немножко поболтать с Гедом, и, получив разрешение, стал расспрашивать того о Гонте, а потом с большим воодушевлением рассказал о своих родных островах Восточного Предела. Например, о том, как тихим вечером над морем с островка на островок долетает дым от деревенских очагов, так близко эти островки находятся друг к другу. Назывались они ужасно смешно: Корп, Копп и Холп, Венуэй и Вемиш, Иффиш, Коппиш и Снег. Когда Ветч нарисовал пальцем на каменных плитах пола очертания этих островов, то линии стали слабо светиться, словно серебряные, а потом потухли. Ветч учился в Школе уже три года и скоро должен был получить звание колдуна; для него вся эта магическая чепуха, вроде светящихся линий, была столь же привычна и свойственна, как птице — умение летать. Однако самым большим его талантом, тем мастерством, которому он не смог бы научиться ни у кого, была удивительная доброта. В ту ночь он от всей души предложил Геду свою вечную дружбу, верную и честную, на что Гед, разумеется, не мог не ответить взаимностью.

И в то же время Ветч дружил также с Джаспером, который в первый же день оставил Геда в дураках. Гед этого забывать не собирался, и, похоже, Джаспер тоже — он по-прежнему разговаривал с Гедом вежливо

и с той же насмешливой улыбкой. А тот не мог допустить, чтобы гордость его была задета, и поклялся доказать своему сопернику и всем остальным, среди которых Джаспер был заводилой, сколь велика на самом деле его, Геда, сила — когда-нибудь, при случае. Ведь ни один из команды Джаспера, каким бы изощренным ни было их мастерство в создании иллюзий, не смог пока спасти целую деревню силой собственного волшебства. И только о нем, о Геде, написал Огион, что он будет когда-нибудь величайшим волшебником Гонта.

Питая этими надеждами свою гордость, Гед все силы отдавал работе: урокам и ремеслам, изучению фольклора и истории — тому мастерству, которому учили его одетые в серые плащи Мастера с острова Рок, метко прозванные Великой Девяткой.

Каждый день несколько часов он проводил на уроках Мастера Регента: изучал героические песни о великих Деяниях Древних, баллады о мудрости предков, начиная с древнейшей — «Песни о создании Эа». Потом вместе с дюжиной других учеников практиковался у Мастера Ветродуя в искусстве управления погодой и ветрами. Все светлые весенние дни они проводили в заливе, на легких лодках, упражняясь в заклинании волн, усмирении штормовых валов и создании волшебного ветра. Мастерство заклинателя погоды очень сложное и запутанное, и частенько Гед чувствовал, что в голове у него полная неразбериха; лодчонка его вдруг начинала плыть задом наперед или сталкивалась с чьей-то еще лодкой, причем избежать столкновения оказывалось невозможно, хотя вокруг был совершенно пустой залив, где вполне можно было не только разминуться, но и потерять друг друга из виду; или вдруг все трое пассажиров его лодки вынуждены были заняться плаванием, потому что сама лодка неожиданно исчезала под возникшей неизвестно откуда огромной волной. В иные дни бывали куда более спокойные путешествия по берегу с Мастером Травником, который учил их тому, ЧТО, КАК и ДЛЯ ЧЕГО растет на земле; а Мастер Ловкая Рука учил их

показывать фокусы, создавать иллюзии и еще всяким несложным чудесам, самым простым в искусстве Превращений.

По всем этим предметам Гед успевал отлично и за один только месяц обогнал тех, кто уже целый год учился на острове Рок. Особенно легко давались ему всякие фокусы и иллюзии, казалось, что он умеет их делать от рождения, лишь нужно было ему об этом напомнить. Старый Мастер Ловкая Рука был человеком мягким и добросердечным, он не устал радоваться изяществу и красоте того искусства, которым дарил своих учеников. Гед вскоре совсем перестал его стесняться и спрашивал то об одном заклинании, то о другом, и всегда Мастер улыбался и показывал, как сделать то, чего хотелось Геду. Как-то раз, задумав наконец пристыдить Джаспера, Гед спросил, когда они с Мастером были одни в Комнате Иллюзий:

— Учитель, все эти чудеса очень похожи; зная одно, ты уже знаешь и все остальные. Кроме того, едва лишь кончается действие заклятия, рассеивается и иллюзия. Вот я превращу этот камешек в бриллиант, — что он и сделал, сказав нужное слово и должным образом махнув рукой, — а как мне поступить, чтобы бриллиант продолжал оставаться бриллиантом? Как навсегда наложить Заклятие Превращения, чтобы оно не кончилось? Как закрепить его?

Мастер Ловкая Рука посмотрел на драгоценный камень, блескующий и переливавшийся на ладони Геда, словно желанная добыча из сокровищницы дракона. Потом прошептал одно лишь слово — *ток*, — и на ладони оказался обычный серый камешек, никакой не бриллиант, а самый простой осколок горной породы. Учитель взял его и переложил на собственную ладонь.

— Это гранит; *ток* — его подлинное имя, — сказал он, взглянув своими кроткими глазами на Геда. — Это кусочек того, из чего сделан сам остров Рок, маленькая частица суши, на которой живут люди. *Ток* — это его сущность. И сам он — незаменимая частица мироздания. Путем превращений или иллюзий ты можешь заставить его выглядеть бриллиантом, или цветком,

или мухой, или человеческим глазом, или языком пламени... — Он называл эти предметы, и камешек моментально превращался в каждый из них, едва успевало отзвучать сказанное слово, и тут же снова возвращался к своей исходной форме. — Все это только иллюзии. Иллюзии обманывают чувства, порой благодаря им человек видит, слышит и чувствует, что предмет выглядит иначе. Но суть предмета иллюзии изменить не способны. Чтобы превратить этот камешек в бриллиант, нужно изменить его подлинное имя. А чтобы сделать это, сынок, даже с самой малой частичкой мироздания, нужно изменить весь мир. Сделать это можно. Это правда. Мастер Метаморфоз владеет этим искусством, и ты этому выучишься в свое время. Но никогда не совершай Превращений — ни с камешком, ни даже с песчинкой, — пока не поймешь, какие добрые и злые последствия это вызовет. Мир наш пребывает в гармонии, в Великом Равновесии. Сила волшебника, способного вызывать души мертвых и совершать Превращения, может нарушить миропорядок. Она очень опасна, эта сила, опаснее всех других. Сила эта дается лишь вслед за Знанием, а используется лишь при необходимости. Зажженная свеча непременно порождает тени...

Он снова посмотрел на камешек.

— Гранит ведь тоже вещь хорошая, знаешь ли, — сказал он уже не столь мрачным тоном. — Если бы острова Земноморья были сделаны из бриллиантов, туго бы нам пришлось. Радуйся иллюзиям, сынок, но пусть скалы остаются скалами.

Он улыбнулся, но Гед был разочарован. Каждый раз, как он пытался вывести у любого из магов тайну посерьезнее, те сразу начинали говорить, почти как Огион: о Равновесии и опасности, и еще об этой Тьме... Ведь нет сомнений, что настоящий волшебник, который давно наигрался со всякими детскими забавами вроде иллюзий и перешел к настоящему искусству — к Заклинаниям душ и Превращениям, — вполне способен делать то, что ему нравится, поддерживая в мире это самое Равновесие так, как ему хочется, и отто-

нять прочь всякую тьму своим собственным волшебным светом.

В коридоре Гед встретил Джаспера. С тех пор как Гед стали по всей Школе хвалить за успехи, Джаспер разговаривал с ним, пожалуй, несколько дружелюбнее, однако еще более насмешливо.

— Что-то ты, Ястребок, больно мрачен, — сказал он на этот раз. — Что, чудеса-фокусы не удаются?

Как всегда, стремясь не уступить сопернику ни в чем, Гед ответил, вроде бы не замечая насмешки:

— Меня тошнит от фокусов и от иллюзий тоже. Все это годится лишь для того, чтобы развлекать лордов, изнывающих от скуки в своих замках и поместьях. Единственное настоящее волшебство, которому меня пока научили на острове Рок, — это зажигать волшебные огни да немного управлять погодой. Все остальное — глупости.

— Даже глупости опасны — в руках глупца, разумеется, — сказал Джаспер.

Гед вздрогнул, словно ему дали пощечину, и угрожающе шагнул в сторону Джаспера, но тот только улыбнулся с самым невинным видом, как бы показывая, что и намерения не имел кого-либо оскорбить, как всегда, грациозно поклонился и ушел.

Гед так и остался стоять, и сердце его горело ненавистью; про себя он поклялся непременно превзойти Джаспера и не просто в искусстве создания иллюзий, а в настоящем поединке. Он больше не позволит, чтобы этот надменный княжеский сынок смотрел на него свысока.

Гед и не пытался задуматься, почему, собственно, Джаспер непременно должен так уж сильно ненавидеть его самого. Он знал только причину собственной ненависти к Джасперу. Остальные ученики весьма быстро поняли, что с Гедом им не сравниться ни в физических упражнениях, ни в прилежании, и говорили о нем — кто с восхищением, кто с завистью:

— Он ведь прирожденный волшебник, разве за ним утонишься?

Один лишь Джаспер никогда не хвалил Геда, но никогда его и не избегал; просто посматривал на него свысока и всегда чуть улыбался. А потому один лишь Джаспер был ему настоящим соперником; и его совершенно необходимо было выставить на всеобщий позор.

Он не замечал или не желал замечать, как в этом соперничестве, которое он холил и лелеял как проявление собственной гордости, растет нечто очень опасное, родственное той самой Тьме, о которой мягко предупредил его тогда Мастер Ловкая Рука.

Когда Гед не бывал охвачен одной лишь слепой яростью, то прекрасно сознавал, что на самом деле он никакой не соперник Джасперу, как и любому другому из старших учеников, и тогда он снова с прежним прилежанием и рвением брался за работу.

К концу лета, правда, занятия несколько утратили интенсивность, стало оставаться больше времени для досуга. Ученики развлекались гонками на заколдованных шлюпках в заливе, устраивали состязания иллюзионистов во внутренних двориках Большого Дома, а долгими вечерами в рощах начиналась немыслимая игра в прятки, когда невидимы были и те, кто спрятался, и те, кто искал, так что среди деревьев слышались лишь смех и чьи-то голоса, да мелькали порой, словно гонясь друг за другом, неяркие волшебные огоньки.

С наступлением осени ученики Школы с новыми силами вернулись к работе, и каждый занялся чем-то для него новым. Так что первые несколько месяцев пролетели удивительно быстро, наполненные бурными эмоциями и всяческими чудесами.

Зимой дело обстояло по-другому. Его вместе с семью другими мальчиками отправили на дальний конец острова, на самый крайний северный его мыс, где возвышалась Одинокая Башня. Там отшельником жил Мастер Ономатет, которого звали еще очень странным именем, не имевшим значения ни на одном известном людям языке, — Курремкармеррук. Вблизи от Башни на много километров в округе не было ни

единой мастерской или фермы. Мрачно высилась она над северными утесами, мрачные серые тучи плыли и плыли над зимним морем, и конца не было спискам, рядам и кругам имен, которые должны были запомнить восемь учеников Мастера Ономатета. Курремкармеррук восседал среди них на высоком стуле в самой верхней комнате Башни и писал столбцы тех имен, которые необходимо было выучить до полуночи, когда волшебные чернила вновь исчезали, не оставляя на чистом листе пергамента ни следа. В комнате вечно царил полумрак, было очень холодно и очень тихо, слышался лишь скрип пера Мастера да тяжкие вздохи учеников, которые до полуночи торопились запомнить название каждого мыса, каждой деревушки, каждой бухточки, узкого пролива, фиорда, канала, гавани, мели, рифа и каждой скалы где-нибудь близ берегов Лоссоу или другого небольшого островка в Пелнийском море. Если кто-то из учеников жаловался, Учитель мог и ничего не сказать, а просто удлинить список на сегодня или же мог, например, заявить: «Тот, кто хочет повелевать морями, обязан знать подлинное имя каждой капельки воды в них».

Гед порой тоже вздыхал, но не жаловался. Он понимал, что в этой пыльной и, казалось бы, бессмысленной куче слов, которые требуется запомнить, скрываются подлинные имена всех людей, предметов и мест на земле, то самое могущество Истинной Речи, которого он так жаждал; и знания эти лежали, подобно кладу, на самом дне сухого колодца. Магия — это и есть точное знание подлинного имени предмета. Примерно так сказал им Курремкармеррук в их первый вечер в Башне и больше никогда не повторял этого, но Гед его слов не забыл.

— Многие из могущественных магов, — сказал Мастер Ономатет, — потратили всю свою жизнь, чтобы отыскать имя всего лишь одной-единственной вещи, одно-единственное скрытое слово Истинной Речи. И все же списки имен еще не закончены. И никогда не будут закончены — до конца света. Слушайте и сами поймете почему. В нашем мире под солнцем и в

другом, где солнца нет, многое не имеет ничего общего ни с людьми, ни с человеческой речью и существуют силы, куда могущественнее наших. Но настоящими волшебниками могут считаться лишь те, кто помимо ардического языка Земноморья знает Истинную Речь, от которой язык этот произошел.

Истинной Речью и сейчас пользуются драконы, ее слова звучали в устах Сегоя, создавшего острова Земноморья, они лежат в основе нашей магии — священных песен, заклинаний и чар. Слова Истинной Речи — в искаженном, порой до неузнаваемости, виде — скрываются среди слов ардического языка. Мы называем пену морскую словом *сукиен*; оно состоит из двух корней Истинной Речи — *сук* — «перо» и *иниен* — «море». *Перья морские* — вот что такое пена. Но повелевать пеной морской нельзя, называя ее *сукиен*; для этого нужно непременно знать ее настоящее имя, которое в Истинной Речи звучит как *Эсса*. Любой колдунье известно хотя бы несколько таких слов Истинной Речи, а уж настоящий маг знает их довольно много. Но на самом-то деле их куда больше, и смысл некоторых затерялся в веках, некоторые всегда были тайной, многие же известны лишь драконам и Древним Силам Земли, кое-какие неведомы никому: и ни один человек не может узнать их все. Ибо Истинная Речь не имеет пределов.

В этом все и дело. Ну хорошо, допустим, что море вообще называется красивым словом *иниен*. Но для того, что мы называем Внутренним морем, в Истинной Речи есть свое слово. Поскольку ничто не может обладать двумя подлинными именами, то, стало быть, слово *иниен* может означать лишь «все море, за исключением Внутреннего». И конечно же, это вовсе не настоящее его значение, ибо существует еще бесчисленное множество морей, заливов и проливов, каждый из которых имеет собственное имя. Поэтому если у какого-нибудь мага, морского волшебника, достанет спеси пытаться командовать бурей или штилем на всем пространстве океана, то он должен включить в свое заклятие не одно слово *иниен*, но все слова Ис-

тинной Речи, служащие именами каждой полоске воды у берегов бесчисленных островов Архипелага и Пределов, каждой капле в тех морях, где кончаются все известные магам имена. Таким образом, то, что дает нам волшебную власть над миром, ее же и ограничивает. Во власти мага находится лишь то, что непосредственно его окружает, то, что он может назвать точным и полным именем Истинной Речи. И это хорошо. Если бы это было не так, козни злых волшебников или безрассудство добрых и мудрых уже давным-давно привели бы к попытке тех или других изменить то, что изменить нельзя, и тогда неизбежно нарушился бы закон мирового Равновесия. Море, забыв свои границы, обрушилось бы на наши острова, где нам и так постоянно угрожает опасность, и древняя тишина океана поглотила бы все людские голоса и все подлинные имена безвозвратно.

Гед много думал над этими словами, и они глубоко запали ему в душу. Но даже столь важные занятия не сделали этот долгий год, проведенный в Одинокой Башне, более легким, а погоду менее дождливой; правда, в конце года Курремкармеррук сказал Геду:

— Ты начал хорошо!

Но больше не прибавил ни слова. Волшебники говорят только правду, и правдой было то, что все знания в области Истинной Речи, которые тяжким трудом приобрел Гед в течение этого года, — лишь начало того, чему он должен отныне посвятить всю свою жизнь. Его отпустили из Одинокой Башни раньше остальных, ибо он преуспел в изучении курса значительно быстрее, но это была единственная награда ему за усердие.

В начале зимы он пешком отправился на юг острова в полном одиночестве и по пустынным тропам, пролежавшим в стороне от селений. Если ночью шел дождь, он не произносил ни единого заклинания, чтобы отвести непогоду, потому что этим здесь, на острове Рок, ведал Мастер Ветродуи и шутить с ним не стоило. Как-то раз Гед спрятался от дождя под большим хвойным деревом; он улегся, завернувшись в

плащ, и стал вспоминать своего старого Учителя Огиона, который, наверно, сейчас еще не вернулся из очередного осеннего похода по горам Гонта и тоже ночует под открытым небом, под голыми ветвями деревьев, сквозь которые падает холодный дождь, стеной стоящий вокруг спящего на земле волшебника. Воспоминания эти вызвали у Геда улыбку, он давно заметил, что мысли об Учителе всегда приносят ему душевный покой. С миром в душе он и уснул, а вокруг него в холодной тьме бормотал дождь. Проснувшись на рассвете, Гед поднял голову и увидел, что дождь прекратился и что в складках его плаща укрылся и спит маленький зверек. Гед удивился: это был отак, которого человеку увидеть очень трудно.

Отaki водятся только на четырех южных островах Архипелага — на Роке, Энсмере, Поди и Уотхорте. Это зверьки небольшие, с блестящей коричневой или полосатой шерсткой и крупными яркими глазами. Зубы у отаков крепкие и острые, а нрав довольно свирепый; приручить их почти невозможно. Они молчаливы и не издают обычно ни характерного свиста, ни крика; порой кажется, что они вообще лишены голоса. Гед погладил спящего отака, и тот проснулся, зевнул, показав маленький коричневый язычок и белые зубы, но не испугался.

— Отак, — сказал ему Гед, а потом, припомнив тысячи слов Истинной Речи, что принадлежат миру зверей и которые он выучил в Одинокой Башне, назвал зверька его подлинным именем. — *Xëz!* — и спросил: — Пойдешь со мной?

Отак уселся на его раскрытой ладони и стал умываться.

Гед пристроил зверька к себе на плечо, в складки капюшона, и двинулся в путь. Так, пассажиром у него на плече, отак и ехал дальше. Иногда он в течение дня соскакивал на землю и удирал в лес, но всегда возвращался обратно, а однажды даже принес пойманную им лесную мышь. Гед засмеялся и сказал, чтобы отак сам ел свою добычу, потому что им нужно торопиться: сегодня ночью должен состояться праздник Солнце-

ворота. И вот в дождливых сумерках Гед обогнул Холм Рок и увидел сквозь пелену дождя, что над крышей Большого Дома играют и кружат яркие волшебные огоньки, и вскоре его радостно встречали друзья и Учителя в залитом светом зале, где в каминах горел огонь.

Геду показалось, что он вернулся домой, — ведь настоящего дома, куда он мог бы вернуться, у него не было. Он с радостью вглядывался в знакомые лица, но весь засиял, когда навстречу ему вышел Ветч с широкой улыбкой на темнокожем лице. Гед за год соскучился по другу гораздо больше, чем ему казалось. Этой осенью Ветч был посвящен в колдуны и больше уже не считался учеником, но это ничуть не смутило обоих юношей, они сразу заговорили друг с другом, и Геду показалось, что в эти первые часы их встречи он рассказал Ветчу больше, чем кому-либо за целый год, проведенный в Одинокой Башне.

Отак по-прежнему сидел у него на плече, удобно устроившись в складках капюшона, и не спрятался даже тогда, когда все уселись за Длинный Стол, накрытый по случаю праздника в Каминном зале. Ветч подивился крошечному созданию и даже протянул было руку, чтобы его погладить, но отак в ответ только злобно щелкнул своими острыми зубами. Ветч засмеялся:

— Знаешь, Ястребок, тот, к кому благоволят дикие звери, удостоится и беседы с Древними Силами Земли; камни и ручьи заговорят с ним человеческими голосами.

— Известно, что волшебники с Гонта часто приручают диких животных, похожих на себя, — сказал Джаспер, который сидел по другую руку от Ветча. — У нашего Лорда Неммерля есть ворон, а в героических песнях говорится, что Красный Маг с острова Арк водил повсюду на золотой цепочке дикого кабана. Но никогда я не слышал, чтобы кто-то из волшебников носил в капюшоне собственного плаща крысу!

При этих словах все засмеялись, и Гед засмеялся вместе со всеми. То была ночь веселья, и ему приятно

было в компании друзей ощущать тепло и радость этого праздничного вечера. И все-таки шутка Джаспера, как и всегда, заставила его скрипнуть зубами.

В те дни в Школе гостил король острова О, сам весьма известный колдун. Он был когда-то учеником Верховного Мага Неммерля и приезжал порой на Рок, чтобы принять участие в зимнем празднике Солнцеворота или в Долгом Танце — летом. С ним была его жена, юная и прекрасная, со свежим медно-смуглым лицом; на ее черных волосах поблескивала украшенная опалами корона. Редко случалось, чтобы женщине было позволено сидеть вот так в зале Большого Дома, и некоторые из старых Учителей посматривали на нее косо, неодобрительно. Зато молодежь глаз оторвать от нее не могла.

— Для такой, — сказал Ветч Геду, — я бы уж расстарался, самые лучшие чары применил... — Он вздохнул и засмеялся.

— Она всего лишь женщина, — ответил Гед.

— Принцесса Эльфарран тоже была всего лишь женщиной, — возразил Ветч, — но ради нее был опустошен весь Энлад, ради нее погиб великий герой и Великий Маг из Хавнора, а остров Солеа скрылся в глубинах морских.

— Старые сказки, — сказал Гед. Но тоже начал посматривать на королеву острова О, пытаясь понять, встречается ли в действительности у простых смертных такая красота, как о том говорится в старинных легендах.

Мастер Регент исполнил «Подвиг юного короля», и потом все вместе они спели веселую Зимнюю песню. Потом, во время небольшой паузы, как раз перед тем как всем подняться из-за стола, Джаспер подошел к камину, где сидела королева О, и заговорил с ней. Джаспер выглядел уже вполне взрослым молодым человеком, высоким и красивым; его плащ у горла был перехвачен серебряной пряжкой — символом того, что он, как и Ветч, уже посвящен в колдуны. Дама улыбнулась его словам, и опалы на ее черных волосах засверкали еще ярче. Тогда с разрешения

Учителей, кивком головы выразивших свое согласие, Джаспер сотворил для нее настоящее чудо. Из каменного пола выросло белое дерево. Ветви его коснулись потолочных балок зала, и на каждой веточке, на каждом сучке повисло по золотому яблочку, сверкавшему, как солнце, — ведь это было само Древо Жизни. Внезапно с ветвей дерева слетела совершенно белая птица с хвостом, как снежная метель, и золотые яблоки, померкнув, превратились в семена, подобные хрустальным каплям. Капли с тихим звоном, напоминающим стук дождя по стеклу, падали вниз, и зал сразу же наполнился сладостным ароматом, а дерево закачалось, на нем распустились листья, похожие на розовое пламя, и белые цветы, похожие на звезды. И тут иллюзия пропала. Королева острова О вскрикнула от удовольствия и склонила свою убранный сверкающими камнями голову к молодому колдуну, чтобы воздать ему хвалу за тонкое мастерство.

— Поедем с нами, ты будешь с нами жить на Отокне, можно ли ему поехать, мой лорд? — спросила она скороговоркой, как ребенок, одновременно у Джаспера и своего сурового супруга.

Однако Джаспер ответил быстрее:

— Когда я выучусь мастерству настолько, что стану достоин моих здешних учителей — и твоей похвалы, о моя королева! — тогда я охотно приеду и вечно буду служить тебе.

В тот вечер Джаспер доставил удовольствие всем в зале, кроме Геда. Гед вместе с остальными хвалил Джаспера, но в душе говорил себе: «Я бы мог сделать лучше!», испытывая горькую зависть, отравившую ему весь остальной праздник.

Глава 4

ТЕНЬ НА СВОБОДЕ

В ту весну Гед редко видел Ветча и Джаспера. они уже стали колдунами и теперь проходили курс высшей магии под руководством Мастера Путеводителя в таинственной недоступности Имманентной Роши. Гед оставался в Большом Доме и готовился стать колдуном, то есть волшебником, не имеющим волшебного посоха; он учился заклинать ветер и управлять погодой, отыскивать потерянные предметы и запутывать следы, а также тонкому искусству составления заклинаний и их толкования; он изучал различные сказания и песни, медицину и знахарство, познавал секреты трав и деревьев. Оставшись ночью один в своей келье, он зажигал волшебный фонарик над книгой и разбирал Старшие Руны и Руны Эа, которыми пользуются при составлении Великих Заклятий. Знания так легко давались ему, что среди студентов пошли слухи: дескать, Мастера давно уже считают этого гонтийца самым способным из тех, кто когда-либо учился в Школе. Но еще больше слухов ходило про отака, которого считали духом, специально сменив-

шим личину для того, чтобы нашептывать слова Мудрости прямо в ухо Геду; вспоминали и о том, что ворон Верховного Мага Неммерля некогда приветствовал только что прибывшего в Школу Гeda как «грядущего Верховного Мага». Но верили ученики этим сплетням или нет, любили они Гeda или недолюбливали, большая их часть все-таки восхищалась им и признавала своим вожаком, особенно когда — правда, крайне редко — на него находило безудержное веселье и он становился заводилой во всех забавах, что длились без конца весенними вечерами. Зато в остальное время он был вечно занят, держался гордо, ровно, независимо и слегка отчужденно. Среди учеников, не считая отсутствующего в данный момент Ветча, друзей у Гeda не было, да он никогда и не думал, что ему кто-то нужен.

Ему было пятнадцать — слишком мало, чтобы уже овладеть Высшими Искусствами и стать настоящим Магом, то есть получить волшебный посох. Однако Гед так быстро, например, усваивал все тонкости искусства иллюзий, что Мастер Метаморфоз, сам человек еще не старый, начал заниматься с ним отдельно от остальных и учить его подлинным заклетиям Воплощения. Он объяснил, как трансформировать вещь в нечто совсем иное, давая ей на все время действия заклетия новое имя. Подобное переименование неизбежно влечет за собой перемены в именах и характерах вещей, окружающих трансформированный предмет. Мастер Метаморфоз говорил Геду и об опасности, сопряженной с подобным превращением; опаснее всего, когда волшебник перевоплощается сам и может попасть в ловушку собственного заклетия. Потихоньку-полегоньку, зачарованный легкостью, с какой его ученик впитывал знания, молодой Мастер начал не только рассказывать Геду об этих тайнах. Он обучил его сперва одной, потом другой Великой Трансформации и дал прочитать книгу об искусстве Воплощений. Сделав это без ведома Верховного Мага, он поступил легкомысленно, хоть и без злого умысла.

С Гедом занимался и Мастер Заклинатель, но это был человек суровый, старый и мрачный, умудренный тем глубинным и страшноватым волшебством, которому учил других. Здесь были отнюдь не иллюзии, а самая настоящая магия; здесь вызывались такие силы, как свет, тепло, магнитное притяжение; здесь менялась форма тел, цвет, звук, и все изменения извлекались Мастером из бездонных кладовых энергии Вселенной, запасы которой неизменны и непоколебимы, сколько бы человек ни заклинал и ни использовал их. Ученики Мастера Метаморфоза уже умели немного управлять погодой, ветрами и морем, но именно Мастер Заклинатель впервые показал им, почему настоящий волшебник пользуется такими заклинаниями только в случае крайней необходимости, ибо призывать столь могучие силы земли означает изменять и саму землю, неотъемлемой частью которой являются и все люди, в том числе и волшебники.

— Дождь, что прольется на острове Рок, обернется, возможно, засухой на Осскиле, — говаривал Мастер Заклинатель, — а штиль в Восточном Пределе обрушится штормом и страшными бедами на Западный, если не до конца представляешь себе конечную цель своих действий.

Что же касается вызывания реальных людей и предметов, а также душ мертвых и Невидимого, то об этих Высших заклинаниях — вершине возможностей человеческого воображения — он своим ученикам едва намекнул. Раз или два Гед пытался вызвать Мастера Заклинателя на более откровенный разговор об этих таинствах, но Мастер молчал и лишь смотрел на него пристально и мрачно, пока Гед, совсем смутившись, не прекращал свои вопросы.

И действительно, порой ему становилось не по себе даже при самых несложных заклинаниях, каким учил его Мастер. На отдельных страницах Книги Заклинаний ему встречались руны, которые он знал, хотя не мог вспомнить, где видел их, иногда в заклятиях попадались слова, которые ему произносить было неприятно. Они словно на мгновение пробуж-

дали воспоминания о тенях в темной комнате, о запертой двери, о том, как тянулись к нему черные бесформенные призраки из угла... Он гнал эти воспоминания прочь и продолжал заниматься делом. Эти мгновения страха и тьмы, говорил он себе, — всего лишь тень моего собственного невежества. Чем больше я буду знать, тем меньше стану бояться, а когда достигну полной силы и получу волшебный посох, то смогу не бояться ничего в мире, абсолютно ничего.

Наступил второй месяц лета, и вся Школа вновь собралась на празднование Лунной Ночи и Долгого Танца, которые на этот раз совпали и превратились в двухдневный бал, что случается лишь раз в пятьдесят два года. В течение всей первой ночи, самой короткой в году и отмеченной полной луной, флейты играли прямо в полях, а узкие улочки Твила были заполнены грохотом барабанов, горящими факелами и пением, которое разносилось далеко над залитым лунным светом заливом. С восходом солнца певцы запели героическую песнь о деяниях Эррет-Акбе, и в ней рассказывалось, как были возведены белые башни Хавнора, о путешествиях Эррет-Акбе с самого древнего острова Эа по всем островам Архипелага и Пределов и о том, как, добравшись наконец до самого края Западного Предела, там, где начинается Открытое море, он повстречался с драконом Ормом; и о том говорилось в сказании, как останки Эррет-Акбе в искореженных доспехах покоятся, смешавшись с костями дракона, на берегу пустынного острова Селидор, но меч героя красуется на вершине самой высокой башни Хавнора и все еще светится красным, когда закатное солнце опускается в воды Внутреннего моря. Едва песнь была допета до конца, начался Долгий Танец. Жители Твила, Учителя и ученики Школы, крестьяне окрестных деревень — все вместе танцевали в теплой пыли на улочках и тропах, ведущих к гавани и пляжам, под гром барабанов, гудение труб и пение флейт, и сумерки медленно окутывали остров. Люди танцевали, спускаясь прямо в море, всю ночь напролет при полной

луне, и музыку заглушали лишь хлопки откупориваемых бочонков с вином. Когда на востоке стало светлеть, люди двинулись, по-прежнему в танце, от берега моря вверх по улочкам к центру города; барабаны теперь смолкли, но флейты негромко играли, пронзительно взвизгивая порой. То же самое происходило в ту ночь на каждом острове Архипелага: один и тот же танец, одна и та же музыка, связывающая воедино разделенные морем земли.

Когда Долгий Танец кончался, большая часть людей заваливалась спать на весь день, вечером же все снова собирались — на пирушку по случаю праздника. Несколько юношей из Школы, из младших учеников и старших, уже посвященных в колдуны, тоже собрались в одном из дворикив Большого Дома, прихватив с собой из трапезной всякой вкусной снеди, чтобы отметить этот день в более узком кругу. Там были Ветч, Джаспер и Гед, а с ними еще человек шесть или семь; к их компании присоединились также несколько учеников, которых на праздничные дни отпустили из Одинокой Башни, ибо Долгий Танец вытащил на свет даже отшельника Куррёмкармеррука. Юноши ели, пили, смеялись и развлекались разными трюками, которые вполне могли бы украсить двор любого короля. Один из учеников, например, осветил двор сотней волшебных звездочек, похожих на самоцветы; звездочки вспыхивали точно в промежутках между настоящими звездами на фоне темного неба, и казалось, что дворик опутала тонкая волшебная сверкающая сеть. Двое других юношей играли в кегли; шары у них были из зеленого огня, а кегли сами собой отскакивали в сторону и убегали прочь, едва светящийся шар приближался к ним. Все это время Ветч сидел, удобно скрестив ноги, прямо в воздухе и поедая жареного цыпленка. Один из учеников попытался было с помощью заклятия опустить его на землю, но Ветч только поднялся чуточку повыше, чтобы было не достать, и продолжал, улыбаясь как ни в чем не бывало, сидеть в воздухе. Время от времени он отбрасывал в сторону обсосанную косточку цыпленка, которая тут же превращалась в сову, с уханьем

улетающую прочь сквозь сеть волшебных звездочек. Гед стрелял в этих сов стрелами из хлебного мякиша, сбивал их, и едва они касались земли, как иллюзия тут же исчезала и на земле оставалось лишь то, из чего все и возникло: куриная косточка да хлебный мякиш. Гед тоже попытался присоединиться к Ветчу и посидеть с ним в воздухе, но поскольку не знал ключа и не мог запереть заклинание, то, чтобы удержаться на месте, непрерывно хлопал в воздухе руками, как пытающаяся летать курица, и все до упаду хохотали над тем, насколько смешно у него это получается. Гед еще немного подурачился, чтобы доставить удовольствие зрителям, и сам посмеялся вместе с ними, потому что после двух ночей сплошных танцев, музыки, лунного света и волшебства ощущал странную обреченность и смятение и готов был к самому неожиданному повороту событий.

Наконец он легко опустился на землю и сразу встал на ноги, оказавшись рядом с Джаспером. Джаспер, который и не думал смеяться, отодвинулся от него и прошипел:

— Тоже мне, Ястреб, а сам и летать-то не умеет!..

— Никак это ты, Джаспер? Краса всей Школы! — Гед не остался в долгу и, ухмыляясь, обернулся к соседу. — О, бриллиант среди волшебников и колдунов, краса и гордость Хавнора, ослепи же нас, смиренных, своим блеском!

Тот парень, что подвесил над двориком танцующие волшебные звездочки, послал одну из них к Джасперу, и она закружилась, сверкая, над самой его головой. Вопреки обыкновению чуть утратив хладнокровие, Джаспер раздраженно смел огонек ладонью и забросил его подальше в ночную тьму.

— Осточертели мне ваши детские выходки, глупая болтовня и шутки, — сказал он.

— Никак стареешь, парень, — заметил сверху Ветч.

— Может, тебе больше по душе тишина и полумрак? — вставил один из ребят. — Тогда лучше Одинокой Башни места не найти.

— Чего ты все-таки от нас хочешь, Джаспер? — спросил его Гед.

— Я хочу находиться в обществе равных мне! — отрезал Джаспер. — Пошли, Ветч. Пусть детишки сами забавляются своими игрушками.

Гед моментально оказался прямо у него под носом.

— Чем уж таким особенным обладают некоторые молодые колдуны, чего не хватает нам, непосвященным? — с угрозой спросил он. Голос его звучал довольно спокойно, но все вокруг застыли как вкопанные: казалось, соперники вот-вот выхватят из ножен несуществующие мечи.

— Силой волшебства, — сказал Джаспер.

— Я готов померяться с тобой этой силой при любых условиях.

— Ты вызываешь меня на поединок?

— Да.

Ветч прямо-таки рухнул на землю и с мрачным видом встал между ними.

— Колдовские поединки в Школе запрещены, и вам это прекрасно известно. Так что немедленно прекратите!

Оба, Гед и Джаспер, стояли молча; они действительно знали, что таков закон острова Рок, как знали и то, что Ветч сейчас действует во имя любви, а сами они — во имя ненависти. Но гнев их, к сожалению, не только не улегся, но запылал еще жарче. Чуть отодвинувшись, словно для того, чтобы лишь Ветч мог его расслышать, Джаспер проговорил со своей холодной улыбкой:

— Мне кажется, тебе еще раз следует напомнить нашему приятелю-пастушку о соблюдении закона, который его же и охраняет. Он, прххже, уперся. Неужели он действительно полагает, что я намерен принять его вызов? Вызов деревенского парня, пропахшего козами, какого-то недоучки, который не знает еще и Первой Трансформации?

— Джаспер, — сказал Гед, — разве тебе что-нибудь известно о том, что я знаю и чего нет?

И не произнеся больше ни слова — во всяком случае никто ничего услышать не успел, — Гед на мгновение исчез, а там, где он только что стоял, захлопал

крыльями крупный сокол, в пронзительном крике разевая крючковатый клюв. Через несколько секунд Гед снова стоял на прежнем месте, освещенный пламенем факелов, и не сводил с Джаспера темных глаз.

Джаспер лишь изумленно отшатнулся, однако тут же взял себя в руки, пожал плечами и уронил:

— Иллюзия!

Остальные потрясенно бормотали что-то себе под нос.

— Нет, это не иллюзия. Это настоящее Превращение. И довольно. Послушай, Джаспер... — попытался урезонить его Ветч.

— Да, этого, конечно, вполне довольно, чтобы доказать, что он тайком из-за спины Мастера Метаморфоза успел кое-что прочитать в Книге Воплощений. Ну и что? Нет, пастушок, давай-ка покажи нам что-нибудь еще. Мне, например, приятно смотреть, как ты сам себе роешь яму. Чем сильнее ты стараешься доказать, что не лыком шит, тем лучше видно, каков ты на самом деле!

Ветч отвернулся от Джаспера и очень мягко попросил Гед:

— Ястребок, будь мужчиной, прекрати это и пойдем со мной...

Гед взглянул на своего друга, улыбнулся, но ответил лишь:

— Подержи, пожалуйста, Хёга немножко, ладно?

И сунул в руки Ветчу отака, как всегда сидевшего у него на плече. Зверек никогда никому не позволял, кроме Гед, разумеется, даже прикасаться к себе, но тут охотно пошел к Ветчу, взобрался по его рукаву и устроился на плече, свернувшись клубком и не сводя больших блестящих глаз с хозяина.

— А теперь, — сказал Гед своему сопернику по-прежнему спокойным тоном, — докажи, если сможешь, свое превосходство, Джаспер.

— Ничего доказывать я не намерен, пастушок. Но тебе я все-таки дам урок. А заодно смотри, не упusti и свой единственный шанс. Зависть гложет тебя, как червь яблоко. Так давай выпустим червя на волю.

Однажды, помнится, на вершине Холма ты хвастал, что волшебники с Гонта в детские игры не играют. Давай прямо сейчас отправимся туда, и ты покажешь нам, на что же они, эти волшебники с Гонта, способны. А потом, может быть, я тебе немножко поколдую.

— Да, очень хотелось бы посмотреть, — ответил Гед.

Младшие ученики, привыкшие к тому, что он вспыхивает при малейшей насмешке или оскорблении, изумленно смотрели на него: Гед был на редкость спокоен. Ветч тоже смотрел на него, но во взгляде его читалось отнюдь не изумление, а растущий страх. Он вновь попытался вмешаться, но Джаспер сказал:

— Хватит, не вмешивайся, Ветч. Так как? Используешь ли ты тот единственный шанс, что я предоставляю тебе, пастушок? Может быть, ты покажешь нам фокус? Например, огненный шар? А может, произнесешь заклинание, излечивающее коз от чесотки?

— А тебе от меня чего хотелось бы, Джаспер?

Джаспер лишь пожал плечами:

— С меня вполне хватит, если ты сумеешь вызвать душу умершего.

— Смогу.

— Не сможешь! — Джаспер смотрел ему прямо в глаза, из-под его вечной равнодушно-презрительной маски словно внезапно вырвались языки гневного пламени. — Не сможешь. Нет! Ты только хвастаешься...

— Клянусь своим подлинным именем, я это сделаю!

На мгновение все в ужасе застыли.

Вырвавшись из объятий Ветча, который изо всех сил старался удержать его, Гед бросился со двора, не оглядываясь назад. Танцующие над головами юношей волшебные огоньки погасли, умерли. Джаспер, секунду поколебавшись, последовал за Гедом. Остальные беспорядочной толпой тоже двинулись на Холм, молчаливые, заинтригованные, испуганные.

Вершина Холма черной громадой высилась во мраке летней ночи — в той непроглядной тьме, какая быва-

ет перед восходом луны. Уже сама эта гора, где свершилось столько чудес, действовала подавляюще, словно в воздухе вокруг них повисла некая тяжесть. Когда они поднялись по склону, то явственно почувствовали, сколь глубоки корни Холма Рок, глубже, чем море, и уходят они в само древнее огненное чрево земли, в самые ее сокровенные недра. Они остановились на восточном склоне. Над округлой вершиной, над черной травой у них под ногами висели неподвижные звезды. Царило полное безветрие.

Гед чуть отошел в сторону от остальных и поднялся выше по склону, потом обернулся и ясным голосом спросил:

— Джаспер! Чей дух мне вызвать?

— Вызови любой. Ни один тебя не послушается, — голос Джаспера слегка дрожал, возможно, от гнева.

Гед сказал мягко и чуть насмешливо:

— Ты что, боишься?

Даже если Джаспер что-то и ответил ему, Гед дожидаться не стал. Теперь соперник был ему безразличен. Теперь, на вершине Холма, в душе его исчезли ненависть и гнев, сменившись полной уверенностью в себе. Завидовать больше никому не стоило. Гед и сам знал, как велика его сила этой ночью, на темном склоне зачарованного Холма: сейчас он был куда могущественнее, чем когда-либо. Сила заполнила его существо до краев, он даже дрожал, едва сдерживая ее, рвущуюся наружу. Теперь он знал, что на самом деле Джаспер куда слабее его и послан Судьбой лишь для того, чтобы именно в эту ночь привести его, Геду, сюда; что он ему никакой не соперник, а просто слуга Судьбы. Под ногами Гед чувствовал корни горы, уходящие глубоко вниз, во тьму, а над головой видел сухие далекие огни звезд. Все в пространстве между этими звездами и тьмой под его ногами сейчас подчинялось ему, готово было ему служить. Сейчас он стоял в самом центре мира.

— Не бойся, — сказал он, улыбаясь. — Я вызову дух женщины. А женщины не стоит бояться. Я вызову

прекрасную Эльфарран, о которой поется в «Подвиге Энлада».

— Она умерла тысячу лет назад, кости ее покоятся далеко, на дне моря Эа, а может быть, на свете и не было никогда такой женщины...

— Разве годы и расстояния что-нибудь значат для мертвых? Разве наши песни лгут? — спросил Гед с той же мягкой насмешливостью и прибавил: — Смотри сюда, в пространство между моими руками. — Потом отвернулся и неподвижно застыл.

И вот торжественным медлительным жестом простер он руки свои как бы в приветствии — так начинают Великое Заклинание, вызывая души мертвых. И начал говорить.

Он прочитал это, записанное с помощью рун, заклинание по крайней мере два года назад, еще в книге Огиона, но с тех пор ни разу этих рун не видел. Тогда он прочитал их во тьме. И во тьме он теперь словно бы снова читал их, перед ним как бы открывалась в ночи нужная страница. Однако сейчас он хорошо понимал, что именно читает, и выговаривал заклинание громко, слово за словом, и ясно видел перед собой рунические символы, сплетающиеся в слова Истинной Речи, и помогал волшебству звуком собственного голоса, движениями тела и рук.

Все остальные молча стояли и смотрели, словно оцепенев; потом понемногу юношей начала сотрясать дрожь — это вступало в силу Великое Заклинание. Голос Геда звучал по-прежнему негромко, но как-то изменился, словно в глубине его таилась неведомая музыка, да и слова, что произносил он, тоже были его друзьям неведомы. Гед умолк. Внезапно откуда-то из травы с ревом взвился вихрь. Гед упал на колени и громко позвал кого-то, а потом распростерся на земле, словно желая обнять ее. Когда же он снова с трудом приподнялся, то в напряженных вытянутых руках будто держал нечто темное и настолько тяжелое, что дрожал от усилия, пытаясь встать с этим грузом на ноги. В лабиринте спутанных трав на склоне Холма застонал горячий ветер. Даже если звезды и светили

по-прежнему в небесах, то теперь никто уже их не видел.

Слова заклęcia с шипеньем и страшным бульканьем срывались с губ Геда, а потом он вдруг ясным и громким голосом выкрикнул:

— Эльфарран!

И снова позвал он ее по имени:

— О, Эльфарран!

И в третий раз:

— Эльфарран!

Бесформенная темная масса, которую он только что поднял с земли, вдруг распалась. В образовавшуюся щель вырвался бледный луч, между землей и поднятыми руками Геда образовался слабо светящийся овал. В нем на мгновение шевельнулась некая человеческая фигура: это была высокая женщина, оглядывающаяся назад через плечо. Лицо ее было прекрасно, печально и исполнено страха.

Лишь на секунду сверкнул перед ними дух Эльфарран. Затем желтоватый овал света меж поднятых рук Геда стал ярче, расширился, разросся — сверкающая брешь в черноте земли и ночи, прореха в ткани мироздания. Сквозь нее вырвался нестерпимо яркий огонь, и по неровному краю быстро и осторожно скользнуло нечто, похожее на сгусток черной тени. И с яростью бросилось Геду прямо в лицо.

Отпрянув назад и шатаясь под тяжестью этой твари, Гед крикнул коротко и хрипло. Маленький молчаливый отак, с плеча Ветча наблюдавший за происходящим, тоже вдруг громко заверещал и бросился в атаку на врага.

Гед, извиваясь, упал на землю, борясь с напавшей на него тварью, а яркая щель во вселенской тьме над ним все ширилась и расползалась. Наблюдавшие за происходящим ученики не выдержали и сбежали, а Джаспер низко склонился к земле, пряча глаза от ужасного света. Один лишь Ветч бросился вперед к другу на помощь. И только он один сумел как следует разглядеть этот сгусток тьмы, ужасное существо, вцепившееся в Геда и терзавшее его плоть. Оно было похоже

на черного зверя размером с ребенка, хотя все время то увеличивалось, то уменьшалось; оно было лишено головы, а стало быть, лица или морды; зато Ветч различил четыре когтистые лапы, которыми тварь душила свою жертву и рвала ее плоть. Юноша взвыл от ужаса, но все же попытался голыми руками оттащить чудовище от Геда. Однако не успел он его коснуться, как застыл словно камень, не в силах двинуться с места.

Непереносимо яркий свет чуть померк, и края прорехи медленно сомкнулись. Рядом послышался чей-то голос, звучавший так тихо, как шепчутся листья на дереве или журчит вода в маленьком фонтане.

Снова засияли звезды, а трава на склоне Холма засеребрилась в лунном свете — как раз восходила луна. Ночь была спасена, излечена от смертельного недуга. Вновь восстановилось равновесие между светом и тьмой. Черная тварь исчезла. Гед, раскинувшись, лежал на спине, руки его по-прежнему были судорожно воздеты к небесам, словно он все еще приветствовал кого-то, вызванного заклинанием из могилы. Лицо юноши было покрыто запекшейся кровью, и на рубашке виднелись большие черные пятна. Маленький отак, дрожа, прятался за его плечом, а над юношей стоял старик, чьи белые одежды слабо мерцали в лунном свете: Верховный Маг Неммерль.

Конец волшебного посоха Неммерля серебристо поблескивал у самой груди Геда. Шепча что-то, Маг коснулся посохом сердца юноши, потом его губ. Гед вздрогнул, разлепил губы и стал жадно хватать воздух ртом. Тогда старый Неммерль отвел посох и оперся им о землю: голова его была опущена, он едва стоял на ногах, утратив последние силы.

Ветч обнаружил, что снова может двигаться. Он огляделся и увидел, что вокруг много народу, в том числе и Мастер Заклинатель, и Мастер Метаморфоз. Серьезное волшебство не обходится без их помощи, и они умеют при надобности моментально оказаться там, где эта помощь требуется. Однако ни один из них

не оказался так быстр, как Верховный Маг Неммерль. Прибывшие чуть позже помощники обступили Верховного Мага; остальные, в том числе и Ветч, поспешили отнести Геда к Мастеру Травнику.

Всю оставшуюся ночь Мастер Заклинатель провел на вершине Холма Рок — на страже. Ничто не шелохнулось там, где прорвана была ткань мироздания. Ни одна тень не проползла тайком по склону Холма при свете луны, выискивая щель, чтобы попасть обратно в царство смерти. Видимо, той твари удалось бежать от Неммерля, удалось преодолеть невидимые волшебные стены, охраняющие остров Рок, и теперь она вышла в широкий мир и где-то там спряталась. Если бы Гед в ту ночь умер, черная тварь могла бы попытаться последовать за ним в обитель смерти или в иное царство, из которого явилась сюда; этого-то и ждал Мастер Заклинатель, но Гед остался жив.

Его уложили в постель, и Мастер Травник обрабатывал рваные раны у него на лице, на шее и на плечах. Раны были страшные, глубокие. Черная кровь не свертывалась в них, а продолжала течь, несмотря на все заговоры и повязку из паутины и волшебной травы перриот. Гед лежал, ничего не видя и не слыша, и лихорадка пожирала его, как огонь — сухое дерево, и не находилось заклинания, способного погасить этот огонь.

Неподалеку, во внутреннем дворике у фонтана лежал Верховный Маг Неммерль, столь же недвижимый, но совсем холодный: на его застывшем лице жили одни глаза, неотрывно следившие, как падает просвеченная лунным светом струя воды в фонтане да подрагивают залитые серебром листья деревьев. Те, кто был подле него, не пытались произносить заклинания или применять какое-то лечение. Порой Мастера тихонько переговаривались между собой, а затем снова обращали внимательные взоры на своего повелителя. Он лежал неподвижно, его ястребиный нос, высокий лоб и седые волосы казались добела вымытыми струями лунного света. Для того чтобы овладеть неуправляемым заклятием и отогнать страшную тень

от Гед, Неммерль отдал всю свою волшебную силу, вместе с которой покинули его тело и силы физические. Теперь он умирал. Но смерть для Великого Мага, не раз бродившего по сухим осыпающимся кручам ее царства, — дело необычное: умирающий маг уходит не вслепую, а, напротив, твердо зная свой путь. И когда Неммерль смотрел куда-то вверх, сквозь листву, его друзья не знали, видит ли он земные звезды, блекнувшие на исходе ночи, или звезды иного мира, которые никогда не появляются и не исчезают, но вечно светят над холмами царства мертвых.

Исчез куда-то ворон с Оскила, бывший любимцем Мага Неммерля целых тридцать лет. Никто не видел, куда и как он исчез.

— Он летит впереди, — сказал Мастер Путеводитель, не отходивший от ложа умирающего.

Наступил день, теплый и ясный. Тихи были улицы Твила и сам Большой Дом. Никто не осмеливался говорить в полный голос, лишь ближе к полудню в башне Мастера Регента громко заговорили, будто прощаясь с кем-то, колокола.

На следующий день Девять Мастеров Школы собрались в Имманентной Роще под темными деревьями. Но даже там они дополнительно окружили себя девятью непроницаемыми стенами тишины, чтобы ни единая живая душа, ни одна враждебная сила не узнала о том, что они говорят, чтобы никто и ничто не смогло повлиять на них во время выборов нового Верховного Мага Земноморья. Избран был Геншер с острова Уэй. Незамедлительно снарядили корабль, который должен был пересечь Внутреннее море и привезти в Школу нового Ректора. Мастер Ветроуд стоял на корме, повелевая волшебным ветром в парусах; корабль быстро вышел из гавани и скрылся вдаль.

Но ничего этого Гед не знал. Почти целый месяц жаркого лета провел он в забвении, ничего не видя и не слыша, только временами громко и жалобно стонал, будто раненый зверь. Наконец терпенье и умелые руки Мастера Травника сделали свое дело, и раны на

теле Геда стали затягиваться, лихорадка оставила его. Понемножку он, похоже, начинал и слышать, хотя так ни разу и не заговорил. В ясный осенний день Мастер Травник отворил ставни в комнате Геда. С той темной ночи на Холме перед глазами у него была лишь тьма. Теперь Гед увидел дневной свет и солнце в небе. Он спрятал изуродованное свое лицо в ладони и заплакал.

Но даже к началу зимы говорил он все еще с трудом, заикаясь на каждом слове, и Мастер Травник держал его при себе, надеясь постепенно вернуть ему душевные и физические силы. Была ранняя весна, когда Травник наконец выпустил Геда на волю, для начала послав его присягнуть на верность Верховному Магу Геншеру, поскольку Гед не мог присутствовать на общей церемонии.

Никому из учеников не разрешалось в течение долгого времени навещать Геда, так что теперь, когда он проходил мимо, некоторые удивленно спрашивали: «А кто это?» Раньше он был гибким, сильным, ясноглазым юношей. Теперь — хромал, двигался неуверенно, опустив голову; левая сторона его лица была исполосована белыми шрамами. Гед равно избегал знакомых и незнакомых людей и, выйдя от Травника, сразу пошел в тот внутренний дворик с фонтаном, где некогда ожидал появления Верховного Мага Неммерля; теперь здесь же его поджидал Геншер.

Верховный Маг, как и подобает, был в белом плаще и, будучи уроженцем острова Уэй, отличался очень темной кожей. Черные глаза его прятались под густыми бровями.

Гед преклонил колена и присягнул новому Верховному Магу. Геншер некоторое время хранил молчание.

— Я знаю, ЧТО ты совершил, — сказал он наконец. — Но мне не известно, КЕМ ты стал теперь. Я не могу принять твоей присяги.

Гед поднялся с колен и вцепился рукой в ствол молодого деревца, росшего рядом с фонтаном, чтобы успокоиться. Он по-прежнему с трудом подбирал слова, обращаясь к Геншеру:

— Я должен покинуть остров Рок, господин мой?

— А ты этого хочешь?

— Нет.

— Чего же ты хочешь?

— Остаться. Учиться. Уничтожить... зло...

— Сам Неммерль не смог этого сделать. Нет, на мой взгляд, тебе уезжать с Рока не стоит. Только здесь ты под защитой Мастеров и созданных ими волшебных стен, которые непреодолимы для сил зла. Если же сейчас ты покинешь Рок, то высвобожденное тобой зло незамедлительно отыщет тебя и проникнет в твою душу; оно подчинит тебя себе, и ты превратишься в оборотня, управляемого той тварью, которую впустил в наш солнечный мир. Тебе следует оставаться здесь до тех пор, пока у тебя не останется сил и мудрости, чтобы защитить себя от этого детища тьмы — если когда-либо это вообще станет возможным. Теперь же черная Тень несомненно поджидает тебя. Видел ли ты ее с тех пор?

— Во сне, господин мой. — Гед помолчал и вдруг заговорил с болью и стыдом: — Лорд Геншер, я не знаю, что это было — то, что вызвал я заклинанием, то, что бросилось на меня тогда...

— Я тоже не знаю. У этой Тени нет имени. Ты от рождения наделен волшебной силой, но неправильно использовал ее, произнеся заклятие, с которым справиться не сумел, не ведая, что заклятие это способно нарушить Равновесие, гармонию света и тьмы, жизни и смерти, добра и зла. И руководили тобой гордыня и ненависть. Так удивительно ли, что случилась такая беда? Ты вызвал дух умершей, но вместе с ним в наш мир пробралась нежить. Незваной явилась она сюда оттуда, где ничто не имеет подлинных имен. Порожденная злом, сила эта жаждет творить зло и постарается использовать для своих целей тебя. Неумелым колдовством ты лишь придал ей сил, она обрела власть над тобой, и теперь вы с ней связаны. Это тень твоего невежества и самонадеянности, твоя собственная тень. А есть ли имя у твоей тени?

Гед, потрясенный до глубины души, еле стоял на ногах. Наконец он вымолвил:

— Лучше бы я умер...

— Кто ты такой, чтобы решать, что лучше! Ты, за которого Неммерль отдал собственную жизнь?.. Здесь ты по крайней мере в безопасности. Будешь жить здесь и учиться дальше. Говорят, ты был способным учеником. Так что продолжай заниматься своим делом. И приложи максимум усилий. Это все, что ты теперь можешь.

Так Геншер завершил свою речь и сразу же исчез, как это делают все Маги. Фонтан по-прежнему искрился в солнечных лучах, и Гед некоторое время любовался его струями, слушая пение воды и думая о Неммерле. Когда-то именно здесь, в этом дворике, он почувствовал себя словом, произнесенным солнцем. Теперь свое слово сказала тьма: одно лишь слово, но нельзя было удержать его.

Гед покинул дворик и направился в свою прежнюю комнату в Южной Башне, которую оставили за ним. Там он и сидел в одиночестве, пока гонг не позвал учеников на ужин. В трапезной Гед ни с кем из сидящих за Длинным Столом и словом не обмолвился и почти не поднимал головы, стараясь не замечать даже тех, кто вполне дружески приветствовал его. Поэтому через день-другой все оставили его в покое. И сам он постоянно стремился к одиночеству, страшась невольным словом или делом сотворить зло.

В Школе не было видно ни Ветча, ни Джаспера, и он даже не спрашивал о них. Ученики, среди которых он когда-то считался заводилой и лучшим из лучших, давно обогнали его, так что всю весну и лето он занимался с младшими. Да и среди них не блистал: слова любого заклятия, даже самого простого, он произносил запинаясь, руки не слушались его, и он постоянно ошибался.

Осенью Геду предстояло вновь отправиться в Одинокую Башню, чтобы пройти очередной курс у Мастера Ономатета. Уроки эти, которых он некогда так

страшился, теперь доставляли ему удовольствие, потому что искал он тишины и покоя, когда нет надобности произносить заклинания или пользоваться магической силой, которая — он это знал — все еще была заключена в нем самом.

Накануне вечером в комнату Геда зашел некто в коричневом дорожном плаще, держа в руке дубовый посох с железным наконечником. Завидев посох волшебника, Гед поднялся.

— Ястребок?..

Гед вскинул глаза: голос был знакомый. Перед ним стоял Ветч, как всегда спокойный, плотный, широкоплечий. Его темнокожее грубоватое лицо стало более мужественным, взрослым, однако улыбка была все та же. На плече у Ветча свернулся маленький полосатый зверек с блестящими глазами.

— Он жил у меня, пока ты болел, и теперь даже жалко с ним расставаться. А уж до чего мне жаль расставаться с тобой, Ястребок! Но я уезжаю домой. Эй, Хёг! Ну-ка, ступай к своему настоящему хозяину!

Ветч погладил отака, снял с плеча и опустил на пол. Зверек подбежал к жалкому ложу Геда, уселся там и принялся умываться; сухой коричневый язычок, похожий на сухой листик, так и мелькал. Ветч засмеялся, но Гед не смог выдавить даже улыбки. Он низко склонился, спрятав лицо, и только поглаживал отака.

— Я думал, ты ко мне больше не придешь, Ветч, — с трудом выговорил он, вовсе не думая никого упрекать.

Однако Ветч ответил:

— Я просто не мог! Мастер Травник запретил мне навещать тебя; а с самого начала зимы я все время был заперт в Имманентной Роще, пока не получил волшебный посох. Послушай: когда ты тоже получишь свой посох, приезжай ко мне, в Восточный Предел. Я буду ждать. Там у нас города маленькие, и живут в них веселые и добрые люди, а волшебников всегда принимают хорошо.

— ...получу посох... — еле слышно пробормотал Гед, слегка пожал плечами и попытался улыбнуться.

Ветч посмотрел на него, и взгляд его был не таким, как всегда: в нем, пожалуй, любви меньше не стало, но то был уже взгляд настоящего и мудрого волшебника. Он мягко подбодрил друга:

— Ты же не навечно привязан к острову Рок.

— Ну... я, например, мог бы и впредь помогать Мастеру Ономатету в Одинокой Башне; мог бы стать одним из тех, что всю жизнь разыскивает среди древних книг и звезд забытые слова Истинной Речи... Может быть... Может быть, так я смогу больше никому никогда не вредить, даже если и пользы особой от меня не будет...

— Может быть и так, — сказал Ветч. — Но хоть я и неважный провидец, все же вижу дальше тебя, и видятся мне вовсе не запертые комнаты с книгами, а далекие моря, драконы, изрыгающие пламя, башни больших городов и многое другое из того, что видит в поднебесье летящий ястреб.

— А что... что ты видишь в моей прежней жизни? — спросил Гед и резко вскочил; тень его метнулась при этом с пола на стену. Потом он отвернулся и медленно проговорил, заикаясь: — Однако куда ты сам держишь путь и чем намерен заниматься?

— Отправлюсь домой, повидая братьев и сестренку. Я тебе о ней много рассказывал. Когда я уезжал, она была совсем крошкой, а теперь скоро пройдет обряд иняположения. Странно даже подумать об этом! Потом, наверно, стану волшебником на одном из наших островов. Ах, с каким удовольствием я еще поговорил бы с тобой, но корабль мой отплывает сегодня ночью, и отлив уже начался. Ястребок, если когда-либо путь твой пройдет близ Восточного Предела, заезжай ко мне непременно. Если же я понадоблюсь тебе, призови меня именем моим: Эстарриол.

Тут Гед впервые поднял свое покрытое шрамами лицо и встретился взглядом с другом.

— Эстарриол, — сказал он, — мое имя Гед.

Они тихо простились. Ветч повернулся, прошел по каменным плитам дворика и навсегда покинул остров Рок.

Некоторое время Гед стоял, не в силах двинуться с места, потрясенный до глубины души, оглушенный тем великим даром, который только что получил. Ибо это был поистине великий дар: Ветч открыл ему свое подлинное имя.

Никто не знает подлинного имени человека, кроме него самого и его имядателя. С течением времени можно доверить эту тайну близкому человеку — брату, жене или другу, — но и они никогда не должны произносить это имя, если его может услышать кто-то третий. В присутствии других людей они, как и все остальные, должны называть человека обычным именем или прозвищем: Ястребок, Ветч, Огион, что, кстати, значит «еловая шишка». Если даже простые люди скрывают свои подлинные имена, доверяя их лишь самым близким, то уж, конечно, волшебники, тая в себе опасность для других и в то же время постоянно подвергаясь угрозе со стороны темных сил, должны проявлять в отношении своего подлинного имени осторожность. Тот, кому известно подлинное имя человека, держит в руках и всю его жизнь. Потому-то для Гед, утратившего веру в себя, дар Ветча был свидетельством непоколебимой веры друга, то есть самым драгоценным из даров.

Гед присел на свою лежанку и погасил волшебный огонек; исчезая, тот издал слабый запах болотного газа. Юноша погладил отака, уютно свернувшегося клубочком у него на коленях и так крепко спящего, словно никогда с этих колен и не слезал. В Большом Доме царила полная тишина. Гед вспомнил, что сегодня канун дня его имяположения, совершенного Огионом. С тех пор прошло уже четыре года. Он вспомнил холод горной реки Ар, которую переходил вброд нагим и безымянным. Потом стал вспоминать светлые заводи, где любил плавать; деревню Десять Ольховин на лесистом склоне горы Гонт; утренние тени на пыль-

ной деревенской улице, огонь в горне деревенской кузни, раздуваемый мехами; зимние дни, хижину ведьмы, пропитанную загадочными ароматами, с тяжелым от курений воздухом. Он давно уже не думал об этом. Но сегодня, когда ему исполнилось семнадцать, все как бы вернулось вновь: события всех прошлых лет, все те места, где он побывал за свою короткую, но уже поломанную жизнь, в одно мгновение всплыли в его памяти и легко сложились в целостную картину. Он снова, наконец, понял — после этих долгих, горьких, бессмысленно прошедших лет, — кто он такой и где находится.

Но куда дальше поведет его жизненный путь, Гед не ведал и страшился узнать.

На следующее утро он отправился через весь остров к Одинокой Башне; отак, как всегда, уютно устроился у него на плече. В этот раз Геду понадобилось не два, а целых три дня, чтобы добраться туда, и он устал, едва держался на ногах, когда наконец впереди над шипящим, плюющим пеной морем, на самом северном мысу завиднелась Башня. Внутри все было как прежде — темно и холодно; и Курремкармеррук восседал на своем высоком стуле и составлял длинные списки имен. Он глянул на Геда и, не поздоровавшись, буркнул, словно тот никуда отсюда не уходил:

— Отправляйся-ка спать: усталая голова плохо варит. Завтра можешь взять книгу о Деяниях и учить оттуда имена Создателей.

К концу зимы Гед вернулся в Большой Дом и был посвящен в колдуны. На этот раз Верховный Маг Геншер принял его присягу. С тех пор Гед начал заниматься Высшими Искусствами и куда более сложными заклинаниями. Это были уже не просто иллюзии, а настоящая магия; Гед готовился получить посох волшебника. Болезни и несчастья, постигшие его в тот злополучный день, с течением времени как бы отступили; руки обрели былую ловкость, и все же он уже не был так сметлив, как раньше, получив слишком

долгий и тяжелый урок — урок страха. Но даже когда он произносил самые опасные заклинания Созидания и Воплощения, это никаких вредных последствий не вызывало. В конце концов Геду даже стало казаться, что Тень, которую он выпустил в этот мир, возможно, утратила свою силу или же просто удалась в иные миры: она больше не являлась ему во снах. Однако в глубине души он понимал, что все эти надежды тщетны.

От Мастеров Школы и из древних мудрых книг Гед узнал все, что мог, о существах, подобных той твари, которую упустил тогда; впрочем, известно о них было немного. Ни одно из них не было описано или упомянуто прямо. В лучшем случае встречались отдельные и не совсем внятные намеки на нечто, столь же чудовищное. Тень явно не была ни призраком, ни творением Древних Сил Земли, и все же казалось, что она имеет и к тому и к другому определенное отношение. Вот только какое? В книге «О естестве драконов», которую Гед штудировал с особым вниманием, ему попала одна история о давным-давно умершем Повелителе Драконов, который попал во власть одной из Древних Сил некоего — Говорящего Камня, который и теперь лежит на прежнем месте в одной из северных стран. «По велению Камня, — говорилось в книге, — человек тот воззвал душу из могилы, и она явилась из царства мертвых, но заклятие было искажено по воле Камня, и на этот свет вместе с душой покойника явилось нечто незваное, и оно пожрало душу взывавшего, проникло в его плоть и в обличье его ходило по земле меж людей, уничтожая их». Но в книге той не говорилось ничего об облике чудовища и о том, чем же вся эта история закончилась. Мастера ничего определенного по этому вопросу сказать не могли. Нежитью назвал его когда-то Верховный Маг; «Это существо с того света», — сказал Метаморфоз; а Мастер Заклинатель просто ответил: «Не знаю».

Мастер Заклинатель часто приходил и сидел возле Геда, пока тот болел. Он, как всегда, был мрачен и

суров, но теперь Гед понял, какая самоотверженная у него душа, и очень его полюбил.

— Не знаю, — сказал Мастер Заклинатель. — Об этой вещи я могу предположить только одно: вызвать ее в наш мир смогла лишь очень могущественная сила, возможно, единственная в мире и обладающая неповторимым голосом — твоим голосом, Гед. Но почему это так и что это значит, я тоже не знаю. Ты все узнаешь сам. Должен узнать. Или умереть. Или хуже, чем умереть... — Голос Мастера звучал тихо, он мрачно смотрел на юношу. — Ты, мальчишка, решил, что волшебник — это тот, кто может все на свете. Когда-то и я так думал. И все мы. А правда на самом деле в том, что чем человек сильнее душой, чем больше он знает, какой бы жизненный путь он ни избрал, путь этот кажется ему все уже и уже, пока в конце концов он не перестанет видеть его перед собой, а только делает то единственное, что должен делать...

Когда Геду исполнилось восемнадцать, Верховный Маг послал его к Мастеру Путеводителю. То, что изучают в Имманентной Роще, не принято особенно обсуждать за ее пределами. Говорят, что там никогда не звучит ни одно заклинание, и все же Роща эта — место совершенно волшебное. Иногда деревья в ней видимы, иногда нет, и сама Роща не всегда находится на одном и том же месте, и даже не в одной и той же части острова Рок. Говорят, что сами деревья из Рощи разумны и мудры. Говорят, что Мастер Путеводитель постигает свою изысканную магию именно от деревьев, и если когда-либо деревьям этим суждено умереть, то вместе с ними исчезнет и его мудрость; тогда же поднимутся волны морские и затопят острова Земноморья, которые Сегой поднял из глубин океана задолго до того, как были сложены самые первые мифы, а все те земли, где живут теперь и люди и драконы, исчезнут.

Но это лишь слухи; волшебники об этом говорить не любят.

Прошло несколько месяцев, и однажды, весенним днем, Гед вернулся в Большой Дом, не имея ни малейшего представления о том, чем будет заниматься дальше. У ворот Школы, там, где начинается тропа, что ведет через поля к вершине Холма, его поджидал старик, которого Гед вначале не узнал. Потом он пораскинул мозгами и понял, что это Привратник, впустивший его в Школу, когда он впервые, пять лет назад, пришел сюда.

Старик поздоровался с ним, назвав его подлинным именем, и спросил:

— Знаешь, кто я такой?

Теперь Гед вспомнил, что всегда говорилось раньше о Девяти Мастерах с острова Рок, хотя сам он знал лишь восьмерых: Ветродуи, Ловкая Рука, Травник, Регент, Метаморфоз, Заклинатель, Ономатет и Путеводитель. Вроде бы девятым считали Верховного Мага. С другой стороны, когда выбирали Геншера, то для этого встречалась вся Девятка.

— Я думаю, что ты Мастер Привратник, — сказал Гед.

— Да. Гед, ты завоевал право войти в Школу, назвав свое имя. Теперь же назови мое и обретешь свободу и постоянную возможность выйти отсюда. — Старик улыбнулся и стал ждать.

Гед молчал. Конечно же, он знал тысячу способов и приемов, позволявших установить подлинные имена вещей и людей; это умение было частью той науки, которую он превзошел на острове Рок и без которой всякая магия была бы практически бесполезной. Но узнать подлинное имя волшебника, Мастера, — совсем другое дело. Имя Мага спрятано очень тщательно, и его труднее отличить от прочих слов, чем одну сельдь от другой среди огромного косяка в водах океана; и охраняется это имя лучше, чем логово дракона. Колдовство, направленное на то, чтобы вывести эту тайну, непременно столкнется с еще более могущественным колдовством; любые хитроумные изобретения потерпят крах; попытки разведать что-то окольным путем будут исподволь пресечены, а попытка

узнать что-нибудь силой неизбежно и самым губительным образом обернется против предпринявшего ее.

— Уж больно маленькую щель оставляешь ты в своих воротах, Мастер Привратник, — сказал наконец Гед. — Придется, видно, мне посидеть здесь до тех пор, пока я достаточно не похудею, чтобы пролезть в эту щель.

— Сиди, пожалуйста, сколько хочешь, — сказал, улыбаясь, Привратник.

Гед чуть отошел и уселся под ольхой на берегу речки, отпустив отак поиграть и поохотиться близ илистых берегов на раков. Солнце садилось, но, несмотря на позднее время, закат сиял яркими красками — ведь весна была в разгаре. В окнах Большого Дома зажигали лампы и светились волшебные огоньки, а внизу у подножия Холма улицы Твила уже заволокла тьма. Над крышами домов ухали совы, над темной водой реки бесшумно носились летучие мыши, а Гед все сидел и думал, как бы ему — силой, хитростью или колдовством — узнать имя Привратника. И чем больше он думал, тем меньше видел для того возможностей, несмотря на все приемы ведовства, которым обучился на Роке за пять лет.

Он улегся прямо на землю и проспал всю ночь под открытым небом, а отак устроился на ночлег у него в кармане. Когда же взошло солнце, Гед быстро подошел к воротам Школы и постучался. Мастер Привратник открыл ему.

— Учитель, — сказал Гед, — я недостаточно силен и не могу силой вызнать твое имя; у меня не хватает также ни мудрости, ни хитрости, чтобы вывести его обманом. Так что я готов стать либо твоим учеником, либо слугой — как ты сам пожелаешь — до тех пор, пока удача не улыбнется мне и ты не ответишь на один лишь мой вопрос.

— Что это за вопрос? Задай его.

— Как твое имя?

Привратник улыбнулся и назвал ему свое подлинное имя; и Гед, повторив его, в последний раз вошел в Большой Дом.

Когда же он снова покинул его, то одет был в темно-синий плащ, дар жителей Лоу-Торнинга, куда теперь направлялся в качестве волшебника. В руках он держал волшебный посох ростом с него самого, сделанный из тиса и с бронзовым наконечником. Мастер Привратник простился с ним и специально для него отпер заднюю дверцу Большого Дома, сделанную из резной кости; и Гед пошел вниз по улицам Твила к пристани, где ждал его корабль, покачиваясь на воде, ярко блестящий в утренних лучах солнца.

Глава 5

ДРАКОН С ОСТРОВА ПЕНДОР

К западу от острова Рок меж двух крупных островов, Хоск и Энсмер, разбросано множество мелких островков. Их так и называют: Девяносто Островов. Из них ближе всех к Року расположен Серд, а дальше всего — Сеппиш, который омывают воды Пелнийского моря. Впрочем, толком никогда так и не было известно, сколько этих островов в действительности, потому что если считать только те, где есть пресная вода, то получается не больше семидесяти, а если учитывать каждую скалу или риф, то количество их переваливает за сотню, а может, и гораздо больше. Многое зависит и от приливов. Островки расположены порой совсем близко друг к другу, и, когда даже спокойные воды Внутреннего моря во время прилива начинают бурлить и пениться меж тесных берегов, там, где во время отлива можно насчитать целых три острова, над приливной волной едва виднеется один. И все же, несмотря на бурные волны приливов и

отливов, любой ребенок на Девяноста Островах, едва научившись ходить, уже умеет и грести, и владеет собственной маленькой лодочкой; женщины частенько перебираются с островка на островок попить с соседкой чайку; корабейники прямо с воды зазывают купить у них товар, ритмично работая при этом веслами. Все в этом краю передвигаются по соленым водам морским, словно по дорогам, и мешают им разве что сети, натянутые прямо через проливы от одного дома до другого для ловли мелкой рыбешки под названием «турбис», жир которой составляет основу благополучия Девяноста Островов. В этом краю всего несколько мостов, ни одного крупного города, зато множество крестьянских и рыбацких селений. Каждые десять—двадцать островков объединяются в некие подобия округов; один из них, самый западный, и назывался Лоу-Торнинг. Острова, входившие в Лоу-Торнинг, были обращены не к Внутреннему морю, а к безбрежным водам Великого Океана, к самому отдаленному острову Архипелага — Пендору, захваченному драконами. Дальше острова Пендор располагался за широкой безлюдной полосой моря Западный Предел.

Для нового волшебника жители островов приготовили дом на холме, среди зеленых ячменных полей. От западных ветров дом укрывала целая роща деревьев, сейчас сплошь покрытых красными цветами. С порога виднелись соломенные крыши других домов, окруженных такими же рощицами и садами, а дальше — многочисленные островки и на них очень похожие друг на друга дома, поля и холмы; между островами синели яркие извивающиеся ленты проливов. Жилище Геды, хоть и убогое — с земляным полом, без окон, — все же было лучше той хижины, где он появился на свет. Жители Лоу-Торнинга, со священным трепетом взиравшие на молодого волшебника с острова Рок, все просили прощения за столь скромное помещение.

— У нас совсем нет строительного камня, — оправдывался один.

— У нас тут богачей нет, зато хоть не голодает никто, — прибавил другой.

А третий сказал:

— По крайней мере в этом доме всегда будет сухо: я сам позаботился о том, чтобы кровля была сделана на совесть.

Что же касается Геда, то этот домик ему казался настоящим дворцом. Он от всей души поблагодарил старейшин общины, после чего они — все восемнадцать — довольные отправились по домам: каждый на собственной лодке к собственному островку. Теперь им предстояло рассказать соседям-рыбакам и их женам, что новый волшебник — парень странный и вида мрачного, говорит мало, но справедлив и совсем не гордый.

Впрочем, Геду на первых порах и гордиться-то было особенно нечем. Волшебники, обучавшиеся в Школе на острове Рок, обычно уезжали в большие города или в замки богатых лордов. Простые же рыбаки, вроде жителей Лоу-Торнинга, чаще всего могли позволить себе содержать разве что ведьму или в лучшем случае колдуна, способного заговаривать рыбачьи сети и лодки да немного лечить животных и людей. Но в последние годы старый дракон с острова Пендор дал потомство: говорили, что в разрушенных башнях замка свили гнезда целых девять драконов и волочат теперь свои покрытые чешуей туши по мраморным лестницам и галереям. Когда-нибудь, гонимые особенно жестоким голодом, и без того достаточно сильным на их мертвом острове, они неизбежно должны были добраться до соседних островов. Уже не раз видели, как четверо из них кружили над юго-западным побережьем Хоска, однако пока не спускались, а сверху высматривали стада овец, амбары и жилые дома. Голод у драконов пробуждается медленно, но удовлетворить его трудно. Потому-то жители Лоу-Торнинга и отправили на остров Рок нижайшую просьбу прислать к ним настоящего волшебника, который смог бы защитить их и все западные земли от страшной угрозы, и Верховный Маг счел их страхи обоснованными.

— В этих местах ты не обретишь ни покоя, ни славы, ни богатства; возможно даже, что тебе и рисковать не придется ни разу, — сказал Верховный Маг в тот день, когда Гед получал свой волшебный посох. — Поедешь?

— Поеду, — ответил Гед, и не только из одного послушания.

С той ночи на вершине Холма его желание избежать славы и всего показного стало столь же сильным, каким было когда-то желание этой славы добиться. Теперь он постоянно сомневался в себе и страшился любых грядущих испытаний себя в качестве волшебника. Но тем не менее одно лишь упоминание о драконах вызвало в нем жгучее любопытство. На Гонте уже многие столетия драконов не видывали, и ни один из них даже не приближался к острову Рок — во всяком случае настолько, чтобы его можно было почуять, увидеть или определить в пространстве волшебным зрением. Чаще всего они служили темой сказок, легенд, героических песен — то есть были героями преданий, а не реальной жизни. В Школе Гед прочитал о драконах все, что можно было найти в древних книгах, но одно дело читать о них и совсем другое — встретиться лицом к лицу. И вот перед ним открылась такая великолепная возможность, и он совершенно искренне ответил Геншеру: «Поеду».

Верховный Маг кивнул головой в знак согласия, но глядел мрачно. Помолчав, он спросил:

— Скажи мне, боишься ли ты покидать остров Рок? Или, напротив, стремишься его покинуть?

— И то и другое, господин мой!

Геншер снова кивнул.

— Я не уверен, что поступаю правильно, отпуская тебя, ибо только здесь ты в безопасности, — медленно роняя слова, проговорил он. — Я не вижу, что ждет тебя впереди. Путь твой скрывается во мгле. А там, в северных краях, тебя поджидает порождение Зла и, может быть, сама смерть. Впрочем, что это за сила и где именно ты встретишься с ней, я сказать не могу: все твое прошлое, настоящее и будущее как бы в ту-

мане. Когда сюда прибыли гонцы из Лоу-Торнинга, я сразу подумал именно о тебе, потому что это место кажется мне относительно безопасным, да и находится оно далеко на западе — там со временем ты мог бы набраться сил. Но я не уверен, существует ли такое место на земле, где ты действительно был бы в безопасности, и не знаю, куда ведет твой путь. Мне очень не хочется посылать тебя в неизвестность, во тьму...

Первое время дом среди цветущих деревьев и сам островок внушали Геду покой и светлую радость. Он частенько посматривал на запад, в небеса, настроив свой волшебный слух на неуловимый, далекий шорох чешуйчатых крыл. Но ни один дракон так и не появился вблизи острова. Гед ловил с причала рыбу и ухаживал за садом. Порой он целыми днями, сидя под цветущим деревом, обдумывал одну-единственную страницу, строку или даже слово из тех мудрых книг, что привез с собой. Отак же спал рядом с ним или охотился на мышей в гуще трав и цветов. А еще Гед лечил жителей Лоу-Торнинга, предсказывал погоду и заклинал ветры, если его об этом просили. Ему, могущественному волшебнику, и в голову не приходило стыдиться столь примитивных просьб — ведь и в его роду были простые ведьмы, а вырос он среди еще больших бедняков, чем эти люди. Однако местные жители редко обращались к Геду с просьбами и отчасти побаивались его: и потому, что он настоящий волшебник с острова Мудрецов, а также — из-за его неразговорчивого характера и покрытого шрамами лица. Было в нем что-то такое, хоть он и выглядел совсем молодым, что держало людей на расстоянии.

И все же Гед нашел себе друга по имени Печварри — лодочника с соседнего островка. Они познакомились у причала, когда Гед, проходя мимо, остановился и стал смотреть, как лодочник прилаживает к ботику мачту. Заметив это, тот глянул на волшебника, ухмыльнулся и сказал:

— Ну вот, почти месяц возился. Небось, ты-то в минуту все сделал бы, только слово нужное сказать надо, да, господин мой?

— Сделал бы, наверно, — откликнулся Гед, — может, и быстрее, да только ботик скорее всего уже через минуту затонул бы или пришлось бы все время шептать заклятия. Но если хочешь... — он вдруг запнулся.

— Что хочу, господин?

— Вообще-то, ботик у тебя прекрасный! И никаких заклятий ему не требуется. Но если хочешь, я могу сделать так, чтобы лодка эта никогда не давала течи и, что бы ни случилось, всегда возвращалась домой с мой.

Он говорил не очень уверенно, боясь своим предложением обидеть умелого лодочника, но лицо Печварри просияло.

— Этот ботик делал я для сына, и если ты, господин волшебник, еще поколдуешь над ним, будешь так милостив, я тебе век от всего сердца служить стану.

Лодочник выбрался на причал и горячо пожал Геду руку, снова и снова выражая ему свою благодарность.

Потом они часто работали вместе — мастерили новые лодки или чинили старые, и Гед своими заклинаниями делал замечательную работу Печварри еще лучше, а взамен учился у лодочника его мастерству и искусству править лодкой на море без помощи магии: искусство это держалось в тайне от учеников Школы на острове Рок. Гед, Печварри и его маленький сын Айоэт нередко уплывали далеко в море по проливам на самых различных судах, под парусом или на веслах, пока Гед в полной мере не овладел ремеслом моряка, и к этому времени дружба между ним и Печварри стала уже делом решенным.

Но как-то поздней осенью сынишка лодочника сильно заболел. Мать его привезла с острова Тоск колдунью, известную травницу, и день или два все шло, казалось бы, на поправку. Как вдруг ночью, когда на море бушевал жестокий шторм, в дверь Гед загрохотал кулаками Печварри. Он умолял спасти сына, и Гед со всех ног бросился за ним; они вскочили в

лодку, навалились на весла и помчались по бурным волнам к дому лодочника. Мальчик был распростерт на лежанке; его молчаливая мать сгорбилась у изголовья, а колдунья, не переставая, жгла корень корли и повторяла нараспев заклинание Нагиана — с ее точки зрения, это были лучшие средства от данной болезни. Однако она шепнула Геду:

— Господин волшебник, мне кажется, что у мальчика красная лихорадка; он не переживет этой ночи...

Когда Гед склонился над ребенком и коснулся его лба, он понял, что колдунья права, и на мгновение отшатнулся. За долгие месяцы его собственной тяжелой болезни Мастер Травник открыл ему немало секретов врачевания, и самым главным из них был следующий: умерь боль раненого тела, лечи его болезни, но если умирает душа,пусти ее.

Мать мальчика, заметив его резкое движение, поняла все и в отчаянии громко заплакала. Печварри топтался возле нее, приговаривая:

— Господин Ястреб непременно спасет нашего мальчика. Нечего плакать, жена! Он теперь здесь, наш волшебник, и он спасет малыша.

Услышав жалобный плач женщины и чувствуя, как сильно Печварри верит в него, Гед растерялся: он не знал, что ему предпринять, боясь разочаровать этих несчастных людей. Решив, что ошибся в диагнозе, он попытался спасти мальчика, сбивая жар, и пообещал другу:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Гед обмывал мальчика холодной дождевой водой, которую родители непрерывно меняли, благо лило как из ведра, произносил различные заклинания, но ничто не помогало, никакие слова не имели силы, и вдруг Гед понял, что ребенок умирает у него на руках.

И тогда, призвав на помощь все свои магические силы и совершенно позабыв об угрожающей ему самому опасности, Гед послал свою душу вслед за душой ребенка, пытаясь вернуть его в этот мир. Он позвал мальчика по имени: «Айозт!» — и ему показалось, что внутренним слухом своим он уловил слабый

отклик. Тогда Гед продолжил погоню, время от времени называя имя ребенка. Вскоре он увидел и его самого: мальчик быстро бежал далеко впереди Гед вниз по склону какой-то мрачной горы или холма. Не было слышно ни звука. Над головой висели совсем иные, чем здесь, звезды, но Гед почему-то знал названия чужих созвездий: Сноп, Ворота, Рулевой, Древо... Созвездия эти в черных небесах не двигались и не гасли: солнце никогда не восходило в этом мире. Пытаясь догнать умирающего мальчика, Гед зашел слишком далеко в царство смерти.

Осознав это, он увидел, что остался на склоне темного холма один. Повернуть назад оказалось трудно, очень трудно. Но он все-таки повернул. С огромным усилием сделал шаг вверх по склону холма, потом еще один. Так, благодаря лишь чудовищным усилиям воли, шаг за шагом продвигался он к вершине. И каждый следующий шаг был тяжелее предыдущего.

Звезды в небе не двигались. Ни разу не вздохнул ветерок над покрытым густым слоем пыли склоном. Во всем этом бескрайнем царстве тьмы двигался лишь он один, медленно взбираясь вверх. Поднявшись на вершину холма, Гед увидел невысокую каменную стену. Перелезть через нее было бы нетрудно, но прямо за ней, лицом к нему стояла Тень.

Она не напоминала обличем своим ни человека, ни зверя. У нее как бы вообще не было формы, очертания ее расплывались, и все же Тень что-то сердито шептала, обращаясь к нему, Геду, хотя слов было не разобрать. И она стояла по ту сторону стены, где была жизнь, а он — там, где смерть.

И теперь ему либо нужно было спускаться назад, в пустынные земли, в лишенные света города мертвых, либо перешагнуть через стену, к жизни, туда, где поджидала его бесформенная тварь, порождение Зла.

Он высоко поднял свой волшебный посох, зажав его в руке. И тут силы словно вернулись к нему. Когда он изготовился прыгнуть через невысокую стену прямо на Тень, посох внезапно вспыхнул белым, ослепительным в этой сумеречной стране светом. Гед прыг-

нул, почувствовал, что падает, и свет померк в его глазах.

Вот что в этот момент увидели Печварри, его жена и колдунья: молодой волшебник запнулся посреди заклинания, какое-то время стоял неподвижно, держа ребенка на руках, потом бережно опустил маленького Айюэа на постель, распрямился и стоял молча, зажав свой посох в руке. Внезапно он высоко поднял посох, и на конце его сверкнул белый огонь, похожий на шаровую молнию, и тут все вещи в доме как бы ожили, задвигались сами собой. Когда же наблюдавшие это пришли в себя от изумления, то увидели, что молодой волшебник лежит ничком на земляном полу рядом с постелью, где покоится мертвое дитя.

Печварри решил было, что и Гед тоже умер. Жена его тихо плакала, сам же он был потрясен до глубины души. Однако колдунья, кое-что разумевшая в магии и слышавшая о тех краях, куда может попасть настоящий волшебник, позаботилась, чтобы Гед, совершенно безжизненного и холодного, все же не считали покойником, объяснив, что юноша как бы болен или скорее зачарован. Его отнесли домой, и старая ведьма осталась, чтобы присмотреть за ним, а заодно и выяснить, уснул ли он навсегда или все же очнется.

Маленький отак спрятался где-то на чердаке, как всегда, когда в дом приходили чужие, и оставался там, а дождь все хлестал и хлестал по стенам, и огонь в очаге погас, в дом тихонько прокралась ночь, заставив старуху клевать носом. Тогда из своего убежища вылез отак, забрался на постель, где неподвижно и почти не дыша лежал его хозяин, и своим сухим, похожим на коричневый листок язычком начал вылизывать его пальцы и ладони; лизал долго, заботливо, потом, пристроившись поближе к подушке, стал лизать виски Гед, покрытую шрамами щеку и, особенно нежно, закрытые глаза. Очень медленно, постепенно нежные эти прикосновения привели Гед в сознание. Он открыл глаза, не понимая, где побывал, где находится теперь и что это за слабый серый свет

вокруг. За окном разливалась заря. И отак, засыпая, привычно свернулся у плеча своего хозяина.

Позже, когда Гед вспоминал и обдумывал события той ночи, он понял, что, если бы кто-то живой не коснулся его, утратившего душу, и не позвал обратно в этот мир, он вполне мог бы остаться в стране мертвых навсегда. Лишь слепая инстинктивная мудрость зверей, которые вылизывают своих раненых сородичей, желая утешить их и успокоить, спасла его, но в этой мудрости отака Гед видел нечто родственное собственной своей волшебной силе, нечто глубинное, как и чародейство, связанное с Древними Силами Земли. С этого времени он навсегда уверовал в единство настоящего мудрых людей со всеми прочими живыми существами, люди это или бессловесные твари, и в последовавшие годы скитаний немало усилий приложил к тому, чтобы научиться понимать тех, кто погружен в безмолвие, — глаза животных, полет птиц, величественные медлительные жесты деревьев.

Теперь он впервые совершил невредимым тот переход через Порог и обратно, который с открытыми глазами может совершить лишь настоящий волшебник и который даже самому Великому Магу всегда грозит страшной опасностью. Но в этот мир вернулся он навстречу горю и страху. Он горевал из-за своего друга Печварри, а страх испытывал из-за себя самого. Он до сих пор так и не смог узнать, почему тогда Верховный Маг боялся отсылать его далеко от Рока и что именно застилало пленой его, Геда, путь так, что даже сам Геншер не смог разглядеть его будущее. А путь его застилала сама Тьма, и поджидала его на этом пути та безымянная тварь, что этой Тьмой была порождена и не принадлежала к миру живых. Та Тень, которую он сам выпустил из небытия или невольно создал. В стране мертвых, у самой границы между жизнью и смертью, она ждала его долгие годы. И дождалась. Теперь она будет следовать за ним по пятам, выискивая момент, чтобы подобраться поближе, отнять у него силы, высосать из него жизнь и завладеть его личиной.

В первое время во сне тварь виделась Геду в облике странного медведя, лишенного головы и глаз. Он думал, как она бродит вокруг, ощупывая стены его дома и пытаясь проникнуть внутрь. Эти сны не снились ему с тех пор, как зажили рубцы, нанесенные когтистыми лапами. Теперь Гед просыпался в поту, его бил озноб, а старые шрамы на лице и плече воспалялись и болели.

С тех пор начались плохие времена. Когда Тень снилась ему или когда он слишком много думал о ней, его всегда охватывал леденящий ужас; разум и силы покидали его, он казался себе глупым и каким-то растерянным. Страх перед Тенью безумно злил его, но он ничего не мог с собой поделать. Ему очень нужна была поддержка, вот только чья и против кого? Ведь тварь эта была лишена плоти и не принадлежала ни к миру живых, ни к миру мертвых; она не имела имени и вообще была как бы Ничем, обладала лишь одним: страшным могуществом, не подчиняющимся законам земной живой жизни, которое он сам некогда дал ей. Единственное, что он о ней теперь знал точно, — это то, что Тень связана именно с ним и через него постарается осуществлять свои планы, будучи его творением, плодом его непросвещенной деятельности. Но в каком обличье явится она в этот мир, сама не имея плоти и формы, каким способом найдет его и когда — этого Гед не знал.

Свой дом и весь островок он окружил самыми разнообразными волшебными преградами. Однако все это требовало так много сил, что Гед понял, что скоро израсходует их все только на эту защиту и жителям Лоу-Торнинга не будет от него никакого проку, особенно если с острова Пендор все-таки прилетит хоть один дракон.

И снова ему приснился сон; но на этот раз ему снилось, что Тень проникла внутрь дома, шевелится возле двери во тьме и старается до него дотянуться. Она снова шептала слова, которых он не понимал. Гед в ужасе проснулся и зажег волшебный огонь; он осветил каждый уголок, чтобы убедиться, что в доме

никого нет. Потом подкинул дров в очаг и уселся там, освещаемый языками пламени и слушая, как осенний ветер шуршит в соломенной кровле и свистит в высоких голых деревьях вокруг дома. Долго сидел он в задумчивости. В сердце проснулся былой гнев. Не станет он беспомощно ждать, сидя словно в ловушке на этом островке и бормоча бесполезные заклятия! Но сразу решиться вылезти из своей норы он не мог: если он просто уедет отсюда, то нарушит договор с жителями островов, беззащитными перед ужасной угрозой. Оставался только один путь.

На следующее утро Гед отправился на лодке к главной пристани Лоу-Торнинга, отыскал вождя общины и сказал ему:

— Я вынужден буду покинуть эти края: мне грозит опасность, а стало быть, и вам тоже. А потому прошу вас разрешить мне отправиться на остров Пендор и там попробовать сразиться с драконами или еще каким-либо образом решить эту задачу и выполнить вашу главную просьбу. Только тогда я с чистой совестью смогу уехать отсюда. Если же мне суждено погибнуть, то это может случиться и здесь, особенно если сюда пожалуют драконы. Так что давайте решим все заранее и не откладывая в долгий ящик.

Вождь был настолько потрясен, что у него отвисла челюсть. Он долго смотрел на Геду и наконец сказал:

— Господин Ястреб, а ты знаешь, что там девять драконов?

— Говорят, что восемь из них еще молодые.

— Зато старый...

— Говорю тебе, я должен уехать отсюда. И прошу сперва разрешить мне попытаться избавить вас от страшной угрозы.

— Ну, как хочешь, господин мой, — мрачно сказал вождь.

Все, кто слышал этот разговор, сочли, что молодой волшебник сошел с ума или просто лезет на рожон. С мрачными лицами провожали Геду островитяне, не надеясь увидеть его снова. Некоторые намекали, что парень просто хочет сбежать и, обогнув Хоск, укрыть-

ся во Внутреннем море, бросив их в беде; другие же, в том числе и Печварри, были уверены, что волшебником овладело безумие и он ищет смерти.

По крайней мере четыре поколения островитян прокладывали курс своих кораблей так, чтобы держаться как можно дальше от острова Пендор. Ни один маг не являлся сюда, чтобы открыто вступить в бой с драконом, к тому же Пендор лежал вдали от населенных земель и основных морских путей, и правили островом и морями вокруг пираты и работорговцы, злобные воинственные люди, которых ненавидели все обитатели юго-запада Земноморья. Именно поэтому никто даже и не пытался отомстить за погибшего правителя острова Пендор, когда дракон внезапно напал на него — он со свитой как раз пировал в одной из башен замка — и мигом превратил в пепел всех, кто там был, а остальных жителей, оставшихся в живых после побоища, загнал в море и утопил, несмотря на их жалобные стоны и плач. Заваленный трупам, неотмщенный Пендор остался в полной власти Дракона, и он правил там, поселившись в развалинах замка и охраняя свою сокровищницу, полную награбленного добра, принадлежавшего ранее не одному поколению прежних правителей не только Пендора, но также Пална и Хоска.

Все это Геду было прекрасно известно, не говоря уже о том, что со дня прибытия в Лоу-Торнинг он постоянно вспоминал все когда-либо слышанное или читанное о драконах и строил различные планы. Взяв курс на запад и впустив в паруса волшебный ветер — то есть без помощи весел или ветра, не пользуясь тем ремеслом, которому его обучил Печварри, — Гед наложил заклятие, державшее судно по курсу, и неотрывно смотрел вперед. Вскоре он увидел, как на горизонте, между небом и морем, медленно поднимается мертвый остров Пендор. Гед жаждал, чтобы встреча его с драконами произошла как можно скорее (потому он и прибегнул к помощи волшебного ветра), ибо страшился оставшегося позади больше, чем того, что ждало его впереди. Но уже к концу первого дня

путешествия страх в нем сменился какой-то веселой яростью. Наконец-то он по собственному желанию шел навстречу опасности, и чем ближе была эта опасность, тем сильнее росло в нем ощущение полной, абсолютной свободы. Возможно, он и находился на краю смерти, но проклятая Тень явно не осмелилась последовать за ним — дракону в пасть. По серому морю катились белые барашки волн, и серые тучи неслись над головой, подгоняемые северным ветром. Гед мчался на запад, и волшебный ветер наполнял паруса его лодки, и вскоре завиднелись скалы Пендора, пустынные улицы городов и полуразрушенные башни дворцов.

При входе в неглубокую полумесяцем выгнутую бухту Гед снял заклятие и оставил суденышко, которое теперь тихонько покачивалось на волнах. Громким голосом он воскликнул:

— Выходи, властелин Пендора! Гнездо твое в опасности!

Волны тяжело бились о берега, словно посыпанные пеплом, и голос Геда в шуме прибоя звучал едва слышно, но у драконов слух тонкий. И вот уже один взлетел со стены разрушенного городского дома, повиснув в воздухе как огромная летучая мышь. Потом, шурша перепончатыми крыльями и чешуйчатым телом, он кругами в потоках северного ветра стал спускаться к тому месту, где находился его противник. У Геда екнуло сердце при виде этого существа, как бы явившегося из сказок Земноморья, но он засмеялся и снова крикнул:

— Эй ты, ветряной червяк! Ступай, позови Старого Дракона!

Ему было ясно, что при всей своей величине это всего лишь детеныш, отпрыск Старого Дракона и драконихи из Западного Предела. Некогда она сделала кладку яиц в одной из залитых солнцем разрушенных башен Пендора и улетела прочь, как это делают все драконихи, оставив папашу следить за потомством, которое, подобно обычным, но только ужасного вида ящерицам постепенно выползало из скорлупы.

Молодой дракон отвечать не стал. Он был, собственно, не так уж и велик, длиной, пожалуй, не больше сорокавесельной галеры; огромного размаха кожистые крылья только подчеркивали, какое тощее и слабое пока у него тело. Молодой дракон не достиг еще должных размеров и не способен был ни на устрашающий чудовищный рев, ни на подлинную драконью хитрость. Он спикировал прямо на Геда, стоявшего в покачивавшейся на волнах лодчонке, разинул длинную зубастую пасть, так что Геду оставалось только связать юному ящеру крылья одним коротко произнесенным заклятием, и тот, подобно каменной глыбе, со страшным шумом рухнул в море. Серые волны сомкнулись над ним.

За первым драконом последовали еще два, поднявшиеся от подножия самой высокой башни города. В точности как и первый, они спикировали на Геда, и в точности как и первого, он обоих связал заклятием и утопил в море; пока еще ему ни разу не пришлось даже поднять свой волшебный посох.

Еще через некоторое время с острова вылетели сразу три дракона. Один из них был гораздо крупнее остальных, и из пасти его вырывались языки пламени. Двое меньших летели, гремя крыльями, прямо на Геда, зато большой весьма ловко, сделав круг, зашел сзади, стремясь сжечь и Геда, и его лодку своим огненным дыханием. Ни одно заклятие не смогло бы подействовать на троих сразу, потому что нападали они с разных сторон — двое с севера, один с юга. Успев осознать это, Гед произнес заклятие Превращения и тут же взмыл в небеса в обличье дракона.

Расправив широкие крылья и выставив когти, он атаковал тех, что летели к нему с севера, обжег их пламенем, а потом повернулся к третьему, более крупному и тоже изрыгавшему пламя. В потоках ветра над серыми волнами оба дракона сжимались пружиной, щелкали челюстями и стремительно бросались в атаку, окруженные дымом и пламенем. Изменив маневр, Гед резко взмыл вверх; противник, следовавший за ним, немного отстал. И тут Гед-дракон сложил крылья

и камнем бросился вниз, подобно ястребу, выставив страшные когти, вонзил их в шею и бок врага, увлекая вниз и его. Черные крылья дракона с Пендора дрогнули, и черная драконья кровь крупными каплями закапала в море. Он вырвался из когтей Гед и полетел низко над водой, припадая на одно крыло, обратно к острову, где, видно, и спрятался в каком-нибудь колодце или разрушенной башне.

Гед немедленно принял свой прежний вид и спустился в лодку, ибо страшной опасностью грозит длительное пребывание в обличье дракона. Руки юноши были покрыты ожогами от ядовитой драконьей крови, а волосы на голове опалены огнем из страшной пасти, но Гед этого даже не замечал. Он выждал лишь несколько секунд, чтобы перевести дыхание, и снова воззвал:

— Шестерых видел я, пятеро убиты, говорят, что всего вас девять. Так выходите же, червяки!

Ничто не шелохнулось на острове, не прозвучало ни звука в затянувшейся тишине, лишь волны с грохотом обрушивались на скалы. Потом Гед заметил, что самая высокая башня будто бы медленно меняет свои очертания, вытягиваясь то в одну сторону, то в другую, словно расправляя огромные руки. Он опасался древнейшей магии, которой владеют лишь драконы, волшебники весьма могущественные и коварные, волшебство которых не похоже на людское; но уже через мгновение понял, что это не иллюзия и не магия, а реальность. То, что он принял за странный выступ на башне, оказалось плечом Старого Дракона, который медленно расправил чудовищные крылья и взлетел.

Когда он выпрямился во весь рост, его чешуйчатая, увенчанная острыми шипами голова с тремя языками вознеслась выше самой высокой башни, а передние лапы опирались на развалины старинных домов, как на осколки камней. Чешуя темно-стального цвета словно полированная отражала свет солнца. Дракон был жилистый и поджарый, словно гончий пес, и огромный, как гора. Гед в ужасе смотрел на него. Ника-

кая героическая песня или легенда не смогла бы подготовить человека к восприятию подобного. Юноша уже видел перед собой глаза дракона, и это едва не погубило его, потому что в глаза эти смотреть нельзя. Гед с трудом отвел взгляд от маслянистых зеленых глаз, что следили за ним, и поднял перед собой волшебный посох, казавшийся теперь тонким прутиком, хворостинкой.

— Восемь сыновей было у меня, маленький волшебник, — сказал Старый Дракон иссушающим душу могучим голосом. — Пятеро погибли, один умирает — довольно. Логово мое тебе не захватить, хотя ты и убил их.

— Мне не нужно твое логово и твои сокровища тоже.

Желтый дымок с шипением вырвался из ноздрей дракона: так он смеялся.

— Может, высадишься на берег и посмотришь на него, маленький волшебник? На мои сокровища стоит посмотреть.

— Нет, дракон.

Драконы в родстве с ветром и огнем и неохотно вступают в бой над морем. Пока что это было единственным преимуществом Геда, и он не желал его терять; но узкая полоска морской воды, отделявшая его лодчонку от гигантских серых когтистых лап, не внушала ему уверенности.

Особенно трудно было не смотреть в зеленые, сторожкие глаза.

— Ты еще очень молодой, волшебник, — сказал дракон. — Я не знал, что люди вступают в силу такими молодыми.

Он, как и Гед, пользовался Истинной Речью, потому что драконы до сих пор говорят только на этом языке. Кроме того, Истинная Речь обязывает людей говорить только правду, а драконов — нет. Это их родной язык, и они могут лгать на нем, выворачивая его слова наизнанку, так что почти невозможно порой догадаться, каков их смысл; драконы как бы загоняют неосторожного слушателя в лабиринт этих слов-

зеркал, каждое из которых вроде бы отражает правду, но не дает ее понимания и не ведет ровным счетом никуда. Во всяком случае, Гед об этом давно уже был предупрежден, и слова дракона слушал недоверчиво, каждое подвергая сомнению, хотя все они казались простыми и ясными.

— Ты пришел сюда, чтобы просить моей помощи, маленький волшебник?

— Нет, дракон.

— И все же я мог бы помочь тебе. Вскоре тебе понадобится помощь — против того, кто охотится за тобой в темноте.

Гед онемел.

— Кто же этот охотник? Назови мне его имя! Если бы я мог назвать его имя... — Гед заставил себя замолчать.

Желтый дымок поднялся над длинной головой дракона, вырвавшись из ноздрей, похожих на круглые огненные печи.

— Если бы ты мог назвать его имя, то мог бы, наверно, и повелевать им, маленький волшебник. Возможно, его имя тебе мог бы назвать я, если бы как следует его разглядел. А для этого нужно, чтобы оно подошло поближе к тебе. И оно непременно подойдет, если ты подождешь его тут. Оно догонит тебя повсюду, где бы ты ни был. Так что, если не хочешь, чтобы оно приближалось к тебе, ты должен неустанно бежать, бежать и бежать от него. А оно будет следовать за тобой по пятам. Хочешь ли ты узнать его имя?

Гед снова застыл в молчании. Откуда дракону известно, что он выпустил Тень? Не мог же он просто догадаться, как не мог и знать имя Тени. Ведь Верховный Маг сказал, что имени у нее нет. Однако драконы обладают особой мудростью; род их куда старше человеческого. Лишь очень немногие из людей способны догадаться, что именно в том или ином случае дракону известно и откуда. Таких людей называют Повелителями Драконов. Геду пока что ясно было только одно: если этот дракон, что вполне возможно, говорит правду, то он действительно способен рассказать

Геду об этой Тени и назвать ее имя, тем самым дав ему власть над ней. Но даже если все это так, даже если он говорит правду, то делает это лишь только в своих собственных интересах.

— Не часто, — проговорил наконец Гед, — драконы предлагают человеку свои услуги.

— Зато кошка почти всегда играет с мышью, — сказал дракон, — прежде чем съесть ее.

— Но я явился сюда вовсе не за тем, чтобы играть с тобой в кошки-мышки, дракон. Я пришел, чтобы заключить с тобой сделку.

Острый, как меч, но по крайней мере раз в пять длиннее самого длинного из мечей хвост дракона метнулся, словно ядовитое жало гигантского скорпиона, над чешуйчатой спиной ящера, над башнями города. Сухо прошелестел его голос:

— Я не заключаю сделок ни с кем. Я просто беру то, что мне нужно. Что ты можешь предложить мне из того, что я не смог бы взять сам?

— Безопасность. Твою безопасность. Поклянись, что никогда не станешь летать над островами, лежащими к востоку от Пендора, и в ответ я дам тебе клятву, что никогда не причиню тебе никакого зла.

Жуткий звук, похожий на шум далекого горного обвала, вырвался из глотки дракона. Пламя заплесало в его пасти и на конце похожего на трезубец языка. Он распрямился во весь рост, громоздясь над руинами городских башен.

— Ты осмеливаешься предлагать это мне? Ты мне угрожаешь? Чем же это?

— Твоим именем, Йевод!

Голос Геда чуть дрогнул, когда он произносил это имя, но он выговорил его громко и ясно. И Старый Дракон застыл, словно каменное изваяние. Прошла минута, другая, и Гед, по-прежнему стоявший в своей жалкой, раскачивающейся на волнах скорлупке, широко улыбнулся. Он играл в опаснейшую игру, поставив на кон собственную жизнь против всего лишь догадки, не слишком точной информации, выуженной из старинных преданий о жизни драконов, которые

он столь внимательно изучал на острове Рок. Еще тогда Гед предположил, что это, возможно, и есть тот самый дракон, что испоганил западное побережье острова Осскил во времена прекрасной Эльфарран и Морреда, а потом был изгнан с Осскила неким волшебником по имени Эльт, великим знатоком подлинных имен. И эта догадка оказалась верной!

— Мы с тобой равны, Йевод. Ты владеешь могучей силой, а я — твоим именем. Так станешь заключать со мной сделку?

Но дракон медлил с ответом.

Многие годы этот дракон властвовал на острове, где всюду среди побелевших костей и поломанных доспехов валялись покрытые пылью золотые нагрудные пластины, украшенные изумрудами; здесь он любовался играми своих сыновей, похожих на больших черных ящериц; здесь его дети учились летать, прыгая с полуразрушенных башен и утесов вниз; здесь он подолгу спал на солнце, и сон его не тревожил ни звук человеческого голоса, ни парус в морской дали. Он был уже очень стар, и тяжело было отряхнуть груз лет и встретиться лицом к лицу с этим молодым волшебником, его хрупким противником, чей волшебный посох заставил Йевода, Старого Дракона, содрогнуться от страха.

— В моей сокровищнице ты можешь выбрать любые девять камней, — прошипел он наконец, испуская клубы дыма. — Самые лучшие. Так что воспользуйся этой удачей. Потом уходи!

— Мне не нужны твои камни, Йевод.

— Куда же подевалась людская алчность? В прежние времена на севере люди очень любили блестящие камушки... Но я знаю, что тебе действительно нужно, волшебник. Я ведь тоже могу обеспечить тебе безопасность, ибо знаю единственное средство, которое могло бы спасти тебя. За тобой по пятам следует Ужас. Я назову тебе его имя.

У Геда екнуло сердце, и он стиснул свой посох, застыв в неподвижности, как и дракон. Мгновение он

боролся с неожиданно возникшей надеждой на спасение.

Но он заключал сделку с драконом не ради собственной жизни. Только один-единственный раз мог он одержать верх над этим чудовищем. И он подавил страстное желание спасти себя, сделав то, что должен был сделать.

— Я не об этом прошу тебя, Йевод.

Произнося имя дракона, он чувствовал, что как бы держит это огромное существо на крепком тонком поводке, петлей стянувшем чудовищу шею. В неподвижном, устремленном на Геда взгляде дракона сосредоточилось, казалось, все древнее зло и бесконечно глубокое понимание людской натуры; Гед видел чудовищные стальные когти, каждый длиной с руку мужчины, твердую как камень чешую и языки пламени, пляшущие в полуоткрытой пасти. Но тонкий поводок вокруг шеи исполина стягивал ее все теснее и теснее. И Гед потребовал снова:

— Йевод! Поклянись именем своим, что ни ты, ни твои сыновья никогда не появятся больше близ островов Архипелага.

Внезапно, выдохнув целый сноп пламени и искр, дракон проревел:

— Клянусь! Клянусь своим именем!

Воцарилась полная тишина, и Йевод склонил огромную свою голову.

Когда же он снова поднял ее и глянул в морскую даль, волшебника уже не было; парус его суденышка белым лоскутком летел по волнам куда-то к востоку, к богатым сокровищами островам Внутреннего моря. И тогда в гнев Старый Дракон Пендора поднялся и тяжестью своей сокрушил ближайшую башню до основания, и огромными крыльями разметал ее обломки по всей округе. Но данная клятва связывала его, он остался на острове и никогда не летал больше в сторону Архипелага.

Глава 6

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ

Едва остров Пендор скрылся из виду, Гед, все время смотревший на восток, снова ощутил, как страх закрался ему в сердце: страх перед Тенью. Опасность, которую представлял собой дракон, была совершенно ясной, очевидной; теперь же возвращался тот прежний, безнадежный и бесформенный ужас, и плыть навстречу этой неведомой опасности оказалось очень трудно. Гед остановил волшебный ветерок и поплыл дальше, подгоняемый лишь обычным ветром, не спеша: спешить ему больше не хотелось. К тому же он не совсем ясно представлял, что делать дальше. Он должен бежать — так сказал дракон; но куда? На остров Рок, подумал он; там по крайней мере он окажется под защитой и всегда сможет воспользоваться советом Мудрых.

Однако сначала все равно нужно было попасть в Лоу-Торнинг и рассказать островитянам о сделке с драконом.

Едва пролетел слух, что волшебник вернулся — на пятый день своего отсутствия! — по крайней мере по-

ловина жителей Лоу-Торнинга и соседних островов явилась, кто пешком, кто на веслах, к его дому. Люди окружили Геда, жадно глядели на него и, раскрыв рот, слушали. Он честно рассказал, как было дело, и тут же послышался чей-то голос:

— А кто это видел? Всех этих убитых и заколдованных драконов? Чудеса да и только! А что, если он...

— Умолкни! — грубо оборвал сомневавшегося вождь общины, который, как, впрочем, и большинство островитян, знал, что волшебники, конечно, обладают особой манерой рассказывать истории, они могут и не говорить порой всей правды, держа ее при себе, но если уж волшебник сам о чем-то рассказывает, то так оно точно и было. И в этом суть его мастерства. А потому островитяне подивились, порасспрашивали и вскоре почувствовали, что страх перед драконами с Пендора улетучивается, исчезает, и радость охватила их души. Они толпились вокруг своего молодого волшебника и без конца просили его снова и снова рассказывать обо всем. С каждым часом людей становилось все больше, и каждый хотел услышать историю о драконе из собственных уст Геда. Впрочем, к вечеру соседи знали ее лучше его самого. Уже и местные певцы подобрали подходящую старинную мелодию и всюю распевали «Песнь о Ястребе». Костры разожгли не только на островах Лоу-Торнинга, но и на более далеких, расположенных к югу и востоку от него. Рыбаки громко перекликались на своих лодках, передавая друг другу радостную весть, которая птицей перелетала с островка на островок: зло побеждено, драконы из Пендора не прилетят сюда никогда!

Эта ночь, единственная за последнее время; принесла Геду радость. Ни одна тень не смогла бы подобраться к нему при свете всех этих факелов и костров, которые в честь праздника сияли на каждом холме, на каждом пляже; хоровод смеющихся танцоров постоянно окружал Геда, ему пели хвалебные песни, в воздухе туманной осенней ночи раскачивались факелы, разрезая тьму яркими лучами, как ни старался ветер погасить их.

На следующий день Гед повстречался с Печварри, который сказал:

— Я и не знал, что ты так силен, господин мой.

И в голосе его звучал страх — ведь когда-то он осмеливался считать Геда своим другом, но слышен в нем был и упрек: Гед не смог спасти от смерти маленького мальчика, хоть и сумел победить драконов. После слов Печварри стыд и нетерпение вновь ожили в душе Геда; только в первый раз чувства эти погнали его к Пендору, а теперь из-за них ему приходилось покидать Лоу-Торнинг. И хотя островитяне с радостью оставили бы его у себя навсегда — они по-прежнему неустанно прославляли его и буквально носили на руках, — Гед на следующий же день покинул домик на холме, не взяв с собой ничего, кроме книг и посоха; отак, как всегда, сидел у него на плече.

Геда повезли из Лоу-Торнинга двое молодых парней, которые, сидя на веслах, очень гордились столь важной миссией. Они плыли меж судов, толпящихся в узких проливах, под самыми балконами и эркерами домов, нависших прямо над водой, мимо причалов Неша, влажных пастбищ Дромгана, мимо дурно пахнущих маслодавлен Гита — и всюду слава о подвиге молодого волшебника летела впереди него. Всюду люди насвистывали «Песнь о Ястребе», стоило лодке Геда показаться вблизи; всюду Геда упрашивали погостить хотя бы ночку и рассказать о битве с драконом. Когда же наконец они добрались до Серда, капитан корабля, которого Гед попросил довести его до Рока, лишь поклонился в ответ и сказал:

— Это великая честь для меня и моей команды, господин волшебник!

Итак, Гед покинул Девяносто Островов, но едва корабль вышел из гавани Серда и поднял паруса, как с востока налетел сильнейший ветер, не дававший судну двигаться вперед. Это было очень странно: холодное ясное небо, казалось, не предвещало бури. От Серда до Рока было всего несколько часов пути, так что судно продолжало плыть, несмотря на то что ветер усилился. Как и большинство торговых судов Внутрен-

него моря, корабль этот имел один большой косой парус, который легко было повернуть, чтобы поймать нужный ветер, а капитан, бывалый моряк, не без оснований гордился своим искусством. Так что, меняя галс то к югу, то к северу, они все же продвигались к востоку. Встречный ветер принес тучи, дождь, разразилась настоящая буря, и возникла опасность, что корабль вот-вот опрокинется.

— Господин Ястреб, — сказал шкипер молодому волшебнику, стоявшему рядом, как и подобает почетному гостю — хотя какие уж тут почести: ливень промочил всех до нитки, и люди выглядели жалкими в облепившей их одежде, — господин Ястреб, не могли бы вы сказать словечко этому ветерку?

— Как близко мы теперь от Рока?

— Осталось меньше половины пути. Но за этот час мы вовсе не сдвинулись с места.

Гед произнес заклятие, ветер стал дуть потише, и какое-то время судно довольно хорошо шло на восток. Потом вдруг откуда-то с юга со свистом принесли новые сильные ветры, и корабль опять стало сносить к западу. Облака кипели и клубились в небе; в гневе капитан проревел:

— Этот чертов ветер дует сразу со всех сторон! Только волшебство сможет помочь нам в такой шторм, господин мой.

Гед был мрачен, он не очень-то верил, что заклятие поможет, но корабль и команда оказались в опасности из-за него, а потому он все-таки поднял свой посох и коснулся им паруса. И тут же корабль, рассекая волны, понесся прямо на восток, а шкипер мгновенно повеселел. Но понемногу, хоть Гед и не снимал заклятия, волшебный ветер начал терять свою силу, потом и вовсе ослабел, и корабль, на мгновение застыв в неподвижности, сник совсем, паруса его обвисли, а беснующиеся волны швыряли судно, как скорлупку. Потом загрохотал гром, сверкнула молния, корабль завертелся, подпрыгнул, словно испуганная кошка, и лег носом на север.

Гед что было силы уперся плечом в мачту, которая почти завалилась на бок, и прокричал:

— Поворачивай к Серду, шкипер!

Шкипер пожал плечами и прокричал в ответ:

— Ни за что! У меня на борту могущественный волшебник, а я сам — лучший здешний моряк, да и корабль этот прочнее любого из многих — и чтобы мне повернуть назад?!

Но когда судно вновь повернулось вокруг своей оси, словно килем попав в водоворот, а самому шкиперу пришлось ухватиться за ахтерштевень, чтобы не смыло за борт, Гед повторил:

— Оставь меня в Серде, капитан, и плыви куда хочешь. Это не просто буря, с которой твой корабль справился бы шутя. Этот ветер выпущен против меня.

— Против тебя, одного из волшебников Школы?

— А ты, капитан, разве никогда не слыхал о Ветре Рока?

— О да, слышал; он не пускает злые силы на остров Мудрых. Но какое это имеет отношение к тебе, Повелитель Драконов?

— Дело тут не во мне, а в моей Тени, — кратко и непонятно ответил Гед, как и подобает волшебнику; и больше не прибавил ни слова.

Все то время что они на большой скорости с надутыми парусами под ясным небом мчались по морю к порту Серд, Гед молчал. Тяжело было у него на душе, страх леденил сердце, когда он побрел вверх по улочкам Серда прочь от гавани. Приближалась зима, дни становились короче, и скоро ступились сумерки. С наступлением темноты постоянная тревога Гедва возросла, как всегда; теперь ему казалось, что каждый поворот таит угрозу, и он лишь усилием воли заставлял себя не оглядываться каждую минуту, словно опасаясь, что кто-то неожиданно нападет на него сзади. Вскоре он вошел в гостиницу, принадлежавшую морской общине Серда, где за одним столом и почти бесплатно с удовольствием пировали путешественники и купцы, которые могли потом и переночевать все вместе в том же длинном зале с балками под потолком: Такие гостиницы есть на всех процветающих островах Внутреннего моря.

За обедом Гед отложил кусочек мяса для отака, а потом, сидя у камина, вытащил зверька из складок своего капюшона, где тот прятался весь день, и попытался накормить его, поглаживая по спинке и нашептывая:

— Хёг, Хёг, малыш ты мой бессловесный...

Но зверек есть не стал и снова забрался в карман Геда — спрятался. Его поведение и ощущение тупого страха при одном только виде черной тьмы, сгустившейся по углам огромной комнаты, говорили Геду, что ужасная Тень совсем близко.

Никто здесь его не знал: все гости приплыли с других островов и еще не слышали «Песни о Ястребе». Ни один из них с Гедом даже не заговорил. Он выбрал себе местечко, улегся, но глаз не сомкнул всю ночь. Глядя на балки над головой и слушая дыхание незнакомых спящих людей, он пытался определить свой дальнейший путь, решить, куда идти теперь и что предпринять, но тут же отбрасывал любой вариант, любой план, словно приговоренный к нерешительности. Страшная Тень, казалось, поджидала его на любом из всех возможных путей. Только Рок был от нее свободен, но на Рок попасть он не мог: ему мешали высшие, древнейшие заклęcia, что хранили остров от злых сил. И раз Ветер Рока поднялся против него, значит, Тень совсем рядом.

Тварь эта не имела тела, не могла видеть солнечный свет и явилась из царства тьмы, где нет ни солнца, ни времени, ни направления. И вот она тащилась за Гедом сквозь череду дней, через все моря нашего солнечного мира, но увидеть ее можно было лишь во сне или во тьме. До поры до времени она лишена была плоти или по крайней мере оболочки, видимой при свете солнца; ведь почти так и говорится в «Подвиге Хоуда»:

*Небо светлеет. Кончается ночь,
Из тени выходит земля,
Виденья снов уносятся прочь
В обитель Тьмы короля...*

Но если Тени удастся проникнуть в Геда, она вытянет из него все силы, отберет плоть, теплое и живое его тело, и лишит воли — главного, чем он жив пока.

Вот что в итоге сулила Геду судьба, и он понимал: существует множество хитрых уловок, чтобы отправить его навстречу смертельной опасности, ведь Тень каждый раз, приблизившись к нему, становилась сильнее, и, вполне возможно, она и сейчас уже достаточно сильна, чтобы использовать в своих целях злые силы или злых людей; она могла, например, дать Геду ложный знак в пути или заговорить с ним голосом кого-то из незнакомцев. Он ясно ощущал сейчас, что в ком-то из этих людей, спящих в обширном зале с балками под потолком, таится, найдя убежище в чьей-то подлой душонке и выжидая, темная тварь, которая наблюдает за Гедом и по-прежнему питает свои силы его слабостью, его неуверенностью, его страхом.

Вынести это было невозможно. Он должен довериться судьбе, и пусть она ведет его сама. С первыми же холодными проблесками зари Гед поднялся и пошел под блекнувшими в небесах звездами к гавани, решив сесть на первый попавшийся корабль, который согласится взять его на борт. Какая-то галера у причала грузила на борт бочки с рыбьим жиром. Она отплывала с восходом в главный порт Хавнора. Гед попросил шкипера взять его пассажиром. Посох волшебника обычно служит на судах и пропуском, и платой. Геда взяли охотно, и уже через час корабль вышел из гавани. Юноша приободрился, увидев, как сорок мощных весел разом поднялись в воздух и зарокотал барабан, задавая гребцам бодрый ритм.

И все же он пока совершенно не представлял себе, что будет делать в Хавноре и куда направится дальше. Можно дальше, на север — не все ли равно? Тем более что он сам северянин. Может, отыщется корабль, который довезет его от Хавнора до Гонта; тогда ему, возможно, снова удастся увидеть Огиона. Или лучше найти корабль, плывущий в Дальние Пределы, где Тень потеряет его след и прекратит преследование. Кроме этих, весьма смутных идей у Геда не было ни-

какого конкретного плана, и ни одного пути, ведущего к ясной цели, он перед собой не видел. Пока он должен лишь бежать, спастись...

На второй день пути, благодаря сорока мощным веслам, они еще до заката вошли в холодные воды гавани порта Оррими, что на восточном берегу острова Хоск. Торговые галеры во Внутреннем море предпочитают каботажное плавание и на ночь стараются по возможности укрыться в каком-нибудь порту. Гед сошел на берег, потому что было еще совсем светло, и побрел наобум по крутым улочкам портового городка, погруженный в свои мысли.

Оррими — город старый; прочные его здания из камня обнесены высокими стенами — на случай нападения не признающих законов диких племен центральной части острова Хоск; пакгаузы в порту напоминают крепости, а дома купцов, украшенные башнями, прячутся за каменными оградами. И все же Геду, бродившему в тот вечер по улицам, все эти могучие укрепления казались чем-то призрачным, бесплотным, скрывавшим лишь черную пустоту; а прохожие, спешившие по своим делам, представлялись не настоящими людьми, а немymi тенями. На закате он снова вернулся в порт, и даже там, в широкой полосе солнечного света на вечернем ветру море и земля показались ему одинаково мрачными и молчаливыми.

— Куда спешите, господин волшебник?

Кто-то неожиданно окликнул его из-за спины. Обернувшись, он увидел мужчину, одетого в серое, с тяжелым деревянным посохом, но только не волшебным. Лицо незнакомца было скрыто капюшоном плаща, и красные лучи закатного солнца на него не попадали, но Гед почувствовал, что невидимые глаза прямо-таки впились в него. Отшатнувшись, он поднял руку, и его волшебный посох оказался между ним и незнакомцем. Тот вкрадчиво спросил:

— Вы чего-то боитесь?

— Того, что вечно следует за мной по пятам.

— Ах так? Но я же не ваша тень.

Гед стоял молча. Он понимал, что этот человек, кто бы он ни был, вовсе не то, чего он боится: он был вполне живой и не походил ни на Тень, ни на оборотня. Вокруг царила какая-то странная, колющая тишина, вечер окутал все загадочной дымкой, но голос незнакомца звучал вполне по-человечески, а под плащом явственно ощущалось довольно-таки плотное тело. Теперь он откинул капюшон и обнажил странно приплюснутую лысую голову. Лицо его было покрыто морщинами, выглядел он стариком, хотя по голосу об этом трудно было бы догадаться.

— Я вас не знаю, — сказал человек в сером, — но все же думаю, что встреча наша не случайна. Мне приходилось слышать историю о юноше, покрытом шрамами, который пробился сквозь Тьму и стал великим властелином, чуть ли не королем. Не знаю, имеет ли эта история отношение к вам. Но вот что я вам скажу: ступайте ко двору Терренона, если вам нужна шпага для поединка с Тенью. Волшебного посоха для такого поединка недостаточно.

Надежда и недоверие боролись в душе Геда, порожденные этими словами. Постигший мудрость подлинного волшебства скоро начинает понимать, что лишь очень и очень немногие из его встреч действительно назначены судьбой, злой или доброй.

— А в каких краях находится дворец Терренона?

— На острове Осскил.

Слово «Терренон» на мгновение вызвало в памяти Геда яркую картину: черный ворон на зеленой траве, искоса поглядывающий на него блестящими, как самоцветы, глазами и говорящий странные слова; однако слова те забылись.

— Остров этот, кажется, пользуется дурной славой, — сказал Гед, не сводя глаз с человека в сером и пытаясь определить, кто же он такой. Что-то в нем было от колдуна, даже от волшебника; и в то же время, хотя речь его и была исполнена достоинства, в его облике проскальзывало нечто жалкое, какая-то униженность чувствовалась в нем, и взгляд его походил на взгляд больного, или узника, или раба.

— Вы же с Рока, господин мой, — ответил он Геду. — Волшебники с Рока считают, что иное, чем у них, волшебство всегда дурно.

— Но что вы за человек?

— Просто путешественник, торговый агент из Осскила; здесь я по делу, — сказал человек в сером.

Гед решил прекратить свои расспросы, и старик, смиренно пожелав ему спокойной ночи, двинулся по узенькой извилистой улочке вверх, прочь от порта.

Гед вернулся к причалам, не решив еще, стоит ли ему принимать во внимание советы незнакомца, и посмотрел на север. Красный отсвет заката быстро меркнул, исчезая с холмов, окружающих гавань, и с поверхности беспокойного моря. Спустились серые сумерки, за ними по пятам пришла ночь.

Внезапно решившись, Гед торопливо подошел к какому-то рыбаку, укладывавшему свои сети в плоскодонку, и окликнул его:

— Не знаешь ли, идет сегодня какой-нибудь корабль к северу — на Семел или на Энлад?

— Вон тот длинный корабль из Осскила; он, наверно, остановится на Энладе.

Гед, по-прежнему торопливо, направился к указанному судну — шестидесятивесельному, длинному как змея, с высоким, украшенным резьбой и мозаикой из раковин-лото носом, с красными уключинами для весел; на каждом его борту черной краской была написана руна Сифл. Судно выглядело на редкость мрачно, но казалось быстрым и было полностью готово к отплытию. Вся команда была на борту. Гед отыскал капитана и попросил взять его пассажиром до Осскила.

— Заплатить можешь?

— Я умею заклинать ветер и еще кое-что...

— Это я и сам умею. А что, больше тебе заплатить нечем? Ни гроша, что ли?

В Лоу-Торнинге островитяне заплатили Геду, как смогли, — пластинками из слоновой кости, которые используются на Архипелаге в качестве денег; он ни

за что не хотел брать больше десяти, хотя они настаивали, чтобы он взял больше. Гед предложил слоновую кость шкиперу, но тот только головой покачал:

— Нет, это у нас за деньги не считают. Так что если тебе платить нечем, то у меня на борту для тебя места нет.

— Может, нужен гребец? Я служил когда-то на галере.

— Да, у нас двоих не хватает. Что ж, раз так, занимай свое место, — согласился шкипер и перестал обращать на Геда внимание.

Итак, сунув свой посох и сумку с книгами под скамью, Гед на десять тяжелых дней превратился в гребца на осскильской галере. С рассветом они вышли из Оррими, и весь первый день Гед думал только о том, как бы справиться с веслом. Левая рука у него двигалась не очень хорошо, изуродованная старыми шрамами, а его умение ловко орудовать легкими веслами, плавая по бесчисленным проливам Лоу-Торнинга, для галеры годилось мало, не хватало и тренировки, приходилось без конца налегать, налегать и налегать на длинное весло под неумолчный рокот барабана. Смена гребцов происходила каждые два-три часа, но передышки хватало Геду лишь для того, чтобы все его мускулы окончательно задеревенели; тут как раз приходило время возвращаться к веслу. На второй день стало еще хуже; но потом он как-то притерпелся, и дело пошло на лад.

Между членами этой команды не было той теплоты, как на борту «Тени», которая впервые привезла его с Гонта на остров Рок. Моряки с Андрадских островов и с Гонта являются еще и торговыми партнерами, тогда как торговцы с Осскила на своих судах используют либо рабов, либо наемных гребцов, которым платят маленькими золотыми монетками. Золото очень ценится на Осскиле. Но отнюдь не служит источником добрых отношений между людьми, как, впрочем, и между драконами, которые тоже очень любят золото. Поскольку половина гребцов на этом судне были рабы, трудившиеся даром, то офицеры превра-

щались скорее в надсмотрщиков, причем довольно жестоких. Никогда, разумеется, кнут их не касался спин тех гребцов, что работали за плату или за проезд; но о какой дружбе могла идти речь, если твоего соседа постоянно могут избить кнутом? Напарники Геда и между собой-то говорили мало, а с ним — еще меньше. Все они в основном были с Осскила и говорили не на ардическом языке Архипелага, а на одном из северных диалектов. Это были люди суровые, светлокожие, с черными длинными усами и гладкими прямыми волосами. Геда они прозвали между собой Келуб, что означало «краснолицый», но особого уважения к нему не выказывали, скорее — какую-то осторожную недоброжелательность. Да и Геду тоже что-то не хотелось заводить среди них друзей. Даже в общем могучем ритме гребли, будучи одним из таких же шести десятков гребцов, он на этом судне, мчащемся по серым водам океана, чувствовал себя беззащитным изгоем. Когда судно останавливалось на ночлег в очередном порту, он, усталый, заворачивался в свой плащ и засыпал, но без конца просыпался: его мучили дурные сны, которых он не мог припомнить проснувшись. Беспокойство, казалось, висело над этим кораблем и его командой, опутав его словно паутиной, и ни одному человеку на судне Гед не доверял.

Все гребцы, свободные граждане Осскила, носили на бедре длинный нож, и однажды, когда их смена гребцов сошлась за полуденной трапезой, один из напарников спросил Геда:

— Ты что же, раб или клятвопреступник, Келуб?

— Ни то ни другое.

— Тогда чего ж ты без ножа? Драться боишься? — продолжал, усмехаясь, этот человек по имени Скиорх.

— Нет.

— Думаешь, твоя собачонка за тебя заступится?

— Это отак, — заметил другой гребец, прислушавшийся к ехидным вопросам Скиорха, и что-то еще прибавил по-осскильски, от чего Скиорх нахмурился и отвернулся. Но, прежде чем он успел отвернуться, Гед заметил, как странно вдруг изменилось его лицо:

оно будто вдруг расплылось, черты его смазались, словно что-то подействовало на него изнутри, украдкой выглянуло из его глаз, чтобы увидеть Гед. Однако уже через минуту Скиорх снова выглядел как обычно, и Гед, специально посмотревший на него еще раз, решил, что все это — лишь его собственный страх, отразившийся в чужих глазах. Но в ту ночь, когда они бросили якорь в порту Исен, его мучили страшные сны и во снах к нему приходил Скиорх. Гед при любой возможности стал избегать встреч с ним, и ему показалось, что Скиорх тоже его избегает. Больше они не сказали друг другу ни слова.

Проплыли мимо и скрылись за горизонтом снежные вершины гор Хавнора; они остались южнее, окутанные туманами приближающейся зимы. Потом на веслах они прошли по узкому проливу, ведущему в море Эа, где некогда утонула Эльфарран, миновали остров Энлад и два дня простояли на рейде близ города Берилы — воспетой в легендах белоснежной столицы острова Энлад. Во всех портах, куда бы они ни заходили, команду держали на борту и на берег никого не пускали. Наконец, освещенные лучами утренней зари, они вышли на веслах в Оскильское море, навстречу северо-западным ветрам, которые вольно дули здесь, не встречая препятствий, из пустынного Северного Предела. И за два дня пройдя это жестокое море, они в сохранности доставили свой груз в порт Нешам, торговый центр Восточного Оскила.

Гед увидел низкий берег, иссеченный дождем и ветром, серый город, будто скорчившийся за длинными волноломами, защищавшими пристань, а над городом — безлесые вершины и мрачные снеговые тучи. Далеко позади остались пронизанные солнцем воды Внутреннего моря.

Портовые грузчики поднялись на борт, чтобы освободить трюмы от дорогих товаров — изделий из золота и серебра, драгоценных камней, тончайших шелков и ярких южных гобеленов, до которых столь охочи правители Оскила. Наемные гребцы получили расчет и собирались уходить. Гед остановил одного из

них, чтобы узнать, как найти Терренон; до сих пор недоверие удерживало его от рассказов, кто он, откуда и что ищет на Оскиле, но теперь он оказался один в совершенно чужом краю, и нужно было хотя бы спросить дорогу. Человек, которого он остановил, отмахнулся, говоря, что понятия не имеет о таком замке, и ушел, но Скиорх, слышавший их разговор, вдруг вмешался:

— Замок Терренон? Это на вересковой пустоши. Мне как раз в ту сторону.

Такого попутчика Гед никогда бы не выбрал, однако делать было нечего: сам он не знал ни языка, ни дороги. «К тому же, — подумал он, — все мои предосторожности тщетны — я ведь и сюда дороги не выбирал. Сюда меня приплыть заставили, как теперь заставляли идти дальше». Он накинул капюшон, взял в руку посох, в другую — сумку с книгами и двинулся следом за оскильцем по улицам города и дальше, куда-то в горы, покрытые снегом. Маленький отак не пожелал ехать на плече, а спрятался в кармане его куртки из овечьего меха, под плащом, как обычно делал, когда наступали холода. Холмы перемежались открытыми всем ветрам бескрайними вересковыми пустошами. Скиорх и Гед шли молча, словно зима все вокруг сковала заклятием тишины.

— Далеко нам? — спросил Гед через час-полтора, когда вокруг давно уже не осталось ни одного деревенского селения, ни одной уединенной фермы, и вдруг вспомнил, что у них с собой совсем нет еды. Скиорх на минутку повернулся к нему, поправил капюшон и сказал:

— Нет, недалеко.

Лицо его было ужасно — бледное, жестокое, грубое, — но Гед не боялся никого из людей, хотя мог бы, наверно, испугаться того, куда человек с таким вот лицом может его завести. Он согласно кивнул, и они пошли дальше. Дорога казалась шрамом на покрытой первым снегом поверхности земли, среди голых кустов. Иногда в сторону отходили другие тропки. Теперь, когда в воздухе больше не чувствовалось

запаха дыма от каминов Нешама, в сгущающихся ранних сумерках, казалось, не было больше ни единого знака, указывающего какой-либо путь, а следы их уже успели скрыться под снежной пеленой. Ветер неизменно дул с востока. Они провели в пути уже несколько часов, и Геду показалось, что вдали, за холмами на северо-западе, на фоне темного неба мелькнула тонкая светлая черточка, нечто, похожее на маленький зуб. Но свет короткого дня стремительно угасал, и на следующем витке дороги он не смог получше рассмотреть эту светлую черточку — башню или дерево?

— Мы идем вон туда? — спросил он, указывая пальцем.

Скиорх ничего не ответил, но продолжал брести тяжелой походкой, закутавшись в свой грубый плащ с островерхим, отороченным мехом капюшоном, какие носят на Оскиле. Гед размашистой походкой поспевал следом. Они зашли очень далеко, Гед совсем отупел после долгого плавания, тяжелых дней и ночей, проведенных на судне, и сейчас буквально спал на ходу. Ему начинало казаться, что он всю жизнь бредет и будет вот так брести рядом со своим молчаливым спутником через погруженную в молчание сумеречную страну. Настороженность и воля притупились в нем. Он шел, словно в бесконечно долгом сне, шел никуда.

Отак проснулся и завозился у него в кармане, и вместе с ним проснулся слабый неясный страх в душе Гед. Юноша заставил себя выговорить:

— Ночь приближается, снег идет. Далеко еще, Скиорх?

Тот даже не обернулся и ответил не сразу:

— Недалеко.

Но голос его звучал странно — не как голос человека, а будто зверь хрипло пытается что-то выговорить неумелой пастью.

Гед остановился. Вокруг расстилались пустые, окутанные сумраком холмы. Перепархивали редкие снежинки.

— Скиорх! — позвал Гед, тот остановился и обернулся. Под островерхим капюшоном лица не было.

Прежде чем Гед успел произнести заклятие Превращения или призвать на помощь иную магическую силу, оборотень невнятно проскрипел его имя:

— Гед.

Теперь не подействовало бы ни одно заклятие: Гед был заперт собственным именем в своем настоящем обличье. Теперь ему предстояло биться с врагом без всякой магической защиты. И никого из волшебников он тоже не мог призвать: в этом чужом краю вряд ли кто-нибудь пришел бы к нему на помощь. Он стоял один перед смертельным врагом, и единственным оружием его был тисовый посох, зажатый в правой руке.

Тварь, пожравшая душу Скиорха и его плоть, использовала лишь его оболочку. Скиорх-оборотень шагнул к Геду, и руки его, будто руки слепого, ощупью потянулись к нему. Ярость и ужас затмили сознание Гед, он с размаху опустил посох, просвистевший в воздухе, на капюшон, под которым скрывался лик твари. Капюшон и плащ бессильно свалились на землю, словно внутри была пустота, ничто, потом, странно извиваясь и хлопая, снова распрямились и встали во весь рост бывшего Скиорха. Тело оборотня лишено подлинной плоти и использует, словно призрачную скорлупу, форму человеческого тела, и эта нереальная плоть облекает вполне реальное зло. Подергиваясь и извиваясь, словно под порывами ветра, Тень, простирая руки, приблизилась к Геду и попыталась схватить его, как это было тогда, на Холме Рок: если бы это ей удалось, она покинула бы тело Скиорха и проникла бы внутрь Гед, захватила бы его душу и стала бы повелевать им — таково было ее главное желание. Гед снова ударил Тень своим тяжелым посохом, который уже дымился, сбил ее с ног, но она поднялась снова, и он снова ударил, а потом вдруг выронил посох — тот вспыхнул ярким пламенем и обжег ему руку. Гед отступил, потом вдруг резко повернулся и побежал.

Он бежал, и, наступая ему на пятки, за ним мчался оборотень; оборотень пока не мог обогнать свою

жертву, но и не отставал ни на пядь. Гед не оглядывался. Он бежал, бежал, бежал по бесконечной сумеречной равнине, и спрятаться было негде. Еще раз оборотень хриплым свистящим голосом окликнул его по имени, но это, хоть и лишало Гада волшебной силы, не могло все же отнять у него силу физическую, не могло заставить его остановиться. И Гед бежал.

Ночная тьма окутала охотника и преследуемого, легкий снежок скрыл тропу, и Гед больше не мог различить ее. В голове у него молотом стучала кровь, горло горело, как обожженное, он, пожалуй, больше уже и не бежал, а, спотыкаясь на каждом шагу, брел вперед, но все же неутомимый преследователь, казалось, не в состоянии был схватить его, хотя почти касался его плеча. Он что-то шептал, бормотал, звал Гада по имени, и Гед понимал, что всю жизнь слышал этот шепот где-то там, у самого порога слышимости, но лишь теперь смог как следует расслышать его, и он должен, должен был завопить от ужаса, сдаться, остановиться... Но упрямо, хоть и с трудом, двигался вперед, боролся изо всех сил, брел и брел вверх по склону холма, бесконечному и едва различимому в темноте. Ему казалось, что где-то впереди должен быть свет, и слышался голос, вроде бы звавший его с высоты: «Иди! Иди!»

Он хотел было откликнуться на зов, но голос у него пропал. Слабый свет стал ярче, он как бы просачивался из-под ворот прямо перед ним; стен он видеть не мог, зато ворота видел отчетливо. Гед остановился, и тут оборотень ухватил его за плащ, скользя по нему руками, пытаясь покрепче обхватить его. Собрав последние силы, Гед рванулся в эти светящиеся ворота, хотел было обернуться и закрыть их перед оборотнем, но ноги уже не держали его. Он споткнулся, ища в воздухе опоры, какие-то огни вспыхнули и поплыли у него перед глазами. Он почувствовал, что падает, что кто-то подхватил его, но совершенно истерзанная душа его не выдержала, и он провалился в темноту.

Глава 7

ПОЛЕТ ЯСТРЕБА

Гед очнулся и в течение долгого времени чувствовал одну лишь радость: он все-таки остался жив. Еще очень приятно было снова увидеть свет, самый обычный яркий свет солнца, заливавший все вокруг. Ему казалось, что он плывет по волнам этого света, как на лодке по дивным тихим водам. Потом наконец он осознал, что лежит в роскошной постели, в какой ему еще ни разу в жизни не доводилось спать. Рама кровати покоилась на четырех резных высоких ножках, перины были огромные, шелковые, воздушные; именно они давали ощущение дивного плавания по спокойной воде; над постелью висел малиновый полог, защищавший от сквозняков. С двух сторон полог был приподнят, и Гед стал разглядывать незнакомую комнату с каменными стенами и полом, с тремя высокими окнами, за которыми виднелись вересковые пустоши, голые, бурые, покрытые пятнами снега и освещенные неярким зимним солнцем. Комната, должно

быть, находилась высоко от земли, потому что вид из окон открывался широкий.

Пуховое одеяло из нежного сатина соскользнуло на пол, когда Гед сел, и тут он обнаружил, что одет в некое подобие туники из шелка и серебряной парчи, будто лорд. На стуле рядом с постелью для него были приготовлены сапоги из мягчайшей, словно перчатка, кожи и отороченный мехом пеллави плащ. Гед еще немножко посидел, тихо и тупо покачиваясь, как под воздействием неких чар, потом встал и поискал свой посох. Но посоха нигде не было.

Вся ладонь и пальцы его правой руки были обожжены; рана смазана целебной мазью и перевязана. Только теперь он почувствовал боль от страшного ожога и ощутил, как ноет все его тело.

Некоторое время Гед стоял, не двигаясь. Потом прошептал:

— Хёг... Хёг... — негромко, без особой надежды, потому что свирепый и преданный ему зверек тоже куда-то исчез. Маленькое бессловесное существо, верный друг, что некогда вернул его к жизни, позвав его душу из царства смерти.

Был ли отак, как всегда, с ним рядом, когда прошлой ночью они спасались бегством? Случилось ли это вчера или много ночей назад? Он ничего не знал. Все было темно и неясно в его душе: оборотень, горящий посох, бегство, невнятный шепот, ворота... Ничего не помнил он достаточно ясно. Ничто даже теперь не было понятно до конца. Гед еще раз прошептал настоящее имя своего любимца, но ответ услышать уже не надеялся, и на глазах его показались слезы.

Где-то далеко прозвонил маленький колокольчик. Ему нежно откликнулся другой, совсем рядом с его комнатой. Дверь у него за спиной отворилась, и вошла какая-то женщина.

— Ну, здравствуй, Ястребок! — сказала она с улыбкой.

Молодая и стройная, она была одета в белое с серебром платье; волосы, прижатые серебряной сеткой к голове, падали вдоль спины темным водопадом.

Гед неуклюже поклонился.

— Мне кажется, ты не помнишь меня.

— Не помню вас, госпожа?

Он никогда раньше не видел столь прекрасной женщины, да еще одетой так, чтобы красота ее засияла еще ярче. Разве что однажды, когда королева острова О со своим супругом приезжала к ним в Школу на праздник Солнцеворота. Только та была подобна яркому пламени свечи, а эта походила на холодный ясный свет месяца.

— Я так и думала, что ты меня не узнаешь, — сказала женщина и снова улыбнулась. — Но хоть ты и забывчив, здесь тебя рады видеть как старого друга.

— Где это «здесь»? Где я? — спросил Гед, все еще скованный в движениях и едва ворочая языком. Он чувствовал, что ему не только трудно говорить с ней, но трудно отвести от нее глаза. Княжеские одежды на нем были ему непривычны; каменные плиты, на которых он стоял, казались чужими, враждебными, да и сам воздух вокруг — тоже: и он, Гед, тоже как бы не был самым собою — или тем, кем был прежде.

— Этот замок называется Терренон. Мой муж и повелитель, которого зовут Бендереск, правит этими землями — от вересковых пустошей Кексемта на севере до горного хребта Ос; в его доме также хранится самый драгоценный камень в мире по имени Терренон. Ну а меня здесь, на Осскиле, все зовут Серрет, что значит на их языке «серебро». А тебя, как я знаю, иногда называют Ястребом, и ты получил звание волшебника на острове Мудрых.

Гед посмотрел на свою обожженную руку и, чуть помолчав, сказал:

— Не знаю, кто я теперь. Когда-то я действительно обладал магической силой. Но, наверно, утратил ее навсегда.

— Нет! Ты ее не утратил, а даже если это и так, то стократ обретишь ее здесь. Здесь ты в безопасности, ты недосыгаем для того, что гналось за тобой, друг мой. У этого замка мощные стены, и сделаны они не только из камня. Здесь ты сможешь отдохнуть и

набраться сил. А также обрести великое могущество и новый волшебный посох, который никогда не обратится в золу, обжигая твои ладони. Случается, что путь зла порой имеет и хороший конец. А теперь идем со мной, позволь мне показать тебе наши владения.

Она была так мила и нежна, что Гед едва слышал, что именно она говорит, до глубины души тронутый уже одним только обещанием покоя и счастья, которое звучало в ее голосе. Он последовал за хозяйкой замка.

Его комната и в самом деле находилась высоко над землей — в башне, что острым зубом торчала на вершине холма. Он шел за Серрет по мраморным лестницам, веером спускавшимся в богато убранные залы, мимо высоких окон, смотревших то на север, то на запад, то на юг, то на восток, — и повсюду замок окружали невысокие коричневые холмы до самого горизонта, безлюдные, лишенные деревьев, неподвижные, сливающиеся вдаль с блеклым зимним небом. Лишь далеко на севере виднелись на фоне синего неба остроконечные белые вершины гор, а на юге можно было угадать яркий блеск морской воды.

Слуги отворяли перед ними двери и отступали в сторону, пропуская свою госпожу и Геда; все они были белокожими суровыми уроженцами Осскила. У Серрет тоже кожа была светлой, но она, в отличие от слуг, хорошо знала ардический язык и даже, как показало Геду, говорила на нем с гонтским акцентом. Вечером Серрет представила Геда своему мужу Бендереску, хозяину замка Терренон. Он был раза в три старше своей жены — старик с белоснежными сединами и печальными глазами, худой как щепка. Лорд Бендереск приветствовал Геда с мрачноватой холодной любезностью и просил его оставаться в замке так долго, как он пожелает. Оказалось, что говорить им в общем-то не о чем: Бендереск не спросил Геда ни о его путешествиях, ни о враге, что преследовал юношу до самых ворот замка; ничего об этом не спросила и леди Серрет.

Если это и было странно, то лишь отчасти — столь странным и необычным было это место и те обстоятельства, при которых он попал сюда. Геду казалось, что сознание его так ни разу до конца и не прояснилось. Он словно не мог видеть вещи такими, какие они есть. Случайно оказался он в этом замке с мощными стенами, и все же случайность эта была безусловно предопределена. А может быть, это вовсе и не было случайностью. Так или иначе, но все линии его пути сошлись именно здесь. Он ведь направлялся куда-то на север, потом незнакомец в Оррими посоветовал ему искать помощи в замке Терренон; корабль из Оскила будто специально ожидал его, а Скиорх привел его прямо сюда. Что из этого было подстроено охотящейся за ним Тенью? А может быть, ничего? Может, он, как и его преследователь, был завлечен сюда некоей иной силой: Гед под воздействием ее чар, а Тень — за ним следом. Просто она при первой же возможности завладела душой Скиорха в своих собственных целях. Наверно, так оно и есть, ибо Тень, по словам Серрет, не смела войти в замок, и Гед не ощущал никаких признаков ее тайного присутствия — с тех пор как очнулся в башне. Но тогда что же привело его сюда? Сюда вряд ли можно попасть случайно: даже его пока неповоротливый разум сознавал это. Ни один чужестранец не приближался к этим воротам. Башня стояла в стороне, повернувшись спиной к дороге, ведущей в Нешам, ближайший к замку город. Ни один человек не входил в замок, ни один не покидал его. За окнами Терренона расстилались безлюдные вересковые пустоши.

Из окон этих без конца смотрел Гед, оставшись в одиночестве. День проходил за днем, но в душе его по-прежнему царило смятение, сердце болело, и он все время мерз. В башне всегда было холодно, несмотря на роскошные ковры и шпалеры, скрывающие камень пола и стен, несмотря на богатые одежды на меху, несмотря на отделанные мрамором каминны. Этот вечный холод пробирал до костей, заползал в самую их сердцевину, и казалось, что спастись от

него невозможно. А сердце Геда к тому же леденил неизбывный стыд, когда он вспоминал, как встретился с врагом лицом к лицу, был повержен и спасался бегством. Мысленно он встречался со всеми Мастерами Школы. Среди них были и хмурый Геншер, Верховный Маг Земноморья, и Неммерль, и Огион, и даже тетка-колдунья, что научила его первому заклинанию: все они неотрывно смотрели на Геда, и он понимал, что не оправдал их веры в него. Ему хотелось попросить у них прощения, воскликнуть: «Если бы я не убежал, Тень завладела бы мной: она ведь уже забрала всю силу у Скиорха и часть моей силы тоже — я не справился бы с ней. И она знала мое имя! Я был вынужден бежать. Ибо волшебник, ставший оборотнем, — ужасное орудие Зла и разрушения. Я был вынужден...» Но они не желали ему отвечать. Видение исчезало, и он вновь смотрел на падающий снег, мелкий и бесконечный, на пустынные земли за окном, ощущая отупляющий и все усиливающийся холод, пока ему не начинало казаться, что душа его мертва и никаких ощущений, кроме бесконечной усталости, в нем больше не осталось. Подвергая себя бесконечному самоуничтожению, он подолгу оставался один в своей комнате. А когда выходил оттуда, был молчалив и скован. Душу его смущала красота хозяйки замка; в этом богатом, изысканном, благонравном и чужом доме он чувствовал себя обыкновенным козлопасом, никогда не покидавшим родную деревню.

Он оставался в одиночестве, сколько и когда хотел, а если тяжкие мысли совсем уж одолевали его и он не мог больше смотреть на падающий снег за окном, то встречался с Серрет в одной из боковых комнат нижнего этажа башни, украшенных шпалерами, и они беседовали у горящего камина. Душе хозяйки замка, казалось, не хватало веселья, она никогда не смеялась, хотя улыбалась часто. От одной-единственной ее улыбки у Геда становилось легче на душе. С ней он начинал забывать и свою скованность, и свой позор. Вскоре они почти каждый день сходились для беседы — долгой, спокойной, ленивой — подальше от прислу-

ги, вечно вертевшейся возле Серрет, у камина или у окна в одном из высоких залов старинной башни.

Лорд Бендереск большую часть времени проводил в своих покоях, выходя лишь по утрам на прогулку по засыпанному снегом внутреннему двору замка, и был при этом похож на старого волшебника, который всю ночь напролет варил волшебный напиток. Когда он за ужином встречался с Гедом и Серрет, то сидел молча, поглядывая на свою молодую жену тяжелым, алчным взглядом. И Геду становилось жаль ее. Она казалась ему белой козочкой в клетке, белой птицей с обрезанными крыльями, прикованной к обручальному серебряному кольцу на пальце старика. Она была украшением сокровищницы Бендереска — тщательно охраняемым. Когда Гед оставался с ней наедине, то всегда старался развеселить ее, развлечь, впрочем, как и она его.

— А каков он, тот драгоценный камень, что дал имя вашему замку? — спросил он ее как-то раз, когда они вдвоем остались за столом и сидели над пустыми уже тарелками из золота и пустыми золотыми кубками при неверном свете свечей.

— Ты разве никогда не слышал о нем? Это ведь очень знаменитый камень.

— Нет. Мне известно лишь, что лорды Осскила славятся своими сокровищами.

— Ах, что все сокровища по сравнению с ним! Хочешь на него посмотреть?

Она улыбнулась, одновременно ободряюще и чуть насмешливо, словно сама чуточку боялась того, что предложила, и повела Геда из столовой по узким коридорам куда-то вниз, в подземелье, потом остановилась у запертой двери, которой он никогда раньше не замечал. Ее-то и отперла Серрет серебряным ключом, глядя на Геда снизу вверх с той же ободряющей улыбкой. За первой дверью был небольшой коридор, потом вторая дверь, которую она отперла уже золотым ключом; а за второй дверью — третья, которую могли отворить лишь слова Великого Заклятия. За этой последней дверью открылась маленькая комнатка,

похожая на камеру в донжоне: пол, стены, потолок — все из грубого камня; никакой мебели; комната была совершенно пуста.

— Ты его видишь? — спросила Серрет.

Гед огляделся и в свете свечи своим острым глазом волшебника отметил один из камней в полу. Такая же грубая влажная плита, как и все, но он чувствовал исходящую от этого камня таинственную силу, которая как бы в голос заявляла о себе. Дыхание замерло у него в груди, он ощутил слабость. Это было само основание башни, главный камень ее фундамента, и он был холодный, мертвяще-ледяной; в комнате тоже царил могильный холод, и ничто никогда не смогло бы согреть ее. Камень этот принадлежал к миру Древних Вещей: могущественная и ужасная сила, заключенная внутри каменной глыбы. Гед не ответил Серрет — просто застыл в молчании, и она, бросив на него быстрый любопытный взгляд, указала на камень сама:

— Вот. Это Терренон. Тебе, наверно, интересно знать, зачем мы такую драгоценность храним в самом глубоком и дальнем подземелье?

Гед по-прежнему не отвечал, молчаливый и настороженный. Возможно, она задала этот вопрос нарочно, однако Геду все же казалось, что Серрет не очень-то хорошо осведомлена об истинной природе Камня, раз говорит о нем столь легкомысленным тоном: слишком мало знает о нем, чтобы его бояться.

— Скажи мне, в чем его сила? — спросил он наконец.

— Терренон появился на свет еще до того, как Сегой поднял острова Земноморья со дна морского. Он был рожден одновременно с нашим миром и умрет вместе с ним. Время для него — ничто. Возложи на него руку, задай любой вопрос: он ответит, он в соответствии с твоей собственной магической силой. Он может говорить — если сумеешь услышать. Он может рассказать о том, что было, есть и будет. Он предсказал твое появление здесь задолго до того, как ты попал

на этот остров. Будешь сейчас что-нибудь спрашивать у него?

— Нет.

— Тебе он ответит.

— У меня пока нет такого вопроса, который хотелось бы задать ему.

— Он мог бы рассказать, — продолжала Серрет вкрадчиво, — как тебе одержать победу над врагом.

Гед стоял будто проглотив язык.

— Ты боишься его? — недоверчиво спросила она.

Он ответил:

— Да.

В мертвенном хладе подземелья, отгороженного от мира каменными стенами и заклятиями, тускло светила единственная свеча в руке Серрет. Помолчав, она снова глянула на Геда, глаза ее сверкнули.

— Ястреб, — сказала она, — ты его не боишься!

— Но с этим духом я говорить не стану, — ответил Гед, глядя ей прямо в лицо. И продолжал с мрачной серьезностью: — Госпожа моя, дух, что заключен в этом Камне, заперт затворяющим заклятием, и заклятием ослепляющим, и волшебными силами замка, но это не потому, что ему нет цены, но потому, что он может служить источником великого зла. Не знаю, что тебе сказали о нем, когда ты приехала в этот замок. Но ты так молода и добра душой, ты никогда не должна не только касаться этого Камня, но даже смотреть на него. Ибо он опутает тебя злыми чарами.

— Но я возлагала на него руку и не раз говорила с ним, и слышала его речь. Никакого зла он мне не причиняет.

Она повернулась, и они пошли назад, заперев за собой все три двери, по бесконечным коридорам наверх, где на широкой лестнице горели факелы, и она наконец смогла погасить свою свечу. Они тут же расстались, едва сказав друг другу несколько слов на прощание.

В ту ночь Гед почти не спал. Но отнюдь не мысли о Тени не давали ему покоя: они почти оставили его; их затмили воспоминания о том страшном Камне,

что служит опорой замку Терренон. И еще Гед все время вспоминал обращенное к нему лицо Серрет, в свете свечи ясное и загадочное одновременно. Снова и снова чувствовал он на себе тот ее взгляд и пытался понять, что скрывалось за ним, когда он отказался дотронуться до Камня; чего в ее глазах было больше тогда — разочарования или боли? Когда Гед наконец лег в постель, шелковые простыни были холодны как лед; сон его был тревожен, он все время думал о Камне и о странном выражении в глазах Серрет.

На следующий день он отыскал ее в полукруглом зале с серыми мраморными стенами, залитом лучами закатного солнца. Здесь она часто проводила послеобеденные часы, забавляясь со своими служанками или занятая плетением кружев. Гед сказал ей:

— Леди Серрет, я был дерзок с вами. Прошу простить меня.

— Дерзок? Нет, нисколько, — ответила она задумчиво и снова повторила: — Нет-нет...

Потом отослала служанок и, оставшись с ним наедине, посмотрела ему в лицо.

— Гость мой и друг, — сказала она, — ты видишь очень ясно, но все же недостаточно глубоко. На Гонте и Роке учат высокой магии. Но не всей. Здесь Осскил, Страна Ворона. Здесь не говорят на ардическом языке Архипелага, здесь маги не имеют особой власти, да они и маловато знают об Осскиле. Здесь встречаются вещи, неведомые мудрецам с южных островов, и некоторые из этих вещей не числятся ни в одном из списков слов Истинной Речи. Человек всегда страшится неведомого. Но тебе здесь бояться нечего. Более слабому — да, конечно. Но не тебе. В тебе от рождения заключена такая сила, которая способна управлять Камнем в потайном подземелье. Это я знаю. И именно поэтому ты находишься здесь.

— Я не понимаю...

— Это потому, что супруг мой Бендереск не был до конца откровенен с тобой. Я же буду откровенна. Подойди, сядь рядом.

Он присел рядом с ней на широкий, покрытый ковром подоконник. Закатное солнце светило теперь прямо в окно, заливая их своим лишенным тепла светом; внизу на вересковых пустошах — там, где вчерашний снег, ковром укрывший землю, так и не растаял, — пролегли длинные тени.

Теперь она говорила почти нежно:

— Бендереск, лорд и хозяин замка Терренон, не может использовать то, что хранит в своем подземелье, не может заставить Камень исполнять его приказы. Не могу этого и я — ни одна, ни с мужем вместе. Ни у него, ни у меня нет для этого ни должного мастерства, ни могущества. У тебя есть и то и другое.

— Откуда тебе это известно?

— От самого Камня! Я же говорила: это он предупредил о твоём появлении. Он знает, кто его хозяин. Он давно ждал тебя. Еще до того, как ты родился. Ждал того, кто сможет повелевать им. Того, кто сможет заставить Камень Терренона отвечать на любые вопросы и выполнять все, что ему прикажут. Того, кто обладает властью над собственной судьбой, а это уже — достаточная сила, чтобы сокрушить любого врага, человека или существо из иного мира. Сила предвидения, могущество, богатство и волшебное мастерство с помощью Камня смогут подчинить даже самого Верховного Мага Земноморья! Спрашивай — много ли, мало ли захочешь узнать — все в руках твоих! Проси.

Снова она вскинула на него свои странные ясные глаза, и взгляд ее был так пронзителен, что он вздрогнул, будто от холода. И еще в лице ее был страх, словно она нуждалась в его помощи, но была слишком горда, чтобы просить о ней. Гед растерялся. Рука ее лежала поверх его руки; прикосновение это было легким, тонкая рука Серрет казалась очень светлой на фоне его смуглой кожи. Он сказал умоляюще:

— Серрет! Но у меня нет уже бывшего могущества, тебе это лишь кажется... Я погубил, истратил те силы, какими некогда обладал. Я не могу помочь тебе. Ничем. Но вот что я знаю твердо: Древние Силы земли —

не для людей! Они никогда не принадлежали им и в руках людей могут лишь разрушать. Зло всегда кончается злом. Меня сюда не заманили, меня сюда привели, и та сила, за которой я следовал, постепенно разрушает меня. Я ничем, ничем не могу помочь тебе.

— Когда волшебник считает, что его силы на исходе, порой оказывается, что он наполнен иной, куда более могущественной силой, — сказала, улыбаясь, Серрет так, будто все его сомнения были не более чем детскими страхами. — Возможно, мне больше известно о том, что именно привело тебя сюда. Разве не заговаривал с тобой некто на улицах Оррими? Это был наш посланник, один из слуг Терренона. Когда-то он и сам был волшебником, но распростился с волшебным посохом, чтобы служить силе, куда более могущественной. И вот ты приехал на Осскил, потом на вересковой пустоши пытался сражаться с Тенью, используя свой деревянный посох. Нам едва удалось спасти тебя — тварь, следовавшая за тобой, оказалась куда хитрее, чем мы думали, и успела уже высосать достаточно твоих сил... Только тень может одержать верх над тенью. Только тьма может победить тьму. Послушай, Ястребок! Что нужно тебе, чтобы победить ту, что караулит за стенами замка?

— Мне нужно то, чего я узнать не могу. Ее подлинное имя.

— Камень Терренон, которому ведомы рождения и смерти всех существ, а также имена всех нерожденных и бессмертных — все, что существует в мире света и в мире тьмы, назовет тебе ее имя.

— А какова цена?

— Платить вовсе не нужно. Я же сказала: он подчинится тебе, станет твоим рабом.

Потрясенный, в полном смятении, Гед не отвечал. Теперь она обеими руками сжимала его руку, заглядывая ему в лицо. Солнце скрылось в туманной дымке на горизонте, даже воздух вокруг них, казалось, замутился, но лицо Серрет при этом стало как бы еще ярче и прекраснее, озаренное гордостью и торжест-

вом: она понимала, наблюдая за Гедом, что воля его поколеблена. И прошептала тихонько:

— Ты будешь могущественнее всех людей, станешь королем среди них. Будешь править ими, а я буду править вместе с тобой...

Гед резко вскочил на ноги, сделал всего лишь один шаг, и пелена как бы спала у него с глаз: за углом у самого окна стоял и, слегка улыбаясь, внимательно слушал их Лорд Бендереск.

Все стало на свои места. Гед посмотрел на Серрет, все еще сидевшую на подоконнике:

— Тьму побеждает свет, — заикаясь, сказал он, — только свет!..

И, сказав это, он ясно увидел, будто слова эти и были тем светом, что разогнал мрак в его душе, как на самом деле его завлекли, заманили в этот замок, как использовали его страх, заставляя плыть на север, и как эти люди, добившись своего, держали бы его в своих руках. Да, конечно, благодаря им он спасся от Тени, но только потому, что они не желали отдавать его ей, пока он не стал рабом Камня. Но едва лишь это свершилось бы, они тотчас впустили бы Тень в замок: ведь оборотень — куда лучший раб, чем живой человек. Единожды дотронувшись до Камня или заговорив с ним, он безвозвратно пропал бы. И все же Тень не смогла тогда захватить его целиком, и даже Камень этого не сумел — во всяком случае пока. Он ведь тогда, в подземелье, почти поддался его могуществу. Почти. Но внутреннего согласия не дал. А злу почти невозможно овладеть непокорной, не поддающейся ему человеческой душой.

Он стоял между этими людьми, которые поддались воле Камня, которые согласились, предались ему, и смотрел то на одного, то на другого. Бендереск подошел ближе.

— Я же говорил тебе, — сухо начал он, — что этот человек ускользнет прямо у тебя из рук, Серрет. Колдуны с твоего Гонта — далеко не такие дураки. Зато сама ты вела себя глупо, женщина, хотя ты и с Гонта: рассчитывая обмануть одновременно и его и меня,

пытаясь нас обоих заморозить своей красотой и использовать Терренон в собственных целях, ты просчиталась. Я — хозяин Камня, один лишь я! И вот что сделаю я с неверною женою: Екаврое аи ельвантар...

Это было Заклятие Превращений, и длинные руки Бендереска уже поднялись, чтобы во мгновение ока женщина, в ужасе закрывшая руками лицо, стала отвратительной тварью — свиньей, собакой или безумной уродливой каргой. Но Гед шагнул вперед и ударил по воздетым рукам Лорда, произнеся одно лишь слово. И хотя волшебного посоха у него больше не было, да и находился он в чужой стране, в обители зла и темных сил, все же воля его оказалась сильнее. Бендереск застыл как изваяние; его затуманенный, исполненный ненависти взгляд уперся в Серрет.

— Скорей, — проговорила та дрожащим голосом. — Скорей, Ястреб, бежим отсюда, пока он не вызвал слуг Камня!..

И тут, словно эхо, разнеслось по всей башне, по каменным плитам пола, по стенам — странный сухой дрожащий шепот. Казалось, заговорила сама земля.

Схватив Геду за руку, Серрет повлекла его за собой по коридорам и залам, вниз по длинной винтовой лестнице. Они выбежали во двор замка, где все еще не угас последний голубоватый луч дневного света над грязным, затоптанным снегом. Трое суровых слуг преградили им путь, словно подозревая, что Гед и Серрет совершили преступление против хозяина замка.

— Становится темно, хозяйка, — сказал один, а другой прибавил: — Сейчас вы все равно выехать не сможете.

— Прочь с дороги, мразь! — крикнула Серрет и что-то прибавила на шипящем диалекте Оскила.

Слуги отшатнулись, потом, скрючившись, повалились наземь, извиваясь от боли. Один из них громко стонал и кричал.

— Мы должны выйти через Ворота, другого выхода отсюда нет. Ты видишь их? Ты можешь найти их, Ястреб?

Она тянула его за руку, но он все же медлил:

— Что за заклятие ты применила против них?

— Я пустила им в кости расплавленного свинца; они умрут. Скорей, говорю тебе, иначе он освободит слуг Камня, а я не могу сама найти Ворота — на них страшные чары! Скорей!

Гед не понимал, что она имеет в виду: сам он видел заколдованные ворота так же ясно, как и арки-проходы в стене внутреннего двора, через которые можно было попасть к внешней стене. Они прошли в одну из арок, потом по нетронутому снегу — к воротам; он произнес заклятие, открывающее двери, и провел Серрет в ворота замка Терренон.

Серрет сильно изменилась, пока они шли по залитому вечерним голубым светом двору и проходили в ворота: и в мрачном свете вересковых пустошей она оставалась красивой, но теперь от красоты ее веяло чем-то яростным, колдовским, и Гед наконец вспомнил, кто она: дочь Лорда Ре Альби и колдуньи из Осскила. Это она насмеялась над ним в зеленых лугах близ дома Огиона много-много лет назад; это она заставила его найти и прочесть заклинание, которое выпустило на волю Тень. Но Гед недолго думал об этом; сейчас все его мысли были заняты главным врагом, который, должно быть, поджидал его где-то неподалеку, возле стен замка. Тень вполне могла по-прежнему иметь облик Скиорха или просто прятаться во тьме, сливаясь с ней, чтобы исподтишка напасть на Геда, захватить его живую плоть и душу, поработить их. Он чувствовал ее близость, но пока не видел. Однако, оглядываясь вокруг, заметил вдруг в нескольких шагах от ворот что-то темное, наполовину засыпанное снегом. Он наклонился и бережно поднял его с земли. Это был мертвый отак; нежная короткая шерстка покрыта запекшейся кровью, маленькое легкое тельце окоченело.

— Превращайся же во что-нибудь! Превращайся скорее, они идут! — пронзительно крикнула Серрет, сжимая его руку и указывая на башню, которая в сумерках казалась огромным белым зубом. Из узких, щелевидных окон ее нижнего этажа выбирались

наружу и устремлялись к ним какие-то черные твари с широкими длинными крыльями; они медленно кружили над стенами замка, над склоном холма, где совершенно беззащитные стояли Гед и Серрет. Чудовищный шепот, который они слышали в замке, стал громче, сама земля стонала и дрожала у них под ногами.

Сердце Гед захлестнула волна гнева, горячей ярости, ненависти к этим жестоким смертоносным тварям, к людям-предателям, что заманили его в ловушку и теперь вели на него загонную охоту.

— Превращайся! — пронзительно вскрикнула Серрет и, выдохнув заклинание, обернулась серой чайкой, взмывшей в небеса. Но Гед медлил; он сорвал какую-то былинку, сухую и хрупкую, сиротливо торчавшую из-под снега там, где упал мертвым его отак. Он поднял ее и заговорил с ней словами Истинной Речи, и растение стало наливаться соками, расти, а когда Гед умолк, в руке у него оказался настоящий волшебный посох. Он не вспыхивал смертоносным огнем, когда крылатые черные твари из замка Терренон камнем падали на Гед с небес, но лишь начинал светиться ясным белым волшебным светом, что не дает жара, но гонит прочь тьму.

Слуги Камня вновь изготовились к атаке, неуклюжие громоздкие твари из такого далекого прошлого Земли, когда в помине не было ни человека, ни птиц, ни драконов: давным-давно уже свет не видывал таких существ, лишь злобное могущество Камня способно было вызвать их к жизни — ведь в памяти его хранились образы всех тварей и вещей, когда-либо существовавших в этом мире. Бесконечные атаки слуг Камня еще более участились. Гед видел, как их острые, похожие на лезвие косы когти рассекают над ним воздух, его тошнило от исходившего от них могильного смрада. Он яростно направо и налево раздавал удары своим посохом, горем и гневом его созданным из стебелька пожухлой травы. И вдруг все чудовища разом поднялись в воздух, словно стая ворон с трупа, и молча, крылатой тучей понеслись в том направлении, куда улетела в обличье серой чайки Серрет. Страшные

широкие крылья, казалось, едва шевелились, однако каждый их взмах намного сокращал расстояние до невидимой пока цели, и вряд ли чайка могла уйти от столь неумолимой и стремительной погони...

Оставшись один, Гед в то же мгновение превратился в хищную птицу, но не в ястреба-перепелятника, как тогда на Роке, а в настоящего сокола, сапсана, что может лететь быстрее стрелы, быстрее мысли. На своих гладких мощных крыльях полетел он вслед за своими преследователями. Сгущались сумерки, среди туч проглядывали яркие звезды. Впереди Гед увидел черное косматое пятно — крылатые твари разом устремились вниз, к какой-то одной точке, ясно видимой на фоне бледного золотистого неба. Гед-сокол пулей влетел прямо в середину черной стаи, и стая распалась, черные твари отлетали от него, словно брызги воды от брошенного с силой камешка. Но жертву свою они уже настигли. У одного чудовища пасть была вымазана кровью, белые перья пристали к когтям другого, а над бескрайними равнодушными водами океана нигде не было видно серой маленькой чайки.

Тем временем слуги Камня изготовились к новой атаке на Гед, угрожающе выставив железные свои клювы и разинув страшные пасти. Он стрелой взмыл в небо и, оказавшись над ними, издал клич сокола, клич ярости и победы, и стрелой полетел вдоль низких берегов Оскила, мимо его бесконечных волнорезов, далеко вытянувшихся в море — прочь отсюда.

Крылатые слуги Камня с каким-то хриплым карканьем еще некоторое время покружились на одном месте, потом один за другим медленно потянулись назад, к расположенным в срединной части острова вересковым пустошам. Древние Силы Земли не смеют преодолевать морские пространства, они привязаны к определенному острову, к определенному месту на нем, к определенной пещере, камню или роднику. Назад, назад неслись черные тени, в свое убежище, в замок Терренон, где хозяин его Бендереск, видя их возвращение, то ли плакал, то ли смеялся. А Гед летел дальше и дальше на мощных своих крыльях, опьяненный

скоростью, летел, как не ведающая цели стрела, как вечная мысль, летел над морем Осскила к востоку, туда, где дуют зимние ветра, где господствует ночь.

Огион Молчаливый в ту осень особенно поздно вернулся в Ре Альби из своих странствий. Еще менее разговорчивым и более замкнутым стал он с возрастом. Новый правитель Гонта, живущий на побережье, так и не услышал от него ни слова, хотя сам поднимался в Ре Альби, надеясь получить у старого волшебника помощь и совет для одной из своих пиратских экспедиций на Андрадские острова. Огион, который не раз беседовал с пауками, покачивающимися в своей паутине, и вежливо раскланивался с деревьями, не удостоил Лорда своим вниманием, и тот удалился из Ре Альби несолоно хлебавши. Возможно, у Огиона было неспокойно на душе, ибо он все лето и осень провел в одиночестве высоко в горах и лишь теперь, незадолго до зимнего Солнцеворота вернулся к родному очагу.

Наутро после своего возвращения Огион встал поздно, ему захотелось чаю, и он отправился за водой к роднику, бившему чуть ниже по склону. Кромку озера, наполненного живой родниковой водой, сковал ледок, а сухие травы меж скал белыми узорами разрисовал иней. Было уже довольно позднее утро, однако солнце еще, по крайней мере с час, не должно было появляться из-за могучего плеча горы: весь Западный Гонт, от прибрежных пляжей до горной вершины, спал в тени; здесь царила тишина, и чистый воздух позванивал от морозца. Огион смотрел на лесистые склоны, на бухту внизу, на серую безбрежность моря; вдруг над ним забила крыльями крупная птица. Он прикрыл глаза рукой, глянул вверх, и тут сокол-сапсан упал с небес и преспокойно уселся к нему на запястье, подобно обученной ловчей птице. Сокол тут же нахохлился и затих, хотя на нем не было ни ремешка, ни какой-либо ленты на шее, ни колокольчика. Когти его крепко сжимали запястье Огиона; гладкие

крылья подрагивали; круглый, золотистый глаз смотрел равнодушно. Это был совершенно дикий сокол.

— Ты что же, сам посланник или чье-то послание принес? — ласково спросил у птицы Огион. — Ну ладно, пойдем...

Заслышав его голос, сокол встрепнулся и посмотрел на него. Огион на минуту остановился, помолчал и сказал:

— Когда-то, кажется, именно я дал тебе имя... — И быстро прошел к себе в дом, неся вновь застывшую в неподвижности птицу на запястье.

Дома он пересадил сокола на каминную полку и дал ему напиться. Но тот пить не пожелал. Тогда Огион начал творить заклятие, очень медленно, осторожно плетя магическую паутину больше руками, чем словами. Закончив заклятие и закрепив его, он мягко позвал:

— Гед...

На сидевшего на каминной полке сокола он при этом не смотрел, но специально выждал немного и лишь потом обернулся и пошел навстречу юноше, который с бессмысленным выражением лица стоял дрожа у камина, где пылал огонь.

Гед был в богатых чужеземных одеждах — меха, шелка, серебряное шитье, — только вот одежды эти висели клочьями и задубели от морской соли. Сам же юноша пребывал в каком-то мрачном отупении; волосы космами свисали прямо ему на лицо, покрытое страшными шрамами.

Огион снял с юноши нарядный, как у принца, плащ, отвел его в альков, где тот когда-то спал, будучи учеником в этом доме, и заставил лечь; потом прошептал сонное заклятие и вышел из дому, оставив его в покое. Он ни слова спрашивать не стал, сознавая, что сейчас Гед совершенно не понимает человеческой речи.

В детстве Огион, как и все мальчишки, считал, что нет ничего интересней игры в превращения, когда с помощью волшебства можно принять любое обличье — человека или зверя, дерева или облака — и притворяться кем угодно. Но, став настоящим волшебником, он познал цену такой игры, ибо в ней таится

опасность утратить собственное «я», заиграться и забыть, кто ты в действительности, променяв игру на реальность. И чем дольше человек остается в чужом обличье, тем сильнее эта опасность. Любому ученику Школы известна история волшебника Борджера с острова Уэя, который очень любил превращаться в медведя и превращался в него все чаще и чаще, пока медвежья сущность не подменила в нем человеческую и он не стал настоящим медведем, а став им, разорвал в лесу собственного маленького сына, и тогда на него была объявлена охота, окончившаяся гибелью Борджера. Никто даже не представляет, сколько из дельфинов, что резвятся в водах Внутреннего моря, некогда были людьми, и людьми мудрыми, но в какой-то момент забывшими и о мудрости, и о собственном имени, променяв их на веселые игры в морских волнах.

Гед принял обличье сокола в ярости и отчаянии. Покидая Осскил, он думал лишь о том, чтобы лететь быстрее слуг Камня, быстрее ужасной Тени, чтобы спастись, бежать с этого холодного гиблого острова, попасть домой. Жестокость и бесстрашие, свойственные соколам, были сродни его собственным и легко проникли ему в душу, а стремительность соколиного полета давала юноше ощущение радости и свободы. Так миновал он остров Энлад, опустившись на землю лишь для того, чтобы напиться из дикого лесного озера, гонимый страхом перед Тенью, что следовала за ним по пятам. Миновал и большой морской пролив под названием Челюсти Эллада, летел все дальше и дальше на юго-восток. Справа остались холмистые берега Оранеи, слева — горы острова Андрад, а впереди было одно лишь море; и наконец из волн морских встала неколебимо одна застывшая волна с белой шапкой, которая все росла и росла, постепенно приобретая знакомые очертания острова Гонт. В течение всего долгого полета, не прекращавшегося ни днем ни ночью, Гед не расставался с крыльями и оперением сокола, видел все его глазами и, отринув собственные мысли, воспринимал лишь то, что требуется со-

колу: необходимость утолить голод, направление ветра, конечную цель полета.

Цель была выбрана верно. Таких мест, где он снова мог бы превратиться в человека, на Роке было не-сколькo, но на Гонте — только одно.

Снова став собой, Гед был очень молчалив и казался диковатым. Огион по-прежнему ни слова у него не спрашивал, только дал ему мяса и воды, позволив сколько угодно сидеть у огня. Нахохлившись Гед мрачно сидел у камина, очень похожий на крупного, усталого и сердитого сокола. Наступила ночь, и он уснул. Пришел еще день, и наконец на третье утро он вошел в комнату, где сидел волшебник, приблизился к камину, в котором плясало пламя, и вымолвил:

— Учитель...

— Здравствуй, сынок, — откликнулся Огион.

— Я вернулся к тебе, Учитель, таким же, каким ушел отсюда. Глупцом. — Юноша говорил хриплым баском. Волшебник чуть улыбнулся и усадил Геду на-против, поближе к огню; потом начал готовить чай.

Падал снег, первый снег на Гонте в ту зиму. Окна в доме Огиона были плотно закрыты ставнями, но мокрый снег стучал по крыше, застилая все вокруг тяжелым, плотным, мягким, белым одеялом. Многие часы провели они у огня, и Гед рассказал своему старому Учителю обо всем, что произошло с тех пор, как он уплыл с Гонта на судне под названием «Тень». Огион не задал ни одного вопроса и, когда Гед кончил рассказывать, еще долгое время сидел молча, спокойно размышляя о чем-то. Потом поднялся, принес хлеб, сыр и вино, поставил на стол, и они вместе поужинали. Покончив с едой, они прибрали за собой, и Огион наконец заговорил:

— Да, шрамы у тебя страшные, парень.

— У меня больше нет сил бороться с этой тварью, — ответил Гед.

Огион только покачал головой. Потом продолжал:

— Странно... У тебя ведь хватило сил, чтобы победить колдуна в его собственном доме, там, на Осскиле. И у тебя хватило сил, чтобы не попасть в ловушку

Древних Сил и отбиться от слуг Камня. А на Пендоре у тебя хватило сил победить дракона...

— На Осскиле мне просто повезло, сила тут ни при чем, — ответил Гед и содрогнулся, вспомнив, как кошмарный сон, мертвящий холод замка Терренон. — Что же касается дракона, то я знал его подлинное имя. А у той твари, что охотится за мной, никакого имени нет.

— У всех вещей есть имена, — сказал Огион так уверенно, что Гед не решился повторить слова Верховного Мага Геншера о том, что силы тьмы, подобные этой, имен не имеют. Дракон на острове Пендор ведь тоже предлагал тогда назвать ему имя Тени, но Гед не слишком полагался на честность и искренность дракона, как не поверил и обещаниям Серрет насчет того, что Камень расскажет ему все, что он пожелает узнать.

— Если у этой Тени и есть имя, — сказал он наконец, — то, по-моему, она его мне не скажет...

— Нет, конечно, — сказал Огион. — Но ведь и ты не собирался говорить ей свое имя. Тем не менее оно стало ей известно. На вересковых пустошах Осскила она назвала тебя подлинным именем, которое дал тебе я. Это очень, очень странно...

Он снова впал в задумчивость. И в конце концов Гед не выдержал:

— Я пришел к тебе за советом, я не намерен прятаться здесь, Учитель. Не желаю я, чтобы эта тварь явилась и сюда, а она скоро это сделает, если я тут останусь. Однажды ты уже выгонял ее — из этой самой комнаты...

— Нет, то было всего лишь предвестие беды, тень Тени. Я не смог бы прогнать настоящую — теперь нет. Это сделать смог бы только ты сам.

— Но я перед ней бессилен. Неужели нет такого места... — и Гед умолк, так и не закончив своего вопроса.

— Такого места нет, — мягко сказал Огион. — Только больше не занимайся превращениями, Гед. Этой твари только того и нужно: разрушить твое «я». И ей, надо сказать, это почти удалось, когда ты слишком

долго пробыл в обличье сокола. Нет, я не знаю, куда следует тебе идти, но одна мысль относительно того, что тебе следует делать, у меня есть. Хоть и трудно сказать тебе такое.

Гед напряженно молчал, он жаждал услышать любую правду, и Огион наконец вымолвил:

— Ты должен идти в другую сторону.

— В другую?

— Если пойдешь в прежнем направлении, то так или иначе продолжишь свое бегство, и куда бы ты ни попал, везде встретишь опасности и зло, ибо это зло направляет тебя и само следует за тобой по пятам. Свой путь избирать должен ты сам. Ты сам должен начать поиски того, кто тебя ищет. Должен начать охоту на собственного преследователя.

Гед молчал, слушал.

— Когда-то на берегу реки Ар я дал тебе имя, — сказал старый волшебник, — на берегу той реки, что рождается высоко в горах и впадает в море. Человеку хотелось бы увидеть цель, к которой он движется, но увидеть ее он не может, пока не повернет назад, пока не вернется к своим истокам, не сохранит память о них в душе своей. Если он не хочет стать щепкой, бессильной в водах несущего ее ручья, то должен сам стать ручьем, стать сильнее влекущего его течения — и пройти путь от истоков до устья на берегу моря. Ты вернулся на Гонт, ты вернулся ко мне, Гед. Так заверши же круг, найди сокровенный источник и то, откуда он черпает свои силы. Там — твоя надежда и твое могущество.

— Там, Учитель? — в ужасе спросил Гед. — Но где? Огион не ответил.

— Если я поверну назад, — помолчав, сказал Гед, — если я, как ты говоришь, начну охоту на своего же преследователя, то охота эта, по-моему, будет недолгой. Ведь главное желание Тени — встретиться со мной лицом к лицу. И она дважды уже делала это и дважды одерживала надо мной верх.

— Третий раз — волшебный, — заметил Огион.

Гед медленно обвел глазами знакомую комнату.

— Но если она полностью подчинит меня себе, — сказал он, споря то ли с Огионом, то ли с самим собой, — то овладеет и моими знаниями, и моей силой. Она воспользуется ими. Пока что она угрожает мне одному, но тогда, моими руками, она станет вершить страшное зло.

— Это так. Но только если она победит тебя.

— ...А если я снова стану спастись бегством, она, конечно же, отыщет меня снова... К тому же силы мои истощены... — Гед задумался; потом вдруг резко повернулся и встал перед магом на колени. — Я встречался с великими волшебниками, я достаточно долго прожил на острове Мудрых, но только ты — мой настоящий Учитель, Огион. — В голосе его звучала любовь и какая-то мрачная радость.

— Хорошо, — сказал Огион, — что ты это понял. Лучше поздно, чем никогда. Но придет еще время, и ты сам станешь моим учителем... — Он встал, подкинул в камин дров и, когда пламя разгорелось, повесил над огнем чайник; потом накинул куртку из овчины и сказал: — Пойду посмотрю, как там мои козы. А ты пока последи за чайником, парень.

Он вернулся, весь занесенный снегом, и долго отряхивал свои меховые сапоги. С собой он принес длинную тисовую дубинку и всю вторую половину короткого зимнего дня и еще после ужина старательно строгал ее ножом, при свете лампы отделявал шлифовальным камнем, нашептывал какие-то заклятия и бесконечное число раз проводил рукой по гладкой деревяшке, нащупывая невидимые глазу орехи. За работой Огион несколько раз принимался что-то напевать. Гед, еще не совсем окрепший, начинал дремать под эти песни, и ему казалось, что он снова стал ребенком, снова живет в хижине тетки-ведьмы в Десяти Ольховинах, а ночь кругом снежная, в темноте виден лишь огонь в камине, воздух в теткинском доме пропитан запахами трав и дыма... Гед далеко-далеко уносился на крыльях сна под те протяжные волшебные песни, что пел Огион, а пел он о героях древности,

что боролись с темными силами и побеждали или погибали со славой в бою.

— Ну вот, — сказал наконец Огион и протянул Геду готовый посох. — Верховный Маг после окончания Школы дал тебе тисовый посох. Хороший выбор. Я с ним согласен. Сначала я хотел сделать из этой дубинки стрелу для большого лука, но так, пожалуй, будет лучше. Спокойной ночи, сынок.

У Геда не хватило слов, чтобы выразить Учителю свою благодарность. Он повернулся и пошел в свой альков. Огион, глядя ему вслед, сказал — но так тихо, что Гед услышать не мог:

— Удачного тебе полета, о юный мой сокол!

Наступил холодный рассвет. Огион проснулся и обнаружил, что Геда в доме уже нет. Он лишь оставил весточку, по волшебной традиции сделанную серебряными буквами на каминной доске. Буквы уже начинали тускнеть и расплываться; Огион едва успел прочесть: «Учитель, я вышел на охоту».

Глава 8

ОХОТА

Гед вышел из дому еще затемно и по дороге, ведущей из Ре Альби вниз, успел к полудню добраться до побережья. Огион заранее приготовил ему отличную гонтскую обувь, рубашку, кожаную куртку и запас белья вместо роскошных одежд Осскила, но на случай зимних холодов Гед все же прихватил с собой великолепный теплый плащ, отороченный мехом пеллави. В этом самом плаще, держа в руках лишь высокий посох темного дерева, подошел Гед к воротам города, и стражники, что стояли прислонясь к столбам в виде резных драконов, с первого взгляда признали в нем волшебника. Они склонили копья, пропустили его без единого вопроса и долго смотрели ему вслед, пока он шел по улицам к гавани.

На набережной и в доме Морской Гильдии он спрашивал насчет кораблей, что намерены плыть на север или на запад — к Энладу, Андраду, Оранее. Все отвечали, что ни одно судно не выйдет уже из гавани, поскольку близится зимний Солнцеворот, и что ры-

баки почти перестали плавать даже до Сторожевых Утесов — уж больно ненадежна погода осенью.

Геду предложили пообедать чем Бог послал — волшебнику редко приходится просить, чтобы его накормили. Он немного побыл в компании портовых грузчиков, корабелов и заклинателей ветра, наслаждаясь их скупой роняемыми словами, их медлительно-ворчливой гонтской манерой вести беседу. Ему очень хотелось остаться здесь, на Гонте, забыть о своей магической силе и приобретенных знаниях, забыть обо всех страхах и мирно жить, как все эти люди, на родной, дорогой, до боли знакомой земле. Но то были лишь мечты. Цель же у Геда была иная. Так что он недолго задержался в порту, узнав, что больше корабли в море не выйдут, и двинулся вдоль берега залива. Вскоре он добрался до одной из многочисленных маленьких деревушек, что разбросаны по всему северному побережью Гонта. Здесь он стал расспрашивать рыбаков, нет ли у кого продажной лодки. Лодка нашлась.

Ее хозяин был суровым старым рыбаком. Лодка — четыре метра в длину, обшитая внакрой, — была такой ветхой и так пропускала воду, что едва ли годилась для плавания по морю вообще, и все же хозяин запросил за нее высокую цену: заклятие от морской гибели на целый год для него самого и для его сына. Гонтские моряки не боятся ничего на свете, даже волшебников — только моря.

Такие заклятия, широко распространенные в северной части Архипелага, по правде говоря, еще ни разу не спасли никого ни от штормового ветра, ни от высокой волны; однако заклятие, сплетенное тем, кто хорошо знает местные воды и понимает в морском деле, все же дает кое-какую защиту. Гед, наводя чары, постарался честь по чести; он колдовал всю ночь и весь день, не упустив ни одной мелочи, и делал все уверенно и тщательно, хотя за это время не раз, томимый страхом, он мысленно улетал далеко в страну тьмы, надеясь там отыскать поджидающую его Тень и узнать, как, когда и где в следующий раз встретится с

ней. Когда морское заклинание было закреплено, Гед почувствовал, что совсем обессилел. Он переночевал в хижине рыбака, в гамаке, сплетенном из китовых кишок, и утром поднялся весь пропахший сушеной рыбой; чуть позже он направился вниз, в бухточку близ Северного Мыса, где причалена была его лодка.

Он столкнул ее на воду, и вода сразу стала заполнять дырявую посудину. Ступая мягко и легко, словно кот, Гед залез в лодку, выровнял погнутые доски, поменял сгнившие деревянные гвозди, помогая себе и плотничьим инструментом, и колдовством, как когда-то вместе с Печварри в Лоу-Торнинге. Деревенские жители собрались на берегу, но слишком близко не подходили; они молча смотрели, как ловко он работает, время от времени тихо произнося какие-то непонятные слова. Эту работу Гед тоже сделал хорошо; терпеливо подогнал каждую дощечку, и теперь лодка стала вполне прочной и надежной. Потом с помощью заклятия он укрепил посох, подаренный ему Огионом, в качестве мачты и приделал к нему крепкую деревянную поперечину в метр шириной. С поперечины спускался сотканный им из ветра и волшебных слов квадратный парус, белый, как снег на вершине горы Гонт. Наблюдавшие за волшебным ткачеством женщины с завистью вздохнули.

Стоя рядом с мачтой, Гед надул парус легким волшебным ветерком, лодка вышла из бухточки и взяла курс на Сторожевые Утесы. Когда молчаливо наблюдавшие рыбаки увидели, что давно прохуdivшаяся щлюпка быстро скользит по волнам под белым парусом, легкая и опрятная, как птица-перевозчик, то разразились радостными криками, смехом, и Гед, на мгновение оглянувшись назад, увидел, как они приветливо машут ему вслед, стоя на холодном ветру в тени Северного Мыса, над которым виднелись заснеженные поля на склонах Гонта, чья вершина скрывалась в облаках.

Меж Сторожевых Утесов он вышел прямо в Гонтийское море и взял курс на северо-запад, чтобы мимо северных берегов Ораней вернуться назад тем же

путем, каким прилетел сюда в обличье сокола. Иного плана у него пока не было. Пытаясь догнать сокола, мчавшегося без отдыха дни и ночи наперекор всем ветрам из Осскила, Тень вполне могла отстать и пока что скитаться в поисках его следа; впрочем, она могла и выйти прямо на него — тут ничего определенного сказать было нельзя.

Если только она навсегда не вернулась в царство смерти, то, разумеется, не упустит случая встретиться с Гедом, открыто идущим ей навстречу по волнам моря.

Он мечтал встретить ее в море, если этому все равно суждено случиться. Он и сам не понимал, почему так опасается встретить Тень снова на твердой земле. Глубины морские порождают порой бури и разных чудовищ, но силы зла рождаются не в морях: их порождает земля. И в том царстве Тьмы, куда однажды попал Гед, не было ни моря, ни быстрых рек, ни ручьев. Смерть предпочитает пустыню. И хоть море само по себе тоже было опасным в ту пору зимних штормов, но опасность эта и сам капризный нрав моря казались Геду даже какой-то защитой, предоставленной ему судьбой. В крайнем случае, если бы Тень встретила его здесь, над этими бурными водами, думал он, можно было бы, крепко обхватив ее и удерживая тяжестью собственного тела и грузом смерти, рухнуть прямо в море, утопить ее в темных морских глубинах и ни за что не размыкать смертельных своих объятий, чтобы эта тварь никогда не смогла подняться вновь из океанской бездны. И тогда хотя бы смерть его искупит наконец то зло, которое он выпустил в мир живых.

Гед плыл по волнам бурного холодного моря, а над ним плыли низкие тучи, похожие на серый огромный саван. Дул попутный северо-западный ветер, так что Геду нужно было лишь поддерживать созданный его волшебством парус, который сам поворачивался в нужную сторону, помогая могучему природному ветру нести суденышко все дальше и дальше. Без этого было бы трудновато держать утлую лодчонку прямо по курсу

при такой волне. Гед зорко глядел по сторонам, высматривая врага. Жена старого рыбака дала ему с собой две буханки хлеба и кувшин с водой, так что, поравнявшись с атоллом Кэмебер, единственным островком между Гонтом и Оранеей, он поел и напился воды, с благодарностью вспомнив молчаливую женщину с острова Гонт, что позаботилась о незнакомце. Все дальше и дальше уплывал он от этого крохотного островка, забирая все больше к западу и по той влаге, что висела в воздухе над морем, определяя, что над островами, вполне возможно, уже выпал снег. Кругом стояло безмолвие, разве что слегка поскрипывала лодка да слабо шлепали о борта волны. Ему не встретилось ни одного судна, ни одна птица не пролетела у него над головой. Все было недвижимо, лишь играли волны, да тучи неслись по небу, как и тогда, во время его соколиного полета, — на восток, только сам он теперь плыл на запад; тогда он тоже видел внизу лишь серое море, как теперь — серые тучи над собой.

Горизонт впереди был пуст. Гед, измученный тщетными попытками разглядеть хоть что-нибудь сквозь дождливую дымку, встал на ноги. Он сильно продрог.

— Ну давай же, — бормотал он, — нападай, чего же ты ждешь, проклятая тварь?

Ответа не было, и ничто темное не шевельнулось в туманном воздухе над мрачным морем. И все же Гед отчетливо сознавал, что Тень где-то совсем близко, что она, слепая, неуверенно ищет в холодных волнах его след. И, не выдержав, он закричал во весь голос:

— Я здесь! Я, Гед-Ястреб, вызываю тебя на поединок!

Скрипнула лодка, плеснула о борт волна, чуть зашипел ветер в белом парусе. Летели мгновения. Гед ждал, держась одной рукой за мачту из тисового посоха и вглядываясь в леденящую влажную пелену, медленно, неровными клоками плывущую к северу. Прошло еще несколько минут, и сквозь завесу моросящего дождя Гед увидел, что Тень приближается.

С телом осскилианского гребца Скиорха было покончено; Тень преследовала свою жертву по всем вол-

нам и морям уже не в обличье оборотня и не в виде немислимого зверя, что набросился на него тогда на вершине Холма Рок и позже являлся во снах. Теперь она как бы обрела некую материальную оболочку, видимую даже при свете дня. Неотступно преследуя Геда — и особенно во время поединка на вересковой пустоши, — она вытянула из него немало сил, всосала в себя его энергию, а то, что сейчас он сам призвал ее, назвавшись своим подлинным именем при свете дня, придало ей еще большее сходство с живым существом. Она теперь определенно напоминала человека, но, сама будучи тенью, тени не отбрасывала. Она появилась со стороны пролива Челюсти Энлада и двигалась к Гонту, едва различимая в дымке дождя уродливая тварь, сгибающаяся под напором ветра. Холодный дождь хлестал сквозь нее.

Поскольку Тень слепил свет, да и не она сама нашла Геда, а он вызвал ее на поединок, то юноша заметил ее раньше, чем она его. Оба узнали друг друга сразу; они узнали бы друг друга везде — в мире живых существ или в мире теней.

Окруженный страшной пустыней зимнего моря, Гед прямо перед собой видел ту тварь, что внушала ему такой ужас. Ветер, похоже, отнес Тень чуть в сторону от лодки, и высоко вздымавшиеся волны не давали юноше как следует разглядеть своего врага. Однако Тень по-прежнему приближалась, и было не ясно, сама ли она движется или ее несет к нему ветер. Наконец она заметила Геда. И хоть сердце его застыло при воспоминании о том ледящем прикосновении, о той черной боли, что некогда пыталась прервать в нем жизнь, он все же терпеливо ждал и не двигался. А потом вдруг призвал сильный волшебный ветер, парус надулся, и лодочка стрелой понеслась по серым волнам прямо навстречу чудовищу, несущему в себе смерть.

Тень заколебалась, как бы в порывах ветра, и в полном молчании повернулась и понеслась прочь.

Она мчалась прямо на север, и так же быстро преследовала ее лодка Года, а волны и ветер били ему в

лицо, и юноша, призвав на помощь всю свою магическую силу, понукал и понукал суденышко, как подгоняет гончих псов охотник, когда выходит на загнанного зверя. Такой мощный ветер надувал теперь его парус, что никакая обычная парусина не выдержала бы. Лодка неслась по волнам, словно клочок морской пены, нагоняя спасающуюся бегством Тень.

И тут Тень сделала странный полукруг, на мгновение исчезла из виду, потом появилась вновь, став более расплывчатой и неясной; теперь она гораздо меньше походила на человека — скорее на облако, клоч темного тумана, влекомый бешеным ветром прямо к острову Гонт.

Сказав волшебное слово, Гед круто развернул лодку, которая, как дельфин подпрыгнув в воде, понеслась вдогонку за Тенью, становившейся в дождливой пелене все менее различимой. Снежная крупка, смешанная с ледяным дождем, хлестала Геда по спине, по левой щеке; вперед видно было не дальше чем метров на сто. Шторм становился все сильнее, и вскоре Тень совсем пропала вдаль, но Гед был уверен, что по-прежнему идет по ее следу, словно это был след крупного зверя, отчетливо отпечатавшийся на снегу, а не бесплотного духа, летящего над водой. И хоть теперь ветер был уже попутный, Гед все же помогал лодке двигаться быстрее, так что пена клубами вылетала из-под носа его суденышка, которое на бешеной скорости взлетало на очередную волну, а потом с размаху шлепалось днищем о воду.

Безудержная роковая погоня продолжалась долго, и день начинал меркнуть. Гед понимал, что после нескольких часов бешеной гонки должен теперь находиться где-то южнее Гонта, ближе к острову Спиви или к Торхевену. Впрочем, вполне возможно, он уже проскочил мимо обоих островов прямо в Открытое море. Он не в силах был более точно определить свое местонахождение, да это, впрочем, было ему безразлично. Он был так занят охотой, шел по следу, и страх бежал впереди него, как гончий пес.

Вдруг совсем неподалеку он увидел Тень. Природный ветер стихал, яростный дождь со снегом уступал место влажному, клочковатому, густому туману. Сквозь этот туман Гед на мгновение и углядел Тень, летящую куда-то вправо от него. Он произнес заклятие, повернул румпель и бросился вдогонку, хотя плыть приходилось почти вслепую: туман быстро сгущался, кипя клубами там, где пласты его встречались с волшебным ветром, поднятым Гедом. Плотная серая пелена заполнила собой все пространство вокруг лодки, оказавшейся как бы в некоем бесформенном храме, под сводами которого умирали свет, видимость и звук. Однако Гед только еще начал произносить разгоняющее туман заклятие, как снова увидел Тень — по-прежнему справа от лодки и очень близко. Она двигалась совсем медленно; сквозь очертания ее головы, все еще напоминающие человеческую, проплывали клочья тумана. Гед еще раз повернул лодку, полагая, что теперь-то уж загонит выбившегося из сил врага на твердую землю, и в тот же миг Тень исчезла, а его лодка врезалась прямо в прибрежные скалы, скрытые густой пеленой. Гед едва не вылетел в море, но успел ухватиться за мачту-посох прежде, чем ударила очередная волна. Это была огромная волна; она подбросила лодчонку и швырнула ее о скалы так, как это делает человек, желающий разбить крепкую раковину.

Прочным и поистине волшебным был посох, сделанный Огионом. Он не только не сломался, но прекрасно поддерживал своего хозяина на воде. Не выпуская его из рук, Гед успел глубоко нырнуть под очередную нахлынувшую и очень высокую волну, вынырнул и оказался вне полосы прибоя. Ослепнув от соленой воды, задышавшись, он старался все же держаться на поверхности и что было сил сопротивлялся могучим толчкам моря. За скалами виднелась полоска песчаного пляжа — Гед заметил ее, в очередной раз взлетев на волне. Собрав все силы, с помощью волшебного посоха он устремился к спасительному берегу. Но приблизиться не мог: волны, разбиваясь о скалы, крутили его, точно щепку, и уносили назад

в море, а холод морских глубин быстро высасывал тепло из тела. Юноша все больше слабел и вскоре уже не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Он перестал видеть перед собой скалы и полоску песка на берегу и не сознавал более, куда несут его волны. Лишь рев их был слышен вокруг; волны ослепляли его, душили, пытались утопить...

Вдруг прямо перед ним из густого тумана как бы вспухла гигантская волна, подхватила его, перевернула и швырнула, словно обломок плавника, на песок, оставив наконец в покое это измученное тело.

Гед по-прежнему обеими руками сжимал тисовый посох. Волны поменьше тщетно пытались стащить юношу обратно в море, чтобы растерзать там; туман над ним то рассеивался, то снова густел; потом снова пошел снег с дождем.

Много времени прошло, пока Гед наконец смог пошевелиться. Потом поднялся на четвереньки и медленно пополз вверх по берегу, подальше от полосы прибоя. Его окружала непроницаемая ночная тьма, но он что-то шепнул своему посоху, и на конце его повис маленький волшебный огонек. Так он понемногу продвигался вперед, к дюнам, но был настолько избит и обессилен и так замерз, что ползти по мокрому песку под свист штормового ветра оказалось невероятно тяжело, тяжелее всего, что когда-либо приходилось ему делать в жизни. Один или два раза ему показалось, что шум моря и ветра стих, а песок под ним превратился в пепел, и он, как когда-то, вновь почувствовал немигающий взгляд чуждых этому миру звезд у себя на затылке, однако головы так и не поднял, упрямо продолжая ползти вперед. И через некоторое время услышал и собственное запаленное дыхание, и яростный вой ветра; почувствовал, как ледяные струи дождя хлещут ему в лицо.

В конце концов движение немного согрело его, а когда он заполз в дюны, где дождь и ветер свирепствовали меньше, то даже сумел подняться на ноги. Гед произнес заклинание, и светящийся шар на конце посоха стал больше и ярче, рассеивая черную, плот-

ную тьму, обступившую его со всех сторон. Опираясь на свой посох и без конца спотыкаясь, юноша двинулся в глубь острова. Вскоре, поднявшись на гребень очередной дюны, он снова услышал море, почти затихшее у него за спиной, и понял, что практически прошел островок насквозь. Точнее, это был обычный риф, крошечный клочок суши среди безбрежного океана.

Гед был слишком измучен, чтобы предаваться отчаянию, но все же некое подобие рыдания вырвалось у него из груди, и он застыл в неподвижности, опираясь на посох. Потом, понунив голову, побрел влево, чтобы ветер дул в спину, пытаясь отыскать во впадине меж дюн хоть какое-то убежище среди обледеневшей, полеглой морской травы. Когда он приподнял посох, чтобы получше оглядеться, то вдруг заметил какой-то слабый отблеск на самом краю освещенного круга: это блестела мокрая от дождя стена какой-то хижины.

Хижина была настолько маленькой и хлипкой, словно ее построил ребенок. Гед стукнул своим посохом в низенькую дверь. Но никто не открыл. Гед толкнул дверь и вошел внутрь, для чего ему пришлось согнуться почти пополам. Впрочем, в хижине выпрямиться в полный рост он тоже не смог. В очаге краснели угли, и в этом неясном свете Гед разглядел человека с седыми длинными волосами, скорчившегося от ужаса у противоположной стены, и еще кого-то — не ясно, женщину или мужчину, — выглядывавшего из-под кучи тряпья и шкур на полу.

— Я не причиню вам зла, — прошептал Гед.

Они не ответили. Гед переводил взгляд с одного лица на другое. Глаза хозяев хижины стали бессмысленными от ужаса. Когда юноша наконец положил свой посох, тот, что лежал под грудой тряпья, захныкал и совсем спрятался. Гед снял плащ, тяжеленный, насквозь пропитанный водой и покрытый ледяной коркой, разделся догола и осторожно придвинулся к очагу.

— Дайте чем-нибудь накрыться, — попросил он.

Он сильно охрип и говорил с трудом; от холода у него стучали зубы и дрожь сотрясала все тело. Если старики и поняли его, то ни один все равно не ответил. Гед протянул руку и взял с убогой лежанки какие-то лохмотья — когда-то это скорее всего было козьей шкурой, но теперь под толстым слоем жира разобрать было невозможно. Тот, что прятался под кучей тряпья, даже застонал от страха, но Гед уже не обращал на это внимания. Он насухо вытерся и просипел:

— Дрова-то у вас есть? Разожги-ка огонь пожарче, старик. Я ведь случайно попал к вам и ничего дурного не замышляю.

Старик не пошевелился и смотрел на него как в столбняке.

— Ты не понимаешь меня? Разве ты не знаешь ардического? — Гед подумал и снова спросил: — Может, ты говоришь по-каргадски?

Старик с готовностью кивнул — как старая печальная марионетка, которую дернули за веревочку. Но это был единственный вопрос, который Гед мог задать по-каргадски, так что беседа их на том и закончилась. Юноша сам нашел сложенное у стены топливо, сам разжег огонь, потом жестами попросил напиться: он наглотался морской воды и испытывал страшную жажду. Старик с поклоном указал на огромную раковину, полную пресной воды, и подтолкнул к очагу еще одну раковину с ломтиками вяленой рыбы. Гед, скрестив ноги, уселся у огня, немного поел и напился воды. По мере того как силы и разум начали возвращаться к нему, он попробовал понять, куда попал. Даже с помощью волшебного ветра он не смог бы доплыть до островов Каргада. Этот островок явно находился в Открытом море, восточнее Гонта, но западнее Карего-Ат. Казалось невероятным, чтобы на столь крошечном и пустынном клочке земли, по сути дела отмели вокруг рифа, могли жить люди. Может, это изгнанники? Или потерпевшие кораблекрушение? Но он был слишком измучен, чтобы ломать над этим голову.

Гед все время переворачивал плащ, сушившийся у огня. Сначала и очень быстро высох серебристый мех пеллави, которым плащ был подбит, и как только сама шерстяная материя немного подсохла и отогрелась, Гед завернулся в плащ и растянулся прямо на полу у очага.

— Ступайте спать, бедолаги, — сказал он своим молчаливым хозяевам, уронил голову на песчаный пол хижины и тут же заснул.

Трое суток провел Гед на безымянном островке. Проснувшись на первое утро, он почувствовал, как невыносимо болит каждая мышца; его сотрясал озноб и одолевала слабость. Он валялся, как жалкий обломок плавника, в хижине у очага весь первый день и всю последующую ночь. Утром он все еще ощущал боль в одеревеневших мускулах, однако чувствовал себя почти здоровым. Он натянул высохшую и хрустящую от морской соли одежду — стирать ее было не в чем, пресной воды здесь явно не хватало — и вышел из хижины под серое небо, на продуваемый всеми ветрами берег, чтобы понять, куда обманом завлекла его проклятая Тень.

Это была скалистая отмель тысячи полторы шагов в ширину и чуть больше в длину, со всех сторон окруженная мелководьем и рифами. Здесь не росло ни единого деревца или куста, ни единой травинки, только склонялись под ветром морские водоросли. Старик со старухой жили здесь в полном одиночестве среди водной пустыни. Хижина их стояла в распадке меж дюн. Она была построена, точнее сложена, из плавника — принесенных морем кусков дерева и веток. Воду брали в маленьком примитивном колодце возле хижины; на вкус вода была солоноватой. Питались старики моллюсками и рыбой, свежей и вяленой, а также собранными у скал водорослями. В хижине имелся небольшой запас костяных иголок и рыболовных крючков, сухожилий для рыболовных снастей и топлива. Рванные шкуры оказались вовсе не козьими, как Гед решил вначале; они принадлежали пятнистым котикам. Как раз на таких островках котики и устраивают свои

лежбища и выводят детенышей. Пожалуй, кроме котиков, в эти дикие края не заплывает никто. И старики боялись Геда вовсе не потому, что приняли его за духа, и не потому, что он был волшебником, но всего лишь потому, что он оказался обычным человеком. Они давно забыли, что в мире есть другие люди кроме них двоих.

Тупой ужас, завладевший старым мужчиной в первые же мгновения, ни на минуту не отпускал его. Если ему казалось, что Гед подошел слишком близко и может до него дотронуться, он тут же пытался, прихрамывая, убежать и мрачно поглядывал из-под копны спутанных грязных седых волос. Старуха сначала, стоило Геду чуть шевельнуться, со стонами скрывалась под грудой рванья; однако, лежа в полузабытии на полу у очага, он видел, как она подползала к нему поближе, всматривалась в его лицо странным, туповатым, каким-то ищущим взглядом, а через некоторое время даже принесла ему напиток. Когда же он приподнялся, чтобы принять у нее раковину, она в ужасе выронила ее и разлила всю воду. Тогда она заплакала, вытирая глаза прядями серо-седых волос.

Сейчас старушка внимательно наблюдала, как он пытается из плавника и остатков своей лодки, выброшенных на берег, создать нечто, способное плавать по морю, работая грубым каменным веслом, позаимствованным у старика, и помогая себе заклятиями. Это была не починка старой лодки и не постройка новой — здесь не хватило бы дерева ни на то, ни на другое, — так что колдовство оказалось совершенно необходимым. И все же старуха наблюдала не столько за тем, что и как он делает, сколько за ним самим; боязливое выражение не сходило с ее лица. Впрочем, через некоторое время она все-таки потихоньку приблизилась — принесла подарок: горсть мидий, которые собрала на скалах. Гед тут же при ней съел их сырыми и мокрыми от морской воды. Он горячо поблагодарил ее, после чего старушка, казалось, набралась смелости, пошла в хижину и вернулась снова, неся в руках какой-то узелок из обрывка шкуры. Застенчиво за-

глядывая Геду в лицо, она развернула узелок и показала ему то, что там хранилось.

Это было маленькое детское платьице, вышитое шелком и жемчугом, все в пятнах соли, пожелтевшее от старости. На крошечном лифе жемчужинами был вышит знакомый Геду знак: двойная стрела Богов-Близнецов Империи Каргад; над этим символом красовалась королевская корона.

Старуха, морщинистая, грязная, в уродливой одежде из котиковых шкур, показала пальцем сначала на шелковое платьице, потом на себя и улыбнулась — нежной, бесхитростной улыбкой маленькой девочки. Из крохотного потайного кармашка на юбочке она достала и протянула Геду небольшой кусочек темного металла — то ли часть какого-то сломанного браслета, то ли половинку кольца. Гед смотрел на загадочный обломок, лежавший у нее на ладони, но она знаками показала, чтобы юноша взял его, и не отставала до тех пор, пока он не принял подарка; тогда она удовлетворенно кивнула, улыбнулась, словно удалась какая-то давняя ее затея, и снова бережно завернула платьице в грязную шкуру. Потом поплелась обратно в хижину, чтобы спрятать там свою единственную драгоценность.

Гед столь же бережно спрятал половинку сломанного кольца или браслета в карман, ибо сердце его было полно сострадания. Теперь он догадывался, что эти двое — скорее всего дети одного из лордов Каргада, которых тиран-император, опасаясь проливать невинную кровь, сослал на этот необитаемый остров, не заботясь о том, выживут ли здесь дети или умрут вдали от родины и в полном одиночестве. Один из них был тогда, наверно, мальчиком лет восьми от роду, а другая — пухленькой малышкой, принцессой в шелковом платьице, расшитом жемчугом; дети не погибли и с тех пор жили здесь совсем одни — сорок, пятьдесят, шестьдесят лет на скалистом острове в океане — принц и принцесса Страны Одиночества.

Конечно же, он не знал, справедлива ли его догадка, и не узнал об этом до тех пор, пока, много лет

спустя, поиски Кольца Эррет-Акбе не привели его в Империю Каргад, в священные Гробницы Атуана.

Его третья ночь на островке закончилась светлым и спокойным рассветом. Это был день зимнего солнцестояния, самый короткий день в году. Маленькая лодочка, созданная из обломков умелыми руками и волшебством, была готова. Гед попытался сказать старикам, что может отвезти их на любой из ближайших островов — на Гонт, на Спиви или на Ториклы; даже готов был оставить их где-нибудь на пустынном берегу Карего-Ат, если бы они того пожелали, хоть море у берегов Каргада всегда было опасным для жителей Архипелага. Но они ни за что не хотели покидать свой пустынный бесплодный островок. Старушка, похоже, просто не понимала, что Гед хотел выразить с помощью жестов и тихого голоса; старик все понял — и решительно отказался: его воспоминания об иных странах и людях были связаны лишь с кровавыми кошмарами, жуткими криками и воинами-гигантами. Гед прочитал все это по его лицу, когда старик несколько раз отрицательно покачал головой в ответ на все предложения юноши.

Итак, утром третьего дня Гед наполнил бурдюк из котиковой шкуры пресной водой и, поскольку не мог иначе отблагодарить стариков за кров и пищу, особенно старую женщину, которой ему очень хотелось что-нибудь подарить в ответ, сделал для них то, что мог: наложил заклятие на солоноватый ненадежный родничок. И вода струей забила из этого источника, поднявшись сквозь камни и песок, и была она вкусна и прозрачна, словно в горном ручье. Маленький колодец стариков стал неиссякаемым. Именно поэтому крошечный островок этот — всего-то песчаные дюны и острые скалы — нанесен теперь на все карты и даже получил название; моряки называют его островом Родниковой Воды. Но нет больше и следа жалкой хижин, а зимние шторма за многие годы уничтожили все, что оставалось на острове от тех двоих, что провели там жизнь и умерли в одиночестве.

Старики спрятались в хижине и больше не выходили — словно боялись увидеть, как Гед уплывает на своей лодке в безбрежные воды. Природный ветер с севера наполнил волшебный парус, и суденышко быстро помчалось по морю к югу.

Теперь эта погоня уже представлялась Геду довольно сомнительным предприятием: он хорошо понимал, что охотится за неведомой дичью, к тому же находящейся неизвестно где. Теперь он вынужден был полагаться лишь на собственные догадки и предчувствия, да еще — на везение, то есть охотиться так, как раньше Тень охотилась на него самого. И охотник, и дичь сбивали друг друга с толку. Гед терялся от собственной неспособности увидеть Тень при свете дня и ощутить своего врага во плоти; Тень же при свете была слепа и не способна бороться с материальным противником. Одно лишь теперь стало ясно Геду: он перестал быть жертвой и стал охотником. Хотя бы потому, что Тень, обманом заманив его на скалы, вполне могла бы разделаться с ним, когда он лежал полумертвый на берегу или полз в темноте через дюны; однако она не воспользовалась своей властью. Обманув его, она сразу же бежала и не осмеливалась теперь встретиться с ним лицом к лицу. Все это подтверждало правоту Огиона: эта тварь никогда не сможет воспользоваться силой Геда, если он сам станет преследовать ее. Значит, он должен продолжать охоту, гнаться за своим врагом, хоть след его почти утрачен и ничто не может указать ему путь в безбрежности океана, разве что поможет попутный ветер да неясная догадка или предчувствие подскажут, куда — на юг или на восток — должен он теперь плыть.

В преддверии ночи Гед заметил вдаль, чуть левее курса, длинную, едва видимую полосу земли — берег какого-то большого острова, должно быть Карего-Ат. Сейчас он как раз находился в наиболее оживленном сплетении морских путей каргов, этих белокожих варваров. Гед внимательно и неустанно оглядывал морские просторы, чтобы вовремя заметить любое крупное судно и уйти в сторону. А в воспоминаниях его

вновь и вновь всплывал тот подсвеченный красным туман — утро из его детства в деревне Десять Ольховин, вновь перед ним мелькали воины с перьями на шлемах, горящий дом, запах дыма... Вспоминая это, он вдруг спокойно осознал, что на этот раз Тень ускользнула от него при помощи его же собственной уловки — загнав его в туман, который будто вытащила из прошлой жизни своего врага, а потом, лишив видимости, бросила лодку на смертельно опасные скалы.

Гед по-прежнему плыл на юго-восток, и остров скрылся с глаз еще до наступления полной темноты. Но теперь ночь овладела этой половиной мира. Провалы между волнами казались заполненными жидкой чернотой, хотя на гребешках их еще играл красноватый отблеск заката. Гед громко спел «Зимнюю песню» и другие песни из «Сказания о подвигах Молодого Короля», какие припомнил. Ведь эти песни поют на празднествах в честь Солнцеворота. Голос его звучал ровно, однако безбрежная немота моря глушила его чистый звук. Быстро спускалась ночь, появились яркие зимние звезды.

В течение всей этой самой долгой в году ночи он не спал: смотрел, как плывут у него над головой звезды — прямо в промежуток между согнутой левой рукой и рулевым веслом — и тонут в далеких темных водах справа по борту, а непрерывно дувшие зимние ветры несли и несли его на юг по волнам невидимого во тьме океана. Он засыпал разве что урывками и сразу же просыпался, словно от толчка: ведь лодка, на которой он плыл, по-настоящему лодкой вовсе и не была и больше чем наполовину состояла из заклятий и колдовства, соединявших разрозненные доски и куски плавника, которые — если б только он позволил заклятию Воплощения чуть-чуть ослабнуть — тут же распались бы и поплыли в разные стороны. Да и парус, сотканный из магических нитей и воздуха, недолго продержался бы на таком ветру, если бы Гед заснул. Он просто исчез бы, словно вздох. Гед применил могущественные заклинания, но если цель не слишком

значительна, то и сила этих заклятий недолговечна, а потому время от времени их следует укреплять, так что спать было никак нельзя. Конечно, он мог бы преодолеть этот путь куда легче и быстрее в обличье сокола или дельфина, но Огион не зря советовал избегать превращений. Гед знал цену советам Огиона, а потому и плыл к югу на утлой лодчонке под движущимися на запад звездами. Но вот долгая ночь подошла к концу, и первый день нового года засиял над морем.

Вскоре после восхода солнца Гед увидел впереди землю, но лодка едва двигалась: был почти полный штиль. Гед наполнил парус несильным волшебным ветерком и направил лодку к берегу. И тут страх вновь завладел его сердцем, тот самый леденящий душу страх, что заставил его когда-то свернуть с избранного пути, бежать, спастись. Но теперь этот страх вел его, словно запах — охотничьего пса, словно хорошо заметный след когтистых лап огромного зверя, который в любую минуту может напасть на тебя из зарослей. Гед ясно чувствовал: враг близко.

Станный это оказался остров, и непонятным были его постепенно вырисовывающиеся очертания. То, что издали казалось сплошной отвесной каменной стеной, распалось на несколько скал или, точнее, скалистых островков, между которыми в узких проливах, словно в туннелях, стремительно неслась вода. Гед изучил немало лоций и карт в Одинокой Башне у Мастера Ономатета, но они в основном имели отношение к островам Архипелага и внутренних морей. А он теперь вышел в Открытое море, в его восточную часть, и остров этот был ему совершенно неизвестен. Впрочем, о географии он думал недолго. Мысли его почти полностью занимала предстоящая встреча с тем ужасом, что таится среди этих покрытых лесом утесов, коварно поджидая его. Но Гед жаждал этой встречи.

Увенчанные мрачными деревьями утесы нависали прямо над его лодкой, похожие на высокие темные неприветливые башни. Сильный прибой у скал с ног до головы заплывал его пеной и брызгами; между тем парус, надутый волшебным ветром, увлекал лодку

куда-то в узкий, шириной не больше двух галер, пролив, ведущий в глубь острова. Море в этом коридоре беспокойно металось и билось о крутые скалы, почти отвесно уходившие в темную глубокую воду, на поверхности которой отражался холодный свет горных вершин. Здесь было безветрие; царила полная тишина.

Тень обманом заманила его на вересковые пустоши Оскила, обманом выбросила на скалы в тумане; может, это очередная ее уловка? Он ли загнал сюда эту тварь, или это она завлекла его в ловушку? Гед пока не понял. Он знал, что бесконечно измучен страхом, а потому должен непременно идти вперед, сделать наконец то, на что решился: довести охоту до конца, прогнать этот ужас к его истокам. Он осторожно плыл на веслах, внимательно обводя глазами каждый выступ на скалистых утесах, поднимавшихся по обе стороны. Солнечный свет остался далеко позади, в море. Здесь, в узком проливе было почти темно. Отсюда выход на простор океана казался далекими светящимися воротами. Все выше и выше, почти смыкаясь над головой, поднимались утесы; он приближался к основанию горы, породившей эти скалы. Пролив становился все уже. Гед с трудом продвигался по темному коридору, каменные стены которого были изрыты пещерами. Путь ему преграждали огромные валуны, на которых скрючились карликовые деревья; корни их наполовину висели в воздухе. Все казалось мертвым, недвижимым. Близился конец пролива — у высокой гладкой массивной скалы, где последние морские волны слабо плескались в узеньком, шириной с небольшой ручей, пространстве. Валуны, подгнившие стволы упавших деревьев, длинные корни подмытых растений оставляли совсем мало места для лодки. Ловушка. Темная ловушка в самом чреве безмолвной горы. А в ловушке он, Гед. Вокруг — ни впереди, ни позади — не двигалось ничто. Все замерло, оцепенело. Дальше пути не было.

Гед развернул лодку, осторожно подталкивая ее волшебными словами и веслом, чтобы не удариться о бесконечные валуны и не запутаться в заполнивших

все корнях и ветвях деревьев. Он уже готов был призвать волшебный ветер, чтобы вернуться назад, в море, как вдруг слова заклятия замерли у него на устах, а сердце в груди похолодело. Гед оглянулся: прямо у него за спиной в лодке стояла Тень.

Если бы он хоть мгновение промедлил, то неминуемо пропал бы; но он был наготове и успел крепко схватить тварь, дрожавшую и извивавшуюся в его руках. Никакое волшебство теперь помочь ему не могло, лишь сила собственных рук да жажда жизни, восставшая против этой нежити. В атаку он бросился молча; от его резкого броска лодка качнулась и хлебнула воды. Нестерпимая боль хлынула по рукам прямо в грудь, в сердце, у него перехватило дыхание, ледящий холод заполнил душу, и ему показалось, что он ослеп, ибо в руках своих не видел ничего — только тьму, пустоту.

Гед, спотыкаясь, шагнул вперед и, чтобы не упасть, ухватился за мачту; внезапно глаза его вновь прозрели. Он увидел, как вырвавшаяся из его рук Тень, содрогаясь, собралась в комок и поднялась в воздух. Она распростерлась у него над головой, словно черный дым на ветру, потом свернулась в кольцо и унеслась прочь бесформенной дымкой, летя низко над водой прямо к ярко освещенному выходу из пролива в море.

Гед рухнул на колени. Маленькая, волшебством его созданная лодка сильно качнулась и с трудом сохранила равновесие на беспокойной воде. Ее хозяин свернулся на дне клубком, странно оцепенев и не в силах думать ни о чем, пытаясь лишь набрать в грудь побольше воздуха; но тут холодная вода, начавшая протекать в лодку прямо под Гедом, напомнила, что за волшебным суденышком надо следить. Юноша встал, по-прежнему держась за мачту-посох, и как можно тщательнее сотворил заклятие Воплощения снова. Он продрог до костей, был измотан до предела, руки и плечи его, покрытые ранами, болели. Ему даже показалось, что лучше, может быть, просто остаться здесь, в темноте, где море проникает в чрево горы,

заснуть и долго-долго спать, покачиваясь на слабых волнах.

Он не знал, возникло ли это желание вследствие чар, навешанных Тенью перед бегством, или из-за ее ледяного смертельного прикосновения, или просто из-за того, что он давно уже не ел и не спал, израсходовав последние силы. И Гед решил в любом случае не сдаваться; он поднял волшебный ветер и двинулся по проливу туда, куда умчалась черная Тень.

Ужас исчез. Но не было и радости. Погоня кончилась. Он больше не был ни жертвой, ни охотником. В третий раз он встретился с Тенью лицом к лицу после того, как по собственной воле искал ее. Он схватил ее руками, но не удержал; хотя теперь между ними создалась необычайно прочная связь, кольцо без единой трещины. Больше не требовалось преследовать Тень, вынюхивать ее след, несмотря на стремительное бегство. Теперь их встреча неизбежна, предопределена, и произойдет она в назначенном судьбой месте; это будет их последнее свидание.

Однако до той поры не будет Геду ни сна, ни покоя; ни днем, ни ночью; ни на земле, ни на море. Теперь он знал, и невероятно тяжела была эта истина: вовсе не требовалось исправлять некогда им совершенное — требовалось лишь завершить начатое.

Гед прошел меж темными утесами, и перед ним раскинулся морской простор. На небе разливалась заря, свежий ветер дул с севера.

Он напился солоноватой воды, остававшейся еще в бурдюке из котиковой шкуры, и поплыл вдоль берега острова на запад, пока не добрался до широкого пролива. Невдалеке был виден другой остров. Теперь он узнал это место, призвав на помощь все свои знания восточной части Открытого моря. Это были острова под названием Руки — Западная и Восточная, — вытянувшие свои узловатые скалистые «пальцы» на север, словно пытаясь дотянуться до островов Каргада. Гед поплыл дальше между островами, а когда к полудню небо заволокло штормовыми тучами, высадился на берег; это была южная оконечность западно-

го из островов. Он издали заметил небольшую деревушку, чуть выше берега моря, откуда сбегал быстрый ручей. Геду было все равно, как его примут здесь, лишь бы удалось раздобыть воды, согреться у огня и поспать.

Жители деревни оказались грубоватыми застенчивыми людьми; они побаивались уже одного только волшебного посоха Геда и его необычного лица с темной кожей, однако встретили его приветливо, ибо он приплыл в одиночку через бурное зимнее море. Они дали ему не только достаточно пищи и воды, но и благодать живого огня, покой человеческих голосов, говорящих на знакомом языке, и, что самое главное, они дали ему много горячей воды, чтобы смыть с тела ввевшуюся морскую соль и согреться, а еще — постель, где он мог наконец выспаться всласть.

Глава 9

ОСТРОВ ИФФИШ

Три дня Гед провел в деревушке на острове Западная Рука. Он отдыхал и строил лодку — уже не из заклятий и кусков плавника, а из хорошего дерева. Лодка была крепко сшита, проконопачена, просмолена, с крепкой мачтой и настоящим парусом, которым легко было управлять, а при попутном ветре под ним можно было и поспать. Как и большинство лодок на Архипелаге и в Северном Пределе, лодка Гед была обшита внакрой, когда доски накладываются одна на другую и для пущей прочности еще и прибиваются. Вся она была сделана основательно и добротно и готова к плаванию в Открытом море. Гед с помощью особых заклятий еще усилил ее надежность, ибо путь ему предстоял неблизкий. Лодка легко несла вес троих мужчин, и старик, прежний ее владелец, сказал, что он с братьями не раз выходил на ней раньше в море даже при плохой погоде.

В отличие от скуповатых и строптивых рыбаков с Гонга, старик этот из боязни и преклонения перед

настоящим волшебством отдал бы лодку и за так, но Гед хорошо расплатился с ним: волшебным способом избавил его от катаракты, из-за которой старик почти ослеп. Излечившись, обрадованный донельзя старый рыбак сказал Геду:

— Мы-то называли лодку «Зуек-перевозчик», но ты назови ее «Зоркая» да нарисуй у нее на носу глаза: это мои благодарные глаза будут смотреть вперед из слепого дерева и хранить тебя от скал и рифов. Я ведь почти забыл, как много еще света в нашем мире, а ты вернул мне этот свет.

Гед, живя в деревне, занимался и другими делами; к нему постепенно возвращались силы. Здесь, на крутых, поросших лесом берегах острова Западная Рука жили такие же простые люди, как те, кого он знал мальчишкой в родной деревне, только, пожалуй, чуть победнее. Здесь он чувствовал себя как дома, как никогда не чувствовал себя в богатых домах; он без подсказки и лишних вопросов понимал неизбывную горькую нужду этих людей. А потому наложил заклятие на их детей, особенно на тех, что были больными или хроменькими; отныне все дети должны были оставаться здоровыми. Наложил он заклятие и на тощих деревенских овец и коз — пусть набирают вес и размножаются. Древнюю руну Симн он использовал для наложения чар на веретена и ткацкие станки, на лодочные весла и инструмент из бронзы и камня, на все, что приносили ему люди: пусть спорится у них работа. А руну Пирр Гед начертал на крышах деревенских домов, чтобы защитить их обитателей от пожаров, ураганов и безумия.

«Зоркая» его была готова, и достаточно уже было запасено воды и вяленой рыбы, но Гед все-таки задержался еще на день в полюбившейся ему деревне, чтобы выучить с молодым регентом песнь о подвиге Морреда, а также песнь о хавнорской битве. Крайне редко суда с Архипелага бросали якорь у этих берегов, так что песни, сложенные века назад, были для здешних жителей почти новинкой. Им страшно хотелось узнать, что же случилось с героями этих песен потом.

Если бы Гед не спешил, если бы необходимость завершить начатое не гнала его дальше, он с радостью остался бы еще на неделю или на месяц и спел им все известные ему героические песни, чтобы о знаменитых подвигах древних узнали еще на одном острове Земноморья. Но задерживаться Гед не мог.

С зарей поднял он свой парус и поплыл прямо на юг по морям Дальних Пределов — именно в этом направлении скрылась тогда Тень. Геду не требовалось ни колдовства, ни заклятий, чтобы выяснить, где она: он это просто знал, знал совершенно точно, как если бы тонкая неразрывная нить связывала его с Тенью, сколько бы ни было между ними морей и островов. Так что плыл он наверняка, не спеша и ни на что не надеясь, по тому единственному пути, какому должен был следовать, а зимний ветер гнал и гнал его на юг.

Сутки плыл он по пустынным водам и утром второго дня причалил к берегу небольшого островка, который, как ему сказали, назывался Вемиш. Люди в крошечной гавани поглядывали на Геду подозрительно, и вскоре не замедлил явиться местный колдун. Он пронзил Геду взором, поклонился и сказал, напыщенно и льстиво:

— О великий маг! Прости мое безрассудство и сообрази принять от нас в дар все, что тебе потребуется для твоего дальнейшего путешествия, — пишу, воду, парусину, веревки. Вот сейчас, например, к твоей лодке спешит моя дочь — несет только что зажаренных кур; я надеюсь, что она поступает благоразумно, не правда ли? Конечно же, ты продолжишь свой путь, когда сочтешь нужным, вот только люди у нас малость напуганы. Дело в том, что не далее чем позавчера был замечен странный человек, что шел пешком через наш островок с севера на юг; ни на берегу, ни на море не оставил он никакой лодки, чтобы потом продолжить свой путь, и, что самое странное, он не отбрасывал тени. Те, кто видел его, говорят, что он был в точности похож на тебя.

Услышав это, Гед лишь коротко кивнул, вернулся к причалу и быстро поплыл прочь от Вемиша, не

оглядываясь назад. Ему не принесло бы пользы то, что жители города смертельно перепугались бы, а их колдун превратился бы в его врага. Лучше еще одну ночь провести в море, а заодно и обдумать хорошенько то, что сообщил ему колдун. Душа Геда сжалась от страшного предчувствия.

День отошел, постепенно стемнев; наступила ночь и принесла с собой холодный дождь, шепот которого не умолкал над морскими просторами до серого рассвета. Дождь продолжался до полудня, а северный ветер все гнал и гнал «Зоркую» вперед; потом туман рассеялся, и порою даже начало проглядывать солнце, а ближе к вечеру Гед увидел прямо по курсу голубые холмы крупного острова, освещенные бледным зимним солнцем, готовым скрыться за горизонтом. Дым от каминных труб синим облаком висел над светло-серыми крышами домов в небольших опрятных селениях, расположившихся по склонам гор, — удивительно приятное зрелище после бесконечного однообразия моря.

Гед следом за рыбацкими судами вошел в гавань, причалил в порту и поднялся по крутой улице города, залитого золотым светом зимнего вечера. Вскоре он обнаружил харчевню под названием «Харрекки», где огонь камина, эль и жареные бараньи ребрышки согрели его тело и душу. В обеденном зале за столом сидели еще двое путешественников, торговцы с островов Восточного Предела, но в основном посетителями здесь были местные жители, собравшиеся, чтобы выпить доброго пивка, обменяться новостями и просто поболтать. Это были уже не грубовато-застенчивые рыбаки с острова Западная Рука, а настоящие горожане, веселые и общительные. Конечно же, они сразу признали в Гедe волшебника, но об этом не было сказано ни слова, разве что хозяин харчевни мимоходом, а он явно любил поговорить, заметил, что их город, Исмей, к счастью, имеет — вкладчину с остальными городами острова — неоценимое сокровище: самого настоящего волшебника, получившего образование не где-нибудь, а в Школе на острове Рок, а

волшебный посох ему вручил сам Верховный Маг Земноморья. Волшебника этого хоть в данный момент в городе и нет, но проживает он здесь, в родительском доме, а потому их городу никакого другого волшебника вроде бы больше и не требуется.

— Говорят ведь: «Два волшебных посоха в одном городе — жди несчастья!» не правда ли, господин мой? — сказал хозяин, добродушно улыбаясь.

Этим нехитрым намеком он давал Геду понять, что должности городского волшебника здесь ему не видать, да и вообще — вряд ли он будет особо желанным гостем в Исмее. Получалось, что его сперва весьма недвусмысленно попросили убраться с Вемиша; теперь, почти по той же причине, только в более мягкой форме, его просили покинуть Исмей. Оставалось удивиться: он так много слышал о небывалом гостеприимстве жителей Восточного Предела. К тому же это был тот самый остров Иффиш, где родился его друг Ветч. Но остров этот встречал Гада вовсе не так тепло, как можно было судить по давним рассказам Ветча.

И все же было заметно, что лица у жителей Иффиша действительно очень добрые. Одна лишь мысль не давала Геду покоя: он не такой, как все, ему нужно держаться подальше от людей, на нем — страшное проклятие, его преследует черная Тень. Он ощущал себя ледяным ветром, случайно залетевшим в согретую очагом уютную комнату, черной невиданной птицей, занесенной злым штормом из дальних стран. И чем скорее он уберется отсюда вместе со своей злой судьбой, тем будет лучше этим добрым людям.

— Я спешу на поиски, — ответил он хозяину харчевни, — и пробуду здесь всего ночь или две.

Голос его звучал холодно. Хозяин взглянул на тисовый посох в углу и решил пока промолчать, зато наполнил кружку Гада темным пивом так щедро, что пена пошла через край.

Гед понимал, что ему следует провести в Исмее лишь одну ночь. Здесь ему тоже не были рады. Он должен следовать зову своей судьбы. Однако он смертельно устал от холодного пустынного моря и безмол-

вия, а потому решил, что проведет в Исмее еще сутки, а утром следующего дня уедет. Он спал очень долго, а когда проснулся, то увидел, что за окном падает легкий снежок. Потом он без цели слонялся по улицам и переулкам города, наслаждаясь будничной суетой воокруг: смотрел, как ребятишки в меховых шапках играют в снежную крепость и делают снеговиков; слушал разные сплетни: ловил обрывки разговоров, доносившихся из раскрытых дверей домов; зашел в кузню, где работал мастер по бронзе, мехи ему помогал качать мальчишка с раскрасневшимся потным лицом; за окнами, от которых отражался красновато-золотистый свет заката — короткий зимний день близился к концу, — он видел женщин за ткацкими станками, которые оборачивались порой, чтобы улыбнуться мужу или ребенку. Ото всего этого человеческого тепла Гед был как бы отделен; тяжелое одиночество охватило его, комом стояло в горле, но он ни за что не признался бы, что грустит потому, что всегда один. Настала ночь, но он продолжал слоняться по улицам, в гостиницу возвращаться не хотелось. Вдруг до него донеслись обрывки веселого разговора: разговаривали молодой мужчина и девушка, спускавшиеся мимо Гед к городской площади. Гед обернулся и застыл: он узнал голос мужчины.

Он двинулся следом и скоро нагнал их в темноте, освещаемой лишь тусклым светом фонарей. Девушка испуганно отшатнулась, а мужчина внимательно посмотрел на него и грозно поднял свой посох предостерегающим жестом. Это было уж слишком. Голос Гед дрогнул, когда он сказал:

— Я думал, ты узнаешь меня, Ветч.

И все-таки Ветч колебался.

— Да, я узнаю тебя, — сказал он наконец и опустил посох. Потом обнял Гед за плечи и стал жать ему руку. — Я узнаю тебя! Здравствуй! Здравствуй, дружок, добро пожаловать! Ты прости меня за такую встречу... прости, что смотрел на тебя как на злого духа... Ведь я ждал тебя, ждал, когда ты приедешь, искал тебя!..

— Значит, это ты — тот великий волшебник, которым хвастают жители Исмея? Я еще подумал...

— Ну конечно, я их волшебник. Но послушай, дай рассказать, почему я не сразу признал тебя, парень. Может, я слишком рьяно искал тебя?.. Три дня назад... а ты случайно не был на Иффише три дня назад?

— Я приплыл сюда вчера.

— Три дня назад на улице соседней с нами деревушки Квор — она тут недалеко, в горах — я видел тебя. То есть, наверно, не тебя, а твою точную копию или просто кого-то очень похожего. Человек этот шел прямо передо мной, направляясь в Исмей, и на перекрестке я окликнул его. Но ответа не получил. Тогда я пошел за ним, но он сразу куда-то исчез, прямо как сквозь землю провалился. Только земля рядом с дорогой вдруг покрылась инеем. Все это показалось мне очень странным, и, когда ты возник прямо передо мной из темноты, я решил, что это те же шутки. Ты прости меня, Гед.

Последнее слово он сказал совсем тихо, так что девушка, стоявшая поодаль, не смогла бы его расслышать.

Гед ответил, тоже тихо произнося подлинное имя своего друга:

— Ничего, Эстарриол. Но сейчас это действительно я, и я ужасно рад тебя видеть...

Возможно, Ветч услышал в его голосе нечто большее, чем просто радость. По-прежнему обнимая Геда за плечи, он сказал словами Истинной Речи:

— Пусть ты снова в беде и вышел из тьмы, но сколь радостен мне приход твой, о Гед!

И продолжал уже на ардическом со своим восточным акцентом:

— Ну пойдём, пойдём к нам! Мы ведь как раз домой шли, поздно уже и на улице темно!.. Да, это моя сестра. Она самая младшая в нашей семье и, как видишь, гораздо красивее меня, зато куда глупее. Ярроу ее имя. А это, сестренка, мой Ястребок, самый лучший ученик нашей Школы, мой самый дорогой друг.

— Ах, господин волшебник, — приветствовала его девушка и в знак уважения склонила голову и прикрыла глаза руками, как это полагается женщинам Восточного Предела при встрече с незнакомым мужчиной; а вообще-то ее ясные глаза глядели хоть и застенчиво, но с любопытством. Было ей, наверно, лет четырнадцать; такая же темноволосая, как брат, но очень хрупкая, тоненькая. На рукаве ее висел, зацепившись когтями, настоящий крылатый дракон размером не больше ладони.

Втроем они двинулись по темной улочке вниз, и Гед заметил:

— У нас на Гонте считают, что гонтийки — самые храбрые женщины в мире, но я никогда не встречал там ни одной, чтобы дракона носила как украшение.

Ярроу рассмеялась и тут же ответила:

— Но это же только харреки! Разве у вас на Гонте харреки не водятся? — Она внезапно смутилась и опустила глаза.

— Нет, что ты, драконов у нас нет. А разве это не настоящий дракон?

— Настоящий, только маленький. Он живет на дубах, питается осами, гусеницами да воробьиными яйцами. Он больше этого не вырастает. Ах, господин волшебник, мой братец так часто мне рассказывал о каком-то замечательном зверьке, что у вас был, дикий такой, отак, кажется?... Он еще у вас?

— Нет. У меня его больше нет.

Ветч обернулся к нему, словно собираясь что-то спросить, но прикусил язык и ничего спрашивать не стал. Расспросы начались потом, когда они остались вдвоем у камина в гостиной.

Несмотря на то что он являлся главным волшебником целого острова, Ветч поселился со своим младшим братом и сестрой в Исмее, маленьком городке, где родился. Отец его был морским торговцем и довольно состоятельным человеком; он оставил детям просторный дом, битком набитый посудой, тканями, красивыми сосудами из бронзы и меди, расставленными на резных полках и сундучках. В одном из углов

гостиной стояла большая таонийская арфа, а в другом — ткацкий станок Ярроу, высокая рама которого была украшена слоновой костью. В Исмее Ветч при всей своей скромности был не только могущественным волшебником, но и хозяином собственного дома. При доме жили слуги, муж и жена, состарившиеся здесь, а еще — брат Ветча, сообразительный веселый парнишка, и Ярроу, быстрая и молчаливая, словно рыбка. Это она прислуживала друзьям за ужином, и сама поужинала вместе с ними, тихонько слушая их беседу, а потом незаметно выскользнула из гостиной и удалилась в свою комнату. Казалось, все вещи в этом доме — на своем месте, все дышит миром и покоем. Гед, оглядывая освещенную камином комнату, сказал:

— Так вот только и должен жить человек. — И вздохнул.

— Что ж, для кого-то, может быть, и это — хороший дом, — откликнулся Ветч. — Для кого-то нет. А теперь, парень, расскажи, если можно, что все-таки с тобой приключилось, что обрел ты и что потерял со времени нашей последней с тобой беседы — два года тому назад. И скажи, куда это ты так спешишь, ведь я прекрасно вижу, что ты у нас не задержишься?

Гед рассказал ему все, а когда закончил свой рассказ, Ветч долгое время сидел, задумавшись. Потом без обиняков заявил:

— Я пойду с тобой, Гед.

— Нет.

— Думаю, что так будет лучше.

— Нет, Эстарриол. Это не твой путь, и не на тебе лежит проклятие. Я один начал все это, один и должен покончить со злом. И не хочу, чтобы кто-то еще пострадал из-за меня, — меньше всего, чтобы пострадал ты, Эстарриол, ведь именно ты с самого начала пытался удержать меня от дурацкого поступка...

— Твоим умом всегда правила гордость, — сказал его друг, улыбаясь так, словно они говорили о пустяках. — Ну а теперь подумай: это, разумеется, твой враг и твой путь, но если погибнешь ты, то разве не

нужно, чтобы кто-то узнал об этом и смог как можно скорее передать весть о грядущей опасности жителям Архипелага? Ведь Тень, победив тебя, обретет страшную, небывалую силу. А если ты победишь эту тварь, то разве не нужно, чтобы кто-то смог о гордостью разнести весть об этом по всему Земноморью, чтобы подвиг твой был воспет в героических песнях? Я понимаю, что пользы от меня в этом деле никакой, но все же, по-моему, нам лучше идти вместе.

Это было хорошо сказано, и Гед согласился, однако заметил:

— Мне просто не следовало задерживаться в Исмее еще на день. Я ведь знал это — и все-таки остался.

— Волшебники случайно друг с другом не встречаются, парень, — возразил Ветч. — И в конце концов, как ты сам только что сказал, это я был с тобой в самом начале твоего пути. По справедливости именно я и должен пойти с тобой до конца. — Он подбросил в камин дров, и они некоторое время сидели молча и глядели на пламя.

— Есть человек, о котором я больше ни разу не слышал с той ночи на вершине Холма; у меня, впрочем, и не возникало особого желания выяснять, куда он делся. Я имею в виду Джаспера.

— Он так и не получил посоха волшебника. Тем же летом он покинул Рок и отправился на остров О — в качестве придворного колдуна. Больше я о нем ничего не знаю.

Они снова помолчали, глядя в огонь и наслаждаясь теплом — ночь была холоднющая. Сидели они, поставив ноги прямо на край камина, чуть ли не на уголья: грелись.

Наконец Гед сказал очень тихо:

— Есть только одно существо, которого я боюсь, Эстарриол. И если ты отправишься со мной, страх этот еще возрастет. Там, на островах, что зовутся Руки, я заплыл в страшный тупик, в самое чрево горы и бросился на эту тварь — она была на расстоянии вытянутой руки; я схватил ее... попытался схватить... Но мне не за что было уцепиться, я не смог ее удержать,

не смог победить. Она бежала, я последовал за ней. Но это может произойти снова, еще и еще раз... У меня нет власти над этой Тенью. Возможно, в конце пути не будет ни смерти, ни победы; нечего будет воспевать — ибо не будет самого конца. Возможно, я должен буду потратить всю свою жизнь на поиски ее по всем морям и океанам, плавая с одного острова на другой — в неведомых краях: бесконечное, бессмысленное путешествие.

— Минуй нас! — быстро проговорил Ветч, особым образом выворачивая левую руку: так отводят зло, упомянутое вслух. И несмотря на мрачные свои мысли, Гед все-таки улыбнулся, заметив этот жест. Ведь слова эти — скорее детская присказка, чем хоть какое-то колдовство. В Ветче навсегда сохранилась некая деревенская наивность, но он, несомненно, мыслил четко, был упорен и сразу ухватывал самую суть дела. И теперь он сразу все понял и сказал: — Я думаю, что мрачные твои мысли не совсем верны. Мне почему-то кажется, несмотря на то ЧТО я видел тогда на Холме Рок, что конец твоего пути близок. Как-нибудь да выясним, что такое эта Тень, чем она живет, и уж тогда ты ее не упустишь. Конечно, трудно сказать, что она такое... Например, кое-что я совсем не понимаю, и это меня беспокоит: похоже, теперь эта тварь стала твоим двойником, по крайней мере обладает твоей внешностью; такой ее видели на Вемише. Такой я видел ее и здесь, на Иффише. Как такое могло случиться и почему? И почему в таком случае она никогда этого не делала раньше?

— Говорят, в Дальних Пределах все правила меняются.

— Да, это верно, могу подтвердить. На Роке, например, я выучил некоторые прекрасные заклинания, но здесь они не имеют никакой силы или действуют совсем наоборот; зато на этих островах существуют заклятия, совершенно неизвестные в Школе. Каждая страна сильна собственной силой; и чем дальше ты от Внутренних Островов, тем меньше известно тебе о

природе этих сил и их действию. Но я думаю, что не только потому облик Тени так изменился.

— Мне тоже так кажется. Я почти уверен, что это произошло, когда я перестал спасаться от нее бегством и сам решил встретиться с ней лицом к лицу. Моя воля придала ей форму, а то, что я больше ее не боюсь, мешает ей высасывать из меня силы. Все мои действия эхом отзываются в ней; она создана мной.

— В Осскиле она назвала тебя по имени и пресекла всякую возможность применить против нее волшебство. Но почему она не сделала того же во второй раз?

— Не знаю. Возможно, она черпает свои силы лишь в моей слабости. Ведь она говорит голосом, очень похожим на мой — если не моим собственным... Иначе откуда ей знать мое подлинное имя? Как она узнала его? Я все время ломал над этим голову, с тех пор как покинул Гонт, плавая по морям и океанам, но так и не нашел ответа. Возможно, она вообще лишена голоса — в той своей ипостаси или, точнее, полной своей бесформенности — и говорит лишь чужими устами, как оборотень? Не знаю.

— Тогда тебе следует опасаться очередного оборота.

— Я думаю, — ответил Гед, протягивая руки к красным угольям и чувствуя, как его охватывает озноб, — я думаю, что с оборотнем больше не встречу. Теперь мы слишком крепко с ней связаны. Она уже не может освободиться от меня и завладеть чьей-то еще душой, опустошить ее, лишиться воли и жизни, как Скиорха. Она может, однако, проникнуть в мою душу — если в минуту слабости я вновь попытаюсь бежать от нее, разорвав возникшую связь. Но, когда я хватаю ее руками, держу изо всех сил, сама она исчезает как дым, ускользает от меня... И снова, наверно, ускользнет, но все же не навсегда: я всегда могу найти ее. Я навечно связан с этим отвратительным жестоким существом и не смогу избавиться от него, пока не узнаю слово, которому проклятая тварь подчинится: ее имя.

Ветч задумчиво спросил его:

— А разве тени из царства тьмы имеют имена?

— Верховный Маг Геншер считал, что нет. Мой Учитель Огион утверждал обратное.

— Великие Маги всегда остаются соперниками, — заключил Ветч с мрачноватой улыбкой.

— Та, что служила Древним Силам земли на Оскиле, поклялась, что Камень скажет мне имя Тени, но этому я почти не верю. Однако ведь и дракон предлагал мне ее имя взамен собственного — чтобы отделаться от меня... Мне кажется, что, когда маги спорят между собой из-за чего-то, драконы могут просто это знать... Они ведь куда мудрее людей.

— Мудрее, но не добрее. Постой, а что это еще за дракон? Ты как-то позабыл рассказать, что теперь за просто беседуешь с драконами.

Они проговорили в ту ночь допоздна, но все время возвращались к одному и тому же горькому вопросу: что ожидает Геда в конце пути? Но счастье от того, что теперь они вместе, гнало прочь все страхи; дружба их прошла испытания временем и судьбой, и ничто не смогло нарушить ее.

Утром Гед проснулся в доме друга и, еще не совсем расставшись с негой сна, почувствовал вдруг себя таким счастливым, словно навсегда теперь был защищен от любых бед и несчастий. И весь день в душе его оставалось это утреннее ощущение, которое он счел не просто добрым предзнаменованием, а великим даром. Ему казалось, что этот дом — последний милый его сердцу уголок на земле, которого больше он никогда не увидит, а потому, пока длился этот сладостный недолговечный сон, он страстно желал быть счастливым.

Поскольку у Ветча были дела, которые срочно приходилось закончить до отъезда, он отправился по острову Иффиш со своим юным учеником и помощником. Гед остался в Исмее с Ярроу и ее средним братом по имени Мурре. Мурре казался самым обыкновенным пареньком; он не обладал ни магической силой, ни волшебным знаком на челе и нигде не бывал, кроме Иффиша и соседних островов Тока и Холпа. Жизнь его была легка и беспечальна. Гед смотрел

на Мурре с изумлением и некоторой завистью, как, впрочем, и Мурре на Геда: каждому странным казалось то, что другой столь сильно отличается от него самого, хоть они и ровесники — обоим по девятнадцать. Гед дивился, как это человек, проживший целых девятнадцать лет, может оставаться таким беззаботным. Завидуя миловидности и веселому нраву Мурре, Гед чувствовал себя неуклюжим, грубоватым и не догадывался, что Мурре сгорает от зависти даже при виде одних только шрамов на лице молодого волшебника, считая их следами когтей дракона или древними рунами — в общем, знаком героя.

В итоге оба юноши немного стеснялись друг друга, что же касается Ярроу, то она скоро утратила подчеркнуто почтительный тон в обращении с Гедом, хотя вела себя достойно и сдержанно, как и подобает хозяйке большого дома. Гед был с ней очень нежен, и девочка задавала ему великое множество вопросов, ссылаясь на то, что «Ветч никогда ничего не рассказывает». Она была страшно занята: готовила путешественникам еду в дорогу — пшеничные сухарики, вяленую рыбу и мясо и многое другое, пока Гед не запросил пощады, сказав, что не собирается плыть отсюда до самого Селидора.

— А где это — Селидор? — спросила Ярроу.

— Очень далеко, в Западном Пределе. На этом острове драконов больше, чем полевых мышей.

— Тогда у нас в Восточном Пределе лучше: наши драконы по крайней мере так же малы, как мыши, хотя их тоже хватает. Ну хорошо, вот вам мясо на дорогу. Ты считаешь, этого достаточно? Слушай, я не понимаю: вы с братом оба могучие волшебники, вам стоит рукой махнуть, что-то там пробормотать — и все готово. Так зачем же вам голодать? Вот на море, например, наступает время ужина, и вы просто говорите: пирог с мясом! И пожалуйста вам — пирог с мясом тут как тут!

— Что ж, можно, конечно, и так. Только что-то не хочется. Словами, как говорится, не наешься. Пирог с мясом — это ведь всего лишь слова... Мы можем

снабдить их ароматом и вкусом, даже ощутить тяжесть в желудке, но все-таки слова останутся словами. Только обманывают желудок, но сил голодному человеку не дают.

— Значит, волшебники кухарить не могут, — сказал Мурре, сидевший у очага напротив Геда и вырезавший крышку красивой деревянной шкатулки; он был резчиком, хоть пока и не особенно умелым.

— Ну и повара тоже, небось, не волшебники! — сказала Ярроу, опустившись у печи на колени и пытаясь понять, готова ли последняя порция сухариков, которые подсушивались на кирпичках. Сухарики должны были стать золотисто-коричневыми. — Но я все-таки не понимаю, Ястребок. Я же видела, как мой брат и даже его ученик одним лишь словом своим зажигают свет в темноте; и свет этот негасим и ярок. Ведь это не слово, а именно свет разгоняет тьму!

— О да, — ответил Гед. — Свет — это энергия, благодаря которой существуем мы все, но она не зависит от наших потребностей, она вечна. Солнечный свет и свет далеких звезд измеряют время, а время само по себе — это свет. В солнечном свете, воплощенная в дни и годы, проходит жизнь. И в темноте жизнь может воззвать к свету, произнеся его имя... Впрочем, это нечто совсем иное, чем обычные заклинания волшебника, когда он подлинным именем называет тот или иной предмет. Свет сильнее любой магии. Хотя, чтобы призвать кого-то или что-то из иного мира, необходимо великое мастерство и большая магическая сила, которой без особой причины не пользуются... Во всяком случае — не тогда, когда просто хочется есть. Ярроу, твой дракончик украл сухарик.

Ярроу вся обратилась в слух, внимая непонятным речам Геда, и не заметила, как харреки соскользнул с перекладки для чайника над очагом — самого теплого местечка в кухне — и схватил пшеничный сухарь, который был больше самого воришки. Ярроу взяла ящерку на колени и стала кормить крошками и обломками сухарей, размышляя над тем, что только что сказал ей Гед.

— Значит, вы не станете призывать настоящий пирог с мясом из боязни нарушить то, о чем вечно твердит мой брат... Я забыла, как это называется...

— Равновесие, — торжественно произнес Гед, потому что Ярроу была очень серьезна.

— Да. Но когда ты потерпел крушение на скалах, то уплыл с того островка на лодке, сделанной почти что из одних только волшебных слов. И воды она не пропускала! Разве это была иллюзия?

— Хм. Отчасти да, потому что чувствуешь себя очень неуютно, когда видишь воду прямо под собой сквозь дыры в лодке. Я поэтому и старался придать разрозненным кускам вид цельной вещи. Но прочность лодки иллюзией не была, как не была и сама лодка вызвана из другого мира. Это совсем другой вид волшебного искусства — Связующее заклятие. Им я связал все деревяшки воедино, превратив в маленькое суденышко. А что такое лодка, как не предмет, который не пропускает воду?

— Очень даже пропускает. Мне не раз приходилось из них воду вычерпывать, — вставил Мурре.

— Что ж, моя, конечно, тоже протекала, если я забывал укрепить заклятие. — Гед наклонился, схватил прямо с горячих кирпичей сухарик и жестом фокусника спрятал в руке. — Вот, я тоже стащил сухарь, Ярроу.

— Наверное, все пальцы обжег. Вот потом, когда будешь голодать в безбрежном море, вдали от всех островов, вспомнишь еще об этом сухарике и скажешь: «Ах! Если б тогда я не крал сухаря, то сейчас мог бы съесть его! Увы!» Раз так, я тоже съем один — за моего брата, чтобы вы могли голодать вместе.

— Итак, Равновесие восстановлено, — заметил Гед, а Ярроу взяла и стала жевать горячий, еще недосохший сухарик, давясь от смеха, и в конце концов поперхнулась. Потом она снова стала серьезной и сказала:

— Я бы очень хотела действительно по-настоящему понять то, что ты говорил только что. Слишком, видно, я еще глупа.

— Сестренка, — сказал Гед, — это я виноват, что не умею как следует объяснить. Если бы у нас было больше времени...

— У нас будет больше времени! — воскликнула Ярроу. — Когда мой братец вернется домой, ты вернешься с ним вместе? По крайней мере ненадолго, ладно?

— Если смогу, — мягко ответил Гед.

Немного помолчали, потом Ярроу спросила, глядя, как харреки взбирается обратно на перекладину для чайника:

— Скажи мне только одно, если это не секрет: какие еще великие силы есть в мире, кроме света?

— Это вовсе не тайна. Все силы имеют один источник и один конец. Годы и расстояния, звезды и свечи, вода и ветер, волшебство и мастерство человеческих рук, мудрость, заключенная в корнях дерева, — все это возникает одновременно. Мое имя и твое, подлинные имена солнца, ручья, не рожденного еще младенца — все это лишь звуки одного великого слова, которое очень-очень медленно выговаривает сиянием звезд Вселенная. Никакой другой энергии не существует. И другого имени у всего этого — тоже.

На мгновение перестав вырезать свой узор, Мурре спросил, так и держа в руке нож:

— А как же смерть?

Девушка молчала, склонив головку с блестящими черными волосами.

— Чтобы слово прозвучало, — медленно ответил Гед, — должна быть тишина. До слова и после него. — Потом вдруг поднялся и сказал: — Я не имею права говорить об этих вещах. То единственное слово, которое должен был сказать я сам, я сказал неправильно. Поэтому лучше мне помолчать. Возможно, есть лишь одна по-настоящему могущественная сила — Тьма. — И Гед торопливо покинул теплую кухню: взял плащ и отправился бродить в одиночестве под дождем и снегом по улицам зимнего города.

— На нем лежит какое-то проклятие, — сказал Мурре, глядя ему вслед со страхом.

— Мне кажется, что путешествие, куда он собирается, ведет его к смерти, — откликнулась Ярроу. — Он боится, но все же отправляется в путь. — Она подняла голову, словно видела перед собой за пляшущими языками огня одинокую лодку, все дальше и дальше уплывающую по зимнему морю и скрывающуюся за горизонтом. На мгновение глаза девушки наполнились слезами, но вслух она ничего больше не сказала.

Ветч вернулся на следующий день и испросил у нотаблей Исмея разрешение уехать на время. Те очень не хотели его отпускать среди зимы в смертельно опасное путешествие по морю, связанное к тому же не с его собственными планами; но ни мольбы их, ни упреки не могли остановить его. Наконец бесконечное ворчание старцев ему надоело и он сказал:

— Я ваш — по рождению, по обычаям и по тому долгу, который обязан выполнить. Я ваш волшебник. Но пора и вам вспомнить, что хоть я и служу вам, но все же не ваш раб. Когда я сделаю свое дело и смогу вернуться назад, я вернусь. А до той поры — прощайте.

Когда серый рассвет забрезжил над морем, «Зоркая» вышла из гавани Исмея, раскрыв коричневый прочный парус попутному северному ветру. На причале стояла Ярроу и смотрела вслед судну, как это делают жены и дочери моряков на всех островах Земноморья, провожая своих мужчин в Открытое море; они не машут руками на прощание и ничего не кричат вслед, только стоят, закутавшись в плащи с капюшонами, серые или коричневые, там, на родном берегу, который остается все дальше и дальше позади, пока совсем не скрывается за широким морским горизонтом.

Глава 10

ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Гавань скрылась из виду, и умытые волнами нарисованные глаза «Зоркой» смотрели теперь только вперед, в безграничный простор, становившийся все более и более пустынным. За двое суток друзья прошли от Иффиша до острова Содерс — достаточно много, если учесть, что ветер был переменчивым, а погода не слишком благоприятной. Они ненадолго остановились в тамошнем порту лишь для того, чтобы пополнить запасы воды и купить просмоленной парусины — прикрыть пожитки от морских брызг и дождя. Они не позаботились об этом раньше, потому что волшебники обычно решают подобные мелочи с помощью нехитрых заклинаний, весьма, кстати, распространенных. Действительно, нужно совсем немножко волшебства, чтобы опреснить морскую воду и не возить с собой бурдюки. Но Гед, похоже, на этот раз упорно не желал ни сам использовать свое волшебное мастерство, ни разрешать это Ветчу. Он один лишь раз сказал: «Лучше не надо», — и его друг ничего больше не

спрашивал и не спорил. Тем более что не успел их парус подняться, наполненный ветром, как оба одновременно ощутили тяжкое предчувствие, леденящее душу, как зимний ветер. Гавань, покой дома, безопасность — все осталось далеко позади. Теперь они плыли в такие края, где любое приключение могло стоить жизни и ничто не совершалось просто так. На том пути, каким они вынуждены были следовать, даже произнесение самого маленького заклятия могло спугнуть удачу, нарушить Мировую Гармонию, сдвинуть с места Судьбу, ибо шли они теперь к самому центру Равновесия, туда, где встречаются свет и тьма. Избравшие этот путь не произносят ни единого слова зря.

Не встретив ни одного судна, они обогнули остров Содерс, где занесенные снегом поля сливались с уходящими ввысь туманными горами, и Гед снова направил лодку к югу. В этих водах никогда не бывали вездесущие торговцы с Архипелага; это был самый юг Восточного Предела.

Ветч ничего не спрашивал, понимая, что Гед путь не выбирал и плывет туда, куда должен плыть. Когда Содерс почти скрылся из виду, а волны шипели и плескались, рассекаемые носом лодки, и куда ни глянь, серая равнина моря сливалась с небесами, Гед спросил:

— Что за земли лежат дальше по курсу?

— Прямо к югу от Содерса островов нет. А довольно далеко, на юго-востоке, есть небольшие островки: Пелимер, Корнай, Госк и Астоуэлл. Астоуэлл называют еще Последней Землей. За ними — Открытое море.

— А на юге-западе?

— Там Роламени, большой остров Восточного Предела, а рядом всякая мелочь; потом до самых границ Южного Предела — ничего и дальше — Руд и Тум, а также остров Большое Ухо, куда люди никогда не высаживаются.

— Мы можем, — сухо сказал Гед.

— Я бы лучше не стал, — возразил Ветч. — Это не приветливые места; говорят, там весь берег завален

скелетами и вообще полно всяческих загадок. Моряки рассказывают, что в воде близ островов Большое Ухо и Фар Сорр отражаются звезды, которых больше нигде увидеть нельзя и которые имени своего не имеют.

— Да, на том корабле, что впервые привез меня на Рок, один моряк тоже рассказывал об этом. И еще он рассказывал всякие истории о людях, постоянно живущих на плотках в морях Южного Предела; они никогда не сходят на землю, кроме одного раза в году: нарезать длинных жердей для своих плотов; все остальное время они проводят в океане, вдали от всякой земли, отдавшись на волю океанских течений. Я бы хотел посмотреть, как устроены эти селения на плотках.

— А я нет, — ухмыльнулся Ветч. — Мне подавай землю и людей, живущих на земле; пусть море остается в своей колыбели, я же предпочитаю свою, на суше...

— Еще мне бы хотелось увидеть все великие города Архипелага, — сказал Гед, по-прежнему держась за снасть и неотрывно глядя вперед, на безбрежные серые воды, — Хавнор, сердце Земноморья, и остров Эа, где зародились все наши легенды, и прекрасный город Шелитх с его фонтанами на острове Уэй — все города и все великие государства. И малые тоже, и даже самые загадочные, вроде тех, что находятся в Дальних Пределах. Хотелось бы, например, доплыть когда-нибудь до острова Драконьи Бега на самом западе. Или плыть и плыть на север, меж плавающих льдин, прямо к острову Хоген. Говорят, остров этот больше всех островов Архипелага, вместе взятых. А еще говорят, это вовсе и не остров, а камни да рифы, скрепленные льдами. Никто не знает точно. И китов хочется увидеть в северных морях... Но нельзя. Я должен плыть туда, куда меня заставляют; я должен пока забыть об иных, прекрасных берегах. Слишком опрометчиво поступил я когда-то, и теперь времени у меня почти не осталось. Я сам променял этот солнечный мир, прекрасные города и дальние страны на миг власти, обернувшийся призрачной Тенью и властью Тьмы надо мной.

И Гед, как поступил бы на его месте любой настоящий волшебник, начал изливать горечь своих сожалений в песне, недолгой и грустной, обращенной к другу, и тот ответил ему словами из «Подвига Эррет-Акбе»: «Еще хоть раз увижу ль я лес белых башен предо мной и Хавнор, Хавнор милый мой...»

Так плыли и плыли они на юг по пустынным водам морей, и самым интересным событием за весь тот долгий день была стайка серебристых рыбок панни, тоже плывущих к югу. Ни разу не вынырнул рядом дельфин, не пролетела под серыми тучами ни чайка, ни гагарка, ни крачка. Когда небо на востоке потемнело, а на западе налилось закатным багрянцем, Ветч достал еду, разделил ее поровну и сказал:

— Вот тут еще немного эля. Выпьем за ту, что догадалась поставить бочонок с ним в лодку, чтобы согреть в холодную погоду сердца путников: за мою сестру Ярроу!

Тут Гед наконец отвлекся от мрачных своих мыслей и от души осушил кружку за Ярроу — может быть, даже с большим пылом, чем Ветч. В душе его воскресла память о ее почти женской мудрости и совсем детской нежности. Она не была похожа ни на кого из тех, с кем он встречался в жизни. А знал ли он кроме нее хоть одну девушку? Впрочем, об этом Гед никогда не думал.

— Она похожа на маленькую рыбку, гольяна, что водится в чистых ручьях и проточных озерах, — сказал он. — Вроде бы беззащитная рыбка, а попробуй поймай ее.

Услышав это, Ветч посмотрел ему прямо в глаза и улыбнулся:

— Ты и впрямь прирожденный маг, ведь ее настоящее имя Кест.

В Истинной Речи слово кест означает «гольян», это Гед знал и страшно обрадовался. Однако, помолчав, все же тихонько сказал:

— Наверно, тебе не стоило называть мне ее подлинное имя.

Но Ветч, которому бессмысленные поступки были вообще не свойственны, ответил:

— Ее имени в твоей душе так же безопасно, как и в моей. Кроме того, ты ведь и сам узнал его, прежде чем я успел сказать...

На западе небо из красного стало пепельным, потом черным. Все вокруг было погружено в непроницаемую тьму. Гед вытянулся на дне лодки, завернувшись в свой теплый плащ, и попытался уснуть. Ветч, держась рукой за снасть, тихонько напевал что-то из «Подвига Энлада» — о том, как волшебник Морред из Хавнора на большом парусном судне прибыл на остров Солеа и там увидел в весеннем саду прекрасную Эльфарран. Гед уснул еще до печального конца песни, когда Морред гибнет, Энлад разрушен и страшная морская буря уничтожает сады Солеа. К полуночи Гед проснулся и принял вахту. Лодочка легко бежала по волнам, гонимая сильным ветром, и нарисованные глаза ее ничего не могли разглядеть в крошечной тьме. Однако тучи все же понемногу рассеялись, и незадолго до рассвета тоненький месяц блеснул меж ними; слабый лучик лунного света упал на поверхность воды.

— Луна нынче ущербная, — проснувшись, прошептал Ветч, когда с рассветом ненадолго улегся холодный ветер. Гед посмотрел вверх, на белое полукольцо над почти бесцветными водами восточных морей, но промолчал. Безлунные ночи, что наступают сразу после Солнцеворота, полярны празднику Полной Луны и Долгого Танца, что бывает летом. Это самое несчастливое время для путешественников и больных; в этот период не полагается совершать обряд иняположения, петь песни о великих подвигах прошлого, нельзя точить клинки и острые инструменты, нельзя давать клятвы. Это темная часть годовой оси, когда любой поступок может обернуться злом.

Через три дня пути от Содерса в окружении морских птиц и обломков судов они подошли к Полимеру, маленькому гористому островку, поднимающемуся над морской гладью. Жители его говорили на их родном языке, но по-своему, и ардические слова звучали странно даже для привычного Ветча. Путники хотели

пополнить запасы питьевой воды и чуть передохнуть от морской качки. Поначалу их приняли хорошо, хоть и с большим изумлением и излишней суетливостью. В столице острова вообще-то имелся колдун, но он якобы сошел с ума и не желал разговаривать ни о чем, кроме гигантского змея, который разъедает основание острова, так что в скором времени Полимер должен неминуемо отправиться в плавание по волнам, словно оторвавшаяся от причала лодка, а потом скользнуть за край земли и пропасть навеки. Колдун, впрочем, явился и весьма почтительно приветствовал молодых волшебников, но чем больше он рассказывал им про пресловутого змея, тем подозрительнее поглядывал на Геда. Потом вдруг, спустя какое-то время, набросился на молодых людей прямо на улице, обзывая их шпионами и прислужниками морского чудовища. Постепенно и остальные жители Полимера начали сторониться чужеземцев: все-таки это был их колдун, хоть и сумасшедший. Так что Гед и Ветч не стали особенно задерживаться, а еще до вечера ушли в море, держа курс на юго-восток.

За все эти дни и ночи Гед ни разу не заговорил о Тени или о цели своего путешествия впрямую. И когда Ветч пытался хоть как-то спросить, уверен ли его друг, что им следует продолжать идти тем же курсом, по-прежнему на юг, оставляя позади все известные острова Земноморья, Гед отвечал лишь:

— Уверен ли кусок железа, где лежит магнит?

Ветч только кивал согласно, и они плыли дальше, ничего больше на эту тему друг у друга не спрашивая. Иногда, впрочем, они подолгу разговаривали о волшебном мастерстве и различных хитрых приспособлениях, которыми волшебники в старые времена пользовались для того, чтобы отыскать тайное имя грозящего опасностью существа. Так, например, волшебник Негерер с острова Палн узнал имя Черного Мага, подслушав разговор драконов; так Морред увидел имя своего врага, написанное каплями дождя в пыли, покрывавшей поле битвы в долине Энлада. Они разговаривали о заклятиях, способствующих отысканию

вещи, и некоторых иных волшебных средствах, а также о тех Вопросах-На-Которые-Есть-Ответ и задавать которые имеет право только Мастер Путеводитель с острова Рок. Но чаще всего разговоры кончались тем, что Гед начинал бормотать себе под нос слова, сказанные ему Огионом на склоне горы Гонт в давние времена ранней осенью: «Чтобы слышать других, самому нужно молчать». А потом умолкал, впадал в глубокую задумчивость и неотрывно, час за часом, вглядывался в морскую даль. Иногда Ветчу казалось, что его друг видит за бесконечными волнами, за предстоящими еще им долгими днями пути и мрачный решающий конец их путешествия, и того, за кем они гонятся сейчас.

Они проплыли меж островами Корнай и Гаек в непогоду и не увидели их берегов из-за густого тумана и дождя. Они поняли, что миновали их, лишь на следующий день, когда прямо по курсу увидели остров, окруженный острыми скалами, и огромные стаи чаек, чьи пронзительные крики слышались со всех сторон. Ветч сказал:

— Это, судя по всему, Астоуэлл. Последняя Земля. К востоку и югу от него на наших картах никакой земли больше нет.

— И все-таки жители его знают, возможно, об иных, неведомых нам землях, — возразил Гед.

— Почему ты так странно говоришь? — изумился Ветч. Гед с трудом выговаривал каждое слово, с какими-то придыханиями и остановками, и ответ его прозвучал тоже непонятно, отрывисто:

— Это не здесь, — сказал он, глядя на видневшийся впереди Астоуэлл и куда-то мимо или сквозь него. — Не здесь. Не на море. Нет, не на море, а на твердой земле. На какой земле? На той, что лежит дальше, чем истоки рек и ручьев, впадающих в море, дальше истоков всего, там, за Воротами Света...

И умолк. А когда снова заговорил, то уже обычным своим голосом, словно освободившись от чар или наваждения, и не очень хорошо помнил, что с ним было.

Главный порт острова Астоуэлл, расположенный в устье реки, прорывшей глубокое ущелье в горном массиве, окнами всех своих домов смотрел на север или на запад, словно сам остров повернулся лицом к Земноморью, к остальным людям, хоть и находился очень далеко от них.

Жители встретили путешественников с изумлением и беспокойством: в это время года ни одно судно обычно не показывалось вблизи Астоуэлла. Все женщины попрятались в своих плетеных хижинах и выглядывали из-за дверей, закрывая детишек юбками, а когда Гед и Ветч двинулись из гавани в город, испуганно нырнули куда-то в темноту. Мужчины же, худые, плохо для столь холодной погоды одетые, мрачно окружили чужеземцев, и у каждого был при себе каменный топор или острый нож из раковины. Но когда первый их страх улегся, они приняли молодых людей вполне радушно и вопросам их не было конца. Редко заходили к ним корабли даже с острова Содерс или с Роламени, потому что торговать здесь было нечем и не на что даже обменять бронзу или красивый фаянс, которым славились жители Содерса. Здесь даже деревья не хватало. Лодки на Астоуэлле представляли собой сплетенные из тростника скорлупки, и лишь очень храбрый человек мог решиться плыть на таком суденышке до Госка или Корная. Они жили здесь совсем одни, на самом краю обозначенного на картах мира. Здесь не было ни ведьмы, ни колдуна, и люди эти, похоже, просто не поняли, что посохи у Гед и Ветча волшебные, и восхищались ими лишь потому, что сделаны они были из драгоценного для них материала — дерева. Вождь Астоуэлла был очень стар; он единственный из всех островитян видел человека, рожденного на островах самого Архипелага. А потому Гед был для местных жителей настоящим чудом; люди приводили своих маленьких сыновей, чтобы те посмотрели на человека «с больших островов» и запомнили на всю жизнь. Они никогда раньше не слышали о Гонте и знали лишь Эа и Хавнор. Гед они приняли за правителя Хавнора. Он изо всех сил старался не

ударить лицом в грязь, отвечая на их вопросы о «белом городе» (которого, кстати, сам никогда не видел). Но к вечеру, как всегда, почувствовал беспокойство и, не выдержав, спросил у островитян, которые сгрудились у очага в вонючей духоте ночлежки — топили здесь сушеным козым пометом и связками ракитника, иного топлива не было:

— А что находится к востоку от вашей земли?

Они молчали; одни ухмылялись, другие хмурились. Старый вождь ответил:

— Море.

— Там нет больше никаких островов?

— Это Последняя Земля. За ней больше ничего нет — кроме воды.

— Это мудрые люди, отец, — сказал человек помоложе, — скитальцы морей, путешественники. Может, они знают о такой земле, о которой не знаем мы?

— Нет никакой земли к востоку от этого острова! — твердо сказал старик, долгим взглядом посмотрел на Геда и больше с ним не разговаривал.

Они провели ночь в дымном тепле ночлежки. Еще до рассвета Гед разбудил друга, прошептав:

— Эстарриол, проснись. Мы не можем дольше оставаться здесь, мы должны плыть вперед.

— Ну куда ты так спешишь! — недовольно проворчал сонный Ветч.

— Не спешу, а боюсь опоздать. Я слишком медленно догонял ее. И она убежала слишком далеко. Я приговорен к вечному ее преследованию и не должен упустить последней возможности, иначе буду следовать за ней всю жизнь, а потеряв ее, потеряю и себя.

— Куда же теперь лежит наш путь?

— На восток. Вставай. Бурдюки уже полны воды.

Они покинули ночлежку еще до того, как проснулись первый житель селения, только чей-то младенец заплакал в темноте и вскоре затих. При тусклом свете звезд они по крутой тропе спустились к гавани, отвязали «Зоркую» от причала и поплыли по темной воде — прочь от Астоуэлла, снова в Открытое море. Это был

первый день после Солнцеворота. Рассвет еще не наступил.

Небо над ними было безоблачным. Встречный ветер дул с северо-востока, холодный, порывистый, но Гед поднял волшебный ветерок, впервые применив волшебство с тех пор, как покинул острова Западная и Восточная Рука. Они быстро продвигались к востоку. Пенящиеся, залитые солнцем валы бились о борт лодки, сотрясая ее, но «Зоркая» шла уверенно, как и обещал человек, построивший ее когда-то; она точно следовала направлению волшебного ветерка, не хуже любого заколдованного судна с острова Рок.

За все утро Гед не проронил ни звука, только еще раз произнес волшебные слова, заклинающие ветер и усиливающие прочность паруса. Ветч наконец совсем проснулся; до сих пор он тихо спал на дне лодки. Ближе к полудню они немного поели. Гед подчеркнул бережно разделил еду, и оба молча жевали соленую рыбу и сухари: говорить было не о чем — все и так было понятно.

Весь день они на большой скорости шли прежним курсом. Один лишь раз Гед нарушил молчание, сказав:

— А как по-твоему, за Дальними Пределами сколько морская пустыня или все-таки есть там неоткрытые острова? Или целые архипелаги?

— Пока, — ответил шутливо Ветч, — я на стороне тех, кто считает, будто мир у нас плоский, так что, если заплыть слишком далеко, непременно свалишься вниз.

Гед даже не улыбнулся; ни сил, ни радости в нем совсем не осталось.

— Кто знает, что откроется человеку там, за морями. Не нам, разумеется; мы вечно жмемся поближе к знакомым берегам и гаваням, — тихо сказал он.

— Кое-кто пытался узнать, что там, да так и не вернулся. И никогда не приплывали к нам корабли из тех неведомых стран...

Гед промолчал.

Весь день и всю ночь плыли они, влекомые силой могучего волшебного ветра, через бескрайние

просторы океана, на восток. Гед стоял на вахте с вечера до рассвета, ибо в темноте сила, что влекла его к себе, все возрастала. Он неотрывно смотрел вперед, хоть глаза его в безлунные ночи могли видеть не дальше разрисованного носа их «Зоркой». К утру его смуглое лицо стало серым от усталости; он закоченел на ветру и с трудом заставил себя вытянуться на дне лодки, укладываясь спать.

— Следи, чтобы волшебный ветер все время дул с запада, Эстарриол, — невнятно прошептал он и тут же заснул.

Солнце так и не выглянуло из-за облаков, вскоре начался дождь, хлеставший прямо им в лицо с северо-востока. Вскоре все в лодке промокло насквозь, несмотря на прикрывавшую вещи просмоленную парусину. Ветч чувствовал себя так, будто до костей пропитался водой, и Гед дрожал во сне. Жалея друга и отчасти себя самого, Ветч попробовал было чуть повернуть лодку, чтобы жестокий ливень не так заливал их, однако его умения заклинать погоду в этих водах оказалось недостаточно: ветер Открытого моря не слушался его, и он с трудом поддерживал волшебный ветер в парусах, как велел ему Гед.

В душе Ветча шевельнулся страх; ему показалось, что у них с Гедом слишком мало осталось волшебных сил для дальнейшей борьбы и оставшиеся силы могут исчезнуть совсем, если они по-прежнему будут удаляться от тех мест, где могут и должны жить люди.

Всю ночь Гед снова стоял на вахте, всю ночь гнал лодку к востоку. С наступлением дня ветер на море немного утих, стало пригревать солнце, но гигантские валы накатывались с такой силой, что «Зоркая» сначала вставала дыбом, словно при подъеме на гору, потом повисала на пенистом гребне и резко падала носом вниз, чтобы снова и снова преодолевать волну за волной.

Вечером, после целого дня молчания, Ветч заговорил:

— Друг мой, ты все время был уверен: мы непременно должны приплыть к какой-то земле. Я не сомнева-

юсь в твоём ясновидении, но вдруг на этот раз нас снова заманили в ловушку, обманом загоняя все дальше и дальше в океан — дальше, чем это допустимо не только для человека, но и для волшебника? Ведь наша магическая сила может изменить нам в этих чужих морях, ослабеть, тогда как проклятая Тень не знает ни усталости, ни голода и даже утонуть не способна.

Они сидели на банке совсем рядом, но Гед смотрел на Ветча так, словно тот был где-то далеко-далеко. Тревога плескалась в его глазах, когда медленно, слишком медленно он ответил:

— Эстарриол, мы приближаемся к цели.

Услышав, как он говорит это, Ветч понял, что враг действительно близко. Ему стало страшно. Но он лишь положил руку на плечо друга и спокойно сказал:

— Ну что ж, вот и ладно, вот и хорошо.

И снова всю ночь Гед стоял на вахте: он совсем не мог спать в темноте. И на третьи сутки — тоже. Они по-прежнему мчались с неизменной легкостью и быстротой по бурному морю, и Ветчу нестерпимо хотелось узнать, какой немыслимой силой Гед сутками удерживает в парусах магический ветер, способный противостоять штормам Открытого моря, где сам он, Ветч, чувствует себя таким беспомощным и слабым. А лодка все летела по морю, и Ветчу уже стало казаться, что, как и говорил Гед, они вскоре достигнут истока вод морских, что находится на востоке, у Ворот Света. Гед оставался у руля, как всегда глядя вперед. Но он не видел перед собой океана, точнее, это был не тот океан, который видел Ветч, — огромное пространство соленой воды, сливающееся с горизонтом. Перед глазами Геда было теперь нечто вроде темной пелены, заслонившей и серое небо, и серое море и становившейся все плотнее и темнее. Ветч, взглянув на лицо друга, как бы тоже на мгновение увидел эту тьму. Они плыли все дальше и дальше, но было похоже, что только Ветч по-прежнему плывет по просторам океана к востоку, а Гед уже попал туда, где нет ни востока, ни запада, где не встает и не садится солнце, где не светит ни одна звезда, знакомая им, где незнакомые созвездия неподвижно застыли в небесах.

Внезапно Гед вскочил и что-то громко сказал. Волшебный ветер тут же улегся, и огромные волны стали швырять «Зоркую», словно щепку. Хотя природный северный ветер дул так же сильно, как и раньше, коричневый парус повис, как тряпка, и даже не шевелился. И сама лодка словно застыла, раскачиваясь в такт дыханию моря и не двигаясь с места.

Гед сказал:

— Спусти парус.

Ветч выполнил его приказание, а сам Гед вынул весла, вставил в уключины и сразу же начал грести.

Ветч, видевший вокруг лишь горы волн, меж которыми как бы проваливалась лодка, никак не мог понять, зачем Геду понадобилось идти на веслах, но терпеливо ждал. Вскоре природный ветер действительно ослабел и почти утих. Волны едва плескались у борта, лодка перестала раскачиваться, и мощные взмахи весел в руках Гед погнали ее вперед по морю, ставшему тихим, словно в укрытой от всех ветров бухте. И хотя Ветч не мог видеть того, что видел впереди Гед между взмахами весел; хотя Ветч не видел темных склонов огромной горы под неподвижными звездами, все же он понемногу разглядел с помощью волшебного зрения ту небывалую тьму, что как бы копилась во впадинах между волнами, окружая лодку со всех сторон; а еще он заметил, как слабеют и утихают волны, словно их душит невидимый песчаный берег.

Если все это и было иллюзией, то невероятно сильной: попробуй-ка заставить Открытое море казаться землей! Пытаясь собраться с мыслями и силами, Ветч начал произносить слова Волшебного Откровения, ожидая, не прекратится ли после этих долгих, медленно выговариваемых слов странная иллюзия: мель посреди океана. Но иллюзия не проходила. Возможно, заклинание, хотя оно, конечно, воздействует лишь на восприятие произносящего его человека, а не на волшебство самой иллюзии, не имело здесь силы. Или же это была вовсе не иллюзия и они действительно достигли конца света.

Все более медленно и как-то небрежно греб Гед, оглядываясь через плечо, осторожно выбирая путь в

бесконечных протоках и проливах, минуя коварные отмели, видимые лишь ему одному. Лодка вздрогнула: ее киль задел дно. Там должны были быть бездонные глубины, и все же они достигли земли. Гед поднял весла, сложил их, скрипнув уключинами, и скрип этот страшно прозвучал в полном безмолвии, царившем вокруг. Все звуки — плеск воды, вой ветра, скрип дерева, хлопанье паруса — куда-то исчезли, растворились в вечной, глубокой, никогда не нарушавшейся тишине. Лодка застыла как изваяние. Ни дыхания ветра. Море превратилось в песок, темный, тяжелый. Все было недвижимо в темном небе и на суше, в этой нереальной, бескрайней пустыне, которую у горизонта стеной окружала сгущающаяся тьма.

Гед встал, взял в руки свой посох и легко переступил через борт. Ветч решил, что сейчас его друг исчезнет в волнах, которые — Ветч это знал наверняка — скрывались под этой неясной темной дымкой, поглотившей воду, небо и дневной свет. Но моря не было. Гед удалялся от лодки, и на песке видны были следы его ног. Песок слегка шуршал.

Вдруг волшебный посох Геда начал светиться. Но это был не обычный волшебный огонек, а слепящий белый свет, и пальцы юноши там, где он сжимал ими посох, просвечивали красным.

Гед быстро шел куда-то вперед, и понять, куда он идет, было невозможно: здесь не было сторон света, существовали лишь понятия «вперед» и «назад».

Ветчу свет в руках Геда казался яркой звездой, медленно плывущей в темноте, которая постепенно как бы уплотнялась, чернела, собирала силы. Усиливающуюся тьму видел и Гед, по-прежнему смотревший вперед. Там, впереди, у самой кромки светового круга, отбрасываемого посохом, он вскоре заметил Тень. Она медленно брела по песку ему навстречу.

Вначале Тень казалась совершенно бесформенной, но по мере приближения стала напоминать человека. Потом оказалось, что это старый, седой и угрюмый мужчина идет к Геду; но, узнав в нем своего отца, кузнеца, Гед тут же понял, что это уже не старик, а

юноша. Теперь это был Джаспер, Гед узнал его дерзкое, красивое юное лицо, расшитый серебром плащ, твердую легкую поступь. Ненависти был исполнен взгляд Джаспера, устремленный на Геду в густеющей тьме. Гед не остановился, но шаг замедлил и поднял свой посох чуть выше. Посох засветился ярче, и Джаспер исчез, неожиданно превратившись в Печварри, но почему-то со смертельно бледным, раздувшимся, как у утопленника, лицом. Этот Печварри странным образом протягивал к Геду руки, словно манил к себе. И снова Гед не остановился и шел вперед, хотя между ним и Тенью оставалось всего несколько шагов. Тогда Тень полностью изменила свой облик. Она растеклась по обе стороны от Геды, будто распростерла два огромных крыла. Она извивалась и раздувалась, потом снова собиралась в комок. На мгновение в этом комке мелькнуло белое лицо Скиорха, потом стали видны два сумрачных, глядящих на Геду глаза, и вдруг появился ужасный лик, доселе ему неизвестный — то ли человека, то ли чудовища, с судорожно кривящимся ртом и бездонными ямами глаз, в которых была черная пустота.

Гед как мог высоко поднял свой посох, свет стал непереносимо ярким, и этот мощный поток белого света поборол, разорвал древнюю тьму. В ослепительном сиянии Тень утратила всякое сходство с человеком. Она собралась в комок, съежилась, еще больше почернела и наконец поползла на четырех когтистых лапах по песку, поднимая вверх слепую бесформенную морду. Когда они сошлись, в белом волшебном свете Тень стала абсолютно черной и поднялась в человеческий рост. Молча человек и Тень встретились лицом к лицу и остановились.

Громким и ясным голосом разорвав вечную тишину, Гед произнес имя Тени, и в тот же миг Тень своим лишенным губ и языка ртом произнесла то же самое слово Истинной Речи: Гед. И оба голоса слились в один.

Гед протянул к ней руки, выронил посох и крепко обхватил ее — ту черную часть собственного «я», ко-

торая тянулась ему навстречу. Свет и тьма встретились, соединились и слились воедино.

Но Ветчу, издали наблюдавшему происходящее на странном сумеречном песчаном острове, показалось, что Гед побежден: он увидел, как яркое свечение посоха померкло и стало едва заметным. Ярость и отчаяние овладели его душой, Ветч выпрыгнул из лодки на песок, чтобы спасти друга или погибнуть с ним вместе. Он хотел бежать к этому угасающему огоньку, но едва ступил на сушу, как песок провалился у него под ногами, и Ветч начал биться в его удушающем зыбучем потоке, пока с грозным ревом и победным светом дня, с обжигающим холодом зимы и горьким вкусом морской воды настоящий мир не вернулся к нему, и Ветч понял, что действительно оказался в живительных водах моря.

Рядом на волнах покачивалась лодка. Пустая. Больше ничего на поверхности моря Ветч разглядеть не мог. Пенистые волны заливали лицо, слепили, к тому же он не был хорошим пловцом, так что постарался поскорее добраться до лодки. Он перевалился через борт, откашлялся и попытался отряхнуть воду, струившуюся с его волос и одежды. Потом стал с безнадежным видом оглядываться вокруг, не зная, где искать Геда. В конце концов он заметил вдали на поверхности моря, среди волн нечто темное — там, где раньше был песчаный остров. Тогда Ветч схватился за весла и могучими рывками погнал лодку к этому месту, успел схватить тонущего друга за руку и втащил его через борт в лодку.

Гед был в забытии; глаза его, хоть и открытые, смотрели бессмысленно, однако на теле друга Ветч не заметил никаких ран. Посох из тиса совсем перестал светиться; Гед крепко сжимал его в правой руке и не отпускал. Он так ни слова и не произнес и лежал, обессиленный, промокший насквозь, дрожащий, у мачты, опершись о нее спиной и не глядя на Ветча, который поднял парус и развернул лодку по ветру, по-прежнему дувшему с северо-востока. Во тьме ничего вокруг не было видно, но вдруг прямо по курсу,

на западе, меж перистых облаков в полосе чистого неба появился сияющий молодой месяц — тонкое полукольцо цвета слоновой кости, отраженный свет солнца.

Гед поднял лицо к яркому рогатому месяцу и снова застыл.

Потом вдруг встал во весь рост, держа обеими руками волшебный посох, как воин держит свой боевой меч, окинул взором небо, море, коричневый надутый парус над головой и лицо друга.

— Эстарриол, — сказал он, — знаешь, все конечно. Все позади. — Он засмеялся. — Рана моя зажила. Я теперь целый. Я снова стал самим собой. И я свободен. — И вдруг, склонив голову и спрятав лицо в ладонях, Гед разрыдался, как ребенок.

До этого Ветч наблюдал за другом с тревогой и ужасом: он не знал точно, что произошло там, на темном острове. Не знал даже, действительно ли это Гед был с ним в лодке сейчас. В течение нескольких часов Ветч не снимал руку с якоря и в любую минуту готов был пробить деревянную обшивку лодки и затопить ее прямо здесь, но не везти назад, к островам Земноморья, то исчадие ада, которое, как он опасался, приняло облик Геда. Теперь же, услышав, как тот говорит, он больше не сомневался и начинал понимать, что же все-таки произошло: в этом сражении Гед не проиграл и не выиграл, но, назвав Тень Смерти собственным именем, как бы соединил две половинки своей души — стал человеком, который, познав собственное «я», не может оказаться во власти иной силы и сам повелевает своей душой, а потому тратит жизнь только ради жизни и никогда — ради разрушения, боли, ненависти или воцарения тьмы. В «Создании Эа», старейшей из героических песен прошлого, говорится:

*В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме;
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной,
Пустынной, бескрайней...*

Эту песню пел теперь во весь голос Ветч, направляя лодку на запад, летя быстрее холодного зимнего ветра, что дул прямо им в спину из Открытого моря.

Восемь дней плыли они и еще восемь, прежде чем впереди завиднелась земля. Не раз приходилось им пополнять запасы пресной воды с помощью колдовства. А еще они пробовали ловить рыбу, но, хоть и произносили заклятия, попадалось все равно очень мало, потому что рыбы в Открытом море не знают своих настоящих имен, а потому на заклятия не обращают особого внимания. Когда у них совсем не осталось еды, кроме нескольких ломтиков копченого мяса, Гед вспомнил, что сказала Ярроу, когда он украл сухарик на кухне, и действительно пожалел об этой краже, потому что голод терзал их, и все же воспоминание о Ярроу было ему приятно. Ведь она тогда сказала еще, что они непременно вернутся снова домой.

Волшебный ветер всего три дня нес их по водам океана к востоку от Астоуэлла, Последней Земли, но им понадобилось целых шестнадцать дней, чтобы вернуться обратно. Ни один человек еще не возвращался из столь далекого плавания по Открытому морю, да еще на рыбацкой лодке и в зимнее время. Однако молодые волшебники, Эстарриол и Гед, вернулись. Их миновали сильные шторма, и они довольно точно шли по курсу, указываемому компасом и звездой Толбегрен. Они прошли чуть севернее, а потому не вернулись на Астоуэлл и миновали Фар Толи и Снег, даже не увидев их. Впервые они высадились на берег на самом южном мысу острова Коппиш. За прибоем виднелись каменные утесы, словно башни огромной крепости. Морские птицы жалобно кричали над волноломами, а над деревушками плыл голубоватый дым от множества очагов, и дым этот уносил ветер.

Отсюда до Иффиша было совсем близко. Они вошли в гавань Исмея тихим пасмурным вечером; из темных туч падали редкие снежинки. Гед и Ветч привязали «Зоркую», что пронесла их по всем морям до самого царства смерти и обратно, и двинулись по узенькой улочке в город. Легко было у них на сердце, когда

отворилась дверь дома, согретого огнем камина, и Ярроу выбежала им навстречу, плача от радости.

Если Эстарриол с острова Иффиш все же исполнил свое обещание и сложил песнь о первом великом подвиге Геда, то она была потеряна. Впрочем, в Восточном Пределе очень распространена одна легенда о лодке, которая якобы села на мель прямо над океанской бездной, далеко-далеко от земли. На Иффише считают, что лодкой этой правил Эстарриол. На острове Ток полагают, что это были двое рыбаков, унесенных штормом далеко в Открытое море. А на Холпе рассказывают о каком-то местном рыбаке, который так и не смог сдвинуть лодку с неизвестно откуда взявшейся отмели в океане и остался там.

Итак, от «Песни о Тени» остались лишь разрозненные куски, которые, как плавник, носило от острова к острову долгие годы. Сказание «Подвиг Геда» даже не упоминает об этом путешествии и о встрече Геда с Тенью, происшедшей в самом начале его жизненного пути; там рассказывается о том, как он невредимым вернулся с острова Драконьи Бега, как потом вернул в Хавнор знаменитое Кольцо Эррет-Акбе, половинка которого хранилась в Гробницах Атуана, и как он возвратился на остров Рок и стал Верховным Магом Земноморья.

ГРОБНИЦЫ АТУАНА

Рыжеволосой из Теллурида

ПРОЛОГ

— Домой, Тенар! Домой!
В горной долине вот-вот должны были расцвести яблони; среди набухших бутонов в сумеречной тени сада неяркой звездочкой вспыхнул первый розово-белый цветок. Между деревьями по молодой густой траве, покрытой росой, бегала маленькая девочка. Бегала просто потому, что ей весело было бегать. Услышав, что ее зовут, она не сразу повернула к дому, а сделала по саду еще один большой круг и только потом побежала к матери. Та стояла на пороге со свечой в руках и смотрела, как хрупкая крошечная фигурка подскакивает и подлетает на бегу, словно пушок чертополоха над густой травой, темнеющей под деревьями.

Прислонившись к стене хижины и очищая испачканную землей мотыгу, отец девочки сказал:

— Ну зачем ты так прилепилась сердцем к этой малышке? Все равно ведь через месяц ее заберут. Навсегда. Она для нас все одно что умрет. А ты прямо-таки прикипела к ней... Да и то — пользы-то от девчонки никакой. Если б они хоть заплатили за нее, тогда еще куда ни шло, а то ведь заберут — и ни гроша! Заберут и все тут.

Мать ничего не сказала; она любовалась дочкой, которая остановилась и смотрела сквозь ветви яблонь туда, где над высокими холмами, над садами ярко сияет в небе вечерняя звезда.

— Она же не наша! Ее у нас отняли когда еще! Явились и сказали: ваша малышка должна стать Великой Жрицей. Ну что ж ты никак этого не поймешь! — В хриплом голосе мужчины слышались досада и горечь. — У тебя ведь еще четверо. Они-то останутся при тебе, а с этой все кончено. И незачем к ней привязываться. Пусть уходит!

— Когда придет время, — промолвила женщина, — я ее отпущу.

Она наклонилась навстречу девочке, которая спешила к ней, ступая маленькими босыми ножками прямо по мягкой влажной земле, подхватила на руки и пошла в дом. Но чуть помедлила на крыльце, прижала малышку к себе и поцеловала в темноволосую голову. Светлые, золотистые волосы матери как бы вспыхнули в отблесках пламени очага, освещавшего убогое жилище.

Муж остался снаружи, хотя ноги его тоже были босы и застыли от ледяной росы. Ясное весеннее небо над ним постепенно темнело. Невидимое в густых сумерках лицо мужчины было искажено горем — неизбывным, тяжким, злым, — которое он никогда бы не сумел выразить словами. В конце концов он лишь пожал плечами и пошел следом за женой в освещенную комнату, откуда доносились звонкие голоса детей.

ПОГЛОЩЕННАЯ

Один-единственный раз резко протрубил горн и смолк. Наступила тишина, прерываемая лишь шарканьем множества ног, медленно двигавшихся в такт негромкому барабанному бою. Через трещины в куполе Тронного Храма, через огромную дыру над колоннадой, где обвалилась целая секция кирпичной кладки и вся черепица, на пол падали косые неверные лучи солнца. Солнце взошло не более часа назад. Воздух был неподвижен и холоден. Сухая трава, умудрившаяся прорасти между мраморными плитами пола, серебрилась инеем, высокие былинки ломались, задеты длинные черными одеяниями жриц.

Жрицы шли по четыре в ряд длинной колонной. Барабан упрямо выстукивал одно и то же. Кроме молчаливых жриц, вокруг не было ни души. Факелы в руках облаченных в черное женщин казались бледно-красными, когда жрицы ступали в полосы солнечного света. А там, где было потемнее, — ярко вспыхивали. За дверями Храма, на крыльце стояли мужчины — охранники, трубачи, барабанщики: внутрь могли пройти

только женщины. Жрицы в черных платьях и плащах с капюшонами медленно брели к огромному пустующему трону.

Вошли еще две высокие, закутанные в черное женщины — одна гибкая и подвижная, другая медлительная; тяжеловесная, ступающая враскачку. Между ними шла девочка лет шести в прямой белой рубаше без рукавов, с непокрытой головой, босиком. Она казалась на удивление маленькой. У подножия лестницы, ведущей к трону, где уже выстроились темными рядами остальные жрицы, высокие женщины остановились и чуть подтолкнули девочку вперед.

Гигантский трон на высоком постаменте был с обеих сторон задрапирован, словно ключьями чудовищной паутины, огромными тяжелыми темными занавесями, спадавшими откуда-то из черноты, таившейся под крышей Храма. Были ли то действительно занавеси или просто невероятно глубокие тени, понять было трудно. Сам по себе трон был из черного камня: на подлокотниках и спинке неярко поблескивала инкрустация самоцветами и золотом. Трон поражал своими размерами. Любой человек на нем казался бы карликом — он не был предназначен для людей и не соответствовал их размерам. Теперь он пустовал: там не было никого, кроме теней.

Девочка самостоятельно взобралась на четыре из семи ступеней тронной лестницы. Ступени из покрытого красными прожилками мрамора были так широки и высоки, что малышке приходилось сначала с помощью рук подтягивать одну ногу, лечь на живот, подтягивать вторую ногу, потом вставать и только тогда начинать штурм следующей ступени. На средней, четвертой ступени возвышалась грубая деревянная колода с углублением посередине. Девочка встала на колени, уложила головку в это углубление, чуть повернув ее в сторону, и так застыла.

Вдруг откуда-то из темноты, справа от трона, вынырнула огромная человеческая фигура в длинном белом одеянии, перехваченном на талии ремнем. Лицо человека было закрыто белой маской. Он стал спу-

скаться к девочке, держа в обеих руках огромный блестящий меч. Потом сразу, не произнеся ни слова, человек в белом взмахнул мечом прямо над тоненькой шейкой ребенка. Барабан смолк.

Когда страшное лезвие, взлетев в воздух, как бы застыло в верхней точке замаха, слева от трона появилась вторая человеческая фигура, но уже в черном, и этот человек поспешил к палачу, успел остановить его руку, перехватив ее тонкими пальцами. Острое лезвие, поблескивая, дрожало в воздухе. Белая и черная фигуры как бы балансировали некоторое время — обе одинаково безликие — над неподвижной девочкой, из-под распавшихся черных волос которой взору всех открылась белоснежная шейка.

Наконец их молчаливый танец закончился, черная и белая фигуры отодвинулись друг от друга и вновь скрылись за тронем — каждая со своей стороны. Тогда к коленопреклоненной девочке приблизилась одна из высоких жриц и полила ступени рядом с ней какой-то жидкостью. В неясном свете Храма жидкость казалась черной.

Девочка встала и начала старательно спускаться вниз по высоким ступеням. Когда она наконец ступила на пол, две высокие жрицы надели на нее черное платье и черный плащ с капюшоном, а потом снова повернули ее лицом к семи ступеням и черному подсыхающему полу на четвертой из них.

— Пусть Безымянные владеют этим ребенком, воплощением той, что рождена вечно быть безымянной. Пусть вся ее жизнь — каждый ее год до самой смерти — принадлежит им. Так же, как и ее смерть. Пусть Безымянные поглотят ее!

И другие голоса, страшные и пронзительные, как звуки трубы, отвечали:

— Поглощена! Она поглощена!

Малышка стояла, поглядывая из-под черного капюшона на трон. Его подлокотники в виде огромных когтистых лап, инкрустированные драгоценными камнями, были покрыты пылью, а резную спинку украшала густая паутина и белые пятна совиного помета.

На последние три ступени, что вели к самому трону (и были выше той, где она преклонила колена), никогда не ступала нога смертного. Они были покрыты таким слоем пыли, что казались вылепленными из унылой серой глины, даже красноватые прожилки были совершенно незаметны под этими наслоениями, которых не касался никто. Бог знает сколько уже лет или веков.

— Она поглощена! Поглощена!

Внезапно раскатисто загремел барабан; ритм заметно ускорился.

В тишине раздался шорох шагов — процессия вновь построилась в том же порядке и двинулась прочь от трона, на восток, к светлому четырехугольному дверному проему в противоположной стене. Жрицы шли меж толстых, расположенных в два ряда колонн, похожих на огромные бледные ноги чудовища, скрывающегося во мраке под потолком. Среди жриц торжественно шла и девочка, теперь вся в черном, как они. Девочка старательно переступала маленькими босыми ножонками по замерзшим стебелькам травы, по ледяным каменным плитам. Когда сквозь разрушенную крышу прорвался сноп солнечных лучей, преграждая ей путь, она даже глаз не подняла.

Стражники держали дверь наготове — распахнутой настежь. Черная процессия вышла на утренний ветерок под холодное солнце, которое ослепительно сияло, плывя над пустыней. На западе его желтый свет отражали горы и ворота Храма. На остальных строениях, расположенных ниже по склону холма, все еще лежали красноватые тени. И только Храм Богов-Близнецов на небольшом холме напротив был залит солнцем, его заново покрывая кровля так и сияла. Черная вереница жриц по-прежнему четверками спускалась с холма, где находились Священные Гробницы. Послышалось тихое пение. Нехитрая мелодия состояла всего из трех нот, а слово, вновь и вновь повторяемое жрицами, было настолько древним, что давно уже утратило свое первоначальное значение; так бывает с верстовыми столбами, нелепо торчащими там, где

когда-то пролежала давно исчезнувшая дорога. Жрицы продолжали монотонно повторять в такт музыке это пустое, ничего не значащее слово. И весь тот день — день Возрождения Великой Жрицы — слышалось тихое пение и непрерывное гудение волынки.

Девочку вели из комнаты в комнату, из храма в храм. В одном месте на язык ей зачем-то положили соль; в другом она долго стояла на коленях лицом к западу, а ей тем временем отрезали ее длинные волосы и умастили голову душистым маслом и уксусом; еще в одном месте она легла на черную мраморную плиту за алтарем, а пронзительные голоса тем временем оплакивали «усопшую» в долгой литургии. Ни девочка, ни жрицы в тот день ничего не ели и не пили. Когда на небе загорелась вечерняя звезда, девочку уложили спать голышом на овечью шкуру, а сверху накрыли другой такой же шкурой. В этом доме она никогда еще не бывала. До этого дня он много лет простоял запертым. Комната ее напоминала глубокий колодец, и окон в ней не было. Там царил запах тлена, воздух был застоявшийся, несвежий. Молчаливые жрицы оставили девочку одну в темноте.

Малышка сжалась и застыла неподвижно в той самой позе, в какой они ее оставили. Глаза девочки были широко открыты. Прошло довольно много времени.

Вдруг она увидела на высокой стене дрожащее пятно света. Кто-то тихонько шел по коридору, явно прикрывая свет рукой, потому что отблеск на стене был не больше огненной мухи. Кто-то тихонько позвал шепотом:

— Эй, ты здесь, Тенар?

Девочка не ответила.

Чья-то голова просунулась в дверной проем: странная голова — безволосая, желтоватая, словно очищенная вареная картошка. Глаза, коричневые, маленькие, тоже были похожи на картофельные глазки. Нос утонул в гигантских жирных щеках, а рот казался уродливой щелью. Девочка не шевелясь смотрела на это лицо огромными, темными, неподвижными глазами.

— Эй, Тенар, милая ты моя, соты мои медовые! Вот ты где! — голос был хриплый, но высокий, похожий на женский и в то же время не женский. — Мне не следует здесь появляться, я ведь не имею права входить внутрь и должен оставаться за дверью, на крыльце. Так оно и будет, но должен же я был посмотреть, как там моя девочка — после этих бесконечных церемоний, а? Как ты тут, малышка?

Он совершенно бесшумно придвинулся к ней еще ближе и ласково положил огромную руку на голову, как бы желая пригладить ее черные волосы.

— Я больше не Тенар, — сказала девочка, глядя на него в упор.

Огромная рука застыла; он так и не погладил ее по голове.

— Нет, конечно, я знаю... — откликнулся он шепотом, — знаю. Теперь ты маленькая Поглощенная. Но я...

Она не отвечала.

— Для такой малышки это был тяжелый день, — проговорил толстяк отдуваясь; в большой желтоватой руке его мигал крошечный светильник.

— Тебе не следует приходить в этот дом, Манан.

— Да, да. Я знаю. Мне не следует приходить в этот дом, я и не буду. Ну хорошо, спокойной ночи, малышка... Спокойной ночи.

Девочка снова ничего не ответила ему. Манан медленно повернулся и пошел прочь. Последний отблеск света угас на высоких стенах ее кельи. Девочка, которая сегодня лишилась своего прежнего имени и теперь звалась Ара, что значит «поглощенная», лежала на спине и неотрывно смотрела во тьму.

Глава 2

ЗА СТЕНОЙ

Подрастая, она утратила последние воспоминания о матери, не понимая даже, что теряет. Она принадлежала лишь этому Храму, Священным Гробницам; она принадлежала им всегда. Лишь порой, долгими июльскими вечерами, глядя на западные горы, словно покрытые сухой львиной шкурой золотистого цвета в лучах заходящего солнца, она будто бы припоминала точно такой же яркий желтый огонь в каком-то очаге — только когда-то давно-давно. И кажется, даже кто-то держал ее на руках, что вообще очень странно, потому что Ары не полагалось касаться. И еще всплывала память об аромате свежесмытых, прополосканных в отваре шалфея волос, длинных и светлых, того же цвета, что закат и тот давнишний огонь в очаге. Вот и все, что у нее осталось от прошлого.

Она, разумеется, знала больше, чем помнила: ей уже давно рассказывали о том, как она попала в Храм. А когда ей было лет семь или восемь, она впервые по-настоящему заинтересовалась тем, кто же она на

самом деле и почему ее зовут Ара. Тогда она пошла к своему телохранителю Манану и потребовала:

— Расскажи, как меня выбирали Жрицей, Манан.

— Ох, но ты же все это давно знаешь, малышка.

И она действительно знала: высокая, с бесстрастным голосом жрица по имени Тхар много раз рассказывала ей об этом, и девочка помнила всю историю почти наизусть. Теперь она с удовольствием еще раз повторила ее сама Манану.

— Да, я знаю! Когда умерла Единственная, что служит Гробницам Атуана, обряды погребения и очищения длились целый лунный месяц. После чего несколько жриц с охраной отправились в иные края через пустыню, по разным городам и селениям Атуана. Они внимательно искали сами и спрашивали разных людей. А искали они новорожденную девочку, появившуюся на свет в ту самую ночь, когда умерла Единственная. Когда жрицы находят такого ребенка, то достаточно долго ждут, наблюдая за ним. Дитя должно быть здорово телом и крепко рассудком, не должно болеть ни рахитом, ни оспой, не должно страдать слепотой или уродствами. Если девочка до пяти лет не бывает поражена никаким духовным или физическим недугом, это значит, что именно ее тело избрала душа покойной Великой Жрицы Гробниц. Ее отвозят в Авабатх и показывают Королю-Богу, а потом возвращают в Храм и обучают в течение года, в конце которого новая Ара проходит обряд посвящения, когда прежнее ее имя передается тем, кто теперь стал ее Хозяевами, то есть Безымянным. И с этого момента она сама становится безымянной. Единственной Вечно Возрождающейся Жрицей.

Девочка почти слово в слово повторила то, что ей рассказывала Тхар, у которой она никогда не осмеливалась спросить хоть что-то еще. Высокая тощая жрица вовсе не была жестокой, но с окружающими держалась холодно и жила в соответствии с железными законами Святого Места. Ара перед ней трепетала. Зато нисколько не боялась Манана, даже, пожалуй, с удовольствием им командовала.

— А теперь расскажи, как меня выбрали Жрицей!
И он снова и снова готов был рассказывать своей любимице.

— Сначала мы двинулись на северо-запад — это было на третий день после того, как народилась луна, и точно в этот самый день, месяц назад умерла та Ара, что была прежде. Первым был город Тенакбах, довольно-таки большой, хотя те, кто видел Авабатх, считают, что он в сравнении со столицей все равно что блоха рядом с коровой. Но для меня-то и Тенакбах был достаточно велик; там, небось, не меньше десяти тысяч домов? Потом мы пошли в Гар, но и в этом городе тоже не родилось ни одной девочки на третий день новолуния в прошлом месяце. Были, правда, мальчики, да только мальчики не годятся... Тогда мы углубились в холмистую местность к северу от Гара, там много мелких селений. Это моя родина. Там, среди холмов я когда-то родился; там множество рек и земля словно покрыта зеленым ковром... Не то что в этой пустыне! — Голос Манана в этом месте всегда начинал дрожать, а маленькие глазки совсем скрывались в глубоких складках на щеках; он даже умолкал ненадолго от волнения. Потом продолжал свое повествование. — И вот мы выяснили, у кого из здешних месяц назад родились девочки, и стали по очереди посещать каждый дом. Некоторые, конечно, пытались соврать: «О да, наша девочка родилась как раз на третий день новолуния!» Ведь бедняки, знаешь ли, часто даже рады избавиться от новорожденных дочерей. А еще встречались такие, что в своих жалких уединенных хижинах среди холмов совсем не вели счета дням и с трудом могли объяснить даже смену времен года, так что и сказать-то точно не могли, сколько дней их младенцу. Но всегда ведь можно докопаться до истины, если быть достаточно упорным. Впрочем, дело продвигалось медленно. Наконец в маленькой деревушке из десятка домов, утонувшей в яблоневых садах, которыми славятся долины к западу от Энтата, мы нашли маленькую девочку. Ей было уже восемь месяцев — вот как долго мы искали! — но

она родилась именно в ту ночь, когда умерла Великая Жрица Гробниц, и в тот же час. До чего же славный был ребенок! Она сидела на коленях у матери и сияющими глазенками посматривала на всех, кто толпится вокруг, набившись в единственную комнату домика, словно летучие мыши в пещеру. Отец-то ее был бедняк. Садовник у какого-то богача, и своего не имел ничего, кроме пятерых детей да козы. Даже домишко ему не принадлежал. Итак, все мы столпились там, и уже по тому, как жрицы, тихо переговариваясь, смотрели на младенца, можно было понять, что они нашли наконец Вечно Возрождающуюся. И мать девочки тоже это поняла. Она прижимала ребенка к себе, но не произносила ни слова. Ну ладно. На следующий день приходим мы снова — глядь, а ясноглазая малышка лежит, укрытая тряпьем, и всюду плачет, кричит, тело у нее все красное, как при лихорадке, и покрыто сыпью. Еще громче плачет ее мать: «Ай-яй-яй! Это ведь следы Ведьминых Пальцев! Вон, все тело испятнала, проклятая!» Эта она оспу имела в виду. У нас в деревне оспу тоже называли Ведьмиными Пальцами. Но Коссил, та, что теперь Верховная Жрица Короля-Бога, подошла к колыбельке да и взяла ребенка на руки. Все так и отпрянули, ну и я, конечно, тоже: не так уж я за свою жизнь цепляюсь, да только кто же входит в дом, где оспа? Но Коссил почему-то совсем не боялась. Взяла она ребенка и говорит: «У нее же никакого жара нет?» Да как плюнет на палец и давай тереть одну из красных отметин. Пятно и исчезло! Оказалось, это всего лишь ягодный сок. Бедная глупая мать надеялась, видно, обмануть нас и оставить дочку при себе! — Манан от всей души рассмеялся. Желтое лицо его осталось почти неподвижным, зато бурно заколыхались бока. — Ну, муж-то, конечно, побил ее, потому что боялся гнева жриц. И вскоре мы вернулись обратно в нашу пустыню, но каждый год кто-нибудь один отправлялся в деревню среди яблоневого сада, чтобы узнать, как растет девочка. Так прошло пять лет. Наконец Тхар и Коссил в сопровождении стражи — солдат в красных шлемах, специаль-

но присланных Королем-Богом, — отправились за девочкой. И привезли ее сюда, ибо она казалась Возродившейся Единственной. Отныне она принадлежала Святому Месту. А ну-ка, скажи, кто была та девочка?

— Я, — отвечала Ара, глядя вдаль, словно пыталась разглядеть нечто, постоянно ускользавшее от нее.

Однажды она спросила:

— А что сделала та женщина... мать, когда жрицы пришли, чтобы увести девочку?

Но этого Манан не знал: он не был в том последнем путешествии.

А она никак не могла вспомнить. Да и что вообще хорошего в воспоминаниях? Все прошло, давно прошло. Она явилась туда, где должна быть. Во всем мире она знала одно лишь подобающее ей место: Гробницы Атуана.

Весь первый год Ара спала в большой спальне с другими новенькими — девочками от четырех до четырнадцати лет. Но уже тогда Манан специально был выделен ей в телохранители; и кровать ее тоже стояла отдельно, в маленьком алькове, а не в общей длинной и плохо освещенной комнате Большого Дома, где девчонки пересмеивались и перешептывались, прежде чем уснуть, а утром, зевая, заплетали друг другу косы. Когда у нее отняли прежнее имя и назвали Арой, она стала спать одна в Малом Доме, в постели с одеялами из овечьих шкур, в той самой комнате без окон, которая теперь принадлежала только ей до конца жизни. Малый Дом всегда принадлежал Единственной, и никто не смел войти туда без ее разрешения. В детстве Аре очень нравилось отвечать тому, кто стучался в ее дверь: «Можешь войти!», и ее злило, когда обе Верховные Жрицы, Тхар и Коссил, не обращали должного внимания на ее разрешение и чаще всего входили без стука.

Пролетали дни, проходили годы — похожие один на другой. Девочки, что воспитывались при храмах, много времени уделяли различным полезным занятиям. Ни в какие игры они никогда не играли. Времени для игр просто не было. Они разучивали священные

песни и танцы, предания о землях Каргада, сакральные мифы, посвященные различным богам, но чаще всего — либо Королю-Богу, чей дворец находился в Авабатхе, либо Богам-Близнецам, Атва и Вулуа. Из всех девочек только Ара изучала обряды, связанные с Безымянными, и учила ее Тхар, Верховная Жрица Богов-Близнецов. Каждый день, по крайней мере час, она занималась с Арой наедине. Но большую часть своего дня Ара, как и другие ученицы, проводила за работой. Девочки учились прясть и ткать шерсть для жреческих одеяний, сажали и сеяли различные растения и злаки, убирали урожай, учились готовить пищу на каждый день: чечевицу, кашу из зерна грубого помола или пресные лепешки. Все это во время трапез разнообразилось луком, капустой, овечьим сыром, яблоками и медом.

Самой лучшей наградой для учениц было разрешение пойти на рыбную ловлю к реке с темно-зеленой водой, что протекала недалеко от храмов. Можно было, прихватив с собой яблоко или холодную лепешку, весь день просидеть на берегу среди тростников в сухом солнечном тепле, любуясь медлительной зеленой водой и меняющимися очертаниями облаков над холмами. Однако если кто-то не выдерживал и взвизгивал от возбуждения, когда леса натягивалась и на берег вылетала плоская блестящая рыбка, начинавшая тут же задыхаться на песке, Меббет шипела ужом: «Сиди спокойно, дура визгливая!»

Миббет, жрица из Храма Короля-Бога, была еще молодой темнокожей женщиной, но с ужасным характером — твердым и острым, как обсидиановый нож. Рыбная ловля была ее страстью: К ней непременно требовалось подлизываться и стараться вообще не раскрывать рта, чтобы она не рассердилась и снова взяла с собой на рыбалку. Из-за Меббет вполне можно было ни разу в жизни больше не попасть на реку, разве что летом, когда воду для хозяйства таскали оттуда: колодец в жару совсем иссякал. Это было ужасно — тащить два полных ведра на коромысле по изнуряющей жаре, белым маревом висящей над пустыней,

да еще поторапливаться. Первые сто шагов вверх по склону холма к Большому Дому давались относительно легко, но постепенно ведра становились все тяжелее и тяжелее, коромысло жгло плечи, как раскаленное железо, а песок блестел так, что больно было на него смотреть, и каждый следующий шаг был труднее предыдущего. Наконец, добравшись до прохладной тени на заднем дворе Большого Дома, нужно было опорожнить ведра в огромную бочку у овощного амбара и немедленно возвращаться назад, снова и снова прodelывая все сначала.

На огороженной территории Святого Места — так назывались все здешние храмы и строения, — считавшегося самой древней святыней на всех четырех островах Империи Каргад, проживало около двух сотен человек. Здесь было три храма; Большой Дом и Малый; кельи евнухов-телохранителей и прилепившиеся к внешней стене хижины рабов, различные кладовые и овчарни, а также — сараи для инвентаря. Издали все вместе это выглядело как маленький городок, окруженный голыми сухими холмами, где рос только шалфей, какая-то жестяная трава, торчавшая колючими кустиками, и прочая пустынная мелочь. С запада храмы закрывали холмы, зато с востока, из долин, даже издалека видна была золоченая крыша Храма Богов-Близнецов, сверкавшая и переливавшаяся в небе чуть ниже далеких горных вершин, подобно блестящей слюде на каменистом откосе.

Сам по себе Храм Богов-Близнецов был похож на громоздкий каменный куб, облицованный белой плиткой, без окон, с низенькой дверью и крыльцом. Гораздо более красивым и юным — на целые века моложе — был Храм Короля-Бога, расположенный чуть ниже по склону. Его высокий портик украшали толстые белые колонны с разноцветными капителями; каждая из колонн была сделана из целого ствола огромного кедра, привезенного на корабле с острова Гур ат-Гур, богатого кедровыми лесами. Каждый из таких стволов втаскивали к Святому Месту на веревках не менее двадцати рабов.

Разглядывая Святое Место из восточных долин, человек наконец замечал выше всех остальных построек, выше золотой крыши одного храма и белоснежных колонн другого, самый старый из них — огромный, приземистый Тронный Храм с разрисованными стенами и плоским, как бы расплзшимся куполом.

За этим храмом, окружая все Святое Место, тянулась толстенная каменная стена сухой кладки, во многих местах разрушенная. Стена петлей огибала отдельный участок за Тронным Храмом, где, подобно гигантским пальцам, из земли торчало несколько черных камней в три человеческих роста высотой. Они постоянно притягивали к себе взор и были исполнены некоего глубинного значения. Однако никому не было известно, что же в действительности они означают. Камней было девять. Один стоял совершенно прямо, остальные более или менее наклонно; два камня упали. Камни были покрыты серыми и оранжевыми пятнами мхов, словно испачканы краской, — все, кроме одного: этот был совершенно гладкий, черный и будто лоснящийся. Поверхность его была скользкой, как шелк. Под коркой мхов на других камнях прощупывалось или даже виднелось нечто вроде резьбы — какие-то рисунки, знаки. Этот огороженный участок с Девятью Камнями и назывался Гробницами Атуана. По слухам, Камни появились здесь еще до рождения самого первого человека, в те времена, когда только создавались острова Земноморья и на земле царила тьма. Камни были куда древнее Короля-Бога, правившего Империей Каргад; они были старше Богов-Близнецов; старше всего этого мира. Это были гробницы тех, кто правил землей прежде, чем возник мир людей; тех, кто не имеет имени; и жрица их имени тоже не имела.

Ара не слишком часто общалась с Камнями; остальные же и ногой не ступали внутрь каменной ограды на самой вершине холма. Два раза в год, в полнолуние близ весеннего и осеннего солнцеворота, перед Троном совершалось жертвоприношение. Ара выносила

из низкой двери в задней стене большой медный таз, полный дымящейся крови только что убитого козла; кровь она должна была разлить так: половину у гладкого черного Камня, остальное — вокруг тех Камней, что лежали на земле, среди мелких камешков, запятнанных кровавыми приношениями, свершавшимися в течение многих столетий.

Иногда Ара в полном одиночестве бродила ранним утром среди Камней, пытаясь разгадать смысл резных знаков на их поверхности, в косых утренних лучах видимых особенно ясно; или же садилась возле Камней и смотрела вверх, на западные горы, или вниз, на крыши и стены строений. Она видела, как пробуждается с приходом утра жизнь у Большого Дома, и возле хижин стражников и пастухов, и в стадах овец и коз, которых гнали на скромные пастбища по берегам реки. Больше среди Камней делать было совсем нечего. Она ходила туда только потому, что лишь ей одной позволено было туда ходить. А еще потому, что там могла побыть в одиночестве. Но это было страшное место. Даже в жаркий летний полдень, особенно жаркий в пустыне, возле Камней царил холод. Порой между двумя Камнями, стоявшими близко друг к другу, слышался как бы свист ветра, и Камни эти склонялись друг к другу, словно беседуя о чем-то тайном. Но ни одна их тайная беседа так и не была ею услышана.

От каменной ограды, охранявшей территорию Гробниц, отходила другая каменная стена, пониже, образуя длинную, неправильной формы петлю вокруг Святого Места, чуть вытягиваясь к северу, к реке. Стена эта не столько защищала храмы, сколько делила их территорию на части: в одной сами святыни, Большой Дом и жилища жриц и телохранителей, в другой — хижины стражников и рабов, которые возделывали землю и пасли скот, обеспечивая Святое Место провиантом. Слуги всегда оставались на своей половине; только по самым большим праздникам стражники, барабанщики и горнисты сопровождали процессию жриц; но в ворота храмов они никогда не входили. Прочие же

люди вообще не смели ступить на территорию храмов. некогда, правда, сюда совершались настоящие паломничества, приезжали короли и важные вельможи со всех четырех островов, чтобы поклониться святыням. Сам первый Король-Бог полтора столетия назад приезжал сюда — устанавливать порядок богослужения в собственном храме. И все-таки даже он не смог подойти к Камням; даже он вынужден был принимать пищу и спать за пределами стены, окружавшей Тронный Храм и Гробницы.

Взобраться на стену, окружавшую Святое Место, было довольно легко: она вся была покрыта трещинами и выбоинами, как ступеньками. Ара и еще одна девочка по имени Пенте как-то раз в полдень сидели на стене. Был конец весны. Общим исполнилось по двенадцать лет. По правде говоря, они должны были бы находиться в Большом Доме за ткацкими станками, в огромном каменном зале, где из бесконечных клубков черной шерсти ткот унылую материю для жреческих одеяний. Девочки выскользнули наружу якобы для того, чтобы напиться во дворе у колодца, и тут Ара сказала: «Пошли скорей!» — и повела подружку вниз по склону холма кружным путем — чтобы не заметили из Большого Дома — к каменной стене. И вот теперь они сидели там, высоко над землей, свесив босые ноги по ту сторону стены и глядя на плоские равнины, уходящие далеко-далеко на восток и на север.

— Ой, как мне хочется море повидать! — сказала вдруг Пенте.

— А зачем? — спросила Ара, жуя какой-то горьковатый стебелек, сорванный прямо на стене. Пустыня вокруг только что отцвела. Ее некрупные цветы — желтые, розовые, белые — роняли на землю лепестки, повсюду посылали с ветром крошечные серо-белые перышки и зонтики семян. Белая пена опавших лепестков скрыла землю под яблонями в саду. Ветви окутала густая листва. Яблони были единственными зелеными деревьями в округе. Остальная растительность, куда ни глянь, имела сейчас один и тот же серо-корич-

невый, пустынный оттенок, и только на западе горы отливали серебристо-голубым: там как раз зацвел шалфей.

— Ну... я не знаю зачем. Просто хочется увидеть хоть что-нибудь еще. Здесь все всегда одинаковое. И ничего никогда не случается.

— Все, что случается где-то еще, начинается здесь, — сказала Ара.

— Да-да, я знаю... Но вот бы посмотреть, как это там происходит! — Пенте улыбнулась. Она была вся какая-то мягкая, уютная. Она потерла свои босые ступни о нагретые солнцем камни и, немного помолчав, продолжала: — Знаешь, я ведь раньше жила у моря — когда была маленькой. Наша деревня начиналась сразу за дюнами, и мы часто играли на берегу. Однажды, помнится, мы видели целую флотилию кораблей, проплывавших мимо и довольно далеко от нашего берега. Мы сбегали в деревню, позвали всех, и все пришли тоже смотреть на них. Корабли эти были похожи на драконов с красными крыльями. У некоторых были настоящие драконьи головы. Они плыли со стороны Атуана, но не принадлежали каргам. Наш староста сказал, что они с запада, с Внутренних Островов. Тогда вся деревня высыпала на берег. Я думаю, люди боялись, что чужеземцы высадутся на остров. Но они только проплыли мимо, и никто не знал куда. Может быть, воевать с жителями Карего-Ат? Ты только подумай: они ведь явились оттуда, где живут настоящие волшебники! Где у всех людей кожа цвета красной глины, где любой может наложить за тебя заклятие, а ты и глазом моргнуть не успеешь.

— Ну уж нет! — с яростью сказала Ара. — Я-то на них и смотреть бы не стала. Эти колдуны служат злым силам. И как только они осмеливаются плавать так близко от Святой Земли!

— Ой, ну надо думать, наш Король-Бог в один прекрасный день все-таки их завоюет и сделает своими рабами. Но мне ужасно хочется еще хоть разок повидать море! В оставленных отливом лужицах нам часто попадались маленькие осьминоги, и, если крикнуть

«Бу-у!», они сразу же становились белыми. Вот идет твой старый Манан, это он тебя ищет.

Телохранитель и верный слуга Ары медленно брел вдоль внутренней стороны стены. Время от времени он останавливался, чтобы выкопать дикий лук, которого у него собралась уже большая связка, потом снова распрямлялся и оглядывался вокруг своими равнодушными карими глазками. С возрастом Манан еще больше растолстел, и его безволосая желтая кожа лоснилась на солнце.

— Давай быстро вниз, на ту сторону, где живут рабы — и тихо! — прошипела Ара, и обе девочки соскользнули, гибкие, как ящерицы, за стену и присели там, невидимые с внутренней стороны. Они слышали, как Манан подошел ближе.

— У-гу-гу! Картофельная башка! — прогудела Ара, подражая вою ветра в траве.

Тяжелые шаги стихли.

— Эй, кто там? — неуверенно проговорил Манан. — Это ты, малышка? Ара?

Молчание. Манан двинулся дальше.

— У-гу-гу! Картофельное брюхо! — подражая подруге, прошипела было Пенте, но тут же зажала рот, чтобы не приснуть со смеху.

— Есть здесь кто-нибудь?

Молчание.

— Ах так? Ну хорошо, хорошо, — вздохнул евнух и медленно пошел дальше. Когда он скрылся за выступом холма, девочки снова вскарабкались на стену и уселись на ней. Пенте вся порозовела от жары и сдерживаемого смеха, но Ара выглядела свирепо.

— Старый глупый баран с бубенчиком! Что он за мной повсюду таскается?

— Он же обязан, — разумно возразила ей Пенте. — Это его работа — присматривать за тобой.

— За мной присматривают те, кому я служу. Они мной довольны. И совершенно не требуется, чтобы кто-то еще был доволен мной. Все эти старухи и полумужики должны оставить меня в покое. Я здесь Единственная!

Пенте смотрела на нее во все глаза.

— Ох, — еле слышно проговорила она, — ох, я-то знаю, что ты Единственная, Ара...

— Тогда пусть они оставят меня в покое! И перестанут вечно приказывать мне!

Пенте ненадолго замолкла; только вздыхала, болтала в воздухе своими пухлыми ножками да смотрела вдаль, на широкие бледные равнины, постепенно сливающиеся с бесконечной линией горизонта.

— Ты скоро будешь сама приказывать им, очень скоро, ты ведь знаешь, — спокойно сказала наконец Пенте. — Еще два года, и мы пройдем обряд посвящения, перестанем быть детьми. Нам исполнится четырнадцать. Меня пошлют в Храм Короля-Бога — там все будет по-прежнему. Зато ты на самом деле станешь Единственной. Даже Коссил и Тхар обязаны будут тебе повиноваться.

Ара молчала. Лицо ее было печально, глаза под темными ресницами блестели, отражая бледный свет полуденного неба.

— Нам, наверно, пора возвращаться, — сказала Пенте.

— Нет.

— Но Главная Ткачиха может рассказать Тхар... Да и Девять Песнопений уже скоро.

— Я остаюсь здесь. Ты — тоже.

— Тебя-то они не накажут, а меня уж точно, — мягко попыталась возразить Пенте. Ара не ответила. Пенте вздохнула и осталась. Солнце затягивало дымкой, повисшей высоко в небе над равнинами. Где-то далеко разносился перезвон овечьих колокольчиков, блеяли ягнята. Сухой весенний ветерок налетал слабыми волнами, навевая сладкие ароматы трав.

Девять Песнопений уже почти закончились, когда Ара и Пенте подошли к Большому Дому. Меббет видела, как девочки сидели «на людской стене», и донесла об этом своей начальнице Коссил.

Тяжело ступая, Коссил подошла к ним и вперила в девочек неподвижный взгляд. С каменным лицом, ровным голосом она велела им следовать за ней и повела

с крыльца Большого Дома на холм, к Храму Богов-Близнецов, Атва и Вулуа. Там она что-то сказала Верховной Жрице Храма — высокой, сухопарой Тхар — и обратилась к Пенте:

— Снимай-ка платье.

И выпорола девочку пучком тростниковых стеблей, которые, ломаясь, оставляли неглубокие, но болезненные царапины. Пенте терпеливо перенесла наказание, молча глотая слезы. Потом ее отослали к ткацкому станку и оставили без ужина. Весь следующий день она также должна была обходиться без еды.

— Если тебя еще раз увидят на «людской стене», — сказала Коссил, — наказание будет куда более суровым. Ты поняла, Пенте? — Голос Коссил звучал недобро.

Пенте ответила едва слышно и скользнула прочь, ежась и вздрагивая, потому что грубая шерсть платья касалась свежих царапин на спине.

Ара все время стояла рядом с Тхар и смотрела, как наказывают ее подругу. Теперь она молча следила за тем, как Коссил смывает с истрепанных тростниковых стеблей кровь.

— Не годится, чтобы ты бегала повсюду с остальными девчонками и забиралась куда не положено. Ты — Ара! — строго сказала ей Тхар.

Девочка мрачно молчала.

— Будет лучше, если ты не станешь нарушать правила Святого Места, ты все-таки будущая жрица. Ты — Ара!

На мгновение девочка подняла глаза и глянула в лицо Тхар, потом в лицо Коссил, и такая ненависть, такой гнев были в ее глазах, что обеим стало страшно. И все же тощая жрица ничуть не смутилась; она, пожалуй, была даже довольна и, наклонившись ближе к своей воспитаннице, почти прошептала:

— Да, ты действительно Ара. Ты — Единственная. И прошлое твое поглощено целиком.

— Прошлое поглощено целиком, — эхом повторила за ней Ара, как делала это каждый раз с шести лет.

Тхар слегка кивнула ей, удовлетворенная; Коссил тоже ей кивнула и убрала прочь розги. Но Ара на поклон не ответила, а просто повернулась и пошла прочь.

После ужина — картошки с зеленым луком, — съеденного в тишине узкой темной трапезной, после вечернего богослужения, после наложения священных заклятий на двери и короткого ритуала, Невы — разимого Словами, дневным заботам пришел конец. Теперь девочки могли отправляться к себе и играть с яблочными косточками и палочками, пока не догорит единственная на всю спальню свеча, а потом, в лучшем случае, пошептаться в темноте с соседкой по кровати. Ара же, как всегда, направилась через всю обширную территорию Святого Места к Малому Дому, ибо спала там в одиночестве.

Ночной ветерок приносил сладостный аромат трав. Весенние звезды светили ярко и были похожи на пушистые маргаритки на весеннем лугу или на мелких животных в теплой апрельской воде. Но Ара никогда не видела ни лугов, ни моря в апреле. Да и в небо она сейчас не смотрела.

— Эй, как ты там, малышка?

— Манан, это ты? — равнодушно спросила она. Огромная тень зашевелилась, и Манан воздвигся с ней рядом; его лысая голова, казалось, отражает свет звезд.

— Тебя наказали?

— Меня нельзя наказывать.

— Да... это так...

— Они не могут наказать меня. Не посмеют!

Манан стоял с ней рядом, большие руки его свисали вдоль туловища; он напоминал бесформенную глыбу. Ара чувствовала острый запах лука и сладкий запах шалфея, исходившие от его старой черной хламиды, обтрепанной по краям и коротковатой.

— Они даже пальцем не могут меня тронуть. Я — Ара, — сказала она пронзительным, яростным голосом и расплакалась.

Огромные, ждавшие своего времени руки приблизились, обняли, нежно погладили по спутанным волосам.

— Ну-ну, маленькая моя пчелка, малышка моя...

Она слышала хриплый шепот, исходивший из самых глубин его необъятной груди, и прижалась к нему. Слезы скоро кончились, но Ара продолжала прижиматься к Манану, словно ноги не держали ее.

— Бедная ты моя малышка, — прошептал он, поднял девочку на руки и понес ко входу в ее одинокое жилище. На крыльце он поставил ее на ноги.

— Ну? Все в порядке, малышка?

Она кивнула, отвернулась и вошла в темный дом.

УЗНИКИ

На крыльце Малого Дома слышались шаги Коссил, ровные и неторопливые. Высокая грузная фигура закрыла дверной проем, потом резко уменьшилась, когда жрица преклонила перед Арой одно колено, и снова невероятно увеличилась, когда Коссил снова выпрямилась в полный рост.

— Госпожа моя.

— В чем дело, Коссил?

— Мне было дозволено взять на себя некоторые заботы, связанные с владениями Безымянных — до поры до времени. Однако теперь пришла пора и тебе, госпожа, кое-чему научиться, кое-что увидеть самой и взять в собственные руки то, что в новой своей жизни ты до сих пор еще не вспомнила.

Ара сидела в своей комнате без окон, якобы погружившись в медитацию, а на самом деле не занятая ничем и ни о чем не думая. Лишь спустя некоторое время застывшее, тупое, но и высокомерное выражение на ее лице чуть изменилось, хотя она и пыталась это скрыть. С затаенным лукавством она спросила:

— Ты имеешь в виду Лабиринт?

— В Лабиринт мы входить не будем. Однако в Священное Подземелье спуститься необходимо.

В голосе Коссил, пожалуй, даже звучало подобие страха. Или она притворялась? Может, чтобы запугать Ару? Девушка неторопливо встала и сказала спокойно:

— Что ж, прекрасно.

Однако, следуя за грузной фигурой Верховной Жрицы, она в душе ликовала: наконец-то! Наконец-то я увижу собственное царство!

Ей исполнилось пятнадцать. Больше года назад она прошла обряд посвящения и стала полновластной и Единственной Жрицей Гробниц Атуана. Это был высший пост среди Верховных Жриц государства Каргад. Единственная не подчинялась даже Королю-Богу. Теперь все жрицы, встречаясь с ней, преклоняли одно колено, даже мрачная Тхар, даже Коссил; и все обращались к ней осторожно и почтительно. Но, в общем-то, ничто особенно не изменилось. Ничего так и не произошло. После торжественной церемонии посвящения дни Ары потекли точно так же, как и раньше. Нужно было прясть шерсть, ткать черную ткань, молотить зерно, соблюдать одни и те же обряды, по-прежнему каждый вечер исполнять Девять Песнопений и накладывать заклятие на двери храмов; и дважды в год поить кровью священные Камни, а в безлунные ночи танцевать сакральные танцы перед Незанятым Троном. Так прошел еще один год, подобный всем предыдущим; неужели точно так же пройдут и все остальные годы ее жизни?

Тоска порой подступала под самое горло, превращаясь почти в ужас. Этот ужас начинал душить ее. И однажды, не так давно, ужас этот просто заставил ее выговориться, иначе она боялась сойти с ума. Разумеется, говорила она с Мананом. Кому-то из девушек довериться ей не позволяла гордость, а старшим жрицам — осторожность. Манан был ни то ни другое, старый верный баран с колокольчиком на шее; ему

совсем не важно, что именно она скажет. Но, к ее удивлению, у старика уже был готов ответ.

— Давным-давно, — сказал Манан, — знаешь, малышка, еще до того, как наши четыре острова объединились в Империю, и до того, как Империей стал править Король-Бог, в Каргаде существовало много мелких властителей и князей. Они вечно ссорились друг с другом. И чтобы разрешить свои споры, приходили сюда. Вот как это тогда было. Князья являлись сюда со своей челядью и охраной не только с нашего острова, но и с Карего-Ат, Атнини и даже с Гур ат-Гура. И все спрашивали тебя, Единственную, как им поступить. И ты должна была пойти к Незанятому Трону и спросить совета у Безымянных. Но так было давно. А потом к власти пришли Короли-Боги, сначала на Карего-Ат, затем вскоре и на Атуане; и теперь они уже четыре или пять человеческих жизней правят всеми четырьмя островами, создав единую Империю. И все изменилось. Король-Бог может самостоятельно и свергнуть строптивого князя, и разрешить любой спор между соперниками. Сам будучи божеством, он, как ты понимаешь, не обязан слишком часто советоваться с Безымянными.

Аре требовалось как следует все это обдумать. Здесь, в пустыне, близ вечных, неменяющихся Камней, время значило не слишком-то много, здесь с начала мира жизнь шла своим чередом, монотонная, неизменная. И Ара не привыкла задумываться о том, что все вещи имеют свойство меняться, а старые отношения между людьми отмирают, уступая место новым. И поверить в то, что это действительно так, ей было нелегко.

— Но могущество Короля-Бога куда меньше могущества Безымянных, которым служу я, — сказала она напряженно.

— Конечно... конечно... Но никто ведь не скажет об этом Королю-Богу прямо в глаза, медовая моя. Или его жрице. — И Манан подмигнул ей.

Поймав взгляд его маленьких карих глазок, Ара подумала о Коссил, Верховной Жрице Короля-Бога,

которой боялась с самого первого своего дня здесь, и поняла, что именно хотел сказать Манан.

— Но ведь Король-Бог и его люди совсем перестали поклоняться Гробницам. Никто из них здесь больше не бывает.

— Ну, Король присылает сюда узников для жертвоприношений — об этом он не забывает. Да и дары, что он приносит Безымянным...

— Дары! Его собственный храм каждый год красят заново, у него алтарь из чистого золота — мер сто ушло, наверно! И лампы в его храме заправляют розовым маслом! А посмотри на Тронный Храм — кровля вся в дырах, купол вот-вот рухнет, в трещинах живут мыши, совы, упыри... Но он переживет и Короля-Бога, и все его храмы, и всех новых Королей Империи! Мой Храм существовал задолго до появления первого Короля-Бога и будет стоять здесь, когда даже память об этих божествах исчезнет, ибо он — центр мироздания.

— Да, малышка, это центр мироздания.

— Храм этот обладает несметными сокровищами. Иногда мне о них рассказывает Тхар. Их там столько, что можно доверху набить десять храмов Короля-Бога и еще останется. Золотые монеты, разные военные трофеи, скопившиеся за сотни поколений. Сокровища эти заперты в колодцах и подвалах глубоко под землей. Жрицы пока не спешат показывать их мне, заставляют меня все ждать и ждать... Но я-то знаю, что там, под самым Тронным Храмом, подо всем Святым Местом, под нами, вот здесь, где мы с тобой стоим, — огромный Лабиринт, невероятное сплетение темных коридоров и тупиков. Лабиринт подобен гигантскому, погруженному во тьму городу во чреве горы. Он полон золота, драгоценного оружия, принадлежавшего героям древности, старинных королевских корон, человеческих костей, прошедших лет и тишины.

Ара была словно в трансе и говорила с необычайным воодушевлением. Манан наблюдал за ней. Его заплывшее жиром лицо никогда не отличалось выразительностью, на нем навсегда застыла равно-

душная и слегка настороженная печаль; однако теперь лицо его изменилось: стало значительно печальнее, чем обычно.

— Что ж, хорошо, и ты — хозяйка всего этого, — сказал он. — Хозяйка этой тишины... и этой тьмы.

— Да, хозяйка! Но они же мне ничего не показывают — только те помещения, что находятся над землей, к примеру, комнаты за Троном. Они даже до сих пор не показали мне, где вход в Подземелье; только все что-то бормочут себе под нос. Они не пускают меня в мои собственные владения! Почему, ну почему они заставляют меня без конца ждать?

— Ты еще так молода... И может быть... — сказал Манан своим сильным женоподобным голосом, — может быть, они просто боятся, малышка. Они там не властны, в конце концов. Это твои владения. Им опасно даже входить туда. Нет такого человека, что не боялся бы Безымянных.

Ара промолчала, однако глаза ее сверкнули. Манан снова дал ей урок, научив видеть вещи иначе. Ах, какими недостижимыми, холодными и уверенными в себе казались ей всегда Тхар и Коссил! Она и представить себе не могла, что Верховные Жрицы способны чего-то бояться. И все же Манан прав. Они боятся Подземелья, боятся тех могущественных сил, частью которых является Ара и которым принадлежит. Они боятся, что темнота подземных туннелей поглотит их.

И вот теперь, спускаясь впереди Коссил с крыльца Малого Дома, а потом поднимаясь на верх холма по извилистой тропинке, ведущей к Тронному Храму, она вспоминала тот свой разговор с Мананом и торжествовала. Неважно, куда именно ее отведут и что ей покажут: бояться она все равно не станет. Она знает свой путь.

Следуя за ней по тропе, Коссил заговорила:

— Одной из твоих обязанностей, госпожа, как известно, является принесение в жертву узников, преступников из благородных семей, святотатством или предательством оскорбивших Господа нашего Короля.

— Или Безымянных, — сказала Ара.

— Верно. Пока Поглощенная не достигнет зрелости, не годится ей самой исполнять этот долг. Но ты, моя госпожа, больше не дитя. В Комнате Узников есть несколько человек, которых прислали сюда месяц назад милостью Короля-Бога из Авабатха.

— Я не знала, что узники уже доставлены. Почему мне не сообщили об этом?

— Узников привозят по ночам, тайно, в согласии с обрядом, установленным древними служительницами Гробниц. Моя госпожа, тебе следует идти вдоль этой стены, чтобы попасть к тайной двери.

Ара свернула со знакомой тропы и пошла вдоль могучей каменной стены, отделявшей тот участок, где возвышались черные Камни. Глыбы, из которых была сложена стена, поражали своей массивностью: самая маленькая весила куда больше взрослого человека, а самые большие размером превосходили карету. Казалось бы, совершенно бесформенные, они тем не менее были тщательно подогнаны, притерты друг к другу и скреплены раствором. Но все же верхняя часть стены кое-где успела разрушиться, и там огромные куски скалы лежали как придется. Такое могло сотворить лишь безжалостное время, долгие века, бесконечная череда сменяющих друг друга жарких дней и ледяных ночей пустыни, тысячелетия, в течение которых неощутимо изменились даже сами эти холмы.

— На эту стену очень легко взобраться, — заметила Ара.

— У нас здесь не хватает мужчин, чтобы восстановить ее, — ответила Коссил.

— Зато у нас хватает мужчин, чтобы ее охранять.

— Но это всего лишь рабы. Им доверять нельзя.

— Им можно было бы доверять, если как следует запугать их. Пусть наказание для них, как и для любого осквернителя Святой Земли, будет одинаковым.

— Каким же? — Коссил спрашивала не для того, чтобы узнать ответ. Она давно уже сама научила Ару, что в этом случае следует отвечать.

— Пусть все они будут обезглавлены перед Троном.

— Неужели моя госпожа хочет, чтобы какие-то рабы влезли на священную стену, окружающую Гробницы Атуана?

— Да, я так хочу, — ответила девушка. От напряжения она стиснула пальцы, скрытые длинными рукавами черного платья. Она знала, что Коссил не желает отпускать рабов ни охранять эту стену, ни чинить ее. Впрочем, это действительно было никчемное занятие, но тогда для чего же вообще эти люди присланы сюда? Вряд ли кто-то случайно или намеренно станет бродить в окрестностях Святого Места. Да его же сразу заметят! Он просто не сможет подобраться к Гробницам. И все же охрана Гробниц — дело чести. У Коссил не хватило доводов, чтобы возразить Аре, и она вынуждена была подчиниться.

— Здесь, — произнесла Коссил ледяным тоном.

Ара остановилась. Она и прежде часто ходила по этой тропе вдоль стены и хорошо ее знала, как, впрочем, почти каждый клочок земли вокруг храмов, каждую колючку, каждый кустик чертополоха. Каменная стена в три человеческих роста высотой была слева; справа склон холма постепенно спускался в сухую ложину, за которой вскоре снова начинался подъем — первые отроги западных гор. Ара внимательно осмотрелась, но нового так ничего и не увидела.

— Под Красными Камнями, госпожа.

Чуть ниже по склону выход красной лавы на поверхность образовал нечто вроде маленького утеса или уступа. Когда Ара спустилась туда и встала лицом к красному уступу, то заметила наконец нечто, похожее на грубо вырубленную низенькую дверцу; войти в нее можно было лишь согнувшись.

— Что нужно сделать?

Она уже давно усвоила, что в священных местах не стоит и пытаться открыть, скажем, потайную дверцу, если не знаешь, как это сделать.

— У моей госпожи есть ключи от всего Лабиринта.

С момента своей инициации Ара стала носить на поясе железное кольцо, где висел маленький кинжал и тринадцать ключей; одни — длинные и тяжелые,

другие — совсем маленькие, не больше рыболовного крючка. Она перебирала ключи.

— Вот этот, — указала пальцем Коссил и ткнула этим же пальцем в маленькую трещинку меж двумя камнями, покрытыми мхом.

Ключ — длинный железный стержень с двумя бороздками, украшенный резьбой, — легко вошел в отверстие. Ара обеими руками с трудом повернула его, и он не сразу, но неожиданно легко повернулся.

— А теперь?

— Нужно вместе...

Вместе они налегли на скалу и стали толкать ее куда-то влево. Тяжело, но без малейшей заминки и почти совсем бесшумно скала подалась, и приоткрылась узкая щель, за которой было совершенно темно.

Ара шагнула и вошла внутрь.

Коссил, женщина грузная, в тяжелых одеждах, с трудом протиснулась в узкую щель за ней следом. Оказавшись внутри, она сразу же налегла на дверцу спиной и с явным напряжением ее захлопнула.

Их окружала чернота. Ни огонька. Казалось, тьма лежит на открытых глазах подобно влажному войлоку.

Они совсем скрючились, согнулись чуть ли не вдвое под давящими, низкими сводами, где выпрямиться было невозможно. И коридор был так узок, что Ара, шаря в темноте руками, тут же наткнулась на влажные каменные стены справа и слева от себя.

— Ты захватила свечу, Коссил?

Она прошептала это — в темноте люди почему-то всегда понижают голос.

— Нет, — ответила Коссил у нее за спиной. Она тоже говорила шепотом, и все же в голосе ее Ара уловила какую-то странную насмешку. Коссил никогда не улыбалась при свете. У Ары екнуло сердце, кровь застучала у самого горла. Она яростно сказала себе: «Это мое место. Я принадлежу Им. Я не боюсь». Вслух же она не сказала ничего. И двинулась вперед.

Идти можно было только в одном направлении — внутрь и вниз. Коссил, тяжело дыша, следовала за

ней; одежда ее шуршала и цеплялась за неровные каменные стены и выбоины в полу.

Внезапно стало гораздо просторнее: Ара смогла выпрямиться во весь рост и, раскинув руки в стороны, стен не коснулась. Тяжелый, пахнувший землей воздух показался ей более холодным и влажным; в нем ощущалось некое слабое движение, какой-то сквозняк, словно в обширном неправильной формы помещении. Ара сделала несколько осторожных шажков вперед, в черноту, плотной стеной окружавшую их. Какой-то камешек со стуком выскользнул из-под ее сандалии, породив многократное эхо, не умолкавшее несколько минут и удаляющееся вглубь по невидимым коридорам. Подземелье, видно, было поистине огромным, но не пустым: что-то там, в темноте, разбивало эхо на тысячу отзвуков.

— Здесь мы, должно быть, прямо под Камнями, — сказала Ара шепотом, и шепот ее полетел во тьму и расслоился на множество звуковых нитей, тонких, как паутина, которые довольно долго еще липли к слуху.

— Да. Это храмовое Подземелье. Идем дальше. Я не могу оставаться здесь. Следуй вдоль этой стены налево. Пропусти три прохода.

Шепот Коссил звучал, как шипение змеи, ему маленькими змейками вторило неумолчное эхо. Коссил боялась. Ей по-настоящему было очень страшно, здесь, в царстве Безымянных, спящих в своих гробницах, в темноте священного Лабиринта. Она была здесь чужой, она не смела распоряжаться здесь.

— В следующий раз я приду сюда с факелом, — сказала Ара, на ощупь продвигаясь вдоль стены подземного коридора и дивясь странной формы каменным выступам и впадинкам — какой-то удивительной резьбе, то кружевной с острыми краями, то довольно грубой, а кое-где идеально гладкой, словно художественное литье: это, конечно же, старинные скульптуры, решила она. Возможно, все Подземелье — плод работы древних мастеров, живших в незапамятные времена.

— Свет здесь запрещен! — шепот Коссил прозвучал резко.

Даже не дослушав ее, Ара поняла, что так оно и должно быть. Здесь было самое сокровенное убежище Тьмы, самое средоточие Ночи.

Три раза пальцы ее нащупывали провалы в стене — куда-то в непроницаемую тьму. На четвертый раз она, ощутив руками высоту и ширину коридора, свернула в него. Коссил шла следом.

Туннель вел снова чуть вверх; они миновали один проход слева и затем у развилки пошли направо, ощущая стены и полагаясь лишь на интуицию и память в ослепляющей темноте и оглушающей тишине. Этот коридор был достаточно узок, чтобы все время касаться обеими руками стен и не пропустить ни единого проема, которые здесь необходимо было считать, чтобы не сбиться с пути. Осязание служило здесь зрением: дорогу нельзя было увидеть, но можно было нащупать.

— Это уже Лабиринт?

— Нет. Пока все еще Священное Подземелье, то, что под Храмом.

— А где вход в Большой Лабиринт?

Аре нравилась эта игра в темноте; ей хотелось разгадывать все более и более трудные загадки.

— Второй проем в стене, вдоль которой мы шли, когда были под Камнями. Теперь справа должна быть дверца, деревянная, возможно, впрочем, что мы ее уже пропустили...

Ара слышала, как Коссил неловко шарит руками по стене, задевая ногтями грубый камень. Девушка легко скользнула кончиками пальцев по холодным плитам и через мгновение ощутила гладкую деревянную поверхность. Она нажала на нее, и дверь, скрипнув, легко отворилась. На мгновение Ара застыла, совершенно ослепнув от света.

Они вошли в большую низкую комнату со стенами из обтесанных каменных плит, освещенную одним-единственным факелом, свисающим с цепи. Комната

была заполнена факельным дымом, который не находил выхода. У Ары защипало глаза и потекли слезы.

— Где же узники?

— Там.

Наконец она осознала, что три непонятные кучи на полу в дальнем конце комнаты и есть люди.

— Эта дверь не заперта. Разве здесь нет стражи?

— Стражи не требуется.

Ара сделала несколько шагов, неуверенно вглядываясь в дымную мглу. Каждый из узников был прикован за обе лодыжки и за одно запястье к большому кольцу, вделанному в стену. Если ему хотелось прилечь, то прикованная рука все равно оставалась задранной вверх. Волосы и бороды узников превратились в сплошной колтун и так отросли, что совершенно скрывали их лица, и без того плохо различимые в темноте. Один из этих людей полулежал, двое других то ли сидели, то ли просто присели на корточки. Все были совершенно нагими. Запах от них исходил такой, что перешибал даже факельную гарь.

Один из узников, похоже, наблюдал за Арой: ей показалось, что глаза его как-то особенно блеснули. Остальные даже не пошевелились и голов не подняли. Ара отвернулась.

— Это больше не люди, — сказала она.

— Они ими никогда и не были. Это демоны, чудовища, вступившие в сговор против Короля-Бога! — В блестящих глазах Коссил отражался красноватый факельный свет.

Ара снова посмотрела на узников — со страхом и любопытством одновременно. Разве может человек осмелиться пойти против божества?

— Как это ты, к примеру, смог поднять руку на живого Бога?

Тот, что наблюдал за ней исподтишка, только глянул сквозь спутанную копну волос и ничего не сказал.

— Языки у них отрезаны еще до того, как их отослали сюда из Авабатха, — пояснила Коссил. — Не говори с ними, госпожа. Они сеют вокруг себя скверну. Ты можешь как угодно распоряжаться узниками, но

ни разговаривать с ними, ни смотреть на них, ни думать о них не надо. Ты должна отдать их Безымянным.

— Каким способом следует принести их в жертву?

Ара на узников больше не смотрела. Она повернулась к Коссил, черпая силы в ее массивной фигуре, в холодном, спокойном голосе. У нее кружилась голова, ее тошнило от факельного угара и чудовищной вони, но со стороны казалось, что Ара думает и говорит совершенно спокойно. Разве в своей прежней жизни не совершила она множества жертвоприношений?

— Жрица Гробниц лучше остальных знает, как умертвить жертву, чтобы доставить удовольствие своим Хозяевам. Так что право выбора за тобой. Существует множество способов...

— Пусть Гобар, капитан стражи, отсечет им головы. А кровь будет пролита на пол перед Троном.

— Как если бы приносили в жертву козу? — Коссил, казалось, насмехалась над недостатком ее воображения. Ара тупо молчала. Коссил продолжала: — Кроме того, Гобар — мужчина. Ни один мужчина не смеет входить в Священное Подземелье, и, разумеется, моя госпожа помнит об этом? Если мужчина войдет сюда, то никогда не выйдет...

— Кто доставил узников сюда? Кто их кормит?

— Мои телохранители, Дьюби и Уахто: они евнухи и могут совершать здесь жертвоприношения в честь Безымянных, как могу это и я. Солдаты Короля-Бога оставили узников привязанными с внешней стороны стены, а я с телохранителями провела их сюда через Дверь Узников, что посреди Красных Камней. Так делалось всегда. Пищу и воду для них спускают через дверь-ловушку, что находится за Троном.

Ара посмотрела вверх и увидела, что цепь, на которой висит факел, прикреплена к деревянной квадратной раме, вделанной в каменный потолок. Отверстие было слишком мало, чтобы через него мог пролезть человек, но веревка с корзиной должна была опуститься как раз рядом со средним узником.

— Пусть им больше не приносят ни еды, ни питья. Пусть уберут факел.

Коссил поклонилась.

— А куда девать их тела, когда они умрут, госпожа моя?

— Пусть Дьюби и Уахто похоронят их в том большом подземелье, через которое мы проходили, — в том, что под Камнями, — быстро сказала девушка странным звенящим голосом. — Пусть сделают это в темноте. Мои Хозяева поглотят тела жертв.

— Все будет исполнено.

— Теперь хорошо, Коссил?

— Хорошо, госпожа.

— Тогда давай уйдем отсюда, — сказала Ара совсем тоненьким голоском. Повернувшись, она поспешила назад к деревянной двери, прочь из Комнаты Узников, во тьму туннеля, который принес ее душе тишину и отраду и был похож на беззвездную ночь, когда не слышно ни единого вздоха, не видно ни единого огонька, не чувствуется ни малейших проявлений жизни. Она погрузилась в чистую темноту, как в воду, и двинулась вперед, разрезая ее, словно пловец. Коссил, задыхаясь, поспешала сзади, все больше отставая, все чаще спотыкаясь. Без малейших колебаний Ара повторила весь путь в обратном направлении, точно запомнив все пропуски и повороты; прошла вдоль стены наполненного гулким эхом Подземелья под Гробницами, согнувшись в три погибели преодолела последний коридор и вышла к закрытой двери. Там, совсем скрючившись, она отыскивала длинный ключ у себя на поясе. В сплошной непроницаемой стене перед ней не было ни малейшего просвета. Пальцы ее скользнули по поверхности двери, отыскивая скважину или хоть какой-нибудь болт или ручку, но ничего не нашли. Куда же вставляется ключ? Как им выбраться наружу?

— Госпожа! — Голос Коссил, размноженный эхом, шипел и гулко разносился далеко позади. — Госпожа, дверь нельзя открыть изнутри. Здесь нет выхода наружу. Этим путем вернуться нельзя.

Ара прижалась к скале. Говорить она не могла.

— Ара!

— Я здесь.

— Иди за мной.

Она пошла. Поползла на четвереньках, словно собака, и уцепилась за юбку Коссил.

— Направо. Скорее! Я не должна здесь задерживаться. Мне здесь не место. Следуй за мной.

Ара поднялась на ноги, по-прежнему держась за платье Коссил. Они пошли вперед вдоль покрытой странными резными изображениями стены подземелья, потом направо и — довольно нескоро — свернули в черный коридор, ведущий во тьму. Теперь они все время поднимались куда-то по коридорам, по лестницам, и Ара так и не выпускала платье Коссил из рук. Глаза ее были закрыты.

Наконец она почувствовала свет, казавшийся красным из-за плотно сжатых век. Ара подумала было, что это снова Комната Узников, и никак не хотела открывать глаза. Но тут в лицо ей сладостно пахнул сухой воздух Храма, знакомый, чуть приправленный плесенью; ноги ее ступили на крутую, почти отвесную лесенку. Она наконец отпустила платье Коссил и огляделась. Над ее головой была открыта очередная дверь-ловушка. Она вслед за Коссил протиснулась в нее. Дверка вела в знакомую ей комнату, маленькую каменную келью позади Трона, где хранились какие-то ящики и железные сундуки. За дверями Храма мерцал дневной свет, серый и тусклый.

— Через ту дверь, что ведет в Комнату Узников, можно только войти. Выйти нельзя. Единственный выход здесь. Если из Лабиринта и есть еще какой-нибудь выход, то ни мне, ни Тхар ничего о нем неизвестно. Ты должна его непременно запомнить — если отыщешь случайно. Но я не думаю, что есть еще хоть один.

Коссил говорила по-прежнему еле слышно и с нескрываемой враждебностью. Ее обрюзгшее лицо под черным капюшоном было бледным и мокрым от пота.

— Я не помню, сколько поворотов и где нужно сделать, чтобы выйти из Лабиринта.

— Я их тебе назову. Но только один раз. И ты должна запомнить. Впредь я с тобой не пойду. Мне не годится бывать здесь. Ты должна ходить сюда одна.

Девушка кивнула. Она посмотрела на Коссил и подумала: как странно она выглядит — белая от ужаса, но все же торжествующая, словно тайно радуется ее слабости.

— В следующий раз я пойду одна, — сказала девушка и, отворачиваясь от Коссил, вдруг поняла, что ноги больше не держат ее, почувствовала, как комната поплыла и перевернулась вверх дном, а потом черной бесформенной массой рухнула без чувств прямо к ногам старой жрицы.

— Ничего, научишься, — сказала Коссил, все еще тяжело дыша и не двигаясь с места. — Научишься.

Глава 4

СНЫ И ЛЕГЕНДЫ

Несколько дней Ара была нездорова. Ее лечили якобы от лихорадки. Она большей частью лежала в постели или сидела как крыльце, греясь в лучах нежаркого осеннего солнышка и глядя на Западные горы. Она чувствовала себя слабой и глупой, в голове крутились одни и те же мысли. Ей было нестерпимо стыдно, что она тогда упала в обморок. Ни одного охранника так и не появилось на стене у Гробниц, однако теперь она бы ни за что не осмелилась спрашивать Коссил, почему та не выполнила приказа. Она вообще не хотела больше видеть Коссил — никогда! И все потому, что тогда так позорно лишилась чувств.

Часто, сидя на солнышке, она обдумывала, как станет вести себя в следующий раз в Священном Подземелье и какой смертью прикажет умертвить следующую партию узников. Она постарается выбрать более изощренную казнь, соответствующую тем мрачным обрядам, что вершатся у Незанятого Трона.

Каждую ночь в темноте она просыпалась от собственного крика: «Они ведь до сих пор не умерли! Они все еще умирают!»

Ей снилось множество разных снов. Ей снилось, что она должна готовить еду — огромные котлы, полные вкусной каши, — и выливать ее в дыру в полу. Ей снилось, что она в полной темноте должна отнести огромный медный кувшин, полный воды, кому-то, умирающему от жажды. Но так и не могла добраться до этого человека. Она просыпалась и сама мучилась жаждой, но не вставала, чтобы напиться. Так и лежала без сна, с открытыми глазами в своей лишенной окон келье.

Однажды утром ее пришла навестить Пенте. Ара с крыльца увидела, как Пенте идет к Малому Дому с беззаботно-рассеянным видом, будто забрела сюда случайно. Если бы Ара не окликнула ее. Пенте сама ни за что не поднялась бы на крыльцо. Но Ара измучилась в одиночестве и заговорила первой.

Пенте низко поклонилась ей — как и все, кто приближался к Единственной Жрице Гробниц, — и тут же как ни в чем не бывало шлепнулась на ступеньку чуть ниже Ары и шумно выдохнула воздух: «Уфф!» Она выросла и пополнила; от любого усилия щеки ее тут же покрывались темно-вишневым румянцем, и теперь, после быстрой ходьбы, они прямо-таки пылали.

— Ты, я слышала, болеешь. Я тут тебе яблочек приберегла, — она быстрым жестом извлекла откуда-то из-под своей необъятной черной хламиды грубую плетенку с несколькими отличными желтыми яблоками. Пенте теперь была посвящена Королю-Богу и состояла в команде Коссил; но жрицей пока еще не стала и по-прежнему посещала уроки и разучивала священные гимны вместе с новичками. — В этом году нам с Поппе выпало яблоки перебирать, а самые лучшие я отложила для тебя. Здесь вечно самые лучшие высушивают. Конечно, так хранить их удобнее, но все равно ужасно жалко... Правда, они красивые?..

Ара пощупала бледно-золотистую матовую шкурку яблока с неотломанным сучком, на котором сохранились скрученные в трубочку коричневые листики.

— Да, очень.

— Съешь яблочко, — предложила Пенте.

— Не сейчас, съешь ты.

Пенте из вежливости выбрала самое маленькое и моментально съела, с упоением похрустывая сочной мякотью.

— Я целыми днями могу есть, — сказала она. — Мне все мало. Мне бы поварихой быть, а не жрицей. Уж я бы готовила получше, чем скряга Натхабба; а еще можно было бы горшки вылизывать... Ой, ты слышала о Мунитх? Ей было велено отполировать бронзовые кувшины с пробками, в которых хранят розовое масло — знаешь, такие длинногорлые. А Мунитх решила, что изнутри тоже нужно все протереть, и сунула руку с тряпкой внутрь, представляешь? И не могла вытащить обратно. Она и так и сяк старалась, рука у нее вся раздулась и в запястье опухла, так что стало еще хуже. Она прямо-таки в ловушку попала. Испугалась и давай бегать по всему дому с криками: «Не могу вытащить! Не могу вытащить!» А Пунти теперь стал совсем глухим и решил, что начался пожар. Тут он разошелся и погнал телохранителей спасать новичков! А Уахто в это время доил коз и на минутку выбежал из сарая посмотреть, в чем дело; ну а дверь-то оставил открытой, и все молочные козы разбежались по двору и стали носиться, бодать Пунти, евнухов и малышню. Тут Мунитх наконец содрала этот дурацкий кувшин с руки и разревелась как дура, и вся эта кутерьма продолжалась до тех пор, пока из Храма не пришла Коссил. И говорит: «В чем дело? Что здесь происходит?»

Пенте тщетно пыталась сопротивляться рвущемуся наружу смеху и сохранять мрачно-серьезную мину на своем милом круглом личике, пытаясь подражать Коссил, но все равно у нее получалось ужасно похоже, так что даже Ара рассмеялась — только каким-то испуганным, нервным смехом.

«В чем дело? Что здесь происходит?» — говорит Коссил, и тут... тут бурый козел как боднет ее!.. — Пенте прямо-таки зашлась от смеха, на глазах у нее высту-

пили слезы. — А М-М-Мунитх как стукнет... как стукнет козла своим кувшином!..

Обе подружки повалились на спину, потом от смеха согнулись пополам, задыхаясь и обхватив колени руками.

— И тут Коссил оборачивается и снова говорит: «В чем дело? Это еще что такое?», а перед ней... козел!.. козел!.. — Конец истории потонул в раскатах смеха. Наконец Пенте вытерла глаза и нос и рассеянно уставилась на одно из яблок.

От хохота Ару начало немножко знобить. Она постаралась успокоиться и, немного помолчав, спросила:

— Как ты оказалась здесь, Пенте?

— О, я была шестой дочкой в семье, так что родителям моим просто не под силу было бы вырастить стольких девиц и выдать их потом замуж. А потому, когда мне исполнилось семь лет, меня привели в Храм и посвятили Королю-Богу. Это было в Оссае. Но, по-моему, там в тот год новичков оказалось слишком много, и довольно скоро я попала сюда. А может, они считали, что я стану особенно хорошей жрицей или кем-нибудь в этом роде? Только тут они ошибались! — Пенте все-таки надкусила яблоко с веселым и одновременно печальным выражением лица.

— А ты бы не хотела становиться жрицей?

— Не хотела? Конечно! Я бы лучше замуж за свинопаса вышла и жила бы с ним в канаве. Я бы лучше что угодно сделала, лишь бы не помирать с тоски в этой пустыне проклятой, среди сплошных женщин. Сюда ведь никто даже не заходит! Да чего там — только хуже от этих мечтаний! Я ведь уже и обряд посвящения прошла, и клятвой связана... Но я все-таки надеюсь — правда-правда! — что в следующей своей жизни непременно стану танцовщицей в Авабатхе! Уж к этому времени я такую участь заслужу!

Ара смотрела на Пенте мрачно и спокойно. Она ее не понимала. Ей казалось, что она никогда раньше по-настоящему Пенте не видела, просто никогда по-настоящему на нее не смотрела — вот и не видела, какая она кругленькая, полная жизненных соков, как

похожа на одно из этих замечательных золотистых яблок.

— А Святое Место хоть что-нибудь значит для тебя? — спросила Ара довольно резко.

Пенте, которую обычно легко было подчинить, сбить с толку, на этот раз не проявила ни малейшего волнения.

— О, я понимаю, что для тебя твои Хозяева очень важны, — сказала она, но столь равнодушно, что Ара вздрогнула. — По крайней мере в этом хоть есть какой-то смысл: ведь ты их Единственная Жрица. Тебя не просто отдали кому-то в услужение, ты именно для этого родилась. А посмотри на меня! Разве от меня можно ожидать священного трепета и тому подобной ерунды? В конце концов Король-Бог — всего лишь человек, пусть даже он живет в Авабатхе в огромнейшем дворце под золотой крышей. Ему не меньше пятидесяти, и он совсем лысый. Это даже на всех его статуях видно. И, клянусь, ему приходится стричь ногти на ногах, как и всем прочим смертным! Да, я знаю, что он одновременно еще и Бог. Но вот что я думаю: он будет куда божественнее, когда умрет.

Ара была согласна с Пенте, потому что втайне уже и сама пришла к выводу, что все эти самозванцы, Божественные Императоры Каргада, — просто выскочки, фальшивые боги, пытающиеся присвоить славу и достоинство подлинных и вечных Правителей Мира. Но с чем-то, стоящим за словами подруги, она согласиться не могла — с чем-то совершенно для нее новым, пугающим. Она еще не осознала, насколько разнятся между собой люди, сколь по-разному воспринимают они жизнь. Она чувствовала себя так, как если бы вдруг, подняв глаза, увидела прямо перед собой новую планету, огромную и густонаселенную; прямо за привычным окном — совершенно новый мир, такой, где боги не имеют никакого значения. Она была до глубины души уязвлена стойким неверием Пенте. И, уязвленная, нанесла ответный удар:

— Это все верно. Мои Хозяева умерли много-много лет тому назад, и Они никогда не были людьми... А ты знаешь, Пенте, я ведь могу и тебя призвать на службу

Гробницам. — Она говорила миролюбиво, словно предлагая подруге нечто лучшее, чем теперь.

Вишневый румянец тут же исчез со щек Пенте.

— Да, — сказала она, — это ты можешь, но я не... я не гожусь для службы Гробницам.

— Почему?

— Я боюсь темноты, — тихонько проговорила Пенте.

Ара слегка фыркнула: она была довольна. Она поставила на своем. Пенте может не верить в своих богов, но она боится не имеющих имени сил Тьмы — как и каждый смертный.

— Ты ведь знаешь, что я не стану этого делать, если ты сама не захочешь, — сказала Ара.

Повисло длительное молчание.

— Ты становишься все больше и больше похожа на Тхар, — сказала Пенте, как всегда, мягко и спокойно-мечтательно. — Слава Богу, что еще не на Коссил!.. Но ты все-таки очень сильная! Я бы тоже хотела быть сильной. Но я так люблю покушать...

— Ну так вперед! — весело сказала Ара, чувствуя себя значительно старше и умнее, и Пенте медленно съела третье яблоко вместе с семечками.

Необходимость исполнять бесконечные обряды в Храме уже через несколько дней заставила Ару покинуть свое уединенное жилище. К тому же у одной из коз не ко времени родилась двойня, и козлят следовало непременно принести в жертву Богам-Близнецам: это был очень важный ритуал, требовавший присутствия Единственной. Ночи были безлунными, и перед Незанятым Троном также должна была состояться церемония почитания Тьмы. Ара дышала опьяняющими благовониями и танцевала перед Троном — одна и в полной темноте. Она танцевала для невидимых мертвых и нерожденных душ, и во время танца души собирались в воздухе вокруг нее, следуя кружению ее тела, медленным и уверенным движениям рук. Она пела священные песни, которых не понимал никто и которые она выучила давным-давно звук за звуком от

Тхар. Хор жриц, спрятанный во тьме за двойным рядом колонн, вторил ей, произнося те же странные слова, и воздух в огромном полуразрушенном Храме гудел от непривычных звуков, словно собравшиеся там духи снова и снова повторяли слова священного песнопения.

Король-Бог из Авабатха больше не присылал узников в Святое Место, и постепенно Аре перестали сниться те трое, которых давно уже погребли в неглубоких могилах огромного Лабиринта.

Она призвала все свое мужество, чтобы снова пойти туда. Она должна была сделать это: Жрица Гробниц обязана входить в свое царство без страха; обязана знать там каждый поворот, каждый камень.

Когда Ара в первый раз одна вошла в дверь-ловушку, ей было очень страшно, но все же не так, как она думала. Ей удалось приучить себя к мысли, что войти одной в Лабиринт необходимо, и спуск туда даже немного ее разочаровал: бояться оказалось нечего. Там могли встретиться могилы, но она их не видела во тьме. Тьма царила здесь, тьма и тишина. И больше ничего.

Каждый день Ара спускалась в Священное Подземелье через дверь-ловушку, находившуюся за Троном. Она старательно изучала Малый Лабиринт, пока не запомнила всю систему его коридоров со странными, покрытыми барельефами стенами, настолько хорошо, насколько вообще можно запомнить то, чего не видишь. Она передвигалась только вдоль стен, чтобы не утратить чувства направления в темноте и не потерять путь. Ибо — это она усвоила еще в тот, самый первый раз — очень важным здесь было знать, сколько поворотов ты совершил, сколько миновал и сколько еще осталось. Главное — не сбиться со счета, потому что на ощупь все коридоры кажутся одинаковыми. У Ары была хорошо тренированная память, ей было не так уж трудно запомнить нужное число поворотов и пропусков, причем на ощупь, а не с помощью зрения и логики. Вскоре она прекрасно ориентирова-

лась в Малом Лабиринте — той части подземелья, которая располагалась под Гробницами и Храмом. Но был один коридор, куда она не сворачивала никогда: второй налево от двери в Красной скале; он вел туда, откуда она могла бы никогда не найти выхода, — в Большой Лабиринт. Ее бесконечно тянуло войти в этот коридор, идти дальше и дальше, и желание это день ото дня все росло, но она сдерживала его до тех пор, пока не выпросила все, что могла, о Большом Лабиринте у Тхар.

Тхар знала немного; разве что названия отдельных комнат и перечень пропусков и поворотов, которые нужно было запомнить, чтобы попасть в известные ей помещения. Она рассказывала все это Аре, но никогда не рисовала путь — ни на земле, ни в воздухе; и сама никогда по этим коридорам не ходила, никогда в Большой Лабиринт не спускалась. Но если Ара спрашивала ее, например: «Как пройти от Железной Двери в Расписную Комнату?» или «Как попасть из Зала Скелетов в туннель вдоль реки?», Тхар, помолчав, начинала на память перечислять нужное количество поворотов и пропусков, которые когда-то давным-давно узнала от той Ары-Что-Была: столько-то перекрестков пройти, столько-то раз повернуть налево и так далее, и тому подобное. И все это Ара запоминала на слух, и притом обычно с первого раза. Лежа по ночам в постели, она без конца повторяла и повторяла про себя эти маршруты, представляя, что движется из зала в зал по коридорам, совершает один поворот за другим.

Тхар показала Аре множество смотровых глазков, через которые видны были отдельные части Лабиринта; глазки имелись во всех строениях и храмах Святого Места, они были даже за стеной, среди камней и скал. Паутина каменных туннелей распространялась далеко за пределы Святого Места: там, во тьме, можно было бродить месяцами. Никто, кроме Ары, двух Верховных Жриц и их личных телохранителей, евнухов Манана, Уахто и Дьюби, не знал о том, что повсюду, подо всей территорией самого Святого Места и

вокруг, протянулись под землей мрачные туннели Лабиринта. Среди людей, правда, ходили смутные слухи о расположенных под Гробницами подземных пещерах или залах. Но никто не проявлял особого любопытства в том, что как-либо касалось Безымянных, их Храма и Гробниц. Возможно, людям казалось, что чем меньше они знают об этом, тем безопаснее. Ара же не могла сдержатъ любопытства и, зная, что везде существуют наблюдательные глазки, давно уже искала их; однако они были настолько хорошо замаскированы, что она так ни одного и не нашла, даже того единственного, что находился в Малом Доме, пока его ей не показала Тхар.

Однажды ночью ранней весной Ара взяла фонарь и, не зажигая его, спустилась в Подземелье, прошла под Гробницами к заповедному второму повороту налево, что находился в коридоре недалеко от входа у Красной скалы.

В темноте она сделала еще шагов тридцать и нащупала что-то вроде дверного проема — железную раму, вделанную в камень: до сих пор это был предел ее путешествий. Но теперь, миновав Железную Дверь, Ара долго шла по туннелю, а у первого поворота вправо зажгла фонарь и осмотрелась. Свет в Большом Лабиринте был разрешен; это было не настолько священное место, как Подземелье под Гробницами. Впрочем, место это было еще страшнее: чудовищная паутина Большого Лабиринта раскрылась перед ней. Стены, своды, пол — все было из грубого камня; ее, стоявшую в крошечном кружке света, со всех сторон окружал камень. Воздух был мертвым. Перед ней и позади — чернота бесконечного туннеля.

Коридоры казались одинаковыми; они пересекались, сливались, расходились в разные стороны. Ара, как всегда старательно, считала вслух повороты и пропуски, сопоставляя с тем, что рассказывала ей Тхар, наставления которой помнила великолепно. Заблудиться в Большом Лабиринте было равносильно смерти. В Священном Подземелье и коротких ближних коридорах Лабиринта Коссил и Тхар еще могли бы ее

отыскать; Манан тоже знал путь, потому что Ара несколько раз брала его туда с собой. Здесь же никто из них никогда не бывал: только она одна. И мало ей будет проку, даже если они спустятся в Малый Лабиринт и станут там звать ее во весь голос; она все равно будет блуждать по головоломным сплетениям туннелей где-нибудь совсем рядом, но выйти к ним не сможет. Она представила, что уже слышит эхо зовущих ее голосов в каждом коридоре и пытается выбраться к людям, но только запутывается еще больше. И так живо представила она себе эту картину, что даже остановилась: ей показалось, что она слышит далекий, зовущий ее голос. Ничего! Она не заблудится! Она очень осторожна: все это — ее владения. Силы Тьмы, Безымянные, станут руководить здесь каждым ее шагом точно так же, как не допустят вторжения кого-либо еще из смертных в свою обитель.

В тот первый раз она не пошла далеко, но все-таки прошла достаточно, чтобы в душе возникла странная, горьковатая, но все же приятная уверенность в своем полном одиночестве; именно эта уверенность приводила ее сюда снова и снова, и каждый раз она заходила все дальше и дальше. Наконец она добралась до Расписной Комнаты, до Перекрестка Шести Путьей, потом по длинному туннелю внешнего круга попала в странный извилистый коридор, который выводил в Зал Скелетов.

— А когда был создан Лабиринт? — спросила она как-то Тхар.

И сухопарая жрица ответила ей:

— Госпожа, я не знаю. Никто этого не знает.

— Для чего же он создан?

— Чтобы спрятать сокровища, принадлежащие Гробницам, а также для наказания тех, кто попытается их похитить.

— Но все сокровища, что я видела, находятся в комнатах за Троном и в Подземелье под Камнями. Что же скрывается в Большом Лабиринте?

— Там несметные и гораздо более древние богатства. Ты хочешь на них посмотреть?

— Да.

— Лишь ты одна можешь войти в Сокровищницу Гробниц. Ты можешь брать с собой телохранителей даже в Большой Лабиринт, но не в Сокровищницу. Если твой Манан только войдет туда, сразу проснется гнев Тьмы; живым из Лабиринта он уже не выйдет. Туда ты должна ходить только одна, всегда одна. Я знаю, где находится Великое Сокровище. Ты рассказала мне, как туда попасть, еще пятнадцать лет назад, перед тем как умерла, чтобы я запомнила и рассказала тебе, когда ты вернешься в этот мир. Я могу напомнить тебе дорогу туда после Расписной Комнаты; а вот этот серебряный ключик с изображением дракона, что висит на твоём кольце, и есть ключ от Сокровищницы. Но ты должна идти непременно одна.

— Расскажи мне, как туда идти.

Тхар рассказала, и Ара запомнила, как запоминала все, что ей говорили. Но почему-то не пошла смотреть на Великое Сокровище Гробниц. Странное чувство незавершенности собственных намерений или скорее знаний удерживало ее. А может быть, ей просто хотелось что-то оставить про запас, на потом, чтобы впереди всегда была манящая цель, как бы отбрасывающая свет на стены бесконечных коридоров, заводящих то в тупики, то в пыльные и пустые камеры для несуществующих узников. Нет, она еще немного подождет, она еще успеет увидеть свои сокровища.

В конце концов, разве она не видела их раньше?

Ей все еще порой было немного странно, когда Тхар и Коссил говорили с ней о вещах, которые она якобы видела или говорила до того, как умерла. Она знала, что действительно умерла и потом снова возродилась в новом теле в тот самый час, когда старое ее тело прекратило жить: и возродилась не единожды, пятнадцать лет назад, а возрождалась и пятьдесят лет назад, и еще раньше, и еще много-много раз за многие сотни лет, прожитые многими сотнями поколений людей. Она родилась почти в самом начале времен, когда еще только был создан этот Лабиринт, когда были установлены Камни, когда Самая Первая

Жрица Безымянных танцевала в Храме перед Незанятым Троном. Все они были одной Арой; все их жизни слились с ее собственной. Теперешняя Ара была и той Первой Жрицей. Все живые существа способны возрождаться в одном и том же обличье. Так, сотни раз повторяя про себя пути и этого Лабиринта, она наконец добралась до потайной комнаты, дававшей знание.

Порой она думала, что действительно помнит все это. Темное Подземелье под Храмом было так знакомо ей, словно было ее родным домом. Когда она, надышавшись дурманящих благовоний, танцевала в безлунные ночи перед Незанятым Троном, голова ее становилась совсем легкой, а тело больше ей не принадлежало; и она танцевала как бы сквозь века, вечно босая, вечно в черных одеждах, и знала, что танец этот никогда не кончается.

И все-таки всегда было немного странно, когда звучали слова Тхар: «Ты рассказывала мне об этом, прежде чем умерла...»

Однажды Ара спросила:

— Кто были те люди, что пытались ограбить Сокровищницу? И удавалось ли это кому-нибудь?

Мысль о таком ограблении казалась ей невероятной, неправдоподобной. Как могли вору тайком пробраться в Святое Место? Пилигримы здесь бывали очень редко, еще реже, чем узники. Порой присылали новых стражников или рабов; иногда группа паломников желала принести святыне дары — золото или драгоценный ладан — одному из храмов. И все. Случайно сюда никто не приходил. Или просто из любопытства. Здесь ничем не торговали и ничего не покупали. Даже стащить что-то никто не пробовал. Без веления сверху никто сюда не являлся. Ара даже не знала, далеко ли ближайший город, сколько до него часов или дней пути. Впрочем, городок этот был невелик. Святое Место со всех сторон охраняла и защищала безлюдная пустыня. Любопытный, кто попытается пройти через нее незамеченным, думала Ара, имеет не больше шансов, чем черная овца на заснеженном поле.

Ара проводила большую часть своего времени в обществе Тхар и Коссил — когда не оставалась одна в Малом Доме или не бродила по подземелью. Однажды, ветреной холодной апрельской ночью они сидели в комнате Коссил с задней стороны Храма Короля-Бога у маленького очага, над которым висел котелок с отваром шалфея. За дверью Манан и Дьюби играли в азартную детскую игру с палочками и фишками: подбрасывали пучок палочек и старались как можно больше поймать тыльной стороной ладони. Ара и до сих пор иногда играла в нее с Мананом — тайком, во внутреннем дворике Малого Дома. Шуршание палочек, невнятное бормотание, приглушенные возгласы восторга или огорчения, слабое потрескивание дров в очаге — только эти звуки окружали трех безмолвных жриц. Вокруг, за стенами, стояла полная тишина, глубокое молчание ночной пустыни. Лишь порой налетал порыв ветра да тяжелые капли дождя стучали по кровле.

— Когда-то давно многие пытались похитить сокровища Гробниц, только никому это не удавалось, — сказала вдруг Тхар. Она хоть и была неразговорчива, однако теперь довольно часто рассказывала всякие интересные истории — под видом наставлений Аре. Сегодня, похоже, из нее вполне можно было вытянуть еще одну.

— Но как могли люди осмелиться?..

— Такие вполне могут, — сказала Коссил. — Это ведь все колдуны были, волшебники с Внутренних Островов. И первые из них являлись сюда еще до того, как Короли-Боги стали править Империей Каргад; мы тогда еще не были так сильны. Волшебники приплывали сюда с запада, высаживались на Карего-Ат и Атуан, грабили города на побережье, грабили фермы, посягали даже на священный город Авабатх. Говорили, что спешат на битву с драконами, а сами занимались грабежом.

— А их «великие герои» даже специально оставались здесь, чтобы орудовать своими мечами, — подхватила Тхар, — и произносить богомерзкие заклятия.

Один из них, волшебник и Повелитель Драконов, самый могущественный из всех, попал здесь в беду. Это случилось давно, очень давно, но историю эту помнят хорошо не только у нас. Колдуна этого звали Эррет-Акбе. Он считался королем западных островов и великим мудрецом. Дело было так: он явился в Авабатх и вступил в сговор с некоторыми из непокорившихся Королю правителей. Он сражался на их стороне против самого Верховного Жреца Богов-Близнецов. Долго длилась эта битва у стен столицы — человеческое волшебство против божественных молний, — и храм вокруг них превратился в руины. Наконец Верховный Жрец сломал колдовской посох волшебника и разбил его могущественный амулет, одержав победу. Волшебник спасся бегством, и с островов каргов он бежал через все Земноморье на дальний запад, где был убит впоследствии драконом, ибо волшебной силы своей лишился. С тех пор сила и могущество Внутренних Островов стали слабеть. А Верховный Жрец был назван Интатином, что значит «непобедимый», и стал основоположником рода Тарба, от которого тянется длинная родословная священников Жрецов Карего-Ат, а от них — Королей-Богов Империи Каргад. После битвы Интатина с волшебником могущество нашего государства неустанно росло. Те же, кто пытался потом выкрасть из Сокровищницы половинку амулета Эррет-Акбе, все были колдунами. Они проникли в Лабиринт, но амулет по-прежнему там, куда положил его на хранение Верховный Жрец. Там же лежат и кости грабителей... — Тхар указала себе под ноги. — А другая половина амулета пропала навсегда.

— Как пропала? — изумилась Ара.

— Одна его половина — та, что осталась в руке Интатина, — была передана им в Сокровищницу, где и лежит до сих пор. Другая же осталась у волшебника в руке, и тот, перед своим бегством с Каргадских островов, передал ее одному из бунтовщиков по имени Торег из Гупуна. Не знаю, почему он это сделал.

— Чтобы посеять смуту, чтобы Торег возгордился, — сказала Коссил. — Собственно, так оно и произошло.

Потомки Торега вскоре снова восстали против воцарившегося рода Тарба, против нашего первого Короля-Бога, отказываясь признать в нем верховного правителя и божество. Это был проклятый род, околдованный — род Торега. Теперь никого из них в живых не осталось.

Тхар кивнула и прибавила:

— Отец нынешнего Короля-Бога, Тот Что Воскрес Из Мертвых, искоренил этот род, уничтожив все их владения и замки. И половинка волшебного амулета, хранившаяся у них со времен Эррет-Акбе и Интатина, была утрачена навсегда. Никто не знает, что с ней случилось. Давно это было, очень давно.

— Ее, конечно же, просто выбросили — с виду в ней ничего ценного или особенного не было! Да будет оно проклято, это кольцо Эррет-Акбе! Да будут прокляты все волшебники! — Коссил плюнула в огонь.

— А ты видела ту половину кольца, что хранится в Сокровищнице? — спросила Ара у Тхар.

Тощая жрица покачала головой:

— Она хранится в той части Лабиринта, куда не может попасть никто, кроме Единственной. Возможно, это самое главное сокровище Храма. Не знаю. Но думаю, что так. Ибо многие сотни лет сюда пробираются воры-волшебники с Внутренних Островов, вновь и вновь пытаясь выкрасть его, и воры те проходят мимо открытых сундуков с золотом: им нужна только эта, одна-единственная вещь. Давно жили на свете Эррет-Акбе и Интатин, но все осталось по-прежнему; старую историю по-прежнему помнят и рассказывают по всему Земноморью. Большей частью вещи стареют и утрачивают свой смысл, за долгие века исчезая с лица земли. Очень редко встречается то, что не теряет своей ценности никогда. И очень редки те легенды, которые помнят вечно.

Ара какое-то время размышляла над этими словами.

— Они, должно быть, очень храбрые или слишком глупые, раз осмеливались осквернить святыню. Разве им не ведомо, сколь могущественны Безымянные? — сказала она наконец.

— Нет, — холодно ответила ей Коссил. — Просто у них нет богов. Они умеют колдовать, а потому считают богами самих себя. Но они не боги. И когда умирают, то не возрождаются вновь. И души их, покинув тело, недолго плачут на ветру, пока ветер не развеет прах, ибо души их не бессмертны.

— Но что это за волшебство? — спросила Ара, совершенно очарованная рассказом. Она уже совсем забыла, как однажды заявила Пенте, что и смотреть бы не стала, если бы к берегу их плыли суда волшебников с Внутренних Островов. — Как они все это делают? Как действует их магия?

— Трюки, обман, фокусы, — сказала Коссил.

— И кое-что еще, — добавила Тхар. — Конечно, если в сказках об этом есть хоть доля истины. Волшебники с запада могут поднять ветер и заставить его улечься, а могут заставить его дуть в нужном им направлении. Это-то всем известно; все легенды об этом рассказывают одинаково. Именно благодаря своему умению все они великие мореплаватели. Они могут даже бури морские умирять. А еще говорят, что они способны вызывать по собственному желанию свет и тьму; умеют превращать простые камни в алмазы, а свинец — в золото; они во мгновение ока могут построить огромный дворец или целый город — по крайней мере иллюзия будет полной; и еще они умеют превращаться в медведей, рыб или даже драконов, если захотят...

— Не верю я всему этому! — сказала Коссил. — То, что они опасны, знают всякие фокусы и скользкие, как угри, — это точно. Зато говорят, что если у волшебника отнять его посох, то и силы в нем никакой не останется. Возможно, на этих посохах пишутся их проклятые колдовские руны.

Тхар, не согласная с этим, покачала головой:

— У каждого из них действительно в руках волшебный посох, но это лишь инструмент, с помощью которого проявляется та сила, что заключена в самих этих людях.

— Но откуда она в них? — спросила Ара. — Откуда они черпают ее?

— Все это ложь, — сказала Коссил.

— Они знают нужные слова, — сказала Тхар. — Так мне объяснил один человек, который видел великого колдуна с Внутренних Островов, Мага, как их там называют. Карги захватили его в плен. Он показал им сухую палку и что-то сказал ей. И... ах! Палка расцвела! Тогда он сказал что-то еще, и... ах! На палке появились красные яблочки. И тут он произнес еще одно слово, и палка, и цветы, и яблоки — все исчезло, а вместе с ними и сам колдун. С помощью одного лишь слова он исчез, как исчезает радуга в небе, — во мгновение ока, без следа. Они так и не нашли его потом. Разве это простые фокусы?

— Дурацкое дело нехитрое, — пробурчала Коссил.

Тхар умолкла, избегая ссоры, но Арё вовсе не хотелось прекращать разговор на столь увлекательную тему.

— А как выглядят эти волшебники? — спросила она. — Правда ли, что они совсем черные и с белыми глазами?

— Они черные и отвратительные. Я никогда ни одного не видела! — с удовлетворением заявила Коссил, поудобнее умащивая свой обширный зад на низенькой табуретке и протягивая руки к огню.

— Да хранят нас от них Боги-Близнецы, — прошептала Тхар.

— Да они больше сюда и не явятся, — откликнулась Коссил.

Дрова в очаге затрещали, дождь застучал по крыше, а за мрачными закрытыми дверями пронзительно взвизгнул Манан: «Ага! Половина моя! Половина моя!»

Глава 5

СВЕТ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Близились зима. Умерла Тхар. Еще летом странная изнуряющая хворь напала на нее; она, и без того худая, стала совсем похожа на скелет; без того молчаливая, совсем почти умолкла. Разве что с Арой говорила она порой, но лишь с глазу на глаз; потом и эти беседы прекратились, и Тхар тихо покинула этот мир. Ара горевала от всей души. Суровая Тхар никогда не была жестокой. И учила Ару ничего не бояться, всегда блюсти собственное достоинство.

Теперь из Верховных Жриц осталась одна Коссил. Новую жрицу для Храма Богов-Близнецов обещали прислать из Авабатха только весной. До тех пор все обряды там должны были отправлять Ара и Коссил. Пожилая жрица называла девушку «госпожа» и обязана была во всем ей подчиняться. Но Ара уже давно научилась ничего не приказывать Коссил. Она имела на это полное право, но у нее не хватало сил держать в узде ревнивую зависть Коссил, находившейся на более низкой ступени жреческой иерархии,

чем Ара, и ее ненависть ко всему и всем, что ей не подчинялось.

Поскольку Ара теперь уже знала (от добросердечной Пенте) о существовании тех, кто не верит в ее Богов, среди обитателей Святого Места и принимала это как данность, хоть и пугающую, она научилась смотреть на Коссил более или менее спокойно и даже отчасти понимать ее. В сердце Коссил не было настоящей веры ни в Безымянных, ни в других богов. Кроме власти, для нее не было ничего святого. В данный момент власть находилась в руках Императора Каргада, так что пока в ее глазах он действительно являлся Королем-Богом, и она верно ему служила. Но сами храмы были для Коссил всего лишь декорацией, Священные Камни — просто кусками скалы, Лабиринт — темными норами под землей, страшными, но пустыми. Она бы и Незанятому Трону перестала поклоняться, если б осмелилась. И Единственную уничтожила бы — но пока не решалась.

Ара даже это научилась принимать довольно спокойно. Возможно, понять это помогла ей Тхар, хотя ничего никогда прямо и не говорила. Сначала, еще не погрузившись в полное молчание, она просила Ару приходить каждые несколько дней и подолгу разговаривала с ней, много рассказывала о деяниях Короля-Бога, о его предшественнике, о королевском дворе в Авабатхе — это все Тхар как Высшая Жрица знала достаточно хорошо, однако многие ее рассказы свидетельствовали не в пользу Короля и его придворных. А еще Тхар рассказывала о своей жизни; описывала, как выглядела Ара до того, как умерла; как она вела себя. Иногда, но не часто, старая жрица говорила о том, какие опасности и трудности могут грозить Аре в ее теперешней жизни. Ни разу не назвала она Коссил по имени. Но Ара была достойной ученицей все эти одиннадцать лет, и легкого намека или чуть измененной интонации ей было вполне достаточно, чтобы все понять и запомнить.

После бесконечных мрачных Погребальных Церемоний Ара начала избегать Коссил. Когда заканчива-

лись утомительные ежедневные хлопоты, она спешила в свое уединенное жилище; едва выдавалась свободная минутка, открывала дверь-ловушку за Троном и спускалась во тьму Подземелья. Днем ли, ночью ли — тьма там оставалась неизменной. Ара продолжала тщательно обследовать свои владения. Подземелье под Камнями было заповедно для всех, кроме Верховных Жриц и их телохранителей-евнухов. Любый другой человек, мужчина или женщина, попытавшийся проникнуть туда, непременно был бы покаран Безымянными. Но среди множества правил, которые Ара знала наизусть, не было такого, которое запрещало бы обычным людям входить в Большой Лабиринт. В том просто не было нужды: туда путь лежал через Священное Подземелье. Да и нужны ли мухам правила, чтобы попасть в сети паука?

Так что Ара довольно часто брала с собой Манана в ближнюю часть Лабиринта, чтобы он научился там немного ориентироваться. Ему туда вовсе не хотелось, но он, как всегда, подчинялся. Она убедилась в том, что Дьюби и Уахто, евнухи Коссил, прекрасно знают дорогу в Комнату Узников и обратно. Но ничего больше. Их она никогда не брала с собой в Лабиринт: не хотела, чтобы кто-то, кроме Манана, преданного ей всей душой, знал эти тайные пути. Лабиринт принадлежал лишь ей, ей одной. Она все глубже заходила в его коридоры. Всю осень бродила она там, но было еще огромное количество отсеков, в которые она никогда не сворачивала. Бесконечная, кажущаяся бессмысленной паутина коридоров ужасно утомляла; уставали ноги, мозг тупел в вечном запоминании поворотов и пропусков. Лабиринт — удивительно сложная система туннелей — был сделан в сплошной скальной породе и походил на огромный подземный город; только улицы этого города были созданы специально затем, чтобы до смерти измотать того, кто осмелится ступить на них, и смутить его душу. Даже Жрица его должна была все время помнить, что в конце концов Лабиринт и ее приведет к пустоте, к чудовищной ловушке.

Тянулись зимние месяцы, наступили холода, и Ара почти прекратила свои исследования, проводя время в основном в Тронном Храме, изучая его алтари, альковы, кладовки, заставленные сундуками и шкафами, рассматривая содержимое этих сундуков и шкафов, отыскивая потайные дверцы в стенах Храма, где под обвалившимся куполом гнездились сотни летучих мышей. Это была как бы обветшавшая прихожая Ее Величества Тьмы.

Кожа и одежда Ары пропахли сладким мускусом, превратившимся в порошок за восемь веков хранения в металлических коробках; на лбу, бровях и ресницах налипла черная паутина; она могла час простоять на коленях, изучая резьбу на крышке красивого, разошедшегося от времени сундука из кедрового дерева — дара Храму от одного из королей, живших столетия тому назад. На крышке был изображен сам этот король, маленький человечек в напряженной позе и с большим носом, и Тронный Храм с его плоским куполом и двойным рядом колонн. Каждая колонна была выполнена в мельчайших подробностях. Все это сделал неизвестный художник, давным-давно превратившийся в прах. И Единственная, вдыхающая курения, поднимавшиеся с бронзовых подносов, тоже была там; она давала советы королю с длинным носом, впрочем, на этом изображении нос короля был отломан, а лицо Жрицы слишком мало, чтобы различить ее черты. И все же Ара считала, что это ее собственное лицо. Ей ужасно хотелось узнать, что же она говорила тогда длинноносому королю и был ли он ей благодарен за советы.

В Храме у нее были свои любимые места — как у всякого человека в родном доме. Прежде всего те уголки, куда заглядывает солнышко. Так, Ара часто поднималась в маленькую кладовку на чердаке, где хранились старинные платья и костюмы еще с тех пор, когда великие правители Каргада часто приезжали поклониться Святому Месту и Гробницам Атуана, признавая, что здесь обитают властелины куда более могущественные, чем любой из смертных. Иногда

юные принцессы, надев платья из мягкого белого шелка, украшенные топазами и фиолетовыми аметистами, танцевали вместе со Жрицей Гробниц у Трона. В кладовой сохранились маленькие инкрустированные слоновой костью столики, на их столешницах был изображен и один из таких танцев, и то, как сами правители, будучи мужчинами, ожидают за дверьми Храма. Их дочерям было позволено не только входить туда, но и танцевать вместе с Единственной, тогда, как и сейчас, одетой в грубую домотканую шерстяную хламиду черного — всегда только черного — цвета. Аре нравилось перебирать прелестные нежные полуистлевшие одеяния из белого шелка и рассматривать не поддающиеся времени драгоценные камни, которые под собственным весом потихоньку отрывались от одряхлевших одежд. В этих сундуках пахло совсем иначе, чем в Храме, пропитанном запахами мускуса и благовоний: запах шелковых белых платьев, казалось, был более свежим, легким и молодым.

В задних комнатах Храма она порой проводила всю ночь, исследуя содержимое всего лишь какого-нибудь одного небольшого сундука, рассматривая один драгоценный камешек за другим, вынимая покрытое ржавчиной оружие, шлемы с поломанными перьями, перебирая застёжки, заколки, брошки, бронзовые статуэтки, серебряные и золотые слитки.

Совы, которых ничуть не смущало ее присутствие, спокойно сидели на балках и хлопали своими желтыми глазищами. Сквозь дыры в кровле были иногда видны звезды; порой на руки Аре падали снежинки, легкие и холодные, как эти древние шелка, и тут же превращались в ничто.

Однажды ночью, глубокой зимой, совсем замерзнув в Храме, она подошла к двери-ловушке, подняла ее и скользнула по ступеням вниз, плотно закрыв за собой дверь. Ара наизусть знала этот путь, ведущий прямо в Священное Подземелье. Здесь она, разумеется, огня никогда не зажигала, даже если у нее был с собой фонарь, припасенный для Большого Лабиринта или для того, чтобы увереннее ступать, когда

поднимется на поверхность. Она гасила свечу, еще только приближаясь к Подземелью, и никогда не видела, как оно выглядит, — ни разу за всю бесконечно долгую жизнь Единственной Жрицы Гробниц. Вот и теперь, в первом же коридоре, она потушила фонарь, взятый с собой, и, не замедляя шага, скользнула в непроницаемую тьму, легкая, словно рыбка в темной воде. Здесь, независимо от времени года, всегда царил одинаково промозглая сырость, чувствовался запах плесени и температура оставалась неизменной. Там, над головой, трещали морозы и яростные зимние ветры разносили по пустыне клоки снежного покрывала. Здесь не существовало ни ветров, ни времен года; здесь было тесно, тихо, безопасно.

Она шла в Расписную Комнату. Она иногда любила ходить туда и рассматривать странные рисунки на стенах. Из темноты в мерцающем свете свечи на нее смотрели люди с длинными крыльями и огромными глазами, спокойными и мрачными. Никто не мог сказать ей, кто эти люди. Нигде в Святом Месте больше не было таких изображений. Аре казалось, что это души проклятых, тех, что не способны возродиться. Расписная Комната находилась в Большом Лабиринте, так что все равно путь лежал сначала через Подземелье под Камнями. Она почти вошла туда по наклонному коридору, как вдруг заметила слабый серый свет, какое-то едва различимое мерцание, отдаленное световое эхо. А может, ей просто привиделось?

Она решила, что это так и есть: свет часто мерцал в непроницаемой тьме подземелий. Она закрыла глаза — мерцание исчезло. Открыла их — и снова увидела свет.

Тогда она остановилась и замерла. Вокруг все было серое. Не черное! Едва видимое свечение нарушало ту грань, за которой все должно быть черно.

Она сделала несколько шагов вперед и коснулась рукой стены там, где туннель сворачивал в сторону, и... разглядела свою собственную руку.

Она пошла дальше, не в силах ни думать ни о чем, ни даже бояться — таким странным был этот слабый

отблеск света там, где никакого света быть не могло, в самом сердце обители Тьмы. Ара, одетая в черное, словно черная тень, бесшумно ступала босыми ногами. У последнего поворота она остановилась; потом очень медленно сделала еще один шаг и увидела...

...Увидела то, чего никогда не видела раньше, хоть и прожила не меньше ста человеческих жизней. Перед ней была огромная сводчатая пещера, находившаяся прямо под Священными Камнями и вырытая не руками человеческими, а Древними Силами Земли. Стены ее были разукрашены драгоценными камнями, всюду высились резные башенки, прекрасные изваяния из белого известняка — здесь многие тысячелетия работали подземные воды. Это походило на огромный алмазный дворец, стены и кровля которого струились водопадом, сверкали искрами драгоценных камней самой причудливой формы — аметистов, горного хрусталя, — и древняя тьма была изгнана из этих сияющих чертогов.

Свет, сотворивший это чудо, не был ярким, но все же раздражал глаза, привыкшие к темноте. Он был похож на мерцающий болотный огонек, который неторопливо плыл через Подземелье, и тысячи отблесков вспыхивали на кровле, тысячи причудливых теней плясали на стенах.

Огонек горел на конце деревянного посоха, не давая ни дыма, ни запаха. Посох держала человеческая рука. Потом Ара увидела и лицо — оно было освещено достаточно хорошо. Это было лицо мужчины.

Она не пошевелилась.

Долгое время человек просто медленно бродил по пещере, будто что-то искал. Заглядывал за кружевные известковые наросты, подходил к темным пастям туннелей, но туда войти не пытался. Ара, по-прежнему недвижимая, стояла в своем убежище и ждала.

Для нее труднее всего было осознать, что она видит проникшего в Священное Подземелье человека. Она и раньше-то редко видела посторонних. Наверно, это один из евнухов-телохранителей... нет, скорее один из тех, что живут за стеной — пастух и стражник. Какой-то презренный раб забрался сюда, чтобы

выведать тайны Безымянных или, может быть, даже что-то украсть...

Украсть! Ограбить Сокровищницу Темных Сил. Святотатство. Это слово медленно возникло в мозгу Ары. Какой-то мужчина — а ни один мужчина не смеет ступить на территорию Священных Гробниц Атуана! — здесь, в самом сердце ее Храма! Он проник сюда, зажег огонь там, где это запрещено, где никогда не было света. Почему же Безымянные не покарали его?

Теперь он стоял и рассматривал каменные плиты под ногами, потрескавшиеся от времени. Было заметно, что в этом месте пол вскрывали и снова клали плиты на место. Мокрые безжизненные комья земли, оставшиеся после погребения узников, до сих пор не были убраны.

Тех троих ее Хозяева поглотили. Почему же этот до сих пор жив? Чего они ждут?

Пусть сделают что-то, пусть заговорят...

— Уходи! Уходи! Убирайся! — пронзительно вскрикнула Ара. Сильное эхо зазвенело по всему Подземелью; оно, казалось, рассеяло даже тьму, и встревоженное лицо чужака в изумлении повернулось в ее сторону. Свет метнулся к ней, нарушая очарование пещеры; мужчина успел ее увидеть. Потом свет погас. Все исчезло. Все поглотила слепящая тьма и тишина.

Освободившись от чар света, Ара вновь обрела способность думать.

Мужчина скорее всего пробрался в Подземелье через дверцу в Красной скале, через которую сюда приводят узников, и наверняка попытается через нее же выйти наружу. Легкая, неслышная, как мягкокрылые совы в ее Храме, Ара стремительно сделала полукруг по знакомым коридорам и оказалась у низенькой двери, что открывалась лишь вовнутрь. Воздух снаружи в Подземелье не поступал: мужчина не закрепил дверь, не оставил ни малейшей щели; он просто захлопнул ее за собой — и попался в ловушку. Если он все еще в Лабиринте, конечно.

Впрочем, в ближних коридорах его не было. Она была в этом уверена. В тесноте прохода она бы услы-

шала его дыхание, почувствовала тепло, само биение жизни в нем. Рядом с ней не было никого. Она стояла, напряженно прислушиваясь. Где же он?

Тьма давила ей на глаза, как повязка. Душа ее пребывала в смятении: она видела Священное Подземелье! Она хорошо знала его — но лишь по тому, с какой силой отдавались звуки от его стен; знала на ощупь каждый выступ; по сквознякам, разгуливающим в таинственной темноте, знала, где начинается какой коридор. Это была великая тайна, недоступная взору. Она же увидела все, и тайна стала совсем иной: ужас уступил место красоте, еще более таинственной, чем Тьма.

Ара неуверенно двинулась вперед. Она нащупала второй проход налево: отсюда начинался путь в Большой Лабиринт. Здесь она остановилась и прислушалась.

Уши во тьме сказали ей не больше, чем глаза. Но она все стояла и стояла, опершись обеими руками о стену туннеля и ощущая слабое, неясное дрожание каменных сводов, движение сырого воздуха, сохранившего запах, не принадлежавший Лабиринту: запах шалфея, что растет на холмах в пустыне, там, над головой, под открытым небом.

Медленно и уверенно двинулась она дальше по коридору, следуя за этим запахом.

Примерно через сотню шагов она слышала: мужчина двигался в темноте почти так же бесшумно, как и она, но не так уверенно. Вот он слегка споткнулся, но сразу выровнял шаг. Снова наступила тишина. Ара подождала и пошла медленно дальше, едва касаясь стены кончиками пальцев правой руки. Наконец пальцы ее ощутили знакомую железную раму. Ара остановилась, встав на цыпочки, дотянулась до мощной грубой рукоятки. И резко, изо всех сил рванула ее вниз.

Раздался ужасный скрип и грохот. Голубые искры водопадом посыпались вниз. Эхо заполнило туннели, и отзвуки его, сплетаясь и разлетаясь по всему Лабиринту, замерли где-то у нее за спиной. Она снова вытянула руки, еще раз нащупала совсем рядом с

собственным лицом покрытую оспинами поверхность Железной Двери и с облегчением глубоко вздохнула.

Медленно возвращаясь назад и стараясь держаться правой стены, Ара добралась до двери-ловушки за Троном. Она не спешила, ступая совсем неслышно, хотя в соблюдении особой тишины уже не было необходимости. Вора она поймала. Дверь, через которую он пробрался внутрь, была единственным входом в Большой Лабиринт, и открыть ее можно было только снаружи.

Теперь он там, внизу, во тьме подземелий, и никогда больше оттуда не выйдет.

Она по-прежнему двигалась медленно, с достоинством. Высоко подняв голову, прошла мимо Незанятого Трона по длинному украшенному колоннами залу и приблизилась к бронзовой чаше на треножнике, наполненной красноватыми раскаленными угольями, потом повернула назад и подошла к лестнице из семи ступеней, что вела к Трону.

На самой нижней ступени она опустилась на колени и низко склонила голову, коснувшись лбом холодных камней, покрытых пылью и мелкими мышиными костями, которые роняли хищные совы.

— О Безымянные, простите меня! Я видела, как нарушили Вашу Тьму, — молилась она про себя. — Простите, что я видела, как осквернили Ваши Гробницы. Но Вы будете отомщены! Смерть станет его стражником и палачом. Никогда не суждено будет осквернителю родиться вновь!

И все-таки даже сейчас, молясь Безымянным, видела она дрожащие блики света на стенах пещеры, жизнь там, где парит смерть; и почему-то не ужас свершенного святотатства и не гнев терзали ее; нет, она думала лишь, как это было прекрасно, как странно...

«Но что я скажу Коссил? — задумалась Ара, выйдя навстречу порывам зимнего ветра и плотнее кутаясь в плащ. — Да ничего. Я — хозяйка Лабиринта. И Король-Бог не имеет к нему никакого отношения. Впрочем, может быть, я все-таки скажу ей — когда вор будет мертв. Как же мне умертвить его? Пусть бы Коссил

смотрела, как он умирает. Она это обожает. Однако что он там искал? Он, должно быть, сумасшедший. И как он попал внутрь? Только у меня да у Коссил есть ключ от дверцы в Красной скале и от дверил-ловушки. Нет, он, конечно же, прошел через дверь в Красной скале. Но ее может открыть только колдун... Колдун!»

Она резко остановилась, хотя ветер буквально сбивал с ног.

Так это колдун! Волшебник с Внутренних Островов, который ищет здесь амулет Эррет-Акбе.

И происшедшее вдруг окрасилось таким невыносимым очарованием древних легенд, что Аре стало жарко на пронизывающем ветру, и она громко рассмеялась. Все вокруг — храмы, пустыня — было темным и безмолвным; в Большом Доме ни огонька; мелкий, почти невидимый снежок несло сильным ледяным ветром.

Если он сумел открыть с помощью волшебства эту дверь, то может открыть и другие. Он может спастись, уйти от расплаты.

От этой мысли она вздрогнула, но почти тут же успокоилась. Безымянные позволили ему войти? Почему бы и нет? Он не может причинить им ущерба, этот вор, которому не выйти из обворованной Сокровищницы. Возможно, у него в запасе достаточно заклятий и всяких магических штучек, и он, наверно, достаточно могущественный волшебник, раз сумел забраться так далеко. Но дальше-то что? Все его заклинания окажутся бессильны там, где властвуют Безымянные, те великие Короли, чей Трон пустует в ее Храме.

Чтобы убедиться в своей правоте, она поспешила по тропе вниз, к Малому Дому. Манан спал в дверях, завернувшись в плащ и драное меховое одеяло — как всегда зимой. Она тихонько скользнула внутрь, стараясь не разбудить его, и свет зажигать не стала. Прошла в маленькую комнатку, больше похожую на шкаф, высекла кремнем искру, которой ей достало, чтобы найти нужную плитку в полу, которую она и припод-

няла, встав на колени. Отверстие было еще прикрыто грязной тряпицей, которую она отшвырнула и... отшатнулась. Прямо ей в лицо снизу ударил луч света.

Через мгновение очень осторожно она снова заглянула в глазок. Она просто забыла, что у волшебника на конце посоха горит загадочный огонек, и ожидала самое большее послушать, как он бродит там, в темноте. О том, что он везде зажигает свет, она не подумала. Зато, как она и ожидала, он оказался прямо под глазком, у Железной Двери, преграждавшей ему выход из Лабиринта.

Он стоял, задумчиво подбоченясь и склонив набок голову. В другой руке он держал свой посох, на конце которого висел огонек. Она видела его с высоты чуть больше человеческого роста. Одет он был точно так же, как и все путешественники или пилигримы зимой: короткий теплый плащ, кожаный жилет, шерстяные чулки и башмаки с ремешками; за спиной — небольшой легкий мешок с привязанной к нему флягой с водой; на бедре — кинжал в ножнах. Он стоял неподвижно, как статуя, но был очень спокоен и о чем-то думал.

Потом медленно поднял свой посох и поднес его освещенный конец к двери, которую Аре в глазок видно не было. Огонек на конце посоха уменьшился, но стал ярче, светил, как фонарь. Волшебник что-то громко сказал. Язык этот был Аре незнаком, но еще более странным, чем слова неведомого языка, был голос мужчины, глубокий и звучный.

Свет на конце посоха стал еще ярче, потом вдруг мигнул и пропал совсем. Какое-то время она не видела ничего.

Потом снова появился бледный ровный свет, похожий на болотные огни; она увидела, что теперь он стоит к двери спиной: заклинание не действовало. Силы, накрепко запершие эту дверь, оказались сильнее всей его магии.

Он огляделся, словно раздумывая: а что же теперь?

Коридор, в котором он стоял, был узкий и очень высокий. Грубый каменный пол, зато стены довольно

гладкие, сухой кладки. Впрочем, каменные плиты лежали плотно, впритирку, так что между ними вряд ли можно было просунуть даже лезвие ножа. Стены туннеля слегка наклонялись внутрь, образуя подобие свода.

Вокруг волшебника была пустота.

Он пошел было вперед и с первого шага исчез из поля зрения Ары. Свет почти померк, и она уже намеревалась положить обратно тряпку и плитку, но тут снова легкий отблеск мелькнул на стенах — волшебник возвращался. Наверно, понял, что если уйдет от двери и заберется глубже в Лабиринт, то вряд ли сможет снова найти выход.

Он что-то сказал тихим голосом. Собственно, одно лишь слово: «Эменн!» Потом еще раз громче: «Эменн!» Железная дверь содрогнулась, и негромкое эхо прокатилось по сводчатым туннелям. Аре даже показалось, что пол у нее под ногами заколыхался.

Но дверь была прочна и выстояла.

Тогда он рассмеялся — тем коротким смешком, каким смеется человек, думая: ну до чего же глупо я себя вел! Он еще раз окинул взглядом окружающие его стены, и, когда смотрел вверх, Ара заметила, как его темное лицо осветила улыбка. Потом он сел, развязал свой узелок, достал оттуда кусок черствого хлеба и стал есть. Потом отвернул пробку кожаной фляги, встряхнул ее; фляга выглядела в его руках маленькой и легкой, похоже, она была наполовину пуста. Он снова закрыл флягу, пить так и не стал. Потом положил мешок себе под голову, как подушку, завернулся в плащ и лег, держа посох в правой руке. Когда он улегся, маленький светящийся шарик оторвался от конца посоха, взлетел и повис в воздухе у него над головой. Левая рука волшебника лежала у него на груди, придерживая что-то, висевшее на тяжелой цепи. Он лежал, будто в собственной постели — удобно устроившись, чуть согнув ноги в коленях. Взгляд его скользнул по глазку, в который смотрела Ара, и двинулся дальше. Волшебник вздохнул и смежил веки. Свет потихоньку стал меркнуть. Он спал.

Стиснутая рука у него на груди разжалась, соскользнула вбок, и Ара сверху разглядела тот талисман, что носил он на цепи: странное металлическое полукружие или полумесяц. Так ей, во всяком случае, показалось.

Последний слабый отблеск волшебного света исчез. Теперь человека окружала тишина и темнота.

Ара положила тряпицу и каменную плитку на место, бесшумно встала и скользнула в свою комнату. Там она долго лежала во тьме без сна, слушая вой ветра и все время видя перед собой хрустальное сияние на стенах обители смерти, легкий холодный огонек на конце волшебного посоха, каменные стены туннелей, спокойное лицо спящего мужчины.

Глава 6

ЛОВУШКА ДЛЯ ЛЮДЕЙ

На следующий день после свершения всех обрядов, закончив разучивать с новенькими сакральные танцы, Ара ускользнула к себе, в Малый Дом, и, погасив свет, приоткрыла наблюдательный глазок. В Лабиринте было темно. Она и не надеялась, что он надолго останется у запертой двери, но искать его сверху она могла только через этот глазок. Как же теперь найти его, если он заблудился?

Тхар считала, что туннели Лабиринта — собственно, и сама Ара уже убедилась в этом — это несколько дней пути, особенно если считать боковые коридоры, ответвления, спиралевидные проходы и тупики. Слепая Алдея, проходящая почти по периметру Лабиринта, казалось бы, находилась совсем недалеко от Храма — если смотреть сверху. Но там, внизу, под землей, нигде нельзя было пройти по прямой. Все туннели без конца сворачивали куда-то, сливались, разъединялись, расходились лучами в разные стороны,

переплетались между собой, образовывая петли и столь изощренный рисунок, что казалось, там вообще нет ни начала ни конца. Можно было идти и идти, но не прийти никуда, ибо там не было точки отсчета, не было центра, не было сердца. Как только дверь-ловушка захлопывалась за твоей спиной, Лабиринту уже не было конца. Ни одно избранное направление не оказывалось верным, если не помнить пути наизусть.

И хотя расположение комнат и пути к ним были навечно запечатлены в памяти Ары, даже она порой брала в наиболее дальние походы клубок тонкой бечевы, благодаря которому потом находила обратный путь. Ведь если пропустить хотя бы один из бесконечных поворотов или боковых коридоров, которые следует миновать, легко можно заблудиться даже ей, Единственной. Все коридоры и все проходы были похожи друг на друга как две капли воды.

Тот мужчина вполне мог уже много часов бродить по бесконечным туннелям Лабиринта, а на самом деле быть в какой-то сотне шагов от той же самой двери.

Ара сходила в свой Храм, потом в Храм Богов-Близнецов, потом в погреб под кухней Большого Дома. Всюду, уловив момент, когда никого не было рядом, она заглянула в смотровые глазки — в леденящую плотную тьму. Когда наступила ночь, морозная и звездная, она обежала все потайные места на склоне холма, где, подняв соответствующие камни, тоже можно было заглянуть в Лабиринт. Везде было темно.

Он, конечно же, был там. Должен был там быть. И все-таки от нее он сбежал. И теперь, наверно, умрет от жажды раньше, чем она разыщет его. Может, лучше послать в Лабиринт Манана, чтобы тот отыскал тело, когда пройдет достаточно времени? Нет, об этом даже думать было невыносимо. При мысли об очередной жертве она без сил опускалась на мерзлую землю, над которой горели зимние звезды, и в глазах ее закипали слезы ярости.

Ара вернулась по тропе, что вела прямо к Храму Короля-Бога. Колонны с резными капителями были покрыты сверкающим белым инеем — казалось, это

тонкая резьба по кости. Девушка постучала в заднюю дверь Храма, и Коссил открыла ей.

— Что привело сюда мою госпожу? — голос могучей жрицы звучал холодно и настороженно.

— Жрица, там, в Большом Лабиринте, мужчина.

Сообщение застигло Коссил врасплох. Этого она никак не ожидала и стояла, уставившись на Ару так, что глаза ее, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Ара почему-то вдруг подумала, что сейчас Коссил ужасно похожа на ту, какой ее изображала Пенте, и с трудом подавила желание расхохотаться ей в лицо.

— Мужчина? В Лабиринте?

— Мужчина, чужеземец. — Потом, поскольку Коссил продолжала смотреть недоверчиво, Ара прибавила: — Я, вообще-то, знаю, как выглядят мужчины, хоть и не много их видела.

Коссил на шутку не отреагировала.

— Как он попал туда?

— С помощью колдовства, я думаю. Он темнокожий — наверно, с Внутренних Островов. Вор, конечно. Сначала я его обнаружила в Подземелье под Храмом, под самыми Камнями. Он поспешил ко входу в Лабиринт, когда почуял меня, словно знал, куда бежит. Я заперла Железную Дверь прямо у него за спиной. Он произносил разные заклинания, но дверь так и не открылась. А утром он ушел глубоко в Лабиринт, и теперь я не могу его отыскать.

— Свет у него был?

— Да.

— А вода?

— Маленькая фляжка, неполная.

— Его свеча теперь уже совсем догорела, — Коссил размышляла вслух. — Еще четыре или пять дней. Может быть, шесть. Потом можешь послать моих телохранителей — пусть извлекут тело. Кровь будет принесена в жертву Трону, а...

— Нет! — сказала вдруг Ара с неожиданной вспышкой ярости. — Я хотела бы найти его живым.

Коссил посмотрела на девушку сверху вниз, грозясь над ней своей тушей.

— Почему?

— Пусть он... Пусть он умирает дольше. Он осквернил обитель Безымянных, зажег в Священном Подземье свет... И он вор! А потому заслуживает наказания более жестокого, чем просто смерть от жажды в тиши и одиночестве.

— Да, — сказала Коссил задумчиво. — Но как ты поймаешь его, госпожа? Только если повезет... Ему-то самому на везение рассчитывать нечего! В Лабиринте хватает костей тех, кто без спросу вошел в его коридоры... Пусть Темные Силы накажут его по-своему — как обычно наказывает Лабиринт. Смерть от жажды — жестокая смерть.

— Я знаю, — сказала девушка, повернулась и вышла в ночь, набросив на голову капюшон, защищавший от пронзительного ледяного ветра. Это-то она знала хорошо!

До чего же по-детски, до чего же глупо она поступила, явившись за советом к Коссил! Она все равно бы не получила здесь никакой помощи. Коссил ничего не понимает. Ей доступно лишь холодное ожидание — и смерть жертвы в итоге. Она не понимает, не видит смысла в том, чтобы искать совершившего святотатство. Но с ним не должно быть так, как с теми, предыдущими. Она, Ара, больше этого не вынесет. Если еще кто-то должен умереть, пусть умрет быстро и при свете дня. Конечно же, лучше бы этот вор, первый человек за многие столетия, решившийся ограбить Сокровищницу, умер от удара меча. Он ведь не бессмертен и не сможет возродиться вновь. Так что душа его будет вечно слоняться со стенами по Лабиринту... Нет! Нельзя допустить, чтобы он умер там от жажды в темноте и одиночестве.

В ту ночь Ара спала плохо. Следующий день был до краев наполнен заботами, совершением обрядов и прочей суетой. Ночью же она спать не легла, а бесшумно переходя от одного наблюдательного глазка к другому и не зажигая огня, обошла их все — и в помещениях, и на продуваемых ветром склонах холма. Когда до рассвета оставалось всего два или три часа, она нако-

нец отправилась к себе и легла, но так и не смогла заснуть. На третий день уже ближе к вечеру она тайком отправилась через пустыню к реке, теперь засыпанной снегом. Тростники вдоль берегов вмерзли в лед. Ара вдруг вспомнила, что как-то осенью прошла по Лабиринту очень далеко; после того места, где в разные стороны расходилось сразу шесть коридоров, она долго-долго шла по одному и тому же извилистому туннелю и там за каменной стеной слышала журчание воды. Наверно, ведь человек, испытывающий жажду, если он добрался туда, там и останется? Там, где слышна вода? Возле реки, разумеется, тоже были наблюдательные глазки; нужно было только их разыскать под снегом; Тхар в прошлом году показала ей их все до одного. Особого труда не потребовалось: ее память о форме отдельных камней и скал была схожа с памятью слепого — на ощупь все помнилось ей куда лучше, чем зрительно. Отыскав на плоской поверхности одного из камней глазок, самый дальний от ее Храма, она прикрыла голову капюшоном, заслоняя дневной свет, и заглянула вниз: в туннеле под собой она заметила слабое мерцание волшебного фонарика.

Он был там, в самом конце Слепой Аллеи. Ара могла видеть лишь его согнутую напряженную спину и правую руку. Он сидел на полу у сходящихся углом стен и пытался проковырять отверстие в камне своим кинжалом, коротким стальным клинком с инкрустированной самоцветами ручкой. Конец лезвия был уже отломан. Отломанный кусок валялся прямо под наблюдательным глазком. Он сломал кинжал, пытаясь раздвинуть камни и добраться до воды, журчание которой слышал в мертвой неподвижности подземелья за стеной, — до чистой живой воды, что текла по другую сторону этой непреодолимой стены.

Он двигался вяло и выглядел иначе: трое суток в Лабиринте сильно изменили облик этого спокойного, ловкого и уверенного в себе человека, который смеялся тогда над собственной слабостью, стоя перед запертой Железной Дверью. В нем все еще жило упрямство, но силы уже иссякли. И не было заклятия,

способного раздвинуть эти камни; был только бесполезный нож. Даже волшебный огонек над ним светился совсем слабо. Ара видела, что огонек этот все время мигает, словно собираясь погаснуть. Вдруг волшебник уронил голову, и кинжал выпал у него из рук. Однако уже через мгновение он поспешно подобрал нож и снова попытался просунуть сломанное лезвие между камнями стены.

Лежа на льду в тростниках и не сознавая, что делает и где находится, Ара вдруг приблизила губы к отверстию в скале, сложила рупором ладони, чтобы усилить звук, и сказала туда:

— Волшебник!

Голос ее, скользя по каменному горлу, ледяным шепотом разнесся по подземным коридорам.

Мужчина вздрогнул и с трудом поднялся на ноги. И тут же пропал из ее поля зрения. Она снова приложила губы к отверстию и сказала:

— Иди назад, вдоль той стены, что выходит к реке, до второго поворота. Потом первый поворот налево. Пропусти справа два прохода, в третий сверни. Пропусти один справа, сверни во второй. Потом налево, потом направо. Жди в Расписной Комнате.

Когда она заглянула в глазок снова, то поняла, что неосторожно позволила лучику дневного света скользнуть туда: волшебник снова был виден весь, стоял и смотрел вверх, прямо на глазок. Его лицо — теперь она рассмотрела хорошо — было покрыто какими-то шрамами, напряженное и нетерпеливое. Губы пересохли и почернели, но глаза горели ярко. Он поднял свой посох, поднося волшебный огонек ближе, ближе к ее лицу... Испуганная, она отпрянула, прикрыла отверстие плотно подогнанным камнем, потом встала и быстро пошла обратно в Храм. Руки у нее дрожали, порой начинала сильно кружиться голова. И она совершенно не представляла, как ей быть дальше.

Если он все-таки пошел тем путем, который она ему подсказала, то должен непременно пройти мимо Железной Двери и попасть в Расписную Комнату. Там для него не было ничего хорошего, и идти ему туда, в

общем-то, было незачем. Но в потолке Расписной Комнаты был наблюдательный глазок, удобный и хороший, который выходил в сокровищницу Храма Богов-Близнецов; может быть, она именно поэтому и подумала об этой комнате. Она и сама этого не знала. Все-таки почему же она с ним заговорила?

Она может спустить немного воды через наблюдательное отверстие. Вода позволит ему прожить чуть дольше. Так долго, как захочется ей, Аре. Если она время от времени будет спускать вниз воду и пищу, он продержится еще долго — дни, месяцы, скитаясь по Лабиринту. А она будет наблюдать за ним и говорить, где в этот раз его поджидает вода, чтобы он пошел туда и зря искал там воду — все равно ведь пойдет и будет искать! Хороший урок тому, кто пытался обмануть Безымянных, кто своим поганым мужским еством осквернил Гробницы!

Но пока в Лабиринте будет находиться он, она туда войти не сможет. «Почему же нет?» — спрашивала она себя, и сама же отвечала: потому что ей придется оставить открытой Железную Дверь, через которую он уже пытался бежать... С другой стороны, дальше Священного Подземелья не убежит... На самом же деле Ара просто боялась встретиться с волшебником лицом к лицу. Она боялась его магической силы, мастерства, которое помогло ему проникнуть в Лабиринт, того колдовства, что поддерживало живым его волшебный огонек. И все же разве он так уж страшен? Силы Тьмы на ее стороне! Вряд ли он способен так уж проявить свои магические способности в царстве Безымянных. Он же не смог открыть тогда Железную Дверь; и не добыл ни еды, ни воды, хотя вода-то была совсем рядом, за стеной; и не призвал на помощь никакого чудовища, чтобы сломать стену. А она ведь на самом деле боялась, что он сделает что-нибудь такое. Но он даже выхода из Лабиринта не нашел, трое суток прослонявшись совсем рядом с дверью в Сокровищницу, ради которой, собственно, и залез под землю. Сама Ара еще ни разу в Сокровищнице не была, хотя хорошо запомнила все наставления Тхар;

она все откладывала и откладывала путешествие туда из-за непонятного страха, сомнений и странного ощущения, что время для этого еще не пришло.

Теперь она решила заставить его пройти этот путь прежде нее. Пусть ищет там, что хочет! Очень это ему поможет! Она вдоволь посмеется над волшебником и предложит ему вместо еды золото, а вместо воды — алмазы.

С той же нервной, лихорадочной поспешностью, что владела ею последние три дня, Ара бросилась к Храму Богов-Близнецов, отперла его маленькую сводчатую сокровищницу и приоткрыла отлично замаскированный глазок в полу.

Расписная Комната находилась прямо под ней, но там было темно, как в колодце. Путь сюда по Лабиринту был куда длиннее и сложнее, чем по земле; как она об этом забыла? Мужчина, конечно, сильно ослабел и шел небыстро. Кроме того, он, возможно, перепутал ее наставления и свернул не туда. Очень немногие способны запомнить все повороты и пропуски с одного раза — как она, Ара. Возможно, он просто не понимает ее языка. Если это так, то пусть и скитается во тьме, пока не упадет мертвым, глупец, чужак, осквернитель! А душа его так и будет со стонами бродить по каменным тропам Гробниц Атуана, пока Тьма не поглотит и ее...

На следующее утро, едва рассвело, после короткого ночного отдыха, полного дурных сновидений, Ара вернулась к глазку в маленьком храме. Заглянула вниз и ничего не увидела: сплошная чернота. Тогда она опустила в отверстие маленький зажженный фонарь на цепочке. Волшебник был там, в Расписной Комнате. Фонарь выхватил из тьмы его ноги и одну безвольно упавшую руку. Она прошептала в отверстие, которое здесь было довольно большим — в целую плиту, какими был вымощен пол:

— Волшебник!

Он не пошевелился. Может, умер? Неужели сил его хватило так ненадолго? Ара презрительно фыркнула, но сердце у нее упало.

— Волшебник! — крикнула она, и голос ее зазвенел в пустой комнате с расписными стенами. Человек вздрогнул и медленно сел, изумленно озираясь. Потом посмотрел вверх; и долго глядел, щурясь, на свисающий с потолка фонарь. Лицо его было страшно: распухшее, черное, как у мумии.

Он протянул руку к посоху, что лежал рядом на полу, но волшебный огонек не зажегся: у человека совсем не осталось сил.

— Хочешь посмотреть сокровища Гробниц Атуана, волшебник?

Он снова устало поднял глаза к потолку. Хотя свет слепил его, он смотрел и смотрел, ибо это было единственное, что он мог видеть. Потом со странной гримасой, которая, по всей вероятности, должна была изображать улыбку, один раз кивнул.

— Выйди из этой комнаты и сверни налево по первому коридору... — Она выпалила длинную череду указаний без единой паузы и в самом конце прибавила: — Там ты найдешь то, за чем сюда явился. А еще, возможно, найдешь воду. Чего тебе больше хочется сейчас, волшебник?

Он встал на ноги, помогая себе посохом. Глядя вверх невидящими глазами, он попытался сказать что-то, но в его пересохшей глотке не осталось голоса. Он слегка пожал плечами и вышел из Расписной Комнаты.

Никакой воды она ему не даст. Он все равно никогда не найдет пути в Сокровищницу. Слишком длинными были ее указания, чтобы он успел их запомнить; и еще там Колодец — если он вообще до него доберется. Теперь его фонарик погас, и он идет в темноте, и в конце концов непременно сойдет с пути, упадет и умрет в одном из узких низеньких боковых проходов. Потом Манан отыщет его труп и вытащит наружу. И тогда все. Ара придавила обеими руками плитку, прикрывавшую наблюдательный глазок, и стала раскачиваться всем телом — туда-сюда, туда-сюда, кусая губы, словно пытаясь перетерпеть какую-то ужасную боль. Нет, воды она ему не даст. Не даст. Не даст. Она даст ему смерть, смерть, смерть, смерть, смерть!..

В тот черный час к ней и подкралась Коссил — Ара не заметила, как жрица вошла в сокровищницу своей тяжелой походкой, огромная в черных зимних одеждах.

— Этот мужчина уже мертв?

Ара вскинула голову. В глазах ее не было слез, ей нечего было скрывать.

— Думаю, да, — сказала она, поднимаясь и отряхивая юбку. — Его огонек больше не светится.

— Он, возможно, хитрит. Эти смертные очень хитры.

— Я подожду еще один день, чтобы знать наверняка.

— Да. Или лучше два дня. Тогда Дьюби может спуститься вниз и вытащить его тело. Он сильнее, чем старый Манан.

— Но Манан состоит на службе у Безымянных, а Дьюби нет. Есть такие места в Лабиринте, куда Дьюби ходить не должен, и проклятый вор как раз находится в таком месте.

— Но раз этот мужчина уже осквернил священные места...

— Его смерть снова очистит их! — сказала Ара. Она видела по удивленному лицу Коссил, что на ее собственном лице написано нечто странное, непривычное. — Это мои владения, жрица. Я должна заботиться о них, как это велено мне моими Хозяевами. Меня больше не требуется учить, как следует умерщвлять жертвы.

Лицо Коссил, казалось, нырнуло в глубину капюшона, как голова пустынной черепахи — в панцирь. Мрачное, неподвижное, холодное лицо.

— Прекрасно, госпожа.

Они расстались перед алтарем Богов-Близнецов. Ара неторопливо дошла до Малого Дома и позвала Манана. После разговора с Коссил она не сомневалась в том, что должна сделать.

Вместе с Мананом они поднялись по склону, вошли в Тронный Храм, спустились в Подземелье. Вдвоем налегли на длинный рычаг, отворили Железную Дверь и пошли в глубь Лабиринта уже с зажженными

фонарями. Путь их лежал в Расписную Комнату, а оттуда — в Сокровищницу Гробниц.

Вор не успел уйти слишком далеко. Они с Мананом прошли всего шагов пятьсот по извилистым коридорам Лабиринта, когда наткнулись на него, бесформенной грудой тряпья лежащего в одном из боковых коридоров. Прежде чем упасть, он, видимо, выронил посох, и тот лежал несколько в стороне. Рот мужчины представлял собой сплошную кровавую корку, глаза были полузакрыты.

— Он еще жив, — сказал Манан, опускаясь на колени и нащупывая своей огромной желтой рукой пульс на темной шее волшебника. — Может, мне задушить его, госпожа?

— Нет. Мне он нужен живым. Подними его и неси за мной.

— Живым? — встревоженно переспросил Манан. — Но зачем, маленькая госпожа?

— Чтобы сделать его рабом Гробниц! Не распускай язык и делай, как я говорю.

С еще более меланхоличным, чем всегда, выражением лица Манан подчинился и, без малейшего усилия, словно длинный тюк, взвалив молодого человека себе на плечо, поплелся следом за Арой. Но груз все-таки был достаточно велик, и они по крайней мере раз десять останавливались, чтобы Манан мог перевести дыхание. Коридоры везде выглядели совершенно одинаково: серовато-желтые плотно пригнанные друг к другу камни, сводчатые стены, неровный каменный пол, застойный, мертвый воздух. Манан постанывал и задыхался, чужеземец выглядел совершеннейшим трупом. Оба фонаря неярко светили, образуя два светлых конуса, которые сужались, уходя во тьму коридора в обоих направлениях. На каждой остановке Ара чуть смачивала водой, принесенной с собой во фляге, пересохший рот мужчины — совсем понемножку, чтобы жизнь, вернувшись разом, не убила его совсем.

— В Комнату Узников? — спросил Манан, когда они вышли в тот коридор, что вел к Железной Двери;

и тут Ара впервые задумалась по-настоящему, куда же ей девать своего пленника. Пока она еще не решила.

— Нет, только не туда, — сказала она, как всегда почувствовав слабость при одном воспоминании о факельной гари и ужасающей вони, и о тех безъязыких, не способных ничего воспринимать существах, лица которых были скрыты колтунами волос. И потом в Комнату Узников может прийти Коссил... — Он... он должен оставаться в Лабиринте, чтобы вновь не обрести свою колдовскую силу. Где бы нам найти место...

— В Расписной Комнате есть дверь, она запирается; а наверху есть глазок, госпожа. Если ты, конечно, этому волшебнику доверяешь насчет дверей.

— Здесь, в Лабиринте, он лишен волшебной силы. Неси его туда, Манан.

Манану пришлось тащить свою ношу обратно, почти половину того пути, который они только что проделали, но он слишком устал и запыхался, чтобы протестовать. Когда они наконец добрались до Расписной Комнаты, Ара сняла свой длинный тяжелый зимний плащ из черной шерсти и расстелила его на пыльном полу.

— Положи его сюда, — сказала она.

На меланхолическом лице Манана отразилось недоумение, он даже задохнулся.

— Но, маленькая госпожа?..

— Я хочу, чтобы этот человек жил, Манан. Иначе он быстро умрет от холода: посмотри, как он дрожит.

— Но твоя одежда будет осквернена. Плащ жрицы! Он же неверующий, он мужчина! — негодовал Манан, зажмурившись, словно от боли.

— Я потом сожгу этот плащ и мне соткут новый. Давай, Манан.

Манан не нашел больше возражений и послушно свалил узника со спины прямо на черный плащ жрицы. Волшебник лежал неподвижно, словно мертвый, но пульс у него на шее бился сильно, и частые судороги сотрясали распростертое тело.

— Узника следует заковать в цепи, — сказал Манан.

— Разве он так опасен? — усмехнулась Ара, но Манан только показал ей на железную скобу, вделанную в стену. Именно здесь следовало приковать узника, и она позволила своему телохранителю принести из Комнаты Узников цепь и замок. Манан поплелся по коридорам, шепотом повторяя повороты; ему уже не раз приходилось ходить в Расписную Комнату и обратно, но еще ни разу — в одиночку.

В слабом свете единственного фонаря казалось, что картины на стенах комнаты движутся, существа на них обретают формы, явно человеческие, только с огромными ниспадающими крыльями; они вытягиваются, приседают, не в силах сдвинуться с места в бесконечной тоске.

Ара опустила на колени и стала по капле лить воду в запекшийся рот узника. Наконец он закашлялся и потянулся слабыми руками к фляжке. Она позволила ему напиться вдоволь. Он лег на спину, все лицо его было мокро, испачкано пылью и кровью; он что-то пробормотал — какое-то слово или два на неведомом ей языке.

Наконец вернулся Манан, таща за собой изрядный кусок цепи, огромный замок с ключом и какой-то железный обруч, который он надел мужчине на пояс и запер.

— Свободновато, пожалуй, выскользнуть может, — бормотал Манан, прикрепляя другой конец цепи к кольцу в стене.

— Нет, что ты, посмотри. — Теперь она гораздо меньше боялась своего узника и показала Манану, что не может просунуть ладонь между железным обручем и ребрами человека. — Если только заставить его поголодать дня четыре...

— Маленькая госпожа, — плаксиво сказал Манан, — я не смею спрашивать, но... какой в нем прок Безымянным? Он ведь мужчина, маленькая госпожа, как он может быть их рабом?

— Да, он мужчина, а ты просто старый дурак, Манан. Ну ладно, пошли, хватит тебе возиться.

Узник наблюдал за ними измученными, но ясными глазами.

— Где его посох, Манан? А, вот он! Я его возьму с собой: в нем заключено волшебство. О, и вот это тоже возьму, — быстрым движением она сдернула с шеи мужчины серебряную цепь, видневшуюся в вырезе кожаного жилета, хотя тот и пытался поймать ее за руку. Манан пнул узника в спину. Ара покачала цепью у мужчины над головой, не давая ему дотянуться. — Это твой талисман, волшебник? Он очень тебе дорог? Вообще-то, дорогим он не выглядит. Разве ты не в состоянии позволить себе что-нибудь получше? Ладно, я сберегу его для тебя. — И она надела цепь себе на шею, опустив подвеску в вырез тяжелого шерстяного платья.

— Ты не знаешь, что с ним делать, — хрипло сказал он, не совсем верно, но достаточно внятно произнося слова каргадского языка.

Манан снова ударил его, и узник со слабым стоном зажмурился.

— Перестань, Манан. Пошли.

Она выскользнула из комнаты. Манан, ворча, последовал за ней.

В ту ночь, когда погасли все огни на холме, Ара снова, уже одна, поднялась к своему Храму. Она набрала полную флягу воды из колодца, а еще прихватила с собой большую пресную лепешку из гречневой муки. Потом прошла в Расписную Комнату и положила все это возле двери так, чтобы узник мог дотянуться. Он спал и даже ни разу не пошевелился. Потом Ара вернулась в Малый Дом и в ту ночь наконец спала долго и крепко.

Днем она, снова в одиночестве, вернулась в Лабиринт. Хлеб исчез, фляга была пуста, а незнакомец сидел, прислонившись спиной к стене. Его лицо все еще выглядело ужасно — в грязи и крови, — но выражение глаз было вполне живым и осмысленным.

Ара остановилась у противоположной стены, где волшебник мог бы даже и не пробовать достать ее. Она долго смотрела на него, потом отвернулась. Смот-

реть было, собственно, не на что. Но заговорить Ара никак не могла. Сердце билось, как испуганная птица. Хотя бояться было абсолютно нечего: он был полностью в ее власти.

— Приятно, когда светло, — сказал он мягким, глубоким голосом. Она еще больше смутилась.

— Как тебя зовут? — спросила она повелительным тоном. Но голос ее, похоже, прозвучал неожиданно пискляво.

— Ну, чаще всего меня называют Ястребом.

— Ястреб? Это у тебя имя такое?

— Нет.

— Каково же твое настоящее имя?

— Этого я тебе сказать не могу. Это ты — Единственная Жрица Гробниц?

— Да.

— Как тебя здесь называют?

— Меня называют Ара.

— «Та, которую поглотили» — так, кажется? — Его темные глаза внимательно наблюдали за ней. Он слегка улыбнулся. — А как твое настоящее имя?

— У меня нет имени. И больше не задавай мне вопросов. Откуда ты явился?

— С Внутренних Островов, с запада.

— Из Хавнора?

Это было единственное название то ли города, то ли острова во Внутреннем море, которое она знала.

— Да, из Хавнора.

— Зачем ты пришел сюда?

— Гробницы Атуана славятся среди моего народа.

— Но ты ведь не веришь в наших Богов!

Он покачал головой:

— О нет, жрица, я верю в Силы Тьмы! Я уже встречался с Безымянными в иных местах.

— В каких иных местах?

— На Архипелаге, на Внутренних Островах — там есть такие места, которые принадлежат Древним Силам, как и Гробницы Атуана. Но ни в одном из тех мест, что я видел, Древние Силы не обладают таким

могуществом, как здесь. Нигде больше не имеют они своего храма и жрицы и такого поклонения, как здесь.

— Значит, ты пришел, чтобы поклониться Святому Храму? — издевательским тоном сказала Ара.

— Я пришел, чтобы его ограбить, — сказал он.

Она уставилась на его мрачное лицо.

— Хвастун!

— Я знал, что это будет нелегко.

— Нелегко? Да это невозможно! Если бы ты действительно верил в Них, ты бы это знал. Безымянные заботятся о том, что им принадлежит.

— То, что ищу я, не принадлежит им.

— Может быть, это твое?

— Мое — по праву.

— В таком случае кто же ты? Божество? Король? — Она окинула его презрительным взглядом: на цепи, весь грязный, измученный. — Ты никто, ты жалкий вор! — в гневе бросила Ара.

Он ничего не сказал, но глаз не отвел и смотрел прямо на нее.

— Нечего так на меня смотреть! — пронзительно выкрикнула она.

— Госпожа моя, — сказал он, — я ведь не хотел никого обидеть. Я здесь чужой, я здесь случайно. Я не знаю ваших обычаев, не знаю правил, которым обязаны подчиняться жрицы Гробниц. Я весь в твоей власти, и прости, если я тебя обидел.

Она стояла и молчала, почувствовав, как к щекам ее приливает кровь — глупая, горячая волна. Но он на нее не смотрел и не видел, как она покраснела. Он уже подчинился ей и опустил свои темные глаза.

Некоторое время оба молчали. Нарисованные на стенах фигуры отовсюду смотрели на них своими печальными невидящими глазами.

Ара принесла каменный кувшин с водой, и он не сводил с кувшина глаз. Чуть погодя она сказала:

— Пей, если хочешь.

Он рванулся к кувшину, подняв его так легко, словно это был кубок с вином, и пил долгими, длинными глотками. Потом смочил краешек одежды и тщательно

но стал стирать грязь, запекающуюся кровь и липкую паутину со своего лица и рук. Девушка наблюдала за ним. Он умывался, как кошка, и в итоге стал выглядеть явно лучше, однако умывание обнажило шрамы у него на щеке — старые, давно зажившие, белыми полосами сверкавшие на темной коже. Четыре параллельных следа от глаза до подбородка, словно отметины чьей-то когтистой огромной лапы.

— Что это? — спросила она. — Такие шрамы...

Он не сразу ответил.

— Это, наверно, дракон? — не унималась она, однако старалась, чтобы голос ее звучал по-прежнему насмешливо. Ведь она же спустилась сюда специально для того, чтобы поиздеваться над своей жертвой, помучить волшебника его же беспомощностью.

— Нет, это не дракон!

— Ну так ты, по крайней мере, хоть не Повелитель Драконов? И то хорошо!

— Нет, к сожалению, — как-то неохотно сказал он, — как раз я и есть Повелитель Драконов. Вот только шрамы эти заработал гораздо раньше, чем стал им. Я уже говорил тебе, что мне приходилось встречаться с Темными Силами... Так вот: это отметины одного из Безымянных. Впрочем, имя этой твари я в конце концов узнал.

— Что ты имеешь в виду? Какое имя?

— Этого я сказать тебе не могу, — ответил он и улыбнулся, но лицо его оставалось мрачным.

— Неправда, дурацкая болтовня, кощунство! Это же Безымянные! Ты просто не понимаешь...

— Понимаю и гораздо лучше, чем ты, жрица, — тихо сказал он. — Посмотри еще раз! — И повернулся так, чтобы Ара могла получше разглядеть четыре ужасные отметины у него на щеке.

— Я не верю тебе! — упрямо сказала она, но голос ее дрогнул.

— Жрица, — мягко возразил он, — ты еще слишком молода, ты еще не успела достаточно долго прослужить Темным Силам.

— Нет, я служу им давно, очень давно! Я — Первая Жрица, Возрождаемая Вечно. Я служила моим Хозяевам тысячу лет и еще тысячу. Я их Единственная служанка, их голос, их руки. Я — орудие их мести, а они мстят тем, кто оскверняет их Гробницы и пытается увидеть то, чего видеть нельзя! Прекрати же наконец лгать и хвастаться! Разве тебе не ясно, что стоит мне произнести лишь слово, и мой телохранитель войдет и отрубит тебе голову? А если я просто уйду и запру эту дверь, то никто никогда не придет сюда, и ты умрешь здесь, в темноте, и Те, кому я служу, поглотят твою плоть и душу, и лишь твои пустые кости останутся лежать здесь в пыли...

Он тихонько кивнул.

От волнения она начала заикаться, она не находила слов и выбежала прочь из комнаты, с лязгом задвинув засов. Пусть думает, что она больше не вернется! Пусть покрывается потом там, в темноте, пусть извивается и дрожит от страха! Пусть произносит свои дурацкие, бесполезные здесь заклинания!

Но почему-то вдруг Ара подумала, что он наверняка ведет себя точно так же, как тогда, перед запертой Железной Дверью: вытянулся себе и преспокойно спит, безмятежный, как овечка на залитом солнцем лугу.

Она плюнула на запертую дверь и легким жестом отогнала скверну, а потом почти бегом бросилась по коридорам в сторону Священного Подземелья.

Когда она ощупью пробиралась к двери-ловушке, то пальцами вновь ощутила те гладкие поверхности и ажурные каменные узоры, похожие на замерзшие кружева. Ей нестерпимо захотелось зажечь фонарь, еще раз увидеть — хоть на мгновение! — изрезанные временем камни, очарование мерцающих огней. Ара плотнее зажмурилась и поспешила прочь.

ВЕЛИКОЕ
СОКРОВИЩЕ

Никогда еще ежедневные заботы не казались ей столь многочисленными, столь маловажными и столь долгими. Все эти бледные беспокойные девочки-ученицы со своими тайными делишками, все эти важные жрицы, на вид суровые и холодные, а на самом деле опутанные тайными сетями зависти, несчастий, мелких амбиций и нерастраченных страстей — все эти женщины, среди которых она жила всегда, которые составляли для нее мир людей, теперь казались ей просто жалкими и надоедливymi.

Но сама она служит Великим Силам; она жрица мрачной Ночи и свободна от мелочной суеты. Она не обязана заботиться об однообразном убожестве их быта, когда единственная отрада — более густой слой жира на чечевице в твоей тарелке, а не в тарелке соседки... Она свободна ото всех этих забот, связанных с дневной жизнью. Там, под землей, дня не существует, там всегда ночь, только ночь.

И в этой бесконечной ночи — ее узник: темнокожий человек, владеющий тайным мастерством колдуна; на нем железные оковы, он заперт среди каменных стен и ждет, что принесет она ему на этот раз: воду, хлеб и жизнь или мясницкий нож, чашу для жертвенной крови и смерть.

Она никому, кроме Коссил, не говорила о проникшем в Лабиринт мужчине, ну а Коссил, разумеется, тоже. Теперь узник уже три дня и три ночи находился в Расписной Комнате, но Коссил так и не задала Аре ни одного вопроса. Может, она считает, что мужчина умер и Ара велела Манану оттащить его труп в Комнату Скелетов? Что-то не похоже на Коссил. Слишком редко она принимает что-нибудь на веру. Но Ара решила, что ничего страшного в молчании Коссил нет: она ведь сама хотела, чтобы вся эта история оставалась в тайне, а кроме того, ненавидела, когда ее, Верховную Жрицу, вынуждали задавать вопросы. Да еще после того, как Ара сказала, чтобы она не лезла не в свое дело. Коссил просто подчинилась приказанию Единственной.

Но если считается, что этот человек в Лабиринте умер, то Ара не может больше просить для него еду. Что ж, придется обойтись без еды самой, время от времени воруя в кладовой яблоки и лук. Завтрак и ужин ей в Малый Дом приносили, поскольку она заявила, что предпочитает есть в одиночестве. И каждую ночь она относила всю свою еду в Расписную Комнату, оставляя себе лишь суп. Она привыкла к постам, дня по четыре легко могла обойтись совсем без еды, так что пока не придавала этому особого значения. Пленник заглатывал приносимую ею жалкую порцию хлеба, сыра и фасоли, как жаба муху: хоп — и готово! Совершенно очевидно, что он мог бы съесть и раз в пять-шесть больше; но каждый день он так торжественно благодарил ее, словно она задала ему настоящий пир. О пирах во дворце Короля-Бога она слыхала; во всех этих историях рассказывалось об оковалках жареного мяса, толстых, намазанных мас-

лом ломтях хлеба, о вине в хрустальных бокалах... Все-таки этот волшебник был очень странным!

— А как живут люди на Внутренних Островах?

Она принесла из Храма маленький складной стульчик из слоновой кости, так что теперь у нее не было необходимости стоять, задавая ему вопросы, и не нужно было садиться на пол, оказываясь при этом на одном уровне с ним, узником.

— Ну, на каждом острове по-разному, там ведь очень много разных островов. Четыре раза по сорок — так говорят. И это только острова Архипелага, а есть еще и Пределы. Никому еще не удавалось проплыть по всем Пределам из конца в конец, никто еще не сосчитал всех тамошних островов. Каждый из них чем-то отличается от других. Но самый красивый, пожалуй, все-таки Хавнор, великий остров в самом сердце нашего мира. Там, на берегу широкого залива, где всегда полно разных кораблей, расположена его столица, город Хавнор. С башнями из белого мрамора. Над каждым достаточно богатым домом возвышается такая башня — целый лес белых башен... Дома крыты красной черепицей, а мосты над каналами и проливами украшены мозаикой — красной, синей и зеленой. И флаги у каждого княжеского рода тоже разноцветные; они гордо реют над белыми башнями. На самой высокой башне города укреплен меч великого Эррет-Акбе — острым концом в небо. Когда над Хавнором встает солнце, то самые первые его лучи попадают как раз на этот клинок и он весь сверкает, а на закате становится совсем золотым и с наступлением сумерек некоторое время еще светится в темном небе.

— А кто такой Эррет-Акбе? — хитро притворилась Ара.

Он поднял на нее глаза и сначала не сказал ничего, только слегка усмехнулся. Потом, словно передумав, заговорил:

— Правда, ты ведь, наверно, знаешь о нем совсем мало. Вряд ли намного больше, чем то, что он некогда бывал на земле каргов. Так что же все-таки ты сама знаешь о нем?

— Что он потерял свой амулет и свой колдовской посох, и утратил свою волшебную силу, как и ты, и... — начала она, — ... и что он бежал от нашего Верховного Жреца и скрылся где-то на западе, и драконы убили его... Впрочем, если бы он тогда попал сюда, в Лабиринт, драконам нечего было бы делать!

— Это верно, — откликнулся узник.

Ей вдруг расхотелось продолжать разговор об Эрет-Акбе: она словно почувствовала здесь некую опасность.

— Говорят, что он был Повелителем Драконов. И ты вроде бы тоже. Ну-ка, расскажи мне, что это такое?

Она все время старалась говорить насмешливо, однако он отвечал ей прямо и просто, принимая все вопросы как должное.

— Это тот, с кем драконы станут разговаривать, — сказал он. — Только такой человек может называться Повелителем Драконов; во всяком случае, суть в этом. Ни трюком, ни обманом нельзя заставить дракона слушаться человека, хотя большинство людей считают, что это возможно. У драконов хозяев нет. И вопрос всегда лишь в том, будет ли дракон говорить с тобой или просто тебя съест. Если можно рассчитывать, что все-таки он соизволит с тобой заговорить, вот тогда ты и можешь считаться Повелителем Драконов.

— Разве драконы умеют говорить?

— Разумеется! На самом древнем языке, что называется Истинной Речью; мы, люди, учимся ей с большим трудом и используем лишь отдельные слова для своих магических заклинаний и прочего волшебства. Ни один человек не знает всех слов Истинной Речи — даже десятой их части. Человечество для этого слишком молодо. Драконы же существуют многие тысячелетия... Так что с ними поговорить стоит, как ты можешь догадаться.

— А здесь, в Атуане, драконы есть?

— Нет, и уже много столетий. Мне кажется, на острове Карего-Ат их тоже нет. А вот на самом вашем северном острове, Гур ат-Гур, говорят, все еще живут

в горах крупные драконы. С Внутренних Островов все они теперь убрались далеко на запад, на самый край Предела. Никто из людей не живет там, и очень редко проплывают мимо тех островов суда. Проголодавшись, драконы порой летают на острова, расположенные восточнее, но это случается редко. Я видел остров, куда они прилетали специально на свои драконьи балы. Мощные крылья поднимают их все выше и выше над Западным морем, и они кружат, словно подхваченные ветром золотые и осенние листья.. — Это воспоминание захватило его, и он остановившимся взором уставился в разрисованные стены своей темницы, словно видел сквозь них, сквозь толщу земли, сквозь тьму Открытое море, тихие воды на закате и в вышине — золотистых драконов, кружащих в порывах теплого ветра.

— Ты лжешь! — яростно сказала Ара. — Ты все это выдумал.

Он озадаченно посмотрел на нее:

— Зачем же мне лгать, Ара?

— Чтобы сделать из меня дурачку, чтобы показать, какая я глупая и трусливая, чтобы самому казаться мудрым, храбрым и могущественным, и Повелителем Драконов, и так далее, и тому подобное... Ты видел, как танцуют драконы, и видел башни Хавнора, и ты знаешь обо всем. А я не знаю совсем ничего и нигде никогда не была. Но все, что ты якобы знаешь, — ложь! Ты ничтожество, ты просто вор и мой пленник, и у тебя нет бессмертной души, и ты никогда не выйдешь отсюда! Даже если и существуют океаны и драконы, и белые башни, и все прочее — ты никогда больше не увидишь их, ты никогда больше не увидишь даже солнечного луча. Да, мне ведома лишь тьма, ночь, подземелье. Это все, что здесь действительно есть. И это все, что мне, в конце концов, нужно знать. Молчание и темнота. Ты, волшебник, знаешь все. А я — одну лишь вещь, зато подлинную!

Он опустил голову. Его руки с длинными пальцами, золотисто-коричневые, покоились на коленях. Она видела четыре белые страшные полосы у него на

щеке. Да, он бывал в более далеких и темных местах, чем ее Лабиринт; он лучше ее знал, что такое смерть, даже это... Волна ненависти поднялась у нее в груди, ненависть душила ее. Ну почему, почему он сидит вот так — беззащитный и одновременно такой сильный? Почему она не может одержать над ним верх?

— Я ведь почему оставила тебя в живых? — неожиданно сказала она, не думая, что говорит. — Я хочу, чтобы ты показал мне всякие колдовские трюки. Пока у тебя хватит умения показывать мне что-то новое, будешь жив. Если же все это окажется враньем, тогда что ж, придется с тобой покончить. Это ты понимаешь?

— Да.

— Прекрасно. Тогда давай начинай.

На мгновение он уронил голову на руки, пытаясь как-то переменить позу. Железный обруч вокруг талии не давал ему возможности сесть поудобнее; относительно спокойно можно было лишь лежать, вытянувшись на полу.

Наконец он поднял к ней лицо и заговорил очень серьезно:

— Слушай, Ара. Я действительно маг, хоть ты и называешь меня колдуном. Я обладаю знанием некоторых Высших Искусств и Сил. Правда также и то, что здесь, где властвуют Древние Силы, мое могущество крайне мало, а мастерство и знания перестают мне подчиняться. Я, конечно же, и сейчас способен создать для тебя иллюзию, или «чудо», как ты это называешь, но это самая примитивная часть волшебства. Я мог создавать иллюзии еще совсем ребенком; это у меня получится даже здесь. Но, если ты поверишь в иллюзии, они в конце концов могут и напугать тебя; тогда ты разгневаешься и захочешь меня убить. А если ты в эти чудеса не поверишь, то сама увидишь, что любая иллюзия — всего лишь обман, фокус, как ты правильно сказала. Так что в любом случае за иллюзии мне придется заплатить жизнью. А мне пока что — и это моя основная цель — хочется остаться в живых.

Ей почему-то стало весело, и она ответила:

— О, ты некоторое время в любом случае еще останешься в живых. Разве ты этого не понял? Глупец! Хорошо, покажи мне свои иллюзии. Я знаю, что все это ненастоящее, и бояться не стану. Я бы не испугалась, даже если бы все это было на самом деле, кстати сказать. Но давай начинай. Твоя драгоценная шкура в безопасности по крайней мере до сегодняшнего вечера.

Теперь рассмеялся уже он — ее неумелой грубости. Они играли сейчас его жизнью, словно мячом.

— Что бы ты хотела увидеть?

— А что ты можешь мне показать?

— Что угодно.

— Ох, ну почему ты все время хвастаешься!

— Нет, — сказал он, явно обиженный. — Я не хвастаюсь. Что-что, а хвастаться я не собирался.

— Покажи мне что-нибудь на свой вкус. Чтобы стоило посмотреть. Что угодно!

Он опустил голову и какое-то время внимательно смотрел на свои руки. Ничего не происходило. Сальная свеча в ее фонаре горела неярко и ровно. Темные существа на стенах, крылатые, словно птицы, но не способные улететь, смотрели на них своими мутно-красными и белыми глазами, склонялись ближе в полной тишине. Ара вздохнула, разочарованная и немного огорченная. Он был слишком слаб; говорил о великом, а сам даже самой малости сделать не способен. Врать он горазд и больше ничего! Даже вора из него хорошего не получилось.

— Ну хорошо, хватит, — сказала она, потеряв терпение, и подобрала свои юбки, намереваясь встать. Материя как-то странно зашуршала. Ара посмотрела вниз и застыла в изумлении.

Тяжелое черное одеяние, которое она носила много лет, исчезло. Ара была в платье из бирюзового шелка ясного мягкого оттенка, напоминающего вечернее небо. Платье широкими фалдами ниспадало до пола, красиво облекая бедра; юбка была расшита тонкими серебряными нитями, мелким жемчугом и каплями

горного хрусталя; все это нежно переливалось, светилось и играло, словно легкий апрельский дождь.

Она глянула на волшебника, не в силах произнести ни слова.

— Нравится тебе?

— Где же...

— Это похоже на то платье, что я видел однажды на принцессе в Хавноре, во время празднования Солнцеворота, — сказал он, удовлетворенно глядя на созданное им чудо. — Ты сказала: «Чтобы стоило посмотреть»... Мне захотелось показать тебе — тебя.

— Сделай так... сделай так, чтобы это исчезло.

— Ты отдала мне свой плащ, — сказал он как бы с упреком. — Разве не могу я дать тебе хоть что-нибудь взамен? Ну хорошо, не беспокойся. Это ведь только иллюзия. Смотри.

Он, казалось, и пальцем не пошевелил, и явно не сказал ни единого слова, но голубое чудо шелков исчезло. Ара снова стояла перед ним в грубом своем черном одеянии.

Некоторое время она не двигалась и молчала.

— А как мне узнать, — спросила она наконец, — что ты на самом деле такой, каким кажешься?

— Ты и не сможешь, — ответил он. — Я же не знаю, каким кажусь тебе.

Она снова задумалась.

— Ты можешь обмануть меня, и я стану видеть в тебе... — Она внезапно умолкла, потому что он едва заметным жестом указал наверх. Она решила было, что он наводит чары, и быстро отпрянула к двери; но, проследив, куда он показывает, обнаружила на темном фоне сводчатого потолка комнаты маленький чуть более светлый квадратик: открытый наблюдательный глазок!

Из глазка не проникало яркого света, и Ара ничего не успела заметить, ничего особенного не услышала оттуда, сверху, но волшебник снова незаметно показал туда и посмотрел на девушку вопросительно. Оба на какое-то время замерли.

— Твое волшебство — просто забава для детей, — ясным голосом громко сказала Ара. — Все это фокусы и обман. Я видела достаточно. Тебя скормят Безымянным. Я больше сюда не приду.

Взяла фонарь и вышла, закрыв дверь со страшным лязгом и до отказа задвинув засов. За дверью она осталась в полном смятении. Что же ей теперь делать?

Как много видела и слышала Коссил? О чем они говорили? Она уже не могла припомнить. Похоже, она не сказала узнику ничего из того, что намеревалась сказать. Он все время сбивал ее с толку своими рассказами о драконах, о белых башнях, о том, как узнал имя одного из Безымянных, о том, что хочет жить, о том, как благодарен ей за теплый плащ, на котором лежит... И ни разу не сказал он о том, о чем вроде бы должен был просить ее. Она и сама не спросила его о том талисмане, что прятала на груди.

В любом случае ужасно, что Коссил давно их подслушивала.

Впрочем, пусть ее! Что плохого может сделать ей, Единственной, какая-то Коссил! Но она уже знала ответ: нет ничего проще, чем убить ястреба, посаженного в клетку. Этот узник совершенно беспомощен в своей каменной темнице; к тому же он закован в цепи. Жрице Короля-Бога нужно лишь послать своего телохранителя Дьюби, и тот задушит пленника ночью; или, если они с Дьюби не решатся так далеко заходить в Лабиринт, Коссил может просто насыпать в Расписную Комнату через глазок какого-нибудь ядовитого порошка. У нее ведь целые короба, полные сосуды всяких гнусных снадобий; некоторыми из них можно отравить воду или еду; некоторыми — воздух. Вдыхая этот воздух, человек неизбежно умирает. И волшебник уже к утру был бы мертв, и все кончилось бы. И там, в Священном Подземелье, никогда больше не было бы света.

Ара поспешила по узким каменным коридорам к входу со стороны Священного Подземелья, где ждал ее Манан, терпеливо сидя на корточках в темноте,

словно старая жаба. Он очень волновался во время ее визитов к узнику. Ара не позволяла ему провожать ее. Но разрешила ждать у выхода в Подземелье. Теперь она обрадовалась, что он здесь, под рукой. Ему по крайней мере она доверяла полностью.

— Манан, послушай. Ты прямо сейчас должен пойти в Расписную Комнату. Скажи этому человеку, что тебе велено его заживо похоронить в Священном Подземелье под Гробницами. — Маленькие глазки Мана-на загорелись. — Скажи это очень громко. Отопри замок на оковах и отведи его... — она запнулась, потому что еще не решила, где лучше спрятать узника.

— В Священное Подземелье, — с готовностью под-сказал Манан.

— Нет, глупец. Я велела тебе это сказать, а не сде-лать. Погоди...

Какое же место недосыгаемо для Коссил и ее шпи-онов? Лишь самое сердце Лабиринта, священное, по-таенное, куда, боясь Безымянных, Коссил ходить не осмеливается. Но ведь Коссил способна на все! Воз-можно, она и боится Темных Сил, но вполне может подчинить свой страх намеченному плану. Совершенно неизвестно к тому же, какую часть Лабиринта она знает — возможно, ей все рассказала Тхар или сама Ара в своей предыдущей жизни, а может, она само-стоятельно исследовала подземные коридоры с дав-них пор. Ара подозревала, что Коссил в любом случае знает куда больше, чем хочет показать. Но существо-вал один путь, о котором она не знала наверняка. Самый тайный.

— Ты поведешь этого человека следом за мной. При-чем в полной темноте. Затем я приведу тебя обратно, ты выроешь здесь яму и опустишь туда пустой гроб, а сверху снова забросаете землей, так, чтобы было за-метно, что могила свежая — если кто-то вздумает ис-кать ее. Могила должна быть глубокой. Ты понял?

— Нет, — ответил Манан мрачно и испуганно. — Малышка, этот обман... лишен мудрости. Это нехоро-шо. Мужчины не должны быть среди Безымянных! Неизбежно наказание...

— Одному старому дураку в наказание отрежут язык, о да! Ты еще осмеливаешься говорить мне, что я делаю мудро, а что нет! Я следую приказаниям Темных Сил! Иди за мной!

— Прости, маленькая госпожа, прости меня...

Они вернулись в Расписную Комнату. Там Ара подождала за дверью, пока Манан отпирает оковы. Она слышала, как низкий голос волшебника спросил: «А теперь куда, Манан?» и хриплый алыт евнуха ответил сердито: «Моя госпожа говорит, что тебя похоронят заживо. Под Гробницами. Вставай!» Она слышала, как звякнули тяжелые цепи — ее словно ударили хлыстом.

Узник вышел из Расписной Комнаты со связанными кожаным ремнем Манана руками. Сам Манан подгонял его сзади, ведя, словно собаку, на короткой сворке, только железный ошейник был у пленника не на шее, а на талии. Глаза волшебника метнулись было к девушке, но она быстро задула свечу и беззвучно скользнула в темноту. Она шла впереди той слегка замедленной походкой, какой обычно ходила здесь, не зажигая света, легко и почти постоянно касаясь стен кончиками пальцев обеих рук. Манан и узник неуклюже тащились сзади; из-за короткой цепи они постоянно натывались друг на друга. Но она не желала, чтобы тот или другой запомнил этот путь, а потому заставляла их идти в темноте.

Поворот налево от Расписной Комнаты, пропуск, поворот в коридор направо, пропуск справа, потом длинный извилистый коридор и череда ступеней, ведущих вниз, много-много ступеней, скользких и чересчур узких для нормальной человеческой ступни. Дальше этой лестницы она не ходила никогда.

Здесь еще больше пахло могилой; воздух был совершенно неподвижен, в нем чувствовался какой-то еще странный запах. Она ясно помнила всю схему пути, даже слышала интонации Тхар, с которыми та перечисляла ей когда-то повороты и пропуски. Вниз по ступеням (у Ары за спиной узник споткнулся в непроницаемой тьме, и она услышала, как он охнул, когда Манан резким рывком цепи поставил его на

ноги) и в конце лестницы свернуть налево. Держаться левой стороны, сделать три пропуска, потом свернуть в первый коридор направо. Туннели изгибались, образовывали углы, ни один из них не был достаточно прямым. «Теперь ты должна обойти по краю Колодец, — прозвучал в ее памяти голос Тхар. — Там очень узко».

Она замедлила шаг, ощупала вокруг себя стены и — одной рукой — пол перед собой. Довольно большой участок туннеля здесь был прямым и широким, создавая обманчивое ощущение безопасности. Внезапно ее рука, ни на мгновение не перестававшая ощупывать каменный пол, ощутила пустоту. Сначала край Колодца и дальше — Ничто. Справа стена коридора отвесно уходила в Колодец. Слева по самому краю был узенький выступ, вряд ли намного шире человеческой ладони.

— Здесь Колодец. Встаньте лицом к левой стене, прижмитесь как можно ближе и идите боком. Нашупывайте путь ногами. Держись за цепь, Манан... Ты уже встал на выступ? Он постепенно становится уже. Не опирайся на пятки. Вот, я уже прошла. Давай руку. Ну вот...

Дальше туннель шел короткими изгибами со множеством боковых проходов. Из некоторых странным образом, как бы стелясь по полу, доносилось эхо их шагов; еще более странным было здесь едва заметное движение воздуха, как бы всасываемого куда-то внутрь. Эти боковые коридоры, должно быть, все оканчивались колодцами, подобными тому, который они только что миновали. Возможно, под этой, самой нижней частью Лабиринта, было некое пустое пространство, гигантская пещера, настолько глубокая, что сам Лабиринт не шел с ней ни в какое сравнение. Необъятная черная пустота.

Над этой пустотой, там, где они шли и шли по темным туннелям, подземелье постепенно становилось все уже и ниже, пока Аре не пришлось замедлить шаг. Неужели этому пути нет конца?

Конец наступил неожиданно: они уперлись в запертую дверь. Согнувшись, Ара бросилась к ней, протягивая вперед руки, и нащупала замочную скважину; потом нашла у себя на поясе, в общем кольце, маленький ключик, которым никогда еще не пользовалась: серебряный, с головкой в виде дракона. Ключ легко вошел в скважину и повернулся. Она открыла дверь в Великую Сокровищницу Гробниц Атуана. Сухой, кисловатый застойный воздух пахнул из темноты им навстречу.

— Манан, ты не можешь входить туда. Подожди за дверью.

— Ему можно, а мне нет?

— Если ты войдешь туда, Манан, обратно не выйдешь. Это закон для всех, кроме меня. Ни одна живая душа, кроме Единственной, ни разу не вышла из Сокровищницы назад. Ну что, пойдешь?

— Я лучше подожду снаружи, — меланхолично ответил Манан в темноте. — Госпожа, госпожа, не закрывай дверь...

Его страх так подействовал на нее, что она оставила дверь распахнутой настежь. Это место внушало ей какой-то тупой ужас, она даже стала опасаться за своего пленника, хотя тот и был крепко связан. Внутри она зажгла свет. Руки ее дрожали. Свеча в фонаре разгоралась неохотно; воздух был спертым и мертвящим. В желтоватых отблесках света, который казался ярким после долгого пути по темным коридорам, стены Сокровищницы как бы нависали над людьми. По стенам плясали тени.

Там стояло шесть огромных сундуков, целиком вытесанных из камня и покрытых толстым слоем пыли, серой, словно плесень на засохшей хлебной корке. Больше там не было ничего. Стены из грубых каменных глыб, потолок низкий. И холод. Тот глубинный, могильный холод, который, казалось, останавливал в жилах кровь. Там даже паутины не было, только серая пыль. Ничего живого, даже тех редких маленьких белесых паучков, что жили в Лабиринте. Пыль лежала плотным слоем, и каждая пылинка, возможно,

равнялась прошедшему здесь дню. Здесь не было ни времени, ни света: дни, месяцы, годы, века — все стало прахом, серой пылью.

— Вот место, которое ты искал, — сказала Ара ровным голосом. — Это Великая Сокровищница. Ты пришел сюда. И никогда не сможешь отсюда уйти.

Он не сказал ничего, и лицо его было спокойно, но в глазах мелькнуло нечто, тронувшее Ару: отчаяние, чувство преданного человека...

— Ты сказал, что хочешь жить. Это единственное место, известное мне в Лабиринте, где ты можешь остаться в живых. В любом другом Коссил убьет тебя сама или заставит меня сделать это, Ястребок. Но сюда ей не добраться.

Он по-прежнему молчал.

— Ты все равно никогда не смог бы выйти из Подземелья, разве тебе это не понятно? Так что терять нечего. Зато ты все-таки добрался до... до конца своего путешествия. То, что ты искал, находится здесь.

Он сел на один из огромных сундуков; казалось, он измучен до предела. Тянувшая за ним цепь резко звякнула о камень. Он посмотрел вокруг — на серые стены, на пляшущие тени, потом на нее, Ару.

Она отвернулась и стала разглядывать каменные сундуки. Не было ни малейшего желания открывать их. Ей было все равно, какие бы богатства ни гнили там.

— Здесь тебе не нужны цепи, — она подошла к нему и отперла замок на железном обруче, потом развязала Мананов кожаный ремень, стягивавший его запястья. — Я должна буду запереть дверь, но когда я приду снова, то оставляю ее открытой; я верю тебе. Ты понимаешь, что не можешь уйти, что не должен даже пытаться сделать это? Я — оружие Их мести, я выполняю Их волю; но если я обману Их — если ты обманешь меня! — то Они станут мстить сами. Не пробуй уйти отсюда, не старайся навредить мне или обмануть меня, когда я приду в следующий раз. Ты должен мне верить.

— Я сделаю, как ты говоришь, — мягко сказал он.

— Когда смогу, я принесу еду и воду. Немного, правда. Воды, наверное, достаточно, а еды пока мало-вато. Я ведь голодаю, ты разве не заметил? Впрочем, еды тоже будет вполне достаточно, чтобы не умереть с голоду. Может быть, мне не удастся прийти день или два; может быть, даже дольше. Мне нужно сбить Коссил со следа. Но я непременно приду. Обещаю. Вот фляжка. Экономь воду, я не смогу скоро вернуться. Но я приду.

Он поднял к ней лицо. Выражение его было странным.

— Осторожней, Тенар, — сказал он.

Глава 8

ИМЕНА

Ара отвела Манана обратно по узкому извилистому коридору и оставила его в Священном Подземелье, чтобы он немедленно выкопал могилу — доказательство для Коссил, что вор наказан по заслугам. Было уже поздно, и она сразу прошла к себе, в Малый Дом, легла в постель, но среди ночи вдруг проснулась. Она вспомнила, что забыла свой плащ в Расписной Комнате. У него нет ни одной теплой вещи в этом сыром подвале, только его собственный плащ, короткий и слишком легкий; ему не на что будет лечь — только на холодные пыльные камни... Ледяная могила, ледяная могила, в отчаянии думала она. Однако слишком устала, чтобы проснуться окончательно, и вскоре снова скользнула в сон. Ей снилось, что фигуры, изображенные на стенах Расписной Комнаты, — это души умерших. Они были похожи на потрепанных птиц с человеческими руками, ногами и лицами. Они сидели на корточках в пыли темного подземелья; летать они не могли. Пищей им служила глина, питьем — пыль. Это были души тех, кто не возродился, тех

древних людей, тех неверующих, кого поглотили Безымянные. Они так и сидели вокруг нее на корточках, погруженные в тень, и время от времени издавали какое-то странное поскрипывание или попискивание. Вдруг один из них подошел к ней совсем близко. Она сначала испугалась и хотела убежать, но не могла даже пошевелиться. У крылатого существа было какое-то птичье, нечеловеческое лицо, а волосы очень красивые, золотистые и нежный, тихий женский голос.

— Тенар, — сказала существо, — Тенар.

Ара как бы проснулась. Но рот ее оказался залепленным глиной, и лежала она в каменной гробнице глубоко под землей. Руки и ноги были крепко связаны. Ни шевелиться, ни говорить она не могла.

И тут отчаяние ее достигло такого предела, что грудь разорвалась, и душа, словно огненная птица, вылетела оттуда, сотрясла, разрушила каменные стены темницы и вырвалась к свету дня — настоящему, только очень слабому: она проснулась в своей лишенной окон комнате Малого Дома.

На этот раз проснувшись по-настоящему, Ара села в постели, совершенно измученная ночными кошмарами; голова была как в тумане. Девушка натянула платье и пошла к бочке с водой, стоявшей во внутреннем дворике Малого Дома. Она опустила сперва руки, потом лицо, потом всю голову в ледяную воду, пока ее не начало трясти от холода, буквально останавливавшего кровь. Потом, откинув назад мокрые волосы, по которым ручьями стекала вода, Ара долго стояла, выпрямившись и глядя в утреннее небо.

Солнце взошло совсем недавно, был ясный зимний день. Прозрачная голубизна небес чуть отливала желтым. Высоко-высоко в небе, отражая солнечные лучи и вспыхивая золотом, кружила какая-то птица, то ли сокол, то ли орел.

— Я — Тенар, — сказала она про себя и содрогнулась от холода, ужаса и возбуждения, по-прежнему стоя под чистым утренним небом. — Я вновь обрела свое имя. Я — Тенар!

Золотистая птица в небе полетела на запад, к горам, и скрылась из виду. Солнечные лучи позолотили крышу Малого Дома. Зазвенели овечьи колокольчики в хлеву. Запах дыма и гречневой каши из кухни распространился в прозрачном свежем воздухе.

— Ох, до чего же я голодна!.. Но как он узнал? Как он узнал мое имя? Ох, мне просто необходимо немедленно поесть, как ужасно я голодна...

Она надвинула на голову капюшон и побежала завтракать.

После трех дней полуголодного существования она ощутила приятную тяжесть в желудке и уверенность в собственных силах; она уже не чувствовала себя маленькой дикаркой, беззаботной и пугливой одновременно. Теперь она знала, что у нее достанет сил, чтобы справиться с Коссил.

Она сама подошла к величественной жрице на пути из трапезной и тихо сказала:

— Я покончила с вором... Что за чудесный сегодня день!

Холодные серые глаза искося глянули на нее из-под черного капюшона.

— Я полагала, что Единственная должна воздержаться от пищи после принесения человеческой жертвы в течение трех дней.

Коссил сказала правду. Ара совсем забыла об этом, и на лице ее появилось растерянное выражение.

— Он скорее всего еще не умер, — сказала она наконец, овладев собой и стараясь сохранить тот же легкий равнодушный тон, что и в начале разговора. — Он похоронен заживо. Под Камнями. В гробу. Там еще осталось сколько-то воздуха — ведь это не железный, а деревянный гроб. Это будет довольно медленная смерть. Как только я узнаю, что он умер, тут же начну пост.

— А как ты узнаешь?

Сбитая с толку, Ара снова заколебалась.

— Узнаю. Безы... Мои Хозяева сообщат мне.

— Понятно. Где же могила?

— В Священном Подземелье. Я велела Манану выкопать ее прямо под гладким Камнем. — Она не должна была отвечать торопливо, дурацким извиняющимся тоном! Перед Коссил ей нужно держаться в высшей степени достойно.

— Живым? В деревянном гробу? Дело рискованное, если учесть, что он волшебник, госпожа моя. Ты проверила, заткнут ли его рот, чтобы он не мог произнести заклятие? И связаны ли его руки? Они умеют плести колдовство едва заметным движением пальцев, даже если у них отрезан язык.

— Ничего особенного в его волшебстве нет, все это просто фокусы! — заявила Ара громко. — Он похоронен, и мои Хозяева ждут его душу. А остальное тебя не касается, Жрица!

На этот раз она явно переборщила. Их могли слышать: совсем рядом шла Пенте с двумя подругами; Дьюби и жрица Меббет тоже находились неподалеку. Девушки, естественно, тут же наострили уши, и Коссил это заметила.

— Меня касается все, что здесь происходит, госпожа. Все, что происходит в его королевстве, касается нашего Короля-Бога, которому я верно служу. Он может заглянуть в любое подземелье, даже в сердце любого человека может он заглянуть — и никто не смеет запретить ему это!

— Я могу. В Гробницы никто войти не смеет, это запрещено Безмянными. Безмянные существовали задолго до появления твоего Короля-Бога, Они будут существовать и после него. Говори о Них тихим голосом, Жрица. Опасайся Их гнева. Они могут явиться в твои сны, проникнуть в самые темные, потайные закоулки твоей души, и безумие охватит тебя.

Глаза Ары сверкали. Лицо Коссил было скрыто, как бы втянуто внутрь черного капюшона. Пенте и остальные наблюдали за ними с ужасом и восторгом.

— Они слишком стары, — голос Коссил звучал негромко, это был скорее какой-то свистящий шепот,

доносившийся из глубин капюшона. — Они стары. Им уже забывают поклоняться всюду, разве что только здесь о них еще помнят. Ушла их сила. Теперь они лишь тени былого. Они бессильны, и не пытайся запугать меня, Ара. Ты — Первая Жрица, но разве не может статься, что и Последняя?.. Ты меня не обманешь. Я вижу тебя насквозь. Тьма ничего не может от меня скрыть. Берегись, Ара!

Коссил повернулась и двинулась дальше своим широким, размашистым шагом, круша замерзшие комья земли тяжелыми башмаками с ремешками и пряжками. Она шла к Храму с белыми колоннами, принадлежащему Королю-Богу.

Девушка осталась стоять посреди двора, тонкая, темноволосая, — словно примерзнув к земле. Все остальные вокруг тоже как бы застыли. Во всем огромном пространстве Святого Места только Коссил упорно двигалась к своей цели на фоне мертвой пустыни и неподвижных гор на горизонте.

— Да поглотят Безымянные твою душу, Коссил! — крикнула вдруг Ара странным голосом, похожим на пронзительный крик ястреба, и, подняв руку с вытянутыми пальцами, застыла, произнося свое проклятие прямо в спину толстой жрицы. Коссил в этот миг уже ступила на первую ступеньку лестницы, ведущей в Храм; она вздрогнула, но не остановилась и не обернулась. Медленно поднялась по ступеням и вошла в открытую дверь.

Весь тот день Ара провела на нижней ступени Незанятого Трона. Она не осмеливалась пойти в Лабиринт; не хотела появляться и среди других жриц. Тяжесть, лежавшая на душе, заставила ее много часов просидеть в одиночестве в холодном полумраке Храма. Она тупо смотрела на двойной ряд толстых бледных колонн, уходящих во мрак на дальнем конце зала, на пятна солнечного света, проникавшего сюда сквозь дыры в кровле, на плотные клубы дыма, поднимающегося с бронзового блюда на треножнике возле Трона. Тоненькой мышинной косточкой она что-то ри-

совала в пыли, покрывавшей мраморные ступени. Голова опущена, ум лихорадочно работает, но словно вхолостую. «Кто же я?» — спрашивала она себя. И не находила ответа.

Пришел Манан. Отдуваясь, протащился через весь зал с двойным рядом колонн. Дневной свет совсем перестал пробиваться сквозь дыры в крыше, а холод усилился. Тестообразное лицо Манана было очень печально. Он остановился на некотором расстоянии от Ары, бессильно свесив огромные свои руки. Обтрепанная кромка его грязного одеяния была сзади вся затоптана каблуками.

— Маленькая госпожа...

— В чем дело, Манан? — Она посмотрела на него с какой-то туповатой нежностью.

— Малышка, позволь мне сделать то, что ты велела... что ты велела мне якобы сделать. Он должен умереть, малышка! Он просто заколдовал тебя. И Коссил тебе непременно отомстит. Она старая и жестокая, а ты еще слишком молода. У тебя не хватит сил...

— Она ничем не может мне навредить.

— Если бы она даже убила тебя при всех, в открытую, то все равно во всей Империи никто не осмелился бы ее наказать. Она Верховная Жрица Короля-Бога, а Король-Бог правит нашей страной. Но в открытую она тебя не убьет. Она сделает это тайком, с помощью яда, в ночи.

— Тогда я снова воскресну.

Манан стиснул свои громадные руки.

— Может быть, она и не станет убивать тебя, — прошептал он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она может запереть тебя в какой-нибудь комнате в... там, внизу... Как ты сделала это с ним. И ты проживешь, может быть, еще годы и годы. Годы... И не сможет родиться новая Единственная, ибо ты не будешь мертва. И в Храме не будут больше исполнять священные танцы в безлунные ночи, не будут совершать жертвоприношения, не станут разливать кровь у

Трона, и само поклонение Темным Силам может быть предано забвению — навсегда. Она и ее Король-Бог хотели бы, чтобы это произошло.

— Но Они освободят меня, Манан.

— Только не тогда, когда Они исполнены гнева, маленькая госпожа, — прошептал он.

— Гнева?

— Из-за него!.. Это неотмщенное святотатство! О, малышка, малышка! Такого Они не прощают!

Ара по-прежнему сидела в пыли на нижней ступеньке лестницы, низко склонив голову. Она внимательно изучала крошечную косточку на своей ладони; это был мышинный череп. Совы на балках под куполом слегка завопили; приближалась ночь.

— Не ходи сегодня ночью в Лабиринт, — очень тихо проговорил Манан. — Ступай в свой дом и ложись спать. А утром сходи к Коссил и скажи, что сняла с нее проклятие. И все. Тебе больше не нужно будет тревожиться. Я представлю ей доказательство.

— Доказательство?

— Мертвого колдуна.

Ара не пошевелилась. Только медленно сжала руку, и крошечный череп хрустнул и сломался. Когда она вновь раскрыла ладонь, там не было ничего, кроме мелких осколков и пыли.

— Нет, — сказала она. И отряхнула пыль с ладони.

— Он должен умереть. Он наложил на тебя заклятие, опутал чарами. Ты погибла, Ара!

— Никакого заклятия он на меня не накладывал. Ты стар и труслив, Манан; старуха напугала тебя. Как ты намерен добраться до него, войти, убить и получить свое «доказательство»? Разве ты знаешь путь к Великой Сокровищнице? Неужели, пройдя по темным туннелям прошлой ночью, ты запомнил все повороты? И можешь добраться до лестницы? До Коллота? До той двери? А как ты откроешь эту дверь?.. О, бедный старый Манан, твои мозги совсем заплыли жиром. Она просто напугала тебя. Ты ступай себе в Малый Дом, ложись спать и забудь обо всем этом.

И никогда не тревожь меня больше разговорами о смерти... Я приду позже. Иди, иди, старый глупец, старый чурбан. — Она уже встала на ноги и мягко подталкивала Манана в широкую грудь, будто гладила и прогоняла одновременно. — Доброй ночи, Манан! Доброй ночи!

Он неуклюже повернулся — не хотел уходить, мучимый предчувствиями, — но все-таки покорно потащился прочь через длинный зал вдоль ряда колонн под провалившейся крышей. Она смотрела ему вслед.

После того как он скрылся за дверьми, Ара подождала еще немного, повернулась, обошла Трон и исчезла за ним во тьме.

Глава 9

КОЛЬЦО ЭРРЕТ-АКБЕ

В Великой Сокровищнице Гробниц Атуана время не двигалось. Ни лучика света, ни малейшего движения паука в пыли или червя в холодной земле. Камень, тьма и неподвижное время.

На каменной крышке одного из сундуков лежал, распростершись, вор, что прибыл сюда с Внутренних Островов, — лежал, словно резное надгробие. Пыль, потревоженная движениями человека, осела теперь на его одежду. Он не шевелился.

Скрипнул дверной замок. Дверь отворилась. Свет нарушил мертвящую тьму, чуть более свежий воздух потревожил застойный дух Сокровищницы. Мужчина по-прежнему лежал недвижимый, обессиленный.

Ара закрыла дверь и заперла ее изнутри; потом поставила фонарь на один из сундуков и медленно, осторожно подошла к неподвижной фигуре. Глаза девушки были широко распахнуты, зрачки до предела расширены после длительного путешествия сквозь тьму.

— Ястреб!

Она коснулась плеча мужчины, снова и снова повторила его имя. Наконец он шевельнулся и застонал. Потом сел. Лицо у него было измученным, глаза пустыми. Он смотрел на Ару и не узнавал ее.

— Это я, Ара... Тенар. Я принесла тебе воды. Вот, пей.

Он рванулся к фляге, но взял ее неуверенно, словно руки его не слушались, и пил, но маленькими глотками.

— Как долго это продолжалось? — спросил он, с трудом выговаривая слова.

— Два дня прошло, как ты здесь. Сейчас третья ночь. Я не могла прийти раньше. Нужно было украсть еду... вот... — Она достала из сумки, которую принесла с собой, плоскую большую лепешку из серой муки, но он только головой покачал.

— Я не хочу есть. Это... это гиблое место. — Он уронил голову на руки и застыл.

— Ты, наверное, замерз. Я принесла тот плащ из Расписной Комнаты.

Он не ответил.

Она положила плащ и стояла рядом, глядя на узника. Ее слегка знобило, а зрачки все еще были расширены.

Вдруг она перегнулась пополам, упала на колени, скрючилась на полу, и глубокие рыдания сотрясли все ее тело, не вызывая слез.

Он неловко сполз с сундука и склонился над ней:

— Тенар...

— Я не Тенар. Я не Ара. Боги мертвы, мои Боги мертвы...

Он тронул ее рукой, откинул с головы капюшон. Начал что-то говорить. Голос его звучал мягко, но слова эти были ей неведомы. Звук их проникал прямо в душу, словно шум несильного дождя. Она утихла и стала слушать.

Когда девушка успокоилась, он поднял ее и посадил, как ребенка, на крышку того самого сундука, на котором лежал. Своей рукой накрыл ее руку.

— Почему ты плакала, Тенар?

— Сейчас скажу. Неважно, что я скажу тебе. Ты все равно не сможешь ничего сделать. Ты не сможешь помочь. Ты ведь тоже умираешь, разве не так? Так что это неважно. Все неважно. Коссил, Верховная Жрица Короля-Бога, — она всегда была жестокой — все старалась заставить меня принести тебя в жертву. Убить точно так же, как тех, других. Я не хотела. Разве она имела право заставлять меня? И она богохульствовала! Насмехалась над Безымянными! Я ее прокляла. И с тех пор боялась ее, потому что Манан прав: она не верит в моих Богов. Она хочет, чтобы о Них забыли. Она бы, конечно, убила меня во сне. Так что я совсем не спала. Я вообще не вернулась в Малый Дом. И всю ночь оставалась в одной из кладовых Храма — там, где белые платья для ритуальных танцев. Еще до рассвета я пробралась в Большой Дом и стащила на кухне кое-что из еды; потом вернулась в Тронный Храм и пробыла там весь день. Я пыталась решить, что же мне делать теперь. А сегодня вечером... вечером я уже слишком устала и решила, что могу пойти в Священное Подземелье и немного поспать там, потому что она скорее всего не решится туда спуститься. Я так и сделала, отправилась в ту большую пещеру, где впервые увидела тебя. И... и она была там! Она, должно быть, вошла через дверцу в Красной скале. Она была там с фонарем! Ковырялась в той могиле, которую для тебя вырыл Манан, — проверяла, на месте ли труп. Как крыса на кладбище, как огромная толстая черная крыса, копалась она в яме. И в Священном Подземелье горел свет! Там, где должна быть вечная тьма. И Безымянные не сделали ей ничего. Не убили ее, не свели с ума. Они слишком стары — она сказала правду. Они мертвы. Их больше нет. И я больше никакая не Жрица.

Мужчина стоял и слушал, не снимая своей руки с ее, чуть склонив голову. В лице его и взгляде вновь засквозила бывшая энергия, хотя шрамы на лице были по-прежнему серыми от пыли, пыль покрывала его одежду и волосы.

— Я прошла мимо нее в Лабиринт. От ее фонаря больше было теней, чем света, а шагов моих она не

услышала. Мне хотелось уйти от нее как можно дальше и все время казалось, что она меня преследует. Во всех коридорах, везде я слышала у себя за спиной чьи-то шаги. И я не знала, куда мне идти. Я думала, что здесь буду в безопасности, я думала, что мои Хозяева защитят меня, заступятся... Но они не заступились, они ушли отсюда, они мертвы...

— Ты из-за них плакала — из-за их гибели? Но они здесь, Тенар, здесь!

— Откуда тебе-то знать? — спросила она почти равнодушно.

— Каждый миг, с тех пор как я оказался в Подземелье под Священными Камнями, мне приходилось тратить силы на то, чтобы сдерживать Их, чтобы Они не шли по моему следу. Все мои силы и умения я растратил на это. Я заполнил темные коридоры Лабиринта бесконечной паутиной заклятий — заклятий сна, неподвижности, покоя, — но Они все же чувствовали мое присутствие, правда, наполовину бодрствуя, наполовину усыпленные мной. Но только наполовину! И тем не менее я остался совсем без сил после тщетных попыток бороться с Ними. Человек, попав сюда в одиночку, лишен даже самой малой надежды на спасение. Я уже умирал от жажды, когда ты дала мне воды; но не только вода спасла мне жизнь. Меня спасла сила рук, что дали мне напиться. — И он перевернул ее руку в своей ладонь вверх и минуту смотрел на нее; потом отпустил ее руку, отвернулся и сделал несколько шагов по комнате; и снова остановился возле Тенар. Она ничего не говорила.

— Неужели ты действительно думаешь, что Они умерли? Душа твоя знает лучше. Они темны и бессмертны, и Они ненавидят свет, тот краткий яркий проблеск нашей жизни от рождения до смерти. Они бессмертны, но Они не боги. И никогда ими не были. Они не заслуживают поклонения ни единой человеческой души.

Она слушала, тяжелым взглядом уставившись на мерцающий свет фонаря.

— Они хоть что-нибудь дали тебе, Тенар?

— Ничего, — прошептала она.

— Им нечего дать человеку. Они лишены созидательной силы. Они способны лишь разрушать во тьме. Отсюда они уйти не могут: Святое Место — это они сами; пусть оно им и остается. Их не следует ни отрицать, ни забывать, но и поклоняться им не стоит. Земля прекрасна; она яркая, добрая — но не только: она еще и ужасна, темна, жестока. Умирая на своем зеленом лугу, кролик пронзительно кричит от боли. В прекрасных морях водятся акулы, а в глазах людей живет жестокость. И там, где люди поклоняются злу, где они позволяют злым силам уничтожать их, там зло крепнет, там собирается Тьма, там властвуют безраздельно те, кого мы называем Безымянными, — Древние Силы Земли, возникшие задолго до рождения нашего мира, силы Тьмы, хаоса, безумия... Я думаю, они давно уже свели с ума твою Коссил; наверно, она когда-то слишком долго бродила по Лабиринту, как теперь бродит по коридорам собственной души, не находя выхода, и больше уже не видит по-настоящему свет дня. Она сказала тебе, что Безымянные мертвы; только потерянная душа, та, которой истина недоступна, может верить этому. Они действительно существуют. Но это не твои хозяева. И никогда не были ими. Ты свободна, Тенар. Тебя просто научили быть рабыней, но теперь ты вырвалась на свободу.

Она слушала его с тем же выражением лица. Он умолк, и теперь молчали оба. Но это была совсем не та тишина, что царила здесь, когда девушка вошла. Теперь здесь слышалось дыхание двоих, ощущалось движение жизни в их кровеносных сосудах, и здесь горела свеча в жестяном фонаре — слабый живой свет.

— Как случилось, что ты знаешь мое имя?

Он прошелся по комнате, смахнул пыль с одежды, растер руки, подвигал плечами, словно пытался стряхнуть с себя оцепенение.

— Знать имена — моя профессия, мое искусство, мое ремесло. Понимаешь ли, чтобы соткать магическое заклятие, сначала необходимо узнать подлинное имя предмета. У меня на родине люди всю жизнь

скрывают свои подлинные имена от всех, кроме немногих близких, кому доверяют без оглядки. Ибо в подлинном имени заключена огромная сила и огромная опасность. Некогда, в начале времен, когда Сегой поднял острова Земноморья из океанских глубин, все вокруг имело подлинные имена. И теперь вся магия, все волшебство зависят от знания именно этого — подлинных имен, слов Истинной Речи, возникшей вместе с нашим миром. Их необходимо вновь и вновь изучать и запоминать. Есть, конечно, такие заклятия, которые запоминаются как простой набор непонятных слов; но и в этом случае необходимо знать о возможных последствиях. Настоящий же волшебник всю свою жизнь тратит именно на выяснение подлинных имен людей и вещей.

— А как ты узнал мое?

Он пристально посмотрел на нее, ярко блеснув глазами в полутьме; мгновение он колебался.

— Я не могу открыть тебе эту тайну. Ты похожа на фонарь, который то вспыхивает, то гаснет в темноте. И все-таки свет исходит от тебя постоянно; даже Они не могут погасить этот свет, не могут навсегда спрятать тебя от людей в своих подземельях. Узнав природу этого света, я узнал тебя, узнал твое имя, Тенар. Это мой дар, моя волшебная сила. Большого я сказать тебе не могу. Но ответь мне, что ты будешь делать теперь?

— Не знаю.

— Итак, Коссил уже обнаружила пустую могилу. Что дальше?

— Не знаю. Если я вернусь, она может сделать так, что меня казнят. За ложь Жрице Гробниц полагается смерть. Она может принести меня в жертву на ступенях, ведущих к Трону — если захочет. Тогда уж Манану придется по-настоящему отрубить мне голову и не ждать, подняв меч, пока Посланец Тьмы остановит его. Теперь-то уж его никто не остановит. И меч опустится, и голова моя покатится по ступеням.

Она говорила равнодушно, медленно роняя слова. Он весь напрягся.

— Если мы задержимся здесь, — сказал он, — ты сойдешь с ума, Тенар. Гнев Безымянных тяжким бременем давит на твою душу. И на мою. Правда, мне теперь, когда ты здесь, лучше, гораздо лучше. Но ты так долго не приходила, что я почти полностью израсходовал свои силы. Никто не способен долго сопротивляться Безымянным в одиночку. Они слишком сильны... — Он умолк; голос его звучал глухо, порой превращаясь в шепот; он, казалось, утратил нить собственных рассуждений. Он потер лоб рукой и начал жадно пить из фляжки. Потом отломил кусок хлеба, сел на сундук напротив и стал есть.

Он сказал правду. На душе у Тенар было тяжело, казалось, что-то давит на сердце, путает, затемняет мысли и ощущения. И все-таки здесь ей было уже не так страшно, как когда она шла по коридорам одна. Сейчас пугала только эта абсолютная тишина, что царила за стенами комнаты. Почему это так? Раньше она никогда не боялась тишины Лабиринта. Но раньше у нее и в мыслях не было послушаться Безымянных, она не смела бунтовать против них. С коротким жалобным смешком она наконец сказала:

— И вот мы сидим на величайшем сокровище Империи! За один лишь этот сундук Король-Бог отдал бы всех своих жен. А мы даже крышки ни одной не открыли, даже не заглянули ни в один.

— Я открывал, — сказал Ястреб, по-прежнему жуя хлеб.

— В темноте?

— Я зажег маленький огонь. Волшебный. Здесь это трудно даже с помощью моего посоха, а уж без него — все равно что пытаться разжечь костер под проливным дождем. Но в конце концов все получилось. И я нашел то, что искал.

Она медленно подняла голову и посмотрела на него:

— То Кольцо?

— Половинку Кольца. Вторая у тебя.

— У меня? Но вторая половина потеряна...

— И найдена. Я носил ее на цепи на шее. Ты отобрала ее. Ты тогда еще спросила, неужели я не мог

выбрать себе талисман получше. Единственный талисман, который лучше того, что у меня был, — это целое Кольцо Эррет-Акбе. Но лучше, как говорится, все-таки пол-лепешки, чем ни одной. Так что теперь моя половина у тебя, а твоя у меня. — Он улыбнулся ей в полумраке.

— Ты сказал, когда я взяла ее, что я не знаю, что с ней делать.

— Это правда.

— А ты знаешь?

Он кивнул.

— Скажи мне, зачем оно. Расскажи, что это за Кольцо и как ты нашел его потерянную половинку, и как ты попал сюда, и зачем. Мне это знать необходимо: может быть, тогда я пойму, что мне делать дальше.

— Может быть. Ну что ж. Значит, во-первых, что представляет собой Кольцо Эррет-Акбе? Ты и сама видишь, что драгоценным оно не выглядит, и вообще, это даже и не кольцо — уж слишком большое. Скорее браслет, хоть и очень маленький. Никто из людей не знает, для кого точно оно было сделано. Говорят, некогда его носила прекрасная Эльфарран — еще до того, как остров Солеа исчез в пучине морской; но и тогда Кольцо это уже было достаточно старым. Потом оно попало в руки Эррет-Акбе... Кольцо было из литого серебра, и в нем проделаны девять отверстий. А еще его украшал рисунок в виде волн — насечка на внешней поверхности, а на внутренней были написаны девять могущественных рун. На той половинке, что у тебя, написаны четыре руны и часть еще одной; на моей половинке столько же. Трещина прошла как раз посередине одного из символов и нарушила его. Этот символ с тех пор так и назывался: Утраченная Руна. Остальные восемь известны магам: Пирр, защищающая от безумия, от ветра и от пожара; Гес, дающая стойкость, и так далее. Но Утраченная Руна соединяла людей и земли. Это была знаменитая Связующая Руна, знак мира. Ни один король не сможет править своей страной хорошо, если правит не под этим знаком. Никто не знает, как пишется эта руна.

И после того как она была утрачена, в Хавноре больше не рождались великие правители. Там были благородные принцы, были и тираны; и много споров и войн, в которых участвовали все острова Земноморья.

Ну и, конечно, наиболее мудрые из правителей и магов Архипелага всегда хотели вернуть Кольцо Эррет-Акбе и восстановить Утраченную Руну. Но в конце концов сдались и перестали посылать людей на поиски Кольца, потому что ни один из них так и не смог добыть его вторую половину из Гробниц Атуана. Первая же, которую Эррет-Акбе некогда отдал какому-то каргадскому королю, была неизвестно где. Итак, много веков назад было решено, что всякие поиски Кольца бессмысленны.

А теперь о том, как я сам занялся этими поисками. Когда я был лишь немногим старше тебя, мне пришлось... много охотиться за одной тварью по всем морям и океанам. И тварь эта долго водила меня за нос, и однажды из-за нее я попал на пустынный островок недалеко от берегов Карего-Ат и Атуана, к юго-западу от них. Это была крошечная песчаная отмель, намытая вокруг рифа; там росла на дюнах морская трава, да в самом центре островка был слабенький источник с солоноватой водой — и ничего больше.

Но там жили два человека. Старик и старушка; брат и сестра, по-моему. Когда я появился там, они пришли в ужас. Они Бог знает сколько лет не видели лица человеческого. Но я был в беде, и они проявили доброту. У них была жалкая хижина из плавника и очаг. Старушка кормила меня ракушками, которые собирала на скалах во время отлива, вяленным мясом морских птиц, которых они сбивали камнями... Она боялась меня, но кормила. Потом, когда я оказался не таким уж страшным, она понемножку привыкла и даже показала мне свое сокровище. У нее тоже было сокровище... Маленькое детское платьице. Все расшитое шелком и жемчугами. Платьице маленькой принцессы. Сама же старуха была одета в грубые тюленьи шкуры.

Разговаривать мы не могли. Я тогда еще не знал языка каргов, а они не знали ни одного из известных

мне языков и даже свой собственный — довольно плохо. Их, должно быть, привезли на этот островок со всем малышами и оставили — умирать. Они вообще ничего не знали, кроме этого островка, ветра и моря. Но, когда я уезжал, старушка сделала мне подарок. Она отдала мне потерянную половинку Кольца Эррет-Акбе. — Он мгновение помолчал. — Я тогда и понятия не имел, что это такое. А она и подавно. Величайший дар нашего времени был сделан несчастной глупой старухой в тюленьих шкурах невежественному деревенскому парню, который просто сунул его в карман и сказал: «Спасибо». А потом уплыл прочь... Ну ладно, тогда я все-таки поплыл дальше и сделал то, что должен был сделать. А потом... подросли другие заботы. Мне пришлось побывать на острове Драконьи Бега в Западном Пределе и даже дальше. Но я всегда носил с собой подарок старой женщины, потому что был глубоко благодарен ей за столь щедрый дар. Я продел в одно из сквозных отверстий цепь и носил половинку сломанного Кольца на шее, никогда не задумываясь о его предназначении. А потом однажды на Селидоре, на самом дальнем из островов Западного Предела, на том самом, где погиб Эррет-Акбе в битве с драконом по имени Орм, — так вот, на Селидоре мне довелось поговорить с одним из потомков Орма. И он объяснил мне, что я ношу на груди.

Ему показалось очень смешным, что я этого не знал. Драконы вообще находят нас забавными. Но они помнят и Эррет-Акбе; о нем они говорят так, как если бы он был драконом, а не человеком.

Когда я наконец вернулся на острова Внутреннего моря, то сразу отправился в Хавнор. Я родился на острове Гонт, что лежит не так уж далеко от ваших каргадских земель, к западу от них; и я достаточно много скитался по разным морям, но на Хавноре никогда раньше не бывал. Настала пора побывать там. Я увидел белые башни, я говорил с великими правителями, богатыми купцами, с князьями и лордами, потомками старинных родов. Я рассказал им, чем владею. А еще я сказал им, что, если они того хотят, я

попробую отыскать вторую половинку Кольца в Гробницах Атуана, чтобы восстановить Утраченную Руну, ключ к миру на земле. Ибо Земноморью мир необходим. Жители Хавнора расточали мне похвалы, а один даже дал денег на покупку лодки и всего необходимого для путешествия. Потом я выучил ваш язык и приплыл сюда.

Он умолк, глядя перед собой на движущиеся тени.

— Разве люди в городах Каргада не признавали в тебе чужеземца, пришельца с запада — по твоему цвету кожи, по тому, как странно ты говоришь?

— О, обмануть людей очень легко, — сказал он как-то рассеянно, — для этого есть много разных фокусов. Благодаря иллюзии так меняешься, что порой только другой маг и способен разобраться, что там на самом деле было когда-то. А у вас на островах почему-то нет ни волшебников, ни магов. Странно. Вы сами давным-давно уничтожили их и строго-настрого запретили заниматься магией, а теперь с трудом даже верите в то, что волшебники все-таки существуют.

— Меня учили не верить им. Они противоречат всей нашей религии. Но я знаю, что только колдовство могло помочь тебе проникнуть в Лабиринт через дверь в Красной скале.

— Не только. Еще и добрый совет. Мы записываем множество различных советов, гораздо больше, чем вы, по-моему. Ты читать-то умеешь?

— Нет. Это одно из запретных искусств.

Он кивнул:

— Но очень полезное искусство. В давние времена один такой же вор, как я, кое-что написал о Гробницах Атуана и дал кое-какие наставления по поводу того, как туда войти. Конечно, записями этими могли воспользоваться только те, кому ведомо хотя бы одно из Великих Заклинаний, открывающих двери. Эти записи я нашел в одной из книг во дворце правителя Хавнора. Он позволил мне читать их. Таким вот образом я и отыскал дорогу в ту большую пещеру...

— Священное Подземелье.

— Тот вор, что описал, как туда добраться, считал, видно, что сокровище хранится именно там. Там я и

искал его, но мне все же казалось, что оно должно быть спрятано лучше, где-то глубоко в Лабиринте. Я знал, где находится вход в Лабиринт, и, увидев тебя в Подземелье, двинулся в глубь туннелей, надеясь там спрятаться и поискать Кольцо. Разумеется, я совершил ошибку. Безымянные уже овладели мной, смутив мой разум. И с тех пор я становился все слабее и глупее. Нельзя подчиняться им, нужно изо всех сил сопротивляться, верить в себя... Это я понял уже давно. Но сделать это необычайно трудно, особенно здесь, где они обладают такой силой. Они не боги, Тенар. Но они сильнее любого из смертных.

Долгое время оба молчали.

— А что еще ты нашел в сундуках? — равнодушно спросила она.

— Ерунду всякую. Золото, драгоценные камни, короны, шпаги... Ничего, что было бы очень уж нужно для жизни. Скажи мне вот что, Тенар: как тебя избрали Жрицей Гробниц?

— Когда умирает Единственная, жрицы ищут по всему Атуану девочку, родившуюся в час ее смерти. И всегда находят. Ибо Единственная всегда возрождается. В пять лет девочку привозят сюда, в Святое Место. А в шесть — отдают Темным Силам, и те поглощают ее душу. С этого момента она принадлежит им, как принадлежала с начала времен. И она лишается прежнего имени.

— Ты веришь в это?

— Раньше всегда верила.

— А сейчас?

Она ничего не сказала.

И снова наступила тишина; по стенам скользили тени. Прошло довольно много времени, прежде чем Ара снова заговорила.

— Скажи мне... расскажи мне о тех драконах с запада.

— Тенар, что все-таки ты собираешься делать теперь? Мы же не можем вечно сидеть здесь и рассказывать друг другу истории; свеча скоро догорит, и снова наступит тьма.

— Я не знаю, что мне делать. Я боюсь. — Она сидела на каменном сундуке, выпрямившись, руки стиснуты, голос звенит напряженно, словно от боли. — Я боюсь темноты.

Он мягко ответил:

— Тебе придется выбирать. Или ты оставишь меня, запрешь дверь, отправишься в свой Храм и предашь меня своим Хозяевам, а потом пойдешь к жрице Коссил и помиришься с ней. И это положит конец всей истории. Или ты отопишь дверь, и мы уйдем отсюда вместе. Ты покинешь Гробницы, покинешь сам Атуан и отправишься со мной за дальние моря. Ты должна остаться Арой или вновь стать Тенар. Обеими одновременно ты быть не можешь.

Глубокий голос его звучал мягко, но уверенно. Она видела в полумраке его лицо, суровое, покрытое шрамами, но лишенное жестокости и лукавства.

— Если я перестану служить Темным Силам, они убьют меня. Если я покину Святое Место, то умру.

— Ты не умрешь. Умрет Ара.

— Я не могу...

— Чтобы возродиться, сначала нужно умереть, Тенар. Это вовсе не так трудно, как кажется.

— Они не выпустят нас отсюда. Никогда.

— Может быть, и нет. И все-таки попробовать стоит. Ты много знаешь, я многое умею, и у нас есть еще... — Он замолчал.

— У нас есть Кольцо Эррет-Акбе.

— Да, оно. Но я думал о другом, что между нами возникло. Можешь назвать это доверием... Такого одно из слов Истинной Речи. Это величайший дар. Хотя каждый из нас поодиночке и слаб, но, обладая доверием, мы становимся сильнее, чем Тьма... — Его глаза на покрытом шрамами лице светились чистым, ясным огнем. — Послушай, Тенар! — сказал он. — Я пришел сюда, как вор, как вооруженный враг, как твой противник; ты показала мне, что значит быть милосердной, ты мне поверила. И я поверил тебе — с первого раза, едва увидев твое лицо тогда в пещере, в Священном Подземелье — ах, какая там красота!.. Ты

доказала, что веришь мне. Но я все еще в долгу перед тобой. И долг этот непременно верну. Запомни, мое подлинное имя Гед. А это — тебе; сохрани его. — Он встал, протягивая ей серебряный полукруг с загадочными отверстиями. — Пусть Кольцо станет целым.

Она взяла половинку Кольца с его ладони. Легким движением сняла с шеи серебряную цепь и отсоединила вторую половинку. Потом сложила их обе на ладошке так, что сломанные края в точности совпали. Глаз она по-прежнему не поднимала.

— Я пойду с тобой, — сказала она помолчав.

Глава 10

ГНЕВ ТЬМЫ

После этих слов Гед взял руку девушки со сломанным кольцом в свою. Она в изумлении вскинула на него глаза и увидела, что лицо его горит от радости. Жизнь возвращалась к нему. Он улыбался. Она растерялась, ей даже стало страшно.

— Ты освободила нас обоих, — сказала он. — Никто не выигрывает свободу в одиночку. Пошли! Не будем терять времени — если оно у нас еще есть! Только покажи мне его снова, на минутку.

Она разжала пальцы: сломанные края кольца плотно сомкнулись.

Он не тронул его, только коснулся пальцами и что-то сказал. Лицо его вдруг покрылось крупными каплями пота. Она ощутила странное едва заметное дрожание у себя на ладони — словно чуть шевельнулось маленькое животное, спавшее там. Гед вздохнул, его напряжение прошло, он утер пот со лба.

— Ну вот, — сказал он и, взяв Кольцо Эррет-Акбе, надел его ей на правую руку; пальцы ее легко скользнули в него, но ладонь прошла с трудом. Кольцо сво-

бодно охватило запястье. — Ну вот! — Гед удовлетворенно смотрел на дело своих рук. — Подходит. Это, должно быть, женский браслет. Или детский.

— А оно больше не сломается? — нервно прошептала она, ощущая холодок легкого серебряного кольца у себя на запястье.

— Нет. Здесь не годилось простое заклятие, какими пользуются, скажем, деревенские колдуньи, чтобы починить прохудившийся чайник. Для соединения Кольца я должен был применить Заклятие Созидания, Великое Заклятие. Теперь Кольцо вновь стало целым, словно никогда и не было сломано. Тенар, мы должны идти, пора. Я принесу сумку и флягу. Надень свой плащ. Мы ничего больше не забыли?

Когда она надавила на дверь, отпирая ее, он сказал:

— Как бы мне хотелось, чтобы посох мой был тут!

И она ответила:

— Он за дверью. Я взяла его с собой.

— Почему ты это сделала? — с любопытством спросил он.

— Я подумала... решила, что все равно отведу тебя к двери. Отпущу тебя.

— Этого как раз тебе сделать бы не удалось. Ты могла либо держать меня в качестве раба и сама оставаться рабой, либо выпустить меня и сама уйти вместе со мной — на волю. Пойдем, малышка, смелей, поверни же ключ.

Она повернула ключ с изображением дракона и открыла дверь в низкий черный коридор. Вместе с мужчиной она вышла из Великой Сокровищницы, и на руке у нее было Кольцо Эррет-Акбе.

Слабая, почти бесшумная дрожь прошла по каменным стенам и полу коридоров. Это было похоже на далекий гром, словно где-то далеко-далеко упало что-то огромное.

От ужаса у нее зашевелились волосы, и, даже не зная почему, она поспешно задудла свечу в жестяном фонаре. Она слышала, как Гед идет за ней следом; его спокойный голос послышался совсем близко — дыхание коснулось волос Тенар.

— Не зажигай фонарь. Я могу вызвать свет, если понадобится. Сколько там сейчас времени снаружи?

— Было далеко за полночь, когда я пришла сюда.

— Тогда нам нужно идти быстрее, — сказал он, но не двинулся с места. Она поняла, что должна вести его сама. Только она знала, где выход из Лабиринта.

Она двинулась вперед согнувшись, потому что туннель здесь был очень низким, но шла довольно быстро. Из невидимых перекрестков доносилось ледяное дыхание и острый могильный запах — безжизненный аромат беспредельной пустоты, что лежала у них под ногами. Когда своды стали чуть повыше и она смогла выпрямиться, то пошла медленнее, считая шаги: они приближались к Колодцу. Легконогий, повторяющий каждое ее движение, Гед следовал за ней на расстоянии шага. Едва она остановилась, он тоже застыл на месте.

— Здесь Колодец, — прошептала она. — Я не могу найти кромку. Нет, вот она. Осторожней, мне кажется, камни расшатались... Нет-нет, погоди... они и правда расшатались... — Она скользнула назад в безопасное место, когда камни качнулись у нее под ногами. Он поймал ее за руку и крепко сжал. Сердце у нее упало. — Там опасно, камни шатаются.

— Сейчас зажгу маленький огонек, и мы посмотрим. Может быть, мне удастся немножко их укрепить. Не волнуйся, малышка.

Она подумала, как это странно: он называет ее так, как всегда называл Манан. А когда слабый огонек засветился на конце волшебного посоха — не ярче гнилушки или далекой звездочки в туманном небе, — на узенькой кромке, на самом краю черной бездны она увидела огромную темную фигуру и узнала в ней Манана. Но слова застряли у нее в горле, голос будто попал в ловушку, и она не смогла окликнуть его.

Когда Манан попытался столкнуть Геда, ступившего на ненадежную тропу, то Гед, увидев его, с возгласом то ли изумления, то ли гнева ударил внука посохом. Сверкнул огонь, белое, нестерпимо яркое пламя. Манан резко поднял громадную ручищу, за-

щищая лицо от огня, отчаянно дернулся, пытаясь схватить Гед, промахнулся и упал в Колодец.

Он даже не крикнул. Ни единого звука не донеслось из черной пасти, не слышно было и стука ударившегося о дно тела — вообще ничего. Сжавшись в комок, застыв на коленях у самого края бездны, Гед и Тенар напряженно вслушивались, но ничего не слышали.

Свет стал сероватым, едва заметным.

— Пошли! — решительно сказал Гед, протягивая ей руку; она крепко за нее ухватилась, и в три прыжка они перемахнули через опасное место. Он погасил свет, и Тенар снова пошла впереди, прокладывая путь. Голова была пустой, движения вялыми. Лишь спустя некоторое время она вдруг подумала: а теперь направо или налево? И остановилась.

Тоже остановившись в нескольких шагах от нее, Гед мягко спросил:

— Что случилось?

— Я заблудилась. Зажги свет.

— Заблудилась?

— Я... я потеряла счет поворотам.

— Я считал, — сказал он, подходя чуть ближе. — Мы свернули налево после Колодца; потом направо, потом снова направо.

— Тогда надо снова направо, — автоматически произнесла девушка, но не двинулась с места. — Зажги свет.

— Свет не покажет, куда нам идти, Тенар.

— Никто нам этого не покажет. Путь утрачен. Мы заблудились.

Шепот ее утонул в мертвой тишине, подземелье поглотило его.

В холодной темноте она чувствовала тепло своего спутника: он стоял совсем близко теперь. Взял ее руку в свои.

— Пойдем дальше, Тенар. Следующий поворот направо.

— Зажги огонь, — молила она. — Туннель порой так изгибается...

— Я не могу. У меня не осталось сил. Тенар, Они... Они ведь знают, что мы вышли из Сокровищницы. Они знают, что мы миновали Колодец. Они ищут нас, стремятся завладеть нашей волей, нашими душами. Чтобы погасить в нас жизнь, чтобы поглотить нас самих. Я должен был осветить тропу над Колодцем. На это ушла вся моя сила. И еще — я должен сопротивляться им, вместе с тобой. Ты помогаешь мне. Но мы должны идти вперед.

— Отсюда нет выхода, — сказала она, но один шаг вперед все-таки сделала. Потом другой, нерешительно, словно каждый раз у нее под ногами открывалась черная бездна, пустота. Ее руку сильно сжимала его теплая рука.

Они шли вперед, прошло, как им показалось, довольно много времени, и наконец приблизились к череде ступеней. Никогда они не казались ей такими крутыми и узкими. Теперь это были едва ощутимые выбоины в каменной стене. Но они преодолели и это препятствие и пошли дальше чуть быстрее, потому что Тенар помнила: после подъема по крутой лестнице извилистый коридор идет довольно долго без единого поворота. Наконец ее пальцы, постоянно касавшиеся левой стены, ощутили провал.

— Здесь, — прошептала она; но Гед почему-то не двигался с места, словно сомневался в правильности ее решения.

— Нет, — пробормотала она смущенно, — не этот. Следующий налево. Не знаю. Не помню... Я больше не могу! Мы не выйдем отсюда.

— Мы сейчас идем к Расписной Комнате, — прозвучал в темноте его спокойный голос. — Как нам отсюда туда попасть?

— Левый поворот после пропуска.

Она снова пошла впереди по длинной дуге коридора, мимо последнего тупика к повороту направо и прямо к Расписной Комнате.

— Дальше я помню, — прошептала она, и все страхи остались позади. Теперь ей были хорошо знакомы все эти коридоры, ведущие к Железной Двери, она

сотни раз считала здешние повороты и пропуски. Даже странная тяжесть, что по-прежнему смущала душу девушки, не могла уже сбить ее с толку. Она старалась ни о чем не думать, но ей все время казалось, что они приближаются к той невидимой угрозе, что нависала со всех сторон, давила, окружала; ноги почему-то вдруг стали усталыми, тяжелыми, и она даже раз или два споткнулась, стараясь заставить их двигаться. И спутник ее тоже глубоко вздыхал, словно с трудом переводил дыхание после невероятно тяжелой работы, измотавшей его до предела. Порой он глухо и отрывисто произносил то ли слово, то ли несколько слогов. Наконец они достигли Железной Двери. Протянув к рычагу руку, девушка с внезапным ужасом отдернула ее.

Дверь была открыта.

— Быстрей! — сказала она и протолкнула своего спутника в кем-то оставленную щель. Там, по другую сторону двери она замерла.

— Почему Железная Дверь была открыта? — спросила она.

— Потому что твои Хозяева хотели, чтобы закрыли ее твои руки.

— Мы приближаемся к... — голос у нее сорвался.

— К самому сердцу Тьмы. Я знаю. И все-таки мы вышли из Лабиринта. Сколько выходов из Священного Подземелья?

— Только один. Войти можно через ту дверь, которой воспользовался ты, но она изнутри не открывается. Нам теперь нужно идти через все Подземелье, потом вверх по коридорам до двери-ловушки, что находится за Троном, в Храме.

— Хорошо. Так мы и пойдем.

— Но там ОНА, — прошептала девушка. — В Подземелье. В пещере. Роемся в пустой могиле... Я не могу снова пройти мимо нее, о нет!

— Она наверняка уже ушла.

— Я не могу пройти там!

— Тенар, сейчас я пока еще держу крышу над нашими головами. Я сдерживаю стены, грозящие

сомкнуться и раздавить нас. Я с трудом удерживаю землю у нас под ногами, чтобы она не разверзлась. Я делал это весь тот путь, что мы прошли от Колодца, где ждал Их слуга: если я в силах сдержать землетрясение, то тебе не стоит бояться встречи с жалкой и злобной человеческой душонкой, пока мы вместе! Верь мне так, как я верю тебе. Пойдем же, скорей.

И они двинулись дальше.

Бесконечный туннель вывел их туда, где даже во тьме возникало ощущение большего простора — в Священное Подземелье.

Они двинулись по дуге вдоль правой стены этой огромной пещеры. Тенар сделала лишь несколько шагов и тут же остановилась.

— Что это? — прошептала она, едва шевеля губами.

Внутри огромного черного пузыря мертвого воздуха слышалось странное гудение: отзвук далекой лавины или взрыва, от которого стыла в жилах кровь, холодели конечности. Изрезанные временем каменные стены под ее пальцами едва заметно дрожали, вибрировали.

— Иди вперед! — сухо и напряженно велел Гед. — Скорее, Тенар.

Она, споткнувшись, двинулась вперед, подавив в себе крик ужаса; в душе ее царил такой же мрак и такое же смятение, как под этими сотрясаемыми изнутри сводами. «Простите меня, о мои Хозяева, о Безымянные! Простите меня, Древние Силы, простите, простите меня!..» — молила она. Ответа не было. Они никогда не отвечали ей.

Тенар и Гед прошли по последнему коридору, поднялись по лестнице до самой двери-ловушки. Девушка нажала на пружину замка, но дверь не открывалась.

— Она сломалась! Теперь она никогда не откроется!

Гед протиснулся мимо нее и налег спиной на дверь. Это не помогло.

— Дверь не заперта, — сказал Гед. — Просто приперта чем-то снаружи. Очень тяжелым.

— Можешь ли ты открыть ее?

— Попробую. Но мне кажется, ОНА будет там ждать. У Коссил есть помощники? Мужчины, я имею в виду?

— Дьюби и Уахто, ее евнухи; может быть, она позвала и кого-то еще из телохранителей... Мужчины туда приходиться не могут...

— Я не смогу одновременно отпирать дверь с помощью заклятия, сдерживать банду Коссил и пытаться противостоять воле Тьмы, — проговорил Гед ровным голосом, будто размышляя. — Нам остается только поискать другой выход... Может быть, попробовать выйти через ту дверь, что в скалах? Через которую я вошел. Она знает, что ее изнутри отворить нельзя?

— Знает. Она как-то дала мне попробовать...

— Тогда она наверняка за ней не следит. Пошли. Пошли скорей, Тенар!

Она сползла вниз по каменным ступеням; лестница дрожала и качалась, словно гигантская тетива лука, туго натянутая над бездной и готовая выстрелить.

— Что это? Почему все дрожит?

— Пойдем, — сказал он таким ровным и уверенным голосом, что она подчинилась и поползла обратно по коридорам и лестницам в кошмар Подземелья.

Они вошли туда, и тут слепая чудовищная и невидимая ненависть обрушилась на Тенар с такой силой, словно гневалась сама земля. Девушка в ужасе, не сознавая, что делает, громко вскрикнула:

— Они здесь! Здесь!

— Тогда пусть знают, что и мы... здесь, — сказал Гед, и от его посоха и рук разлилось белое сияние; свет переливался, словно волны морские под солнцем, отражаясь от тысяч блестящих самоцветов на сводах пещеры: торжество света, оберегавшего двоих, что бежали напрямик по обители Тьмы; темные тени людей метались по белому кружеву стен, по сверкающим сводам, по пустой разверстой могиле... Они бежали к низенькой дверце, вниз по туннелю — она, спотыкаясь, впереди, он за ней. Там, в туннеле, камни гудели и двигались у них под ногами. Но волшебный ослепительный свет по-прежнему был с ними.

И в этом свете она увидела перед собой чье-то мертвое каменное лицо на стене, слышала наверху, где-то над головой, гром небесный, перекрываемый голосом Геда, упорно произносившего одно и то же слово, и когда она упала на колени, его посох с силой ударил прямо у нее над головой в красный камень запертой двери. Скалы раскалились добела, словно охваченные пламенем, и раскололись.

За дверью было бледное предутреннее небо, чуть желтоватое на востоке. На нем высоко и холодно светилося несколько белых звезд.

Тенар увидела звезды и на лице ощутила сладостное дыхание ветра; но встать не смогла, а поползла на четвереньках — как бы между небом и землей.

Мужчина — странная темная фигура в предрасветных сумерках — повернулся и потянул ее за руку, заставляя встать. Лицо его, казавшееся черным, было искажено страшной гримасой, как у демона. Она отшатнулась и хрипло забормотала; одеревеневший язык словно чужой двигался у нее во рту:

— Нет-нет! Не прикасайся ко мне... оставь меня... Уходи!

Извиваясь, она поползла прочь от него в содрогающиеся, будто что-то жующие, безгубые уста Гробниц.

Он слегка ослабил тиски своих рук и тихим голосом сказал:

— Ради того, что связывает нас, и того, что носишь ты на руке, заклинаю тебя, Тенар: пойдем.

Она заметила вдруг, как свет звезд играет на серебряном Кольце у нее на запястье. Не сводя с браслета глаз, она поднялась, вложила свою руку в его ладонь и, спотыкаясь, пошла за ним. Идти быстрее она не могла. Когда они спускались с холма, из черной пасти в скалах у них за спиной исторгся долгий стонущий вопль — вопль ненависти и тоски. Вокруг скатывались камни. Земля колыхалась. Они шли вперед, и девушка по-прежнему не сводила глаз с браслета, на серебре которого отражались звезды.

Теперь они уже спустились в туманную долину к западу от Святого Места и начали снова подниматься. Неожиданно Гед остановил ее:

— Смотри!

И оба увидели. Они стояли как раз на одном уровне со Священными Камнями, только на противоположном конце долины. Девять огромных монолитов, что раньше стояли или лежали над землей, скрывавшей пещеру с кружевными стенами и черными могилами в полу, теперь двигались: вздрагивали, слегка наклонялись, словно мачты корабля. Один из них, казалось, пытается вылезти из земли, все больше и больше возвышаясь над ней; потом по нему прошла дрожь и он упал. Упал и второй; упав, он ударился о первый и раскололся. За Камнями виден был низкий купол Тронного Храма — черный на фоне желтого расцветного неба; Храм содрогался. Стены его рушились на глазах, сплетение камня и деревянных балок превращалось в некую аморфную массу, которая меняла форму, словно комок мягкой глины, брошенной в реку, с ревом проваливалась сама в себя и внезапно взрывалась осколками камня и пылью, разлеталась в стороны, рушилась. Сама земля в долине шла волнами, складывалась в складки, становилась на дыбы; между Священными Камнями вдруг разверзлась огромная щель, как бы выпустив наружу часть подземной тьмы в виде облака черной пыли, похожего на дым. Камни, которые все еще стояли более или менее вертикально, опрокинулись прямо в эту дыру и были поглощены разверстым зевом земли. Потом с грохотом, эхо которого разнеслось, кажется, до самого неба, неровные черные губы сомкнулись, холмы вокруг содрогнулись еще раз и замерли.

Она отвела глаза от ужасного зрелища и посмотрела на стоящего рядом мужчину, чье лицо она еще никогда не видела при дневном свете.

— Ты задержал его! — сказала она, и голос ее был тонок, как свист ветра в тростниках; он казался детским и слабым по сравнению с могучими воплями и стонами земли. — Ты задержал землетрясение, ты смог противостоять гневу Тьмы...

— Мы должны идти дальше, — сказал Гед, отворачиваясь от восходящего солнца и разрушенных Гробниц. — Я устал, замерз...

Он все время спотыкался, когда они снова пошли, и она взяла его за руку. У обоих не было сил идти быстрее, они едва тащились, похожие на двух маленьких паучков, ползущих по огромной стене. С трудом преодолели они невероятно длинный подъем и остановились на вершине холма, где сухая земля была окрашена желтым светом восходящего солнца и словно полосками покрыта длинными редкими тенями от стеблей шалфея. Пред ними высились Западные горы; подножия их казались красными, а вершины и склоны сияли золотом. Оба на мгновение задержались, любуясь этим зрелищем, потом начали спускаться по другому склону холма, откуда Гробницы уже не были видны, и исчезли из виду.

Глава 11

ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ

Тенар проснулась, пытаясь стряхнуть оцепенение ночного кошмара: во сне она долго-долго шла по какой-то странной местности, так долго, что плоть ее, источенная временем, обвалилась с костей, и она могла видеть сами кости — локтевые и лучевые, слабо поблескивающие во тьме. Открыв глаза навстречу золотистому свету солнца, она почувствовала запах шалфея и ощутила, как в нее входит благодать. Счастье медленно заполняло ее, пока не заполнило до краев, и тогда она села, выпростав руки из-под черного плаща, и с беспечной радостью осмотрелась.

Был вечер. Солнце садилось за горы, которые были совсем близко и казались очень высокими. Из-за них исходило закатное сияние, наполнявшее воздух и небо вокруг — бескрайнее, ясное, зимнее небо — золотом. Беспредельная, пустынная, золотая страна гор и широких долин. Ветер улегся, было холодно, стояла абсолютная тишина. Все было недвижимо. Листья густых зарослей шалфея были серыми и сухими, невысокая пустынная трава колола руки. Безбрежное

молчаливое великолепие света горело в каждой былинке, в каждом свернувшемся листке, в каждом стебле, на холмах вокруг, в самом воздухе.

Она посмотрела налево и увидела Геда, лежащего на земле. Он плотно завернулся в плащ, подложил руку под голову и крепко спал. Лицо его и во сне было суровым, напряженным; однако сильная левая рука его, безвольно откинута, лежала в пыли рядом с маленьким кустиком чертополоха, который все еще был одет в свои рваные лохмотья из сероватого пуха и слабые доспехи из колючек. Мужчина и маленький пустынный кустик чертополоха; кустик чертополоха и спящий мужчина...

Он из тех, чья сила столь же могущественна, как Древние Силы Земли, и сродни им; он из тех, кто беседует с драконами, сдерживает землетрясение одним лишь словом. И вот он лежит на пыльной земле и спит, а рядом с его рукой мирно растет маленький кустик чертополоха. Это было так странно. Жить, быть в этом мире оказалось куда значительнее и загадочнее, чем все то, о чем она когда-либо мечтала. Сияние небес коснулось запыленных волос Геда и на какое-то мгновение сделало кустик чертополоха совсем золотым.

Свет медленно гас. А холод становился все более жестоким, усиливаясь буквально каждую минуту. Тенар встала и начала собирать сухие стебли шалфея, отламывая мелкие веточки от мощных стеблей, которые порой достигали здесь толщины дубовой ветви. Они остановились на отдых примерно в полдень, когда еще было тепло. Они устали настолько, что больше не могли сделать ни шагу. Парочка низкорослых кустов можжевельника и сам западный склон холма, через гребень которого они только что перевалили, обеспечивали сносное убежище: они попили воды из фляжки и заснули мертвым сном.

Под можжевельником она нашла несколько довольно крупных веток и подложила их в самый низ, сверху забросав всякой мелочью. Потом разожгла огонь с помощью своего кремня и кресала. Охапка сухих стеб-

лей и листьев шалфея вспыхнула сразу. Сухие можжевеловые ветки загорелись розовым пламенем, пахнувшим смолой. Теперь костер со всех сторон окружала темнота; на небе стали появляться первые звезды — снова звезды и это потрясающе огромное небо.

Потрескивание костра разбудило спящего. Он сел, потер руками свое мрачное лицо, неловко встал на ноги и подошел поближе к огню.

— Интересно знать... — начал он сонным голосом.

— Я понимаю, но мы все же не можем просидеть здесь всю ночь без огня; становится слишком холодно. — Через минуту она добавила: — Разве что у тебя найдется какая-нибудь хитрость, которая поможет нам согреться или сделает невидимым этот огонь...

Он уселся у костра, почти сунув туда ноги, обхватив колени руками.

— Брр! — сказал он. — Настоящий костер все-таки значительно лучше любого волшебства. Я тут немножко поколдовал вокруг нас — на всякий случай. Если кто-нибудь будет проходить мимо, пусть ему покажется, что мы просто камни. Ты как думаешь? Станут они нас преследовать?

— Я очень этого боюсь, но все-таки думаю, что не будут. Никто, кроме Коссил, не знал, что ты в Лабиринте. Кроме Коссил и Манана. А они мертвы. Она ведь наверняка была в Тронном Храме, когда он обрушился. Ждала у двери-ловушки. А все остальные, должно быть, думают, что это я была в Храме и погибла во время землетрясения. — Тенар тоже обхватила руками колени и передернулась. — Надеюсь, что остальные здания не пострадали. Трудно было разглядеть с холма в такой туче пыли. Наверно, все храмы и дома разрушиться не могли? Например, Большой Дом, где спят девочки?..

— Думаю, что нет. Просто Гробницы поглотили сами себя. Я видел золотую крышу какого-то храма, когда мы уходили. Он по-прежнему стоял. И там везде были видны человеческие фигурки; люди бежали куда-то...

— Что-то они скажут, что подумают?.. Бедная Пенте! Она могла бы стать теперь Высшей Жрицей. И ведь именно она всегда мечтала убежать оттуда! Не я. Впрочем, теперь она, возможно, тоже убежит. — Тенар улыбнулась. В ее душе светилась такая радость, которую не могли затмить никакие страшные мысли, никакой ужас; это была та самая уверенная радость, которая возникла в ней, когда она проснулась навстречу золотистому свету. Она раскрыла свой мешок и вытащила оттуда две маленькие плоские лепешки; одну она протянула над костром Геду, а сама впилась зубами во вторую. Лепешки были черствыми, кисловатыми и замечательно вкусными.

Некоторое время оба жевали в полном молчании.

— Как далеко мы находимся от моря?

— У меня путь от побережья сюда занял два дня и две ночи. Сейчас нам потребуется больше времени.

— Я сильная, — сказала она.

— Да, сильная. И храбрая. Но спутник твой очень устал, — сказал он с улыбкой. — И хлеба у нас с тобой маловато.

— А воду мы найдем?

— Завтра, в горах.

— А еду для нас ты не мог бы отыскать? — спросила она еле слышно, смущаясь.

— Охота требует много времени и оружие.

— Я имела в виду... Ну, ты же понимаешь, всякие заклинания.

— Я могу позвать кролика, — сказал он, подбрасывая в огонь кривую ветку можжевельника. — Сейчас кролики как раз выходят из норок. Вокруг их полно. Вечер — они охотятся. Я могу назвать кролика по имени, и он тогда непременно придет. Но сможешь ли ты поймать, освежевать и поджарить кролика, которого так подозвала к себе? Может быть, если будешь со всем умирать с голоду. Мне кажется, это значит нарушить доверие.

— Конечно. Я думала, что ты, может быть, просто..

— Вызвать нам ужин заклинанием? — договорил он. — О, это я могу. На золотых тарелках, если угодно. Но это только иллюзия, а когда ешь иллюзии, то в итоге только больше хочется есть. Это примерно то же самое, что питаться собственными словами. — Она заметила, как его белые зубы блеснули в свете костра.

— Странная у тебя магия, — сказала она с едва заметным высокомерием. Как Великая Жрица могущественному волшебнику. — Похоже, что она годится лишь для великих дел.

Он еще подбросил в огонь топлива, и костер вспыхнул, распространяя запах можжевельной смолы; снопы искр с треском взлетали вверх.

— А ты действительно можешь позвать кролика? — вдруг спросила Тенар снова.

— Тебе этого хочется?

Она кивнула.

Он отвернулся от костра и ласково позвал, обращаясь к необъятной, заполненной светом звезд ночи:

— МКеббо... О, кеббо...

Тишина. Ни звука. Ни одного движения. Но вскоре на самом краешке освещенного костром круга блеснул круглый глазок — словно камешек гагат, совсем рядом с землей. Изгиб пушистой спинки, ухо, длинное, настороженное, приподнятое...

Гед снова что-то сказал. Ухо дернулось, и неожиданно из тени возник пушистый кролик, он повернулся, и Тенар ненадолго увидела его целиком — маленького, мягкого, легкого прыгуна, тут же бессознательно вернувшегося к своим ночным заботам.

— Ой! — выдохнула она восторженно. — Как замечательно! — И тут же спросила: — А я могу это сделать?

— Ну...

— Это тайна? — Она тут же приняла надменный вид.

— Тайна — только имя кролика. Во всяком случае нельзя просто так звать его по имени. А сама способ-

ность призывать живые существа вовсе тайной не является.

— О! — сказала она. — Этим-то даром ты обладаешь сполна. Я знаю! — Волнения, слышавшегося в ее голосе, не могла скрыть даже притворная насмешка. Он посмотрел на нее и не ответил.

Он действительно еще не пришел в себя и был совсем без сил после сражения с Безымянными. Свое волшебное могущество он израсходовал в содрогавшихся от землетрясения туннелях. Он одержал победу, но устал настолько, что не мог ликовать по этому поводу. Вскоре он снова свернулся калачиком на земле, как можно ближе к огню и уснул.

Тенар сидела, подбрасывала в костер топливо, смотрела на сияние зимних созвездий, раскинувшихся от одного края неба до другого, пока голова ее не закружилась от этого великолепия и тишины: тогда заснула и она.

Проснулись оба одновременно. Костер потух. Звезды, которыми любовалась Тенар, теперь ушли далеко за горы, и на востоке появились новые. Обоих разбудил холод, сухой холод пустынной ночи, пронзительный, как ледяной нож, ветер. С юго-запада напозла вуюалью череда облаков. Собранное топливо почти кончилось.

— Давай пойдем, — сказал Гед, — скоро рассвет.

Зубы у него стучали так, что Тенар с трудом понимала его. Они двинулись в путь, поднимаясь по длинному пологому склону. Кустарники и камни казались при свете звезд черными, но видно было хорошо, как днем. Сначала они очень замерзли, но потом при быстрой ходьбе согрелись и, задохнувшись на подъеме, остановились, переводя дыхание и дрожа; потом сбавили темп. К восходу они уже добрались до подножия Западных гор, всю жизнь ограничивавших видимое Тенар пространство.

Они устроили привал в роще, где золотистые дрожащие листья все еще жались к ветвям деревьев. Он объяснил ей, что это осины; она не знала других деревьев, кроме можжевельника и низкорослых топо-

лей, росших по берегам впадающих в реку ручейков; да еще в саду при храмах было около сорока яблонь. Маленькая птичка тоненьким голоском проговорила на ветке осины: «Пинь-пинь». Под деревьями бежал ручей, узкий, но быстрый, громкоголосый, мускулистый; он пробивался среди валунов решительно и торопливо, чтобы не замерзнуть. Тенар почти боялась его шумливости. Она привыкла к пустыне, где вещи были молчаливы и медлительны: вялая река, тени облаков, кружащие в небесах стервятники...

На завтрак они поделили последнюю лепешку и последний крошащийся кусочек сыра, немного передохнули и двинулись в путь.

К вечеру они поднялись уже довольно высоко в горы. Подмораживало, дул сильный ветер — настоящая зима. Они заночевали в лощине, тоже у ручья. Здесь было полно валежника, и на этот раз они разожгли настоящий костер из больших ветвей, так что вполне согрелись.

Тенар была счастлива. Она нашла полную орехов беличью кладовую, обнаружившуюся при падении невысокого дерева. Там оказалось два кармана прекрасного фундука и еще каких-то незнакомых орехов с гладкой скорлупой, которые Гед, не зная каргадского их названия, называл по-своему: убир. Тенар один за другим колола их с помощью двух плоских камней и каждый второй отдавала Геду.

— Мне бы так хотелось навсегда остаться здесь, — сказала она, глядя на расстилавшуюся внизу меж холмами сумеречную равнину, продуваемую всеми ветрами. — Мне очень нравится это место.

— Хорошее место, — согласился Гед.

— Люди никогда не придут сюда...

— Во всяком случае, вряд ли... Я сам родился в горах, — сказал он, — на острове Гонт. Мы проплывем мимо него на пути в Хавнор; он чуть севернее. Гонт очень красив зимой — весь белый и поднимается из волн морских, словно шапка самой высокой волны. Около моей деревни протекал как раз такой вот ручей... А ты где родилась, Тенар?

— На севере Атуана, в Энтате, по-моему. Я ведь совсем не помню дома.

— Тебя так рано забрали?

— Мне было пять лет. Я помню огонь в очаге и... больше ничего.

Гед задумался, потер подбородок, который хоть и зарос уже редкой щетиной, но по крайней мере наконец-то был чистым: несмотря на холод, оба тщательно вымылись в горном ручье. Смотрел он сурово. Тенар наблюдала за ним и ни за что не смогла бы прямо определить то, что было у нее на душе, когда она смотрела на него, особенно здесь, среди гор, в отблесках костра.

— Что бы ты хотела делать в Хавноре? — спросил Гед, словно обращаясь не к ней, а к огню. — Я и не ожидал, что ты сможешь настолько — действительно по-настоящему! — возродиться.

Тенар кивнула, чуть улыбнувшись. Она поистине чувствовала себя новорожденной.

— Для начала тебе следовало бы выучить их язык.

— Твой язык?

— Да.

— С удовольствием!

— Ну хорошо. Вот это кабат. — Он бросил маленький камешек в подол ее черного платья.

— Кабат. Это на языке драконов?

— Нет-нет. Ты ведь не собираешься колдовать, я надеюсь; ты, наверно, хочешь просто разговаривать с другими людьми?

— А как будет «камешек» на языке драконов?

— Ток, — сказал он. — Но я вовсе не собираюсь брать тебя в ученицы и делать колдуньей. Сейчас мы с тобой будем учить тот язык, которым люди пользуются по всему Архипелагу, по крайней мере на всех Внутренних Островах. Я вот должен был выучить твой язык, прежде чем явился сюда.

— Ну, ты говоришь на нем довольно-таки странно.

— Несомненно. Итак, аркемми кабат, — и он протянул к ней руку, чтобы она отдала камешек ему.

— А я обязательно должна ехать в Хавнор?

— А куда же еще ты хотела бы поехать, Тенар?

Она колебалась.

— Хавнор — прекрасный город, — сказал он. — И ты привезешь туда Кольцо, символ мира, утраченное сокровище. Тебя будут встречать в Хавноре как принцессу. Будут носить на руках, каждый будет счастлив приветствовать тебя... В этом городе живут благородные и великодушные люди. Тебя наверняка станут называть Белой Дамой — из-за светлой кожи; а то, что ты так молода, вызовет к тебе всеобщую любовь. И еще ты красива. Там у тебя будет сотня таких платьев, как то, что я создал для тебя с помощью иллюзии, но только настоящих. Со всех сторон ты будешь чувствовать всеобщую любовь и восхищение. Ты, которая раньше знала лишь одиночество, зависть и Тьму.

— Там был еще Манан, — сказала Тенар, словно защищаясь; губы ее слегка дрожали. — Он любил меня и был ко мне добр — всегда. Он охранял меня, оберегал, не жалея жизни, а я его за это убила; он упал в черный Колодец... Не хочу я ехать в Хавнор. Не хочу. Я хочу остаться здесь.

— Здесь? В Атуане?

— В горах. Вот здесь, где мы сейчас.

— Хорошо, Тенар, — сказал Гед мрачно и спокойно, — тогда мы останемся. У меня, правда, нет с собой ножа, так что, если пойдет снег, будет трудно. Но до тех пор, пока мы сможем находить пищу...

— Нет. Я понимаю: мы не можем здесь остаться... Я веду себя просто глупо! — сказала Тенар, встала, стряхнула ореховые скорлупки и подбросила в костер топлива. Она стояла, освещенная пламенем, тоненькая и очень прямая в своем изодранном, перепачканном землей платье и черном плаще. — Все, что я знала раньше, теперь не имеет ни малейшего смысла, — сказала она, — а пока что я не знаю больше ничего. Но я постараюсь научиться.

Гед отвернулся и стал смотреть в сторону, сморщившись, как от боли.

На следующий день они прошли перевал и по поросшему лесом склону стали спускаться вниз. На перевале дул сильный ветер, сбивал с ног, нес колючий слепающий снег. И пока они не вышли из-под снеговых туч, нависших над вершинами, Тенар не могла как следует разглядеть земли, что лежали за первой горой. Все вокруг там оказалось зелено-зелено от соsen, от покрытых травой лугов, от юных всходов на полях. Даже среди зимы, когда кустарник по ту сторону горы был нагим и серым, как и лес, здесь зеленели свежие и юные всходы. Они смотрели на эту красоту со скалистого утеса. Потом Гед молча указал на запад, где солнце тонуло в пенистой воздушной гряде облаков. Собственно, самого солнца уже не было видно, но на горизонте разливалось сияние, похожее на хрустальные сверкающие стены Священного Подземелья, на дивный райский храм...

— Что это? — спросила девушка.

— Море, — ответил ее спутник. Вскоре она увидела куда менее значительную, но все же достаточно удивительную картину. Они вышли на дорогу и шли по ней; и уже в сумерках дорога привела их в какую-то деревню: дюжина домиков, приткнувшихся к дороге. Тенар с тревогой посмотрела на своего спутника, ведь сейчас они должны были оказаться среди чужих людей, каргов. Посмотрела — но Геда не увидела! Рядом с ней в одежде Геда и в его башмаках шел его же походкой совсем другой человек. Светлокожий, безбородый. Он взглянул на нее — глаза оказались голубыми. Человек подмигнул ей. . .

— Обману я их, как ты думаешь? — сказал он голосом Геда. — Как тебе твоя одежда?

Она глянула вниз, на свое платье. На ней оказалась коричневая крестьянская юбка, кофта и большая красная шерстяная шаль.

— О! — сказала она, от неожиданности останавливаясь. — О, ты действительно — действительно Гед! — И едва она произнесла его имя, как тут же увидела совершенно отчетливо знакомое темнокожее покры-

тое шрамами лицо, темные глаза... И все-таки рядом с ней шагал совершенно незнакомый человек с молочно-белой кожей!

— Не произноси моего подлинного имени в присутствии других людей. Как и я не произнесу твоего. Мы с тобой брат и сестра, пришли сюда из Тенакбаха. И если я увижу сколько-нибудь доброе лицо, то сразу же попрошу о самом скромном ужине для нас. — Он взял ее за руку, и они вошли в деревню.

Утром, наевшись до отвала, они двинулись дальше, отлично выспавшись на сеновале.

— Разве у магов принято просить милостыню? — спросила Тенар. Они шли по дороге, которая вилась меж зеленых полей, где паслись козы и мелкие пятнистые коровенки.

— А почему ты спрашиваешь?

— Похоже, тебе это не впервой. Во всяком случае, это у тебя хорошо получается.

— Ну что ж, в общем, да. Я всю свою жизнь только и делал, что милостыню просил — если посмотреть с твоей точки зрения. Волшебники ведь не богаты, знаешь ли. У них, в общем-то, и нет ничего, кроме посоха да одежды, особенно во время странствий. Но их принимают обычно как дорогих гостей, дают им пищу и кров. Они ведь кое-чем гостеприимство оплачивают.

— Как оплачивают?

— Ну, к примеру, у этой женщины в деревне я вылечил коз.

— А что с ними случилось?

— У обеих было воспаление вымени. Я ведь пас коз, когда был мальчишкой.

— А ты сказал ей, что вылечил их?

— Нет. Как я мог? Да и зачем?

Она помолчала и сказала:

— Я вижу, твое волшебство все-таки годится не только для великих подвигов.

— Гостеприимство, — сказал он, — доброе отношение к чужому человеку — тоже великое дело, иногда

даже подвиг. Конечно, вполне достаточно и благодарных слов. Но мне стало жаль коз.

В полдень они подошли к большому городу, выстроенному в основном из необожженного кирпича и обнесенному по периметру, как обычно в Каргаде, стеной с зубчатым верхом; со сторожевыми башнями по четырем углам и единственными воротами, перед которыми погонщики пасли большое стадо овец. Крытые красной черепицей крыши по крайней мере сотни домов возвышались над стенами из желтоватого кирпича. У ворот стояли два стражника в шлемах с красными перьями — солдаты Короля-Бога. Тенар раньше видела солдат в таких шлемах: раз или два в году они привозили в Святое Место жертвоприношения — рабов или деньги — в основном для Храма Короля-Бога. Она рассказала об этом Геду, пока они шли вдоль городской стены, и он ответил:

— Я тоже видел их раньше, когда был совсем мальчишкой. В тот раз они напали на остров Гонт. И в конце концов добрались до моей деревни, намереваясь ее разграбить. Но их оттуда погнали. И состоялась битва в устье реки Ар, на самом ее берегу. Много тогда полегло людей, говорят, сотни. Что ж, может быть, теперь, когда Кольцо вновь соединено и восстановлена Утраченная Руна, больше не будет ни грабительских войн, ни смертельных схваток между жителями Империи Каргад и Внутренних Островов.

— Было бы глупо продолжать их, — откликнулась Тенар. — Да и что, в конце концов, Королю-Богу делать с таким количеством рабов?

Ее спутника, похоже, это даже позабавило. Он немало подумал.

— Это если Каргад победит все страны Архипелага, ты хочешь сказать?

Она кивнула.

— Не думаю, чтобы это могло произойти.

— Но посмотри, как сильна Империя, какие в ней большие города, вот, скажем, этот — с толстыми стенами и таким множеством людей! Как могут ваши

острова противостоять каргам, если те на них нападут?

— Это вовсе не такой уж большой город, — осторожно и мягко сказал Гед. — Я бы тоже, наверно, решил, что он огромен, когда впервые попал в иные края, оставив Гонт... Но в Земноморье есть много, очень много городов, по сравнению с которыми этот — всего лишь деревня. Существует ведь очень много разных стран... И ты непременно увидишь их, Тенар!

Она ничего не ответила. Тащила по дороге, и лицо ее было печально.

— Пойми, это удивительно и прекрасно — видеть новые земли, когда они поднимаются навстречу твоему судну из океана. Поля и леса, города с гаванями, дворцами, рыночными площадями, где продается все, что только есть в мире...

Она кивнула. Она понимала, что Гед пытается подбодрить ее, и все же радость ее осталась там, высоко в горах, в залитой закатным солнцем долине у ручья. Теперь в ней проснулся и с каждой минутой рос ужас. Все, что впереди, было ей неизвестно. Она не знала в жизни ничего, кроме пустыни и Гробниц. Но что они дали ей? Да, она знала каждый поворот в древнем Лабиринте, она выучила множество сакральных танцев, которые исполнялись у Незанятого Трона, у поверженного алтаря. Но ничего, совсем ничего не знала она ни о лесах, ни о городах, ни о душах людей.

Вдруг Тенар спросила:

— А ты останешься со мной — там?

На него она при этом не смотрела: он по-прежнему был в своем колдовском отвратительном обличье белокожего каргадского крестьянина, и ей неприятно было смотреть на него, когда он такой. Но голос его не изменился, это был тот же голос, что говорил с ней в темноте Лабиринта.

Он помедлил с ответом.

— Тенар, я иду туда, куда меня посылают, куда зовет меня душа. Она еще никогда не позволяла мне долго засиживаться на одном месте. Понимаешь?

Я делаю то, что должен делать. И туда, куда я иду, я должен идти один. Пока я буду нужен тебе, я останусь с тобой в Хавноре. И если когда-нибудь еще я понадобится тебе, позови меня. Я приду. На твой зов я пришел бы даже из собственной могилы, Тенар! Я не могу остаться с тобой навсегда.

Она промолчала. Через некоторое время он пояснил:

— Там я буду недолго нужен тебе. Ты и без меня будешь счастлива.

Она молча кивнула, соглашаясь.

Рядом шли они по направлению к морю.

Глава 12

ПУТЕШЕСТВИЕ

Он спрятал свою лодку в одной из пещер мощного скалистого утеса, сильно выдающегося в море. Облачный Мыс — так называли его жители близлежащих деревень. В одной из них Геда и Тенар накормили ужином, дав целый горшок рыбного рагу.

Они спустились к морю, когда серый день уже совсем померк. Пещера была похожа на узкую и глубокую трещину в сплошной скале; песчаный пол в ней был пропитан водой, потому что был лишь чуть выше линии прилива. Вход в пещеру был виден с моря, и Гед сказал, что огня зажигать не стоит, чтобы рыбаки, что вышли на ночную ловлю и плавают в своих суденышках вдоль берега, не проявляли излишнего любопытства. Так что, к сожалению, они улеглись прямо на влажный песок, который кажется таким мягким, когда его пропускаешь между пальцами, но оказывается твердым, как камень, когда ложишься на него усталым телом. Тенар слушала море, плескавшееся в двух шагах от входа в пещеру. Оно обрушивалось на скалы, с чмоканьем и гулом вливалось в узкие проливы,

а дальше, на песчаных пляжах, протянувшихся далеко к востоку, прибой грохотал, как гром. Снова, снова и снова бросалось море на берег, и голос его каждый раз звучал чуточку иначе. Море никогда не отдыхало. У всех берегов и всех островов волны его продолжали свой бег, неустойчивые, неумолчные, беспокойные. Пустыня, горы — о, те хранили покой и молчание. Но море вечно говорило что-то громким, чуть глуховатым голосом. Вот только язык его не был Тенар извештен, она его не понимала.

С первыми серыми проблесками рассвета начался отлив; Тенар очнулась от нескончаемого полусна и увидела, что волшебник выбрался из пещеры и ходит босиком в подпоясанном ремнем плаще по покрытым черными волосами водорослей мокрым скалам. Он явно что-то искал. Потом вдруг на мгновение в пещере стало темно — Гед, вернувшись, заслонил собой вход в нее.

— Вот, — сказал он, протягивая девушке горсть мокрых забавных штучек, похожих на красные камешки с оранжевыми губами.

— Что это такое?

— Мидии, ракушки такие, я их собрал на скалах. А вот это две устрицы, они еще лучше — вкуснее. Смотри, вот как нужно.

С помощью маленького кинжала, что когда-то висел у нее на поясе вместе с ключами от Лабиринта (она отдала ему нож еще в горах), Гед открыл раковину и съел оранжевого моллюска, окропив его в качестве приправы морской водой.

— Ты даже не варишь их? Ты ешь их живыми!

Она не стала смотреть на него, когда он хоть и с пристыженным, но упрямым выражением лица продолжал открывать раковины и поедать моллюсков.

Когда с мидиями было покончено, Гед прошел в глубь пещеры к кладке, которая лежала кормой ко входу на подложенных под нее стволах плавника. Тенар уже рассмотрела лодку вчера вечером — недоверчиво и непонимающе. Лодка оказалась значительно больше, чем она себе представляла, — в три человеческих

роста длиной. Там было множество предметов, предназначения которых Тенар не знала, и выглядели они какими-то опасными. На лице лодки (так Тенар называла ее нос) были глаза, и сквозь дрему девушка постоянно чувствовала, что лодка на нее смотрит.

Гед повозился где-то в глубине пещеры и через некоторое время вернулся со свертком в руках. Это оказались сухари, плотно и тщательно завернутые, чтобы уберечь от сырости. Он протянул девушке большой сухарь.

— Я не хочу есть. — Лицо у Тенар было сердитым.

Он посмотрел на нее, убрал сухарь, снова тщательно но все завернул и уселся у входа в пещеру.

— До прилива еще часа два, — сказал он. — Тогда можно выходить в море. Ты плохо спала ночью, может, поспишь сейчас?

— Я не хочу спать.

Он отвечать не стал. Сидел себе, скрестив ноги и повернувшись к ней боком в темной каменной арке; сверкающая, переливающаяся полоса морской воды была прямо за ним; его профиль четко вырисовывался на светлом фоне моря. Гед был неподвижен, как скалы вокруг. Неподвижность распространялась вокруг него, словно круги от брошенного в воду камня. Его молчание было не просто отсутствием разговора, но обладало собственным значением, подобно молчанию пустыни.

Молчание это длилось долго. Наконец Тенар встала и подошла ко входу в пещеру. Гед не пошевелился. Она посмотрела вниз, на его лицо. Это было лицо бронзовой статуи — застывшее, темное, глаза открыты и смотрят в землю, рот сурово сжат.

Он сейчас был так же недоступен и непонятен ей, как море. Где же он сейчас? По каким неведомым тропам бродит его душа? Она, Тенар, никогда не сможет последовать за ним в те края...

Он просто заставил ее пойти за ним. Назвал подлинным именем, приманил — вот она и потянулась робко к его руке, как тот дикий кролик ночью в пустыне. И теперь, когда он получил Кольцо, когда

Гробницы разрушены, а Жрица их стала клятвопреступницей, теперь она больше не нужна ему, он просто ушел от нее в такие края, где ей его не догнать. Нет, он никогда бы не остался с ней! Он обманул ее и теперь, конечно же, бросит ее одну.

Она нагнулась и быстрым движением отцепила от его пояса маленький стальной кинжал, который сама дала ему. Он по-прежнему не шевелился, так что она словно статую ограбила.

Нож был совсем маленький, не длиннее пальца, и заточен только с одной стороны; это была миниатюрная копия жертвенного ножа, часть облачения Жрицы Гробниц; кинжал всегда висел у нее на кольце вместе с ключами, но она никогда им не пользовалась, разве что во время одного из танцев перед Троном в безлунные ночи, когда она должна была подбрасывать нож в воздух и ловить его. Ей нравился этот танец; он был какой-то дикий, первобытный, без музыки, ритм отбивали лишь ее собственные босые ноги. Она много раз успела порезаться, разучивая этот танец, пока не научилась ловить ножик точно за рукоятку. Маленькое лезвие было достаточно острым, чтобы расцезать палец до кости или перерезать вену на шее. Она все-таки еще послужит своим Хозяевам, пусть сами они и предали ее, отреклись от своей Жрицы. Они направят ее руку в этом последнем жертвоприношении Тьме. Они примут эту жертву.

Она, прижав руку с зажатым в ней ножом к бедру, склонилась над Гедом. Вдруг он медленно поднял к ней лицо и посмотрел так, словно только что вернулся из далеких краев, где встретился с чем-то ужасным и теперь испытывал облегчение. Лицо его было спокойно, но глаза полны боли. Он внимательно смотрел на Тенар; казалось, он впервые начинает видеть ее по-настоящему. Выражение его лица прояснилось. Наконец он сказал:

— Тенар! — словно поздоровался с ней после долгой разлуки, и доверчиво протянул руку к резному с дырочками серебряному браслету у нее на запястье, как бы черпая в нем силы и веру. Ножа в ее руке он не

заметил. Смотрел вдаль, на волны, высоко вздымавшиеся у скал внизу; потом, словно совершив над собой усилие, сказал: — Пора!.. Пора нам отправляться в путь.

И тут ярость в ее душе погасла, сменившись страхом.

— Ты оставишь Их позади, Тенар. Теперь ты от Них уходишь, уходишь свободной, — неожиданно энергично сказал Гед и вскочил на ноги. Он расправил плечи, туго обернулся в плащ и застегнул потуже пряжку ремня. — Помоги-ка мне с лодкой. Под нее специально подложен плавник, чтобы легче было толкнуть ее в воду. Вот так, толкай еще... еще... Ну хватит, хватит, довольно. Теперь будь готова прыгнуть в нее, когда я скажу... Прыгай!.. Это ничего, что сразу не получилось, прыгни еще разок. Вот так! И сразу проходи на середину! — И, прыгнув в лодку за ней следом, он поймал девушку, когда та чуть не вывалилась за борт.

Гед усадил Тенар на дно, сам встал, широко расставив ноги, и заработал веслами, направляя лодку по уходящей от берега воде меж скал в открытое море, мимо ревущей, покрытой пеной полосы прибоя у выдающейся вперед оконечности мыса, все дальше и дальше от берега.

Потом, когда кипящая полоса воды осталась позади, он положил весла, укрепил мачту и поднял парус. Теперь, когда бескрайнее море расстиралось вокруг, лодка показалась Тенар очень маленькой.

Парус наполнился ветром. Все снасти казались старыми, испытанными; неяркий красный парус был бережно залатан, а сама лодка чисто и аккуратно прибрана. Суденышко было похоже на своего хозяина: побывало в дальних краях и вернулось домой, хотя пережить там пришлось немало.

— Теперь, — сказал Гед, — мы от Них уже далеко, теперь мы совсем свободны, и руки наши остались чисты, Тенар. Чувствуешь ли ты это?

Она действительно это чувствовала. Темная рука отпустила наконец ее сердце, которое держала в

плену всю жизнь. Но радости — той, что возникла тогда в горах, — не было. Уронив голову на руки, Тенар горько заплакала, слезы лились ручьем. Она оплакивала свою даром прожитую жизнь, потраченную на служение злу. Неожиданно обретенная свобода причиняла ей боль.

Она уже начала понемногу понимать, что свобода — это тяжкий груз, великое, загадочное бремя для души. Нелегко нести его. Это не подарок, но сделанный тобой выбор; и выбор этот может иметь самые неожиданные последствия. Путь свободы ведет наверх, к свету, но, если бремя ее слишком тяжело, можно никогда не достигнуть конца пути.

Гед дал девушке выплакаться, не сказав ни слова утешения; он молчал и тогда, когда Тенар, уже перестав плакать, еще долго сидела, глядя на тающий в голубой дали низкий берег Атуана. Лицо его было суровым и решительным; он, казалось, не замечал присутствия своей спутницы, его больше волновал парус и рулевое весло; быстрый в движениях и молчаливый, он все время смотрел только вперед.

В полдень он показал Тенар вправо — теперь они шли прямо на юг.

— Это Карего-Ат, — сказал он, и Тенар, проследив за взмахом его руки, увидела далекие, затянутые дымкой холмы, похожие на облака, — великий остров Короля-Бога. Атуан у них за спиной совсем исчез из виду. На сердце у Тенар было тяжело. Солнце било ей в глаза золотым молотом.

На ужин были сухари и вяленая рыба, которая показалась Тенар удивительно противной. Да еще вода из бочонка, который Гед наполнил из ручья на Облачном Мысу. Зимняя ночь спустилась быстро, на море особенно холодная. Далеко на севере они какое-то время видели мерцание огоньков — желтых костров на берегу Карего-Ат. Потом огоньки исчезли в дымке, что повисла над океаном, и лодка оказалась совсем одна среди беззвездной ночи над бездонными глубинами.

Тенар клубочком свернулась на корме; Гед устроился на носу, подложив под голову вместо подушки бочонок с водой. Лодка размеренно двигалась дальше, невысокие волны бились о ее борта, хотя южный ветер скорее напоминал едва ощутимое дыхание. Здесь, вдали от скалистых берегов, море казалось даже излишне молчаливым; лишь касаясь бортов лодки, оно что-то шептало чуть слышно.

— Если ветер дует с юга, — спросила Тенар шепотом, как и море, — то разве лодка плывет не на север?

— Да, на север, если не поменять галс. Но я поднял волшебный ветер, так что сейчас мы плывем на запад. К завтрашнему утру выйдем из каргадских вод. Тогда пусть наши паруса надует настоящий ветерок.

— А что, наша лодка сама собой управляет?

— Да, в общем-то, — мрачно ответил Гед, — если ей приказать. Впрочем, ей много объяснять не нужно. Она уже бывала в Открытом море, дальше самого далекого из островов Восточного Предела; и на Селидоре она тоже бывала — это тот остров, где погиб Эррет-Акбе, самый дальний в Западном Пределе. Моя «Зоркая» — мудрая, умелая лодка. Можешь ей доверять.

Лодка благодаря силе магического ветра легко скользила над бездной моря; на корме лежала девушка, запрокинув лицо и глядя вверх, во тьму. Всю свою жизнь Тенар видела тьму, но эта ночь над океаном была поистине беспредельна. Она плыла над морем и, казалось, не кончится никогда. От края до края над головой было лишь звездное небо. Вечные силы двигали их суденышко. Силы эти возникли раньше света и будут существовать после него. Раньше жизни, раньше зла возникли они, они сильнее всего, они будут всегда...

В темноте Тенар снова заговорила:

— Тот маленький островок, где тебе подарили половинку Кольца, ведь где-то здесь, в этом море?

— Да, — откликнулся Гед, — где-то здесь, наверное, чуть южнее. Я уж, пожалуй, и не смогу его отыскать.

— Я знаю, кто была она, та старая женщина, что дала тебе Кольцо.

— Знаешь?

— Мне рассказывала эту легенду Тхар. Это обязательно для Первой Жрицы — знать такие легенды. Сначала она мне рассказывала ее в присутствия Коссил, потом, гораздо подробнее, когда мы были одни — она тогда в последний раз разговаривала со мной перед смертью. В Гупуне существовал один благородный каргадский род, вместе с другими восставший против власти Верховных Жрецов в Авабатхе. Основателем этого рода был король Торега, и среди сокровищ, которые оставил он своим потомкам, была половинка Кольца, некогда подаренного ему Эррет-Акбе.

— Да, так говорится и в наших сказаниях об Эррет-Акбе. На твоём языке это звучит примерно так: «Когда Кольцо было сломано, половинка его осталась в руках Верховного Жреца Интатина, а вторая половинка — в руках героя. И Верховный Жрец отослал свою половину Безымянным в Атуан, и она попала во Тьму, в неведомые места. А Эррет-Акбе отдал половинку сломанного Кольца прямо в руки девицы Тиаратх, дочери того мудрого короля, и сказал: “Пусть это будет приданое девушки, пусть половинка Кольца остается в этой земле, пока не соединится со второй своей половинкой”. Так сказал герой, прежде чем отправился на запад...»

— Правильно, и она, должно быть, передавалась от матери к дочери в этом роду в течение долгих лет. Она не была потеряна, как думали ваши люди. А Верховные Жрецы постепенно превратились в Жрецов-Правителей, а потом, создав Империю, стали называть себя Королями-Богам. Род Торега к этому времени совсем обеднел и ослабел. И наконец, так рассказывала мне Тхар, из всего рода остались лишь двое — маленькие дети, мальчик и девочка. В Авабатхе тогда правил отец нынешнего Короля-Бога, и он приказал выкрасть детей из дворца в Гупуне, ибо согласно предсказанию один из потомков Торега непременно должен был привести Империю к краху, и это пугало

Короля-Бога. Он приказал выкрасть детей и увезти прочь, а потом оставить их на одиноком островке посреди океана совсем без ничего — без одежды и без пищи. Он опасался убивать их с помощью ножа, петли или яда; все-таки они были королевской крови, а убийство королей навлекает проклятие даже на богов. Звали детей Энзар и Антиль. Это Антиль дала тебе половинку Кольца.

Гед долго молчал.

— Ну вот и конец этой давней истории, — сказал он, — и Кольцо тоже обрело целостность. Ах, какая жестокая легенда, Тенар!.. Маленькие дети, необитаемый островок, старик и старуха, встретившиеся мне... Они ведь едва умели говорить по-человечески...

— Можно я попрошу тебя о чем-то?

— Проси.

— Я не хочу ехать в Хавнор. Я вообще не хочу на Внутренние Острова — я там чужая и останусь чужой в этих больших городах, среди незнакомых людей... Я на любой земле останусь чужой: я предала свой народ, у меня больше нет родины. И я совершила преступление. Высади меня одну на какой-нибудь остров, как высадили тех королевских детей. И пусть этот остров будет необитаемым, пусть не будет там ни единого человека. Оставь меня там и отвези Кольцо в Хавнор. Оно твое, а не мое. Ко мне оно не имеет ни малейшего отношения. Как и весь твой народ. Дай мне наконец остаться одной!

Медленно, но все же успев удивить ее, перед ней подобно тонкому месяцу на черном небе зажегся волшебный свет, вызванный его волей. Огонек прилепился к концу посоха Геда, который тот держал вертикально, сидя на носу лодки. Волшебный полумесяц освещал своим серебряным сиянием нижнюю часть паруса, оснастку и лицо Геда, который смотрел прямо на девушку.

— Какое преступление совершила ты, Тенар?

— Я приказала запереть тех троих в Комнате Узников, чтобы они умерли там с голоду. И они умерли, и

похоронены в Подземелье. Священные Камни упали на их могилы... — она запнулась.

— Что-нибудь еще?

— Манан.

— Эта смерть на моей совести.

— Нет. Он умер, потому что любил меня и был мне предан. Он думал, что защищает меня. Ведь это он держал меч над моей головой, когда я была совсем маленькой. Он был ко мне добр... когда я плакала... — она снова запнулась, с трудом сдерживая слезы, но больше плакать не стала. Только стиснула руки, лежавшие на коленях поверх ее черного платья. — Я никогда не была к нему добра. Я не поеду в Хавнор. Я не поеду с тобой. Найди такой остров, где не бывает никто, и оставь меня там. За зло надо платить злом! Я еще не свободна.

Нежный свет волшебного полумесяца, кажущийся жемчужным из-за повисшей над морем дымки, мерцал между ними.

— Послушай, Тенар, послушай меня внимательно. Ты была сосудом зла, но зло вылито наружу. С ним теперь покончено. Зло похоронено в своей гробнице. Ты никогда не предназначалась для того, чтобы хранить зло, для жестокости и тьмы; ты создана, чтобы хранить свет — так хранит и отдает свет зажженный светильник. Просто я нашел этот светильник незажженным. Я никогда не оставлю тебя на необитаемом острове; никогда не отброшу, словно ненужную вещь, этот незажженный пока светильник. Я привезу тебя в Хавнор, я скажу правителям Земноморья: «В самой обители Тьмы нашел я свет: душу этой девушки! Благодаря ей древнее зло обратилось в прах. Благодаря ей я выбрался на свет из могилы. Благодаря ей сломанное вновь стало целым. Там, где царила ненависть, благодаря ей воцарился мир».

— Я не поеду! — с отчаянием сказала Тенар. — Я не могу. Это несправедливо!

— ...А после этого, — продолжал Гед спокойно, — я увезу тебя прочь от этих правителей и богатых лордов, ибо это верно: ты среди них чужая. Ты слишком

молода и слишком мудра. Я отвезу тебя к себе на родину, на остров Гонт, к моему старому Учителю. Его зовут Огион Молчаливый. Он величайший маг, и душа его пребывает в покое. Живет он в маленьком домике на утесах Ре Альби, высоко над морем. У него есть несколько коз и небольшой сад. Осенью он обычно странствует по острову в полном одиночестве. Бродит по лесам, горным склонам, речным долинам... Я когда-то жил у него — в детстве. Но недолго оставался там: на это у меня не хватило мудрости. Я уехал — в поисках зла и, разумеется, нашел его... Но ты придешь туда, чтобы от зла спастись, придешь в поисках свободы и тишины, пока не обрешь свой собственный путь. Там ты найдешь и доброту, и тишину, Тенар. Никакой ветер не сможет задуть горящий в тебе свет. Поедешь?

Между их лицами проплывали серые волны морского тумана. Лодка чуть приподнималась на широкой волне. Вокруг расстилалась ночь, под ними — море.

— Поеду, — сказала Тенар, глубоко вздохнув. Потом помолчала и добавила: — Ах, как бы я хотела, чтобы это случилось скоро... чтобы мы могли поехать туда прямо сейчас...

— Но это будет очень скоро, малышка.

— А ты когда-нибудь придешь туда?

— Как только смогу — приеду.

Волшебный огонек давно погас; вокруг них царила полная темнота.

Еще много было восходов и закатов над морем, были тихие дни и дули ледяные ветры, но наконец они приплыли к Внутренним Островам. Непрерывно встречаясь то с огромными кораблями, то с маленькими суденышками, они приближались теперь к острову Хавнор, прямо через залив — к его главному порту. Пред ними вставали белые башни и весь город, усыпанный белым сверкающим снегом. Снегом были покрыты красные черепичные крыши и украшенные разноцветной мозаикой мосты; и мачты судов в гавани,

что сверкала тонким ледком под зимним солнцем. Весть об их прибытии опередила «Зоркую», ибо ее залатанный красный парус хорошо известен был в этих местах. Огромная толпа собралась у заснеженных причалов, и разноцветные флаги хлопали на холодном ветру под ясным солнцем.

Тенар сидела на носу, прямая, в своем черном потрепанном плаще. Она посмотрела на серебряное Кольцо у себя на запястье, потом — на разноцветную толпу на берегу, обвела взглядом дворцы и белые башни. Потом высоко подняла правую руку, и солнце сверкнуло на серебре. Радостный гул пронесся над беспокойной водой. Гед причалил лодку, и сотня рук потянулась ему на помощь. Он выпрыгнул на пирс и обернулся, протягивая руку своей спутнице.

— Иди сюда! — сказал он, улыбаясь, и Тенар встала и пошла к нему.

Мрачным было ее лицо, когда она шла рядом с Гедом по белым улицам Хавнора; она крепко держала его за руку — словно ребенка, которого ведут домой.

Содержание

От издательства	5
Волшебник Земноморья, роман, <i>перевод с английского И. Тогоевой</i>	11
Гробницы Агуана, роман, <i>перевод с английского И. Тогоевой</i>	221

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН
Собрание фантастических произведений

ВОЛШЕБНИК ЗЕМНОМОРЬЯ

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиришфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*
Оформление шмуцтитилов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 15.05.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16, Тираж 10 000 экз.
Заказ № 692.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

ВОЛШЕБНИК ЗЕМНОМОРЬЯ

В мире, где вещами правят слова предначальной Истинной Речи, владеть именем — значит владеть человеком. Но когда ученик школы волшебников Гед по недомыслию выпускает в мир ужас из царства мертвых, всей его силы не хватит, чтобы защититься от Тени. Его единственная надежда — узнать ее Истинное имя.

ГРОБНИЦЫ АТУАНА

Верховная жрица Безымянных должна хранить таинственный храм-лабиринт, посвященный ее мрачным богам, от посягательств пришельцев. Но когда Верховный Маг Земноморья спускается во тьму за руной Королей, Тенар не может не пойти за ним вслед.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

285850

РУБ

14000

285850

87

РУБ

14.00